

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

11

2011
Том II

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 11 (34) / 2011

Том II

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Воложанина Олеся Александровна, *кандидат технических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Драчева Светлана Николаевна, *кандидат экономических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Ответственный редактор: Шульга Олеся Анатольевна

Художник: Евгений Шишков

Верстка: Павел Бурьянов

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»

127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Басова Л.А.

Является ли коррупция нормой? (Нормативно-правовые основания коррупционного поведения, на примере г. Ярославля)..... 6

Гусев В.Е.

Правовой статус медиатора 8

Комнатная Ю.А.

История становления и развития отечественной доктрины о коллизионном праве в дореволюционный период: Новороссийский (Одесский) университет 10

Косенко Д.В.

Нотариальные действия как элемент системы административно-правового регулирования....13

Кузянов А.В.

О некоторых вопросах правового регулирования валютных правонарушений23

Пшонко О.Н.

Классификация животных как источников повышенной опасности..... 27

Шавкоро А.Б.

Соотношение понятий «парламент» и «парламентаризм»..... 30

ПОЛИТОЛОГИЯ

Левина К.А.

Революция в Ливии как инструмент стабилизации экономики США34

Стукалова А.В.

Замещающая семья в Москве: состояние, проблемы, перспективы 37

ИСТОРИЯ

Алексеева Е.К.

Взаимодействие культур народов Севера (на примере материальной культуры эвенов)...39

Гурин Н.А.

История социально-культурной деятельности как самостоятельное научное направление42

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Алферова А.Б.

Коррупция как фактор изменения политической лояльности.....46

Барабанов Р.Е.

Изменение общественного психоэмоционального состояния на фоне смены музыкальных эпох ...48

Белкин А.И.

Социальная перцепция граффити 51

Хольшина М.А., Бутанаев Ю.В.

Семейно-брачные отношения у населения Республики Тыва.....55

Гусева Н.В.

О нравственно-психологическом климате в педагогическом коллективе.....59

Евченко Н.А.

Основные функции и методы исследования внутреннего диалога63

Егоров М.И., Андронов И.С.

Религия и экстремизм в многоконфессиональной стране: перспективы межкультурного диалога в преодолении конфликта65

Ипполитова Е.А., Шведенко Ю.В.

Особенности временной перспективы женщин, переживающих развод на разных стадиях брачно-семейного цикла 67

Ипполитова Е.А.

Образ семьи в представлениях молодых и зрелых мужчин и женщин в условиях интенсивных социальных изменений 70

Калашникова Г.В.

Проблема влияния социально-экономической дифференциации на уровень смертности 74

Калашникова Г.В.

Качественная характеристика количественных показателей смертности населения 76

Канаева Н.А.

К проблеме формирования профессионального самосознания личности 77

Клименко Л.Н.

Глобальное общество и перспективы развития.. 80

Кузнецова Л.Э.

Особенности структурной организации отношений, способствующие формированию высокого адаптационного потенциала личности 86

Немцова С.В.

Основы комплексной психолого-педагогической реабилитации лиц с ограниченными возможностями, испытывающих состояние одиночества 90

Патокина Е.А.

Цикличная бюрократия и коррупция: человеческий фактор как связующее звено между «идеальной» и «неидеальной» бюрократией.... 92

Пономарева Л.Г.

Копинг-стратегии и локус контроля у психически больных..... 95

Радзиковская Е.С.

Психологическая адаптация личности студента при компромиссном выборе профессии агронома..... 97

Русанов Е.К.

Характеристика специалистов с иноязычной компетентностью на современном российском рынке труда 99

Саратова Л.М.

Психолого-педагогические особенности подростков с особыми образовательными потребностями 102

Семенов Н.Б.

Театрализованная игра как инструмент социальной работы 104

Скрипка Е.Ю.

Исследования нарушений познавательных процессов при шизофрении в клинической психологии 107

Скрипка Е.Ю.

Особенности ассоциативного процесса у больных простой и параноидной формами шизофрении .. 111

Скрипкина Н.В.

О методах и результатах исследования педагогических профессиональных установок.. 113

Сытько Т.И.

Архетипические паттерны материнского поведения в период взросления ребенка 116

Сытько М.В.

Эмоциональная привязанность в структуре значимых отношений личности 119

Терехова Т.А.

Влияние личностных особенностей на склонность к коррупционной деятельности 122

Фильченко О.Ю.

Изучение особенностей корпоративной культуры дошкольного образовательного учреждения (ДОУ)..... 127

Фомина Ю.И.

Содержание этнических представлений современной российской молодежи 129

Хлебодарова О.Б.

Научные подходы к изучению социального интеллекта в психологии..... 139

Хонский С.И.

Смех как компонент межличностного взаимодействия в группах детей трех и пяти лет.. 141

ПЕДАГОГИКА

Айкина Т.Ю.

Teaching English in Mixed Ability Classes 144

Балтабаев Ж.О.

Информационно-технологическая подготовка учителей трудового обучения 146

Бекаревич Т.И.

Формирование социокультурной компетенции на начальной ступени обучения (на примере английских пословиц и поговорок)..... 147

Абдурахманов Ш., Бутаев А.

Развитие критического мышления через пространственное представление и техническое рисование 151

Власова М.В.

Организация самостоятельной работы студентов (из опыта работы со студентами неязыковых факультетов) 154

Гафурова Н.

Вопросы информатизации процесса обучения и воспитания в академических лицеях 157

Глебова М.В.

Система дидактических условий развития продуктивного мышления учащихся 158

Каримов И..

Из опыта работы спецкурса «Технологии преподавания трудового обучения» для студентов ИПФ 160

Муслимов Н.А., Каримова Н.Н.

Сущность компетентного подхода в формировании личностных качеств будущего учителя 162

Кузнецова Н.И.

Формирование социальной активности студентов специальности «Туризм» в рамках культуротворческой среды 164

Малинина И.А.

Применение активных методов обучения как одно из средств повышения эффективности учебного процесса 166

Малинина И.А.

Преподаватель иностранного языка неязыкового вуза: вчера и сегодня 168

Болсуновская Л.М., Найдина Д.С.

Компонент «Ресурсоэффективность» и его место в образовательной парадигме зарубежных и российских ВУЗов 170

Пулотов Ф.У.

Исследование профессиональной художественно-творческой подготовленности будущих педагогов изобразительного искусства 172

Сумцова О.В.

Социально-психологические факторы в преподавании иностранного языка студентам технического вуза 174

Тохилов У.О.

Тенденции реформирования трудового образования в условиях рыночных отношений .. 176

Турсунов Ж.

Использование технологии эвристических обучающих ситуаций в развитии креативных способностей учащихся 177

Халиков А.К.

Влияние времени в современном правовом воспитании 178

Халиков А.К.

Требования, предъявляемые к учителю как к личности 179

Хуа Не – Nie Hui.

Основы психологии в обучении изобразительному искусству 180

Юсуфходжаева Ф.

Рыночные отношения в процессе переработки тканей на занятиях труда 183

МЕДИЦИНА

Орунбаева Б.М., Тухватшин Р.Р., Жолдошев С.Т.

Микрофлора влагалищ рожениц, проживающих в различных высотах 184

Орунбаева Б.М., Тухватшин Р.Р.,**Жолдошев С.Т., Жумабаева А.А.**

Особенности биоценоза желудочно-кишечного тракта у рожениц и новорожденных в условиях среднегорья и высокогорья 186

Проценко А.С., Свистунова Е.Г.

Потребность в стоматологической помощи лиц преклонного возраста с учетом состояния их зубочелюстной системы и соматического статуса 188

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Защепкина В.В.

Понятие «режиссер» в европейской лингвокультуре на рубеже XIX–XX вв. 191

Чистюхина Ю.С.

Корпоративная среда как условие формирования корпоративной культуры вуза 193

ЖУРНАЛИСТИКА

Шелбогаева Н.С.

Информационная поддержка парадипломатии .. 198

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Является ли коррупция нормой? (Нормативно-правовые основания коррупционного поведения, на примере г. Ярославля)

Басова Любовь Андреевна, студент

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

В настоящее время видится актуальным познание нормативно-правового поведения личности для того, чтобы в критические моменты развития общества и государства знать способы и механизмы предотвращения резкого повышения уровня правовых нарушений и деградации нормативно-правового поведения людей, связанных со сменой политического режима и уровнем жизни в стране.

Правосознание — это определенный качественный уровень знания права, понимания его необходимости и его участие во внутренней мотивации поступков и действий. Умение и готовность отстаивать свои права составляет важную характеристику гражданина правового общества. Другой, не менее важной характеристикой, является признание таких же прав за другими людьми и готовность не нарушать их. Все это в совокупности можно назвать уважением к праву, которое и воспитывается в процессе правовой социализации [1, с. 116]

Социальная норма — не просто абстрактное правило желаемого поведения. Она означает также и само реальное действие, которое фактически утвердилось в жизни, на практике. В этом случае действительные поступки и становятся правилом.

Нормативно-правовое поведение предполагает знание индивидом норм поведения в обществе, которому он принадлежит, а так же знание своих прав, способность их защищать, умение выражать свои правовые притязания. Основным отличительный признак нормативно-правового поведения состоит в его связанности с нормами права: не подверженное правовому регулированию поведение не может быть правовым. Правовым может быть только такое поведение личности, которое обладает социальной значимостью — экономической, политической или гражданской. Социальная значимость того или иного поведения заключается в том, что оно так или иначе сказывается на состоянии социальных, политических, идеологических отношений в обществе, статусе субъекта поведения и реализации его интересов. Все перечисленные качества воспитываются обществом, формируются и оттачиваются в контексте постоянных социальных взаимодействий. Их развитие зависит от характера общественных отношений, уровня правосознания и правовой

культуры не только самого индивида, но и общества, в котором он живет.

В социологическом аспекте право выполняет важнейшую социальную функцию, ибо, воплощаясь в повседневной жизни в качестве регулятора конкретных поведенческих актов, оно оказывает упорядочивающее воздействие в целом на всю систему общественных отношений. Конечной целью правового воздействия на общество является возникновение в нем социального порядка, в основе которого лежит правопорядок.

Основным фактором возникновения социального порядка является поведение принадлежащих конкретной социальной группе или организации индивидов, которое соответствует правовым предписаниям, отвечает смыслу законодательных норм. При этом «закон станет действовать для всех тогда, когда он станет внутренним регулятором человеческого поведения, превратится в устойчивую внутреннюю моральную норму».

В настоящее время альтернативным основанием социальных действий, исключающим право и мораль, стала коррупционная схема восприятия и оценки правомерности и неправомерности действий. Она активно воздействует на общественное сознание и личные взгляды, формирует выгодные для себя морально-нравственные установки, определяет правовую культуру и нравственный климат в обществе, лишает, в конечном итоге, право и мораль монополии регулирования общественными отношениями, разрушает буквально все, причем очень быстро, был бы «интерес» и «ресурс» [2, с. 25]. Коррупция является своеобразным индикатором уровня правосознания, чем ниже качественный уровень знания права, понимания его необходимости и его участие во внутренней мотивации поступков и действий, тем чаще происходят коррупционные сделки, тем выше уровень правонарушений в обществе.

Существует 4 подхода к определению коррупции:

- 1) Первый подход трактует коррупцию в широком смысле как прямое использование должностным лицом прав, связанных с его должностью, в целях личного обогащения.
- 2) Второй подход трактует коррупцию как определенный вид социально-экономических отношений.

3) Третий подход рассматривает коррупцию как набор универсальных стратегий поведения больших социальных групп.

4) Четвертый подход основан на принципиальном определении коррупции как некоего системного общественного явления. В этом случае коррупция трактуется как некий общий дефект системы (государства, общества и т.д.) [3, с. 28]

Нам представляется оптимальным использование 3 и 4 подходы для проведения исследования коррупции, так как мы изучаем коррупцию с точки зрения нормы и права, ее место в системе общества, государства.

В апреле-марте 2011 года нами было проведено исследование, целью которого стало изучение нормативно — правового поведения ярославцев, их отношения к коррупции. Объектом исследования стало нормативно-правовое поведение жителей города Ярославля в возрасте от 14 лет. К предмету исследования относится нормативно-правовой компонент поведения ярославцев в рамках коррупционного взаимодействия. Исследование включало в себя опрос по формализованной анкете, выборка составила 50 человек, которые были распределены по 4 возрастным группам (14—21 лет; 22—35 лет; 36—59; 60 лет и старше).

Проанализировав полученные результаты, мы пришли к следующим выводам:

1. Большинство ярославцев (60 %) считают, что норма — это общепризнанный образец, правило поведения людей, регулирующий их взаимодействия, но при этом не обязательно прописанное в законе. Большинство жителей г. Ярославля (70 %) считают, что термин правовая норма — это создаваемое (изменяемое, дополняемое, отменяемое) государством правила поведения граждан, закрепленные в специальных юридических актах. Эти точки зрения соответствуют действительности. Но при этом 52 % женщин считают, что правовая норма соблюдается добровольно и законом не регулируется, что действительности не соответствует. 50 % респондентов считают, что невозможно жить, не нарушая закон, при этом 50 % опрошенных людей готовы ради достижения своих целей преступить закон, если это не уголовное нарушение.

Полученные результаты говорят о том, что ярославцы различают понятия норма и право, большинство правильно их определяет. В своих поступках они ориентируются на нормы и закон, но не соотносят эти понятия, считая, что стереотипы группового действия это и норма и право.

Ярославцы осуждают правонарушителей, но не делают замечания незнакомым людям, не предотвращают правонарушение (32 %). 58 % ярославцев сами иногда совершают «мелкие» правонарушения (правила дорожного движения, безбилетный проезд и т.п.). Таким же видом нарушения, на который не стоит обращать внимание становится коррупция.

2. Коррупция, по мнению 46 % ярославцев — это взяточничество должностных лиц и чиновников, соответ-

ственно, коррупционер — это должностное лицо, которое использует свои властные полномочия и доверенные ему права в целях личной выгоды, вопреки законодательству и моральным установкам. 40 % опрошенных считают, что каждый человек будет брать взятки, если ему будут их давать, 26 % респондентов не осуждают коррупционеров, считая, что это дело каждого. 24 % опрошенных не осуждают коррупционеров, если это помогло спасти жизнь.

Соответственно они более склонны к восприятию коррупции как определенный вид социально-экономических отношений присущий как правило должностным лицам, и считают коррупционные практики приемлемыми в силу их эффективности, распространенности и материальной выгоды.

3. 52 % ярославцев информированы о наличии федеральной программы по борьбе с коррупцией, люди 22—35 (39 %) и 60 лет и старше (40 %) лет не только информированы, но и имеют представление о содержании программы.

Большинство респондентов (56 %) готовы сами дать взятку, если это поможет близкому человеку быстрее выздороветь, сделать операцию, 64 % опрошенных уже имеют опыт дачи взятки врачам. 32 % респондентов платили за ускорение процесса оформления документов, 30 % платили сотрудникам ЖКХ.

Таким образом, становится явным, что ярославцы в своем большинстве воспринимают коррупцию как норму, но коррупционеров осуждают. Они знают, что коррупция противозаконна, тем не менее, большинство из них вовлечены в бытовую коррупцию, не раз сами давали взятки. Наиболее коррумпированными они считают чиновников, людей власти. Бытовой коррупцией наиболее «поражена» сфера здравоохранения, ЖКХ, и все организации, связанные с оформлением различного рода документов.

Подводя итог исследованию, можно сделать следующий вывод: нормативно-правовое поведение личности зависит от его социализации в семье и среди друзей. Данные агенты социализации не справляются со своей задачей, в результате 50 % людей готовы преступить закон ради достижения своих целей (забывая о том, что большинство из них (58 %) уже совершают правонарушения). При этом они осознают, что правонарушения не должны становиться нормой, они не оправдывают наркоманию, вандализм, кражу, алкоголизм, но не делают замечаний, не предотвращают нарушение порядка. Снижается уровень правосознания, растет уровень правонарушений.

Социальная норма — реальное действие, которое фактически утвердилось в жизни, на практике, случай, когда действительные поступки становятся правилом. Коррупцию в настоящее время уже можно считать социальной нормой, хоть и противоречащей праву. Люди следуют образцу поведения, решая свои проблемы путем дачи взятки, они перестают осуждать коррупционеров, так как не видят в этом смысла.

Формирование сильной внутренней убежденности в необходимости правомерного поведения идет тем интен-

сивнее и эффективнее, чем более развиты в обществе начала самоуправления, чем выше уровень правосознания личности, чем более личность чувствует ответственность за свои поступки, чем чаще она ориентируется не только на нормы, но и на право. Проведя исследование, мы выявили, что большинство ярославцев не обращают внимание на «мелкие» правонарушения и считают это нормой, они предпочитают открыто не предотвращать

правонарушения, не порицают правонарушителей. Если учесть, что норма для того, чтобы закрепиться в виде стереотипа группового мышления должна стать своего рода привычкой, она изначально должна выражать значимые для индивида интересы, то ярославцы в своем большинстве воспринимая коррупцию как норму, как привычное явление, а значит существует возможность того, что коррупция может закрепиться в праве.

Литература:

1. Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. — Ростов н/Д: Феникс, 2001. — 480 с.
2. Охотский Е.В. Коррупция: сущность, меры противодействия // Социологические исследования. 2009 №9. С. 25—33
3. Добренев В.И., Исправникова Н.Р. Коррупция: современные подходы к исследованию. М., 2009. — 207 с.

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта № 01.02.11
в рамках тематического плана Минобрнауки России от 2011.*

Правовой статус медиатора

Гусев Валерий Егорович, ст.преподаватель
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Термин «медиатор» является буквальным воспроизведением английского mediator, означающего «посредник, примиритель» [1, с.10].

Однако, использование в отечественном законодательстве для обозначения лица, содействующего примирению спорящих сторон, представляется неверным и вызывает возражения [2].

В гражданском праве под термином «посредник» понимается лицо, действуя от собственного имени, но в интересах и за счет другого лица (клиента), по поручению последнего совершает двусторонние сделки или содействует клиенту в их совершении, за что получает вознаграждение [3, с.11].

Медиатор — независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора.

Говоря о том, представители каких специальностей и сфер деятельности составят категорию профессиональных российских медиаторов отметим, что закон о медиации не содержит каких-либо ограничений в заданном направлении, устанавливая лишь возрастной ценз в 25 лет и квалификационные критерии, к которым относятся наличие высшего профессионального образования и прохождение курса обучения по специальной программе подготовки медиаторов (ч. 1 ст. 16). При этом Закон ориентирован на проведение медиации по юридическим спорам (ч. 2 ст. 1), что, в свою очередь, диктует необходимость получения сторонами квалифицированной юридической помощи в целях разработки

действительного (законного) и исполнимого соглашения, а также правильной формулировки и надлежащего закрепления достигнутых договоренностей [4, с. 24—29.].

Достаточно распространённым является мнение, согласно которому в роли медиатора может выступать нотариус [5, с.4].

Так, И.Г. Черемных считает, что медиацию в практике российского нотариуса следует рассматривать как разновидность оказываемой им квалифицированной юридической помощи, направленной, как и вся нотариальная деятельность, на обеспечение и защиту прав граждан и юридических лиц [6].

Медиаторы не являются судьями или представителями какой-либо стороны спора и не обладают правом принимать решение по спору. Они лишь способствуют урегулированию возникшего спора, помогают сторонам в ходе дискуссии выявить их истинные интересы и потребности, найти решение, удовлетворяющее всех участников конфликта [7, с.2].

На взгляд Ц.А. Шампликашвили медиатор не должен предлагать решение. Он может сделать это исключительно в тех случаях, когда сами стороны его об этом попросили и более того, он должен постараться этого избегать. Потому что предложенное им решение, все равно будет его решение. И где гарантии, что это решение будет отражать интересы сторон? В этом одно из принципиальных отличий медиации в ее современном понимании от посредничества — как любой формы участия третьей стороны в разрешении спора [8].

На взгляд О.М. Дементьева, Е.В. Тихоновой, посредник должен уметь: 1) Оценивать конфликт, разбивая его на отдельные проблемы и выявляя реальные интересы сторон; 2) Быть беспристрастным организатором, задавая тон переговоров и помогая сторонам достигать процедурных и содержательных соглашений; 3) Быть активным слушателем, отделяя содержательные моменты конфликта от эмоций сторон и давая сторонам конструктивную обратную связь; 4) Быть испытателем реалистичности и осуществимости, высказываемых сторонами идей по разрешению спора, помогая им выстроить разумные и реалистичные предложения, чтобы принимаемые сторонами конечные соглашения были надежными и долгосрочными; 5) Быть генератором альтернативных предложений для разрешения спора, помогая сторонам выйти за стереотипы привычных и часто ограниченных взглядов на их проблему; 6) Быть расширителем ресурсов сторон, направляя их к тем, кто может дать им необходимую фактическую и другую информацию, оказать юридическую или экономическую консультацию; 7) Быть учителем в достижении сотрудничества на переговорах, обучая стороны думать, действовать и вести переговоры на принципах сотрудничества и помогая им искать решения, которые бы отвечали как их собственным интересам, так и интересам другой стороны; 8) Уметь содействовать сторонам в доведении соглашений до завершения, заботясь о том, чтобы у каждой стороны сохранилось полное понимание и ответственность по отношению к заключенному соглашению [9].

Медиатором может являться как лицо, состоящее

в специально созданной компании, так и лицо, которое пользуется авторитетом, уважением, доверием обеих сторон. Медиатором, как правило, является только физическое лицо. Нейтральное третье лицо не является ни судьей, ни арбитром и не принимает решений. Такой человек, заслуживший доверие обеих сторон, беседует с каждой из них и в итоге получает больше информации о деле, чем имеют стороны по отдельности. Это позволяет медиатору предложить пути решения проблемы, которых не видят сами спорящие. Обычно подобный путь отвечает целям обеих сторон, а иногда учитываются и личные интересы непосредственных участников переговорного процесса. Затем медиатор помогает сторонам прийти к соглашению и оформить его документально [10]. Для кого-то медиация — это профессия, род занятий. Такие лица должны пройти специальный курс обучения и могут быть членами своей саморегулируемой организации. Согласно Приказу Министерства образования и науки РФ от 14 февраля 2011 г. N 187 «Об утверждении программы подготовки медиаторов», 5 марта утверждена и опубликована Программа подготовки медиаторов (ППМ). Это дополнительная образовательная программа профессиональной переподготовки. Программа разрабатывалась и утверждалась в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 03.12.2010 N 969 «О программе подготовки медиаторов», Министерством образования и науки РФ по согласованию с Министерством юстиции РФ, что является признанием социальной значимости этого правового инструмента.

Литература:

1. Носырева Е.И., Стернин И.А. «Посредничество» или «медиация»: к вопросу о терминологии // Третейский суд. 2007. N 1. С. 10.
2. Рожкова М.А. Кто такой примиритель и нужен ли ему «свой» закон? // «Закон», 2007, N 11.
3. Егоров А.В. Понятие посредничества в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
4. Понасюк А.М. Выполнение адвокатом роли медиатора как особый вид адвокатской деятельности // Адвокат. 2010. N 9. С. 24–29.
5. Грефин фон Шлиффен К. Медиация в системе внесудебных форм разрешения споров // Медиация в нотариальной практике (Альтернативные способы разрешения конфликтов): Пер. с нем. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 4; Ригер Г., Мим К. «Нотариус в качестве медиатора» // «Бюллетень нотариальной практики», N 6, 2005; Черемных И.Г. Перспективы участия нотариуса в процедуре медиации // «Современное право», 2006, N 11.
6. Черемных И.Г. Перспективы участия нотариуса в процедуре медиации // «Современное право», 2006, N 11.
7. См. напр.: Корякин В.М. Медиация как способ урегулирования споров, и возможность ее применения к воинским правоотношениям // Право в Вооруженных Силах. 2010. N 10. С. 2–5; Ригер Г., Мим К. Нотариус в качестве медиатора // Медиация в нотариальной практике (Альтернативные способы разрешения конфликтов) / Пер. с нем.; Отв. ред. К. Грефин фон Шлиффен, Б. Вегманн. М.: Волтерс Клувер, 2005.
8. Шамликашвили, Ц.А. Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров: что необходимо знать судье, чтобы компетентно предложить сторонам обращение к процедуре медиации: учеб. пособие для вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Цисана Шамликашвили. — М. Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2010. — С.23.
9. Дементьев, О.М., Тихонова, Е.В. Альтернативное разрешение споров: краткий аналитический очерк/ — Тамбов, «Издательство Першина Р.В.», 2010.
10. Калдина М.А. Медиация как инструмент корпоративного управления // Национальный совет по корпоративному управлению. 2007. N 3.

История становления и развития отечественной доктрины о коллизионном праве в дореволюционный период: Новороссийский (Одесский) университет

Комнатная Юлия Александровна, ст.преподаватель
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Правовое регулирование частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, имеет большое значение для современного государства. Традиционно конфликты подобного рода разрешаются с помощью коллизионных норм, которые являются основой коллизионного (конфликтного) права. В дореволюционной отечественной правовой доктрине термины «международное частное право» и «коллизионное право» большинством ученых рассматривались как синонимы. Многие отечественные ученые исследовали вопросы коллизий разноместных законов, определяя действие законов по месту, но раскрывая особенности коллизионного регулирования, использовали учения о международном частном праве. С момента введения в научный оборот термина «международное частное право» в 1834 году, данной проблематике стали уделять больше внимания, учитывая, что статутная теория, господствовавшая в Европе с XVII века, уже нашла свое отражение в законодательстве большинства европейских стран. Однако именно новое наименование спровоцировало ученых к поиску нового решения старых проблем.

Профессора Новороссийского (Одесского) университета достаточно активно предлагали свои варианты решения вопросов столкновения разноместных законов. Среди ученых Новороссийского (Одесского) университета, внесших существенный вклад в развитие отечественной доктрины о коллизионном праве, можно назвать и тех, кто посвятил часть работ непосредственно проблематике международного частного права (И.А. Ивановский, П.Е. Казанский, М.Я. Пергамент, Ю.С. Гамбаров), и тех, кто раскрыл либо отдельные элементы коллизионного регулирования, либо особенности применения иностранного права, в том числе местного (П.П. Цитович, А.Ф. Федоров, В.Д. Катков, Ф.И. Леонтович, М.И. Малинин и др.).

Игнатий Александрович Ивановский (род. 1858) — профессор Новороссийского и Петербургского университетов. В Новороссийском университете он был экстраординарным профессором по кафедре международного права, а с 1896 года перешел в Петербургский университет, где занял кафедру государственного права. Тем не менее, проф. И.А. Ивановский продемонстрировал широту своих познаний в области международного частного (коллизионного) права, рецензируя работы своих коллег. В отзыве на труд В.П. Даневского [2] он подверг жесткой критике предложенное ученым определение международного частного права как «систему юридических норм, состоящих под охраною международного права, применяемых к гражданско-правовым отноше-

ниям между подданными, возникающим в сфере международных оборотов» [2, с. 17]. По мнению И.А. Ивановского, «определение это, как недостаточно точно и ясно выражающее суть определяемого понятия, не может быть принято» [3, с. 292]. Согласно суждениям самого ученого «частное международное право есть совокупность юридических норм, определяющих, закон какого государства и какую властью должен быть применен к тому или другому частному правоотношению, возникшему в сфере международного оборота или... есть совокупность юридических норм определяющих компетенцию законодательства и органов власти отдельных государств в отношении частных правоотношений, выросших на почве международного оборота» [3, с. 292]. При этом он отметил, что эти нормы «составляют часть международного права, а не только «состоят под его охраной»» [3, с. 292]. Кроме того, И.А. Ивановский поставил в вину ученому отсутствие глубокого изучения вопроса, как со стороны законодательства, так и со стороны отечественной науки. Думается, критика была оправданной, так как он сам являлся составителем собраний действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами [5; 6; 7]. Интересными были высказывания И.А. Ивановского о работе А.А. Пиленко [19]. Критикуя увлеченность автора теорией, он заметил, что «возможно вся диалектика окажется лишь игрою юридическими понятиями, неосуществимой на практике» [4, с. 308]. Кроме того, ученый резюмировал, что «исследование проф. Пиленко не дало новой самостоятельной систематики и даже не указало к тому пути» [4, с. 309]. Таким образом, он отразил всю сложность определения понятия и природы международного частного права, имевшуюся в дореволюционной науке.

Петр Евгеньевич Казанский (1866—1947) — профессор, занимал кафедру международного права с 1895 года, а в 1908 г. стал деканом юридического факультета Одесского университета. Впервые проблемы международного частного права он рассмотрел в одной из первых своих работ [9], где раскрывая процессы глобализации, отмечал, что «юридическое положение личности должно вырабатываться все более и более независимо от принадлежности ее к отдельному государству, а право гражданское превращаться в право космополитическое или международное гражданское право» [9, с. 103]. Продолжая тему дуализма международного права, П.Е. Казанский дал ему достаточно широкое определение, включив туда и «международное гражданское положение отдельных лиц» [8, с. 57]. При этом он сделал оговорку о противоречии, вызванном тем, что «положение иностранцев определяется

частью международным правом, частью внутреннего государственного» [8, с. 62]. Международное частное право автор рассматривал как «начала, определяющие гражданские права человека в международной области, а в том числе... международное торговое право» [8, с. 68]. Ученый отошел от понимания его, как коллизионного права, отмечая двойственность природы [8, с. 69]. Закрепляя свою позицию, П.Е. Казанский представил систему международного права как совокупность двух ветвей, уточняя, что «международное гражданское и международное публичное право входят, как части, в более широкое понятие просто международного права» [10, с. 502]. Новое определение как «начала, определяющие гражданские права человека в международных отношениях, или, что то же самое, гражданские права иностранца» [10, с. 498] привели к пониманию термина «международное частное право» в крайне узком смысле.

Юрий Степанович Гамбаров (1850—1926) после защиты на юридическом факультете магистерской диссертации был оставлен читать лекции по гражданскому праву на юридическом факультете Императорского Новороссийского университета. Летом 1882 года его направили в командировку за границу на год, по возвращении из которой, он вновь осуществлял свою преподавательскую деятельность в Новороссийском университете, но продолжалась она всего лишь год, и в 1884 году Ю.С. Гамбаров был назначен на должность экстраординарного профессора Императорского Московского университета по кафедре гражданского права. Однако, считаем, что стоит указать его и среди ученых Новороссийского университета, так как первые его лекции по гражданскому праву, были им прочитаны именно там. Основы международного частного права Ю.С. Гамбаров раскрыл в своих курсах по гражданскому праву, которые начал издавать с 1896 г.

Международное частное право Ю.С. Гамбаров отождествлял с «разноместными законами», под которыми понимал «законы, действующие в различных государствах или в различных частях одного и того же государства» [1, с. 288]. Вопросы, связанные с применением основных коллизионных конструкций (*lex fori*, *lex rei sitae* и т.п.), в отличие от К.И. Малышева, ученый не считал простым делом. Он утверждал, что все они «в своей совокупности, вместе с вопросом о применении в одном государстве права другого государства, особое учение, называемое *collision statutorum* (*conflit des lois*), также — частным международным правом» [1, с. 289]. Противореча себе, он разделил эти понятия, указывая, что «первое из этих названий прилагается обыкновенно к случаям столкновения разноместных законов в пределах одного и того же государства, второе — к столкновению законов различных государств, хотя принцип и основания для решения тех и других случаев одинаковы...» [1, с. 289]. Ученый пришел к выводу, что «в самом понятии частного международного права лежит то, что, выходя за пределы национального права, оно затрагивает во-

прос о суверенитете различных государств и уже, поэтому вступает в близкое соотношение с публичным международным правом» [1, с. 294]. Эти суждения привели его к тому, что «юридические отношения, которые выходят почему-либо за пределы данной юридической территории или перекрещиваются в нескольких территориях... не обсуждаются прямо по законам той страны, где им приходится искать судебной защиты, но требуют всякий раз исследования того, на какую именно территорию права указывает их юридическая природа... вопрос не входит в систему общего гражданского права, а составляет предмет особой юридической дисциплины, известной под именем частного международного права» [1, с. 310]. Отдельной заслугой ученого является первое изложение основных терминов международного частного права [1, с. 310]. Таким образом, Ю.С. Гамбаров предложил новое понимание международного частного права в качестве комплексной юридической дисциплины.

Интересны рассуждения о регулировании вопросов при столкновении разноместных законов, высказанные другими цивилистами Новороссийского университета. Специфику действия вексельного закона по месту, определение наличия некоего международного вексельного права, обладающего космополитическим характером, отмечали Александр Федорович Федоров (1855-?), профессор кафедры торгового права Новороссийского университета [21, с. 99—101], Петр Павлович Цитович (1843—1913), сенатор, профессор, преподавал в Новороссийском, С.-Петербургском, Харьковском, Киевском университетах [25, с. 10—12], Катков Василий Данилович (род. в 1867 г.), магистр гражданского права, преподавал гражданское право в Санкт-Петербургском, Харьковском, Новороссийском Университетах [11] и Михаил Яковлевич Пергамент (1866—1932), профессор, сенатор, преподавал в Санкт-Петербургском, Новороссийском, Юрьевском университетах [17; 18]. О проблемах коллизии права различных государств, при урегулировании отношений по торговым сделкам, а также о наличии международного торгового права высказались А.Ф. Федоров [20, с. 151; 22, с. 9] и П.П. Цитович [24]. Особенности взаимодействия местного и общего права раскрыли Виктор Ильич Курдиновский (1867-?), профессор, преподавал в Харьковском, Казанском, Новороссийском университетах [12], Леонтович Федор Иванович (1833—1911), профессор, преподавал в Новороссийском, Варшавском, Киевском университетах, Ришельевском лицее, работал ректором Новороссийского университета [13; 14], Михаил Иванович Малинин (1845—1885), доктор гражданского права, профессор Новороссийского университета [16], Митрофан Васильевич Шимановский (род. 1845 г.), работал в Министерстве юстиции, судьей, преподавал в Казанском и Новороссийском университетах [25].

Таким образом, Новороссийский университет был достаточно хорошо представлен в отечественной юридической литературе по вопросам международного частного

(коллизийного) права. Наиболее яркими представителями, внесшими значительный вклад в развитие российской доктрины коллизийного права, можно назвать И.А. Ивановского, предложившего достаточно емкое понятие международного частного права, П.Е. Казанского, сформулировавшего идею равновеликих отраслей международного права: публичного и гражданского, а также

Ю.С. Гамбарова, определившего международное частное право с позиции комплексной юридической дисциплины. Отдельного внимания заслуживают работы по торговому и вексельному праву А.Ф. Федорова и П.П. Цитовича, обосновавших наличие международного вексельного и международного торгового права.

Литература:

1. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. С.-Петербург. 1911.
2. Даневский В.П. Пособие к изучению истории и системы международного права. Вып. II. Харьков. 1892.
3. Ивановский И.А. Новый курс Международного права. В.П. Даневский. Пособие к изучению истории и системы международного права. Два выпуска // Юридическая летопись. Т. 2. 1892. С. 276–306.
4. Ивановский И.А. Опыт новых построений в области частного международного права (По поводу книги проф. А.А. Пиленко — Очерки по систематике частного международного права) // Журнал министерства юстиции. №9. 1911. С. 282–310.
5. Ивановский И.А. Собрание действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами. Т. I. Ч. 1. Договоры относительно интересов промышленности. Одесса, 1890.
6. Ивановский И.А. Собрание действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами. Т. I. Ч. 2. Конвенции о консулах и о наследствах. Одесса, 1890.
7. Ивановский И.А. Собрание действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами. Т. II. Одесса, 1889.
8. Казанский П.Е. Введение в курс международного права. Одесса. 1901.
9. Казанский П.Е. Договорные реки. Очерки истории и теории международного речного права. Казань. 1895.
10. Казанский П.Е. Учебник международного права публичного и гражданского. Одесса. 1904.
11. Катков В.Д. Передача векселя по надписи (индоссамент). Одесса, 1909.
12. Курдиновский В.И. Договоры о праве наследования. Одесса, 1912.
13. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II. Одесса, 1883.
14. Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Часть I. Одесса, 1880.
15. Линовский В. О местных бессарабских законах. Одесса, 1842.
16. Малинин М.И. Теория гражданского процесса. Выпуск I. Одесса, 1881.
17. Пергамент М.Я. В.Д. Катков. Общее учение о векселе. Юрьев (Дерпт), 1905.
18. Пергамент М.Я. Договорная неустойка и интерес в римском и современном гражданском праве. Одесса, 1899.
19. Пиленко А.А. Очерки по систематике частного международного права. СПб., 1911.
20. Федоров А.Ф. Введение в курс торгового права. Одесса, 1901.
21. Федоров А.Ф. Вексельное право. Одесса, 1906.
22. Федоров А.Ф. Торговое право. Одесса, 1911.
23. Цитович П.П. Лекции по торговому праву, читанные в Императорском Новороссийском университете в 1873/74 учебном году. Выпуск I. Одесса, 1873.
24. Цитович П.П. Курс вексельного права. Киев, 1887.
25. Шимановский М.В. О местных законах Бессарабии. Вып. I. Общие вопросы. Одесса, 1887.

Данная статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11–33–00365а2.

Нотариальные действия как элемент системы административно-правового регулирования

Косенко Дана Вячеславовна, аспирант
г. Воронеж

1. Сущность и структура административно-правового регулирования и место нотариальных действий в его системе

Правовое регулирование является категорией не только занимающей ключевую позицию в системе государственно-правового воздействия Российской Федерации, но достаточно качественно изученной наукой государственного управления и юридической наукой.

Так, теория государственного управления характеризует регулирование в общем смысле как непрерывный элемент управленческой деятельности или одну из функций управления. И именно такое понимание регулирование ложится в основу его отраслевых видов, в частности — административно-правового регулирования. Как справедливо отмечал Ю.М. Козлов, административно-правовое регулирование и его механизм — это форма юридического опосредования отношений, в рамках которой одна сторона выступает в роли управляющего (субъект управления), а другая — управляемого (объект управления). Такое регулирование предполагает односторонность волеизъявления одного из участников отношения, а механизм административно-правового регулирования не является результатом взаимного (т.е. договорного) волеизъявления управляющих и управляемых [1].

Аналогичного мнения о производности административно-правового регулирования от обще-управленческих положений и постулатов о государственном регулировании придерживается и Ю.А. Тихомиров, определяющий административно-правовое регулирование как разновидность государственного регулирования, представляющую собой механизм императивно-нормативного упорядочения организации и деятельности субъектов и объектов управления и формирования устойчивого правового порядка их функционирования [2].

Однако в рассмотренных нами исследованиях, обобщающее определение административно-правового регулирования встречается нечасто. Правоведы несколько уходят от этого вопроса, заменяя его рассмотрением проблематики системы (механизма) административно-правового регулирования. С одной стороны это вполне оправданно, поскольку сущность и содержание административно-правового регулирования как раз и раскрываются через системную совокупность его элементов. Однако с другой стороны отсутствие в широком правовом обороте четкого понятия «административно-правовое регулирование» затрудняет исследование отдельных правовых институтов, в том или ином объеме связанных с вопросами административно-правовым регулированием.

Мы предприняли попытку сформулировать дефиницию административно-правового регулирования, опираясь на теоретические разработки ученых правоведов и специалистов в области теории государственного управления. Наиболее соответствующим современному состоянию правовой материи нам показалось определение правового регулирования, предлагаемое В.А. Козбаненко:

правовое регулирование — юридическая функция, реализуемая государством в процессе воздействия на общественные отношения, посредством которой поведение участников этих отношений приводится в соответствие с требованиями и дозволениями, содержащимися в нормах права, легитимность и обязательность исполнения которых поддерживается обществом и обеспечивается возможностями применения властной силы государства [3].

Приведенное определение позволяет вычленить существенные черты правового регулирования, которые будут являться основополагающими для определения отраслевых видов правового регулирования (в частности — административно-правового регулирования):

во-первых, это юридическая функция, т.е. функция права;

во-вторых, данная функция реализуется государством;

в-третьих, целью реализации этой функции является формирование общественных отношений, допускаемых (установленных) нормами права,

в-четвертых, функция обеспечивается общественной поддержкой и властной силой государства.

Таким образом, можно определить, что **административно-правовое регулирование является частью (элементом) юридической функции общего правового регулирования, реализуемой государством в целях формирования общественных отношений в соответствии с административно-правовыми нормами, легитимность и обязательность исполнения которых поддерживается обществом и обеспечивается возможностями применения властной силы государства.**

То есть, административно-правовое регулирование предполагает воздействие со стороны государства (которое выступает в лице специально уполномоченных органов исполнительной власти) на определенные сферы жизнедеятельности в определенных формах способами и методами, закрепленными в нормативных правовых актах. В свою очередь, административно-правовое регулирование, являясь одной из форм государственного регулирования, обладает особенностями, которые проявляются в системе административно-правового регулирования.

В правовой науке сложилось устойчивое мнение относительно элементного состава системы административно-правового регулирования, включающей:

- административно-правовые **нормы**;
- **применение норм** административного права субъектами права;
- **административно-правовые отношения**, которые создаются в результате действия и применения норм административного права.

Как абсолютно справедливо отмечает Ю.Н. Старилов, перечисленные элементы системы административно-правового регулирования находятся в неразрывной и постоянной связи; игнорирование одного из них приводит к отрицательным результатам действия других. Например, даже самая совершенная и полезная норма административного права при ее неразумном или неправильном (или противозаконном) применении (или, наоборот, неприменении) не достигает той цели, которая перед ней была поставлена законодателем, стремящимся урегулировать те или иные общественные отношения. К неправильному результату приводит и ложное толкование правовой нормы, способной в этом случае даже причинить ущерб общественным интересам и отношениям [4].

Как следует из логики системы административно-правового регулирования, установление правомерных административно-правовых отношений является основной целью правового регулирования этого вида. Причем административно-правовые отношения, в отличие от иных видов правоотношений, формируются в самых разнообразных сферах жизнедеятельности, в связи с чем в науке административного права выделяют:

- организационные управленческие отношения в области осуществления исполнительной власти;
- внутриорганизационные управленческие отношения во всех сферах государственной деятельности;
- административно-правовые контрольные отношения;
- административно-юстиционные отношения;
- административно-деликтные (охранительные) отношения [5].

Вместе с тем, принципиальным моментом является положение, в соответствии с которым административное право — это совокупность правовых норм, которыми регулируется публичное управление не только в государственно-властной сфере, но и в муниципальных образованиях и других публичных институтах. Иными словами, административное право регулирует отношения не только в сфере государственного управления, но и в сфере управления, осуществляемого на негосударственном уровне, — местного самоуправления, а также управления в других публичных организациях и учреждениях [5].

Следует отметить и такой вид административно-правовых отношений, как **управленческие отношения, возникающие при реализации общественными организациями и иными негосударственными организациями делегированных им государством спе-**

циальных государственно-властных полномочий по вопросам управленческой деятельности.

В результате изложенных положений правовой науки о системе административно-правового регулирования возникает вопрос — почему в заглавие данного параграфа вынесено предложение об определении места нотариальных действий в системе административно-правового регулирования?

Ответ на данные вопрос не является однозначным и лежит сразу в нескольких плоскостях. *Во-первых, определенное число административно-правовых норм как базовых элементов системы административно-правового регулирования имеет своим содержанием именно нотариальные действия.*

Во-вторых, совершение нотариальных действий в определенных случаях относится к компетенции соответствующих органов исполнительной власти и их должностных лиц, реализация которой, по нашему мнению, порождает административно-правовые отношения. Например:

— ФЗ РФ от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» содержит положение, согласно которому командиры воинских частей как должностные лица органов исполнительной власти совершают нотариальные действия с участием военнослужащих и граждан, призываемых (поступающих) на военную службу, членов их семей в случаях и порядке, которые установлены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (ст. 22) [6];

— ФЗ РФ от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливает, что органы местного самоуправления поселения имеют право на совершение нотариальных действий, предусмотренных законодательством, в случае отсутствия в поселении нотариуса (ст. 14.1) [7]. А Приказом Минюста РФ «Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий главами местных администраций поселений и муниципальных районов и специально уполномоченными должностными лицами местного самоуправления поселений и муниципальных районов» установлено, что глава местной администрации поселения или муниципального района в случае отсутствия в поселении или расположенном на межселенной территории населенном пункте нотариуса имеют право совершать нотариальные действия по должности. Решением главы местной администрации в случае отсутствия в поселении или расположенном на межселенной территории населенном пункте нотариуса совершение нотариальных действий может быть возложено на одно или нескольких должностных лиц местного самоуправления [8].

В-третьих, результаты осуществления нотариальных действий являются юридическими фактами, которые порождают, изменяют или прекращают административно-правовые отношения.

В-четвертых, сложился целый блок административных правоотношений контрольного характера,

содержанием которого является осуществление нотариальных действий.

И, в-пятых, нотариальные действия являются элементом деятельности нотариусов, которые преимущественно их и осуществляют. В свою очередь, *многие вопросы нормативно-правового регулирования сферы нотариата и нотариальной деятельности (действий) в частности, законодательством РФ отнесены к ведению ряда органов исполнительной власти, т.е. являются объектами административно-правового регулирования*. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» [9] **Министерство юстиции Российской Федерации** является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и *нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности*, в том числе *в сфере нотариата*, а также *правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в сфере нотариата*.

В качестве одной из основных задач Минюста России определяется осуществление контроля и надзора в сфере нотариата. А в совокупность полномочий Минюста России входят такие полномочия как:

- утверждение форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств и удостоверительных надписей;
- осуществление иных функций по нормативно-правовому регулированию, предусмотренных законодательством Российской Федерации о нотариате;
- утверждение совместно с Федеральной нотариальной палатой порядка определения количества должностей нотариусов в нотариальном округе, изменения территории деятельности нотариуса, учреждения и ликвидации должности нотариуса;
- образование совместно с Федеральной нотариальной палатой апелляционной комиссии по рассмотрению жалоб на решения квалификационных комиссий по приему экзаменов у лиц, желающих получить лицензию на право осуществления нотариальной деятельности;
- а также осуществление иных полномочий, предусмотренных Основами законодательства Российской Федерации о нотариате.

Вместе с тем, важно отметить, что правовое регулирование категория динамическая, постоянно совершенствующаяся и, соответственно, видоизменяющаяся. В настоящее время в нашем государстве все еще продолжается процесс совершенствования правовой системы, поскольку создание принципиально новой юридической основы российской государственности нового типа является длительным и кропотливым. С момента начала формирования новой системы отечественного права прошло почти двадцать лет, и, как правило, «сколоченная на скорую руку» нормативная база этого периода нуждается в серьезном обновлении. Следует сказать, что и сам

объект правового регулирования — общественные отношения — не остался неизменным:

многие сферы жизнедеятельности получили свое новое развитие и понимание,

некоторые области социума государство модифицирует в целях их соответствия международным правовым стандартам, нормам и принципам,

а некоторые блоки общественных отношений просто являются абсолютно новыми для российской правовой действительности, и следовательно, опыт правового регулирования в них просто отсутствует.

Все это в полной мере применимо и к блоку правовых норм, регламентирующих вопросы осуществления нотариальной деятельности в Российской Федерации.

2. Нотариальные действия: понятие, содержание, классификация

В настоящее нотариальная деятельность регламентируется целым блоком нормативных правовых актов, однако базовым актом являются Основы законодательства Российской Федерации о нотариате [10], принятые в 1993 году.

Именно этот акт содержит наибольшее количество положений о нотариальных действиях. Но назвать данную регламентацию института нотариальных действий удачной нельзя — в Основях просто *отсутствует дефиниция категории «нотариальные действия»*. С одной стороны такой законодательный пробел не помешал развитию и практической реализации данного правового института, а с другой — порождал на протяжении многих лет (как и в настоящее время) ряд коллизий и противоречий. Так, в п. 2 ст. 1 «Нотариат в Российской Федерации» установлено, что нотариальные действия в Российской Федерации совершают нотариусы, работающие в государственной нотариальной конторе или занимающиеся частной практикой. Казалось бы, данное установление определяет исчерпывающий перечень субъектов нотариальной деятельности, но дальнейшие пункты ст. 1 показывают, что это не так и расширяют данный перечень:

— п. 4 определяет, что в случае, если в поселении или расположенном на межселенной территории населенном пункте нет нотариуса, право совершать нотариальные действия имеют глава местной администрации поселения и специально уполномоченное должностное лицо местного самоуправления поселения или глава местной администрации муниципального района и специально уполномоченное должностное лицо местного самоуправления муниципального района;

— п. 5 закрепляет, что нотариальные действия от имени Российской Федерации на территории других государств совершают должностные лица консульских учреждений Российской Федерации, уполномоченные на совершение этих действий.

Кроме того, как будет показано в дальнейшем исследовании, некоторые нотариальные действия правомочны совершать и иные властные субъекты. Такое по-

ложение нам представляется не вполне удачным и требующим корректирования, что в настоящий период не только вполне уместно, но и актуально, поскольку нотариальное законодательство уже на протяжении нескольких последних лет готовится к существенному обновлению.

Так что же по своей сути представляют нотариальные действия и имеет ли отличия данная правовая категория от созвучных — *«нотариальная деятельность», «деятельность нотариуса», «профессиональная деятельность нотариуса», «профессиональные обязанности нотариуса», «полномочия нотариуса»*.

В юридической литературе **нотариальное действие** рассматривается, во-первых, как содержание процедуры нотариальной деятельности, выражающейся в последовательном совершении целой системы юридических фактов (динамическое понятие нотариального действия), и, во-вторых, как результат нотариального производства, как юридический факт (статическое понятие нотариального действия) [11].

Соглашаясь в целом с таким пониманием нотариального действия, отметим, что данные положения применимы к правовой теории, но отнюдь не к правовой практике и не к нормотворчеству. Легальное определение нотариального действия должно быть понятным правоприменителю, исключающим возможность различного толкования, не порождающим коллизионности правовых норм различных актов и институтов.

Прежде чем предложить собственное понимание и дефиницию нотариальных действий, подлежащую включению в соответствующее законодательство, исследуем природу нотариальных действий и установим их специфические черты (признаки).

Анализ нормативных актов, в которых используется термин «нотариальные действия», позволяет установить [12], что:

- нотариальные действия совершаются только определенным кругом лиц [13];
- нотариальные действия совершаются от имени РФ (даже несмотря на то, что в настоящее время большинство нотариусов являются так называемыми частными, т.е. занимаются частной практикой) [14];
- нотариальное действие должно быть предусмотрено законодательным актом РФ (общее правовое требование, базирующееся на принципе законности);
- нотариальные действия направлены на закрепление бесспорных гражданских прав и фактов;
- нотариальное действие считается совершенным после уплаты государственной пошлины и нотариального тарифа, за исключением случаев, когда граждане освобождены от уплаты государственной пошлины [15].

Приведенные характеристики нотариальных действий являются достаточно устойчивыми и являются отправными точками для исследований в сфере нотариального права. Однако мы считаем, что в целях формирования устойчивой дефиниции, которая должна получить норма-

тивное закрепление, параметры, характеризующие нотариальные действия должны быть расширены:

во-первых, нельзя не подчеркивать **строгой формализации осуществления нотариальных действий**, поскольку именно этот признак их существенно отграничивает от иной деятельности нотариуса (например, организационно-технической). Данный параметр имеет и юридическую основу, поскольку правовая система РФ содержит значительное число как нормативных, так и ненормативных актов, регламентирующих различные аспекты нотариальных действий, в частности:

среди нормативных актов можно назвать:

— Приказ Минюста РФ от 27 декабря 2007 г. N 256 «Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий главами местных администраций поселений и муниципальных районов и специально уполномоченными должностными лицами местного самоуправления поселений и муниципальных районов» [16];

— Приказ Минюста 10 апреля 2002 г. N 99 «Об утверждении Форм реестров для регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств и удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах» [17];

— Приказ Минюста РФ от 15 марта 2000 г. N 91 «Об утверждении Методических рекомендаций по совершению отдельных видов нотариальных действий нотариусами Российской Федерации» [18];

— Приказ Минюста РФ от 19 ноября 2009 г. N 403 «Об утверждении Правил нотариального делопроизводства» [19];

— раздел 1 «Сведения о совершенных нотариальных действиях» Приказа Минюста РФ от 28 августа 2008 г. N 188 «Об утверждении форм статистической отчетности Министерства юстиции Российской Федерации о нотариате» [20];

среди актов ненормативного характера можно привести:

— Положение ФНП о порядке изготовления, обращения, учета и использовании бланка единого образца для совершения нотариальных действий [21];

— Методические рекомендации ФНП по совершению нотариального действия о передаче заявлений граждан, юридических лиц другим гражданам, юридическим лицам [22];

— Методические рекомендации ФНП по проведению проверки исполнения нотариусом, занимающимся частной практикой, профессиональных обязанностей [23];

— Письмо ФНП о применении бланка единого образца для совершения нотариальных действий [24];

— Письмо ФНП об оформлении нотариусами документов для субъектов избирательного процесса [25];

во-вторых, сущность нотариальных действий проявляется в том, что каждое из них, по сути, **делегировано государством**, т.е. они имеют государственно-властный характер, хотя и осуществляются в своей подавляющей части негосударственными органами — государственным и частным нотариатом, органами местного самоуправления.

Применительно к одним действиям, такое делегирование можно назвать **формально-статическим**, поскольку перечень действий, делегированных для исполнения негосударственным органам, установлен законодательным актом (например, Основами законодательства о нотариате). Совершение этих действий представляет собой сложившийся устойчивый правовой институт. Его содержание (перечень таких действий) формировалось в течение длительного исторического периода. Совокупность таких действий и способы их осуществления традиционно рассматриваются как содержание института нотариата. В этой связи правоведом справедливо отмечается, что «... нотариат представляет собой социально-правовой институт, которому государством делегированы отдельные его полномочия властного характера по реализации одной из важнейших функций — защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц» [26].

Делегирование других действий является процессом **динамическим**, развивающимся, обусловленным не историческими традициями и предпосылками, а современной практикой развития государственности. О том, насколько успешным будет являться такое делегирование, можно будет судить лишь при накоплении соответствующей правовой практики в данном направлении. Однако уже сейчас можно отметить некоторые сложные аспекты такого динамического делегирования. Изначально государство планировало передать нотариусам часть своих полномочий. То есть очевидно, что государство передает частным лицам свои государственные полномочия для того, чтобы эти лица эффективно их исполняли. Такая роль нотариата в последнее время меняется. Мы видим, обязательная нотариальная форма сделок снижается. А что это такое? Это как раз и есть осуществление государственных функций [27]. В настоящее время разрабатывается и представляется на обсуждение значительное число законопроектов, где предлагается к нотариальным действиям относить различные функциональные полномочия властного характера. По какому пути пойдет законодатель при решении данного вопроса, предугадать не представляется возможным, но следует сказать, что и действующее законодательство позволяет реализовывать динамическое делегирование в полном объеме, поскольку в ст. 35 Основ «Нотариальные действия, совершаемые нотариусами, занимающимися частной практикой» установлено, что законодательными актами Российской Федерации могут быть предусмотрены и иные нотариальные действия. Так, например, в правовой литературе отмечается, что предусмотрев возможность государственной регистрации права отказополучателя, законодатель не установил механизма этой регистрации и не определил, на основании какого документа она должна быть произведена. Учитывая данное обстоятельство, некоторые нотариусы отказывают отказополучателю в документальном закреплении его прав, ограничиваясь указанием в свидетельстве о праве на наследство обременения прав наследника соответствующим завещательным отказом. Мы разделяем мнение Т.И. Зай-

цевой, считающей такую позицию ошибочной и приводящей следующую аргументацию:

во-первых, свидетельство о праве на наследство выдается не отказополучателю, а наследнику, таким образом, у отказополучателя отсутствует документ, подтверждающий его право пользования жилым помещением, входящим в состав наследства, и, следовательно, ему нечего предъявить для этой регистрации;

во-вторых, получение свидетельства о праве на наследство является правом, а не обязанностью наследника, поэтому он может не получать этот документ сколько угодно долго, особенно в конфликтных ситуациях, когда наследник не намерен исполнять завещательный отказ;

в-третьих, согласно п. 1 ст. 16 Закона N 122-ФЗ государственная регистрация прав проводится на основании заявления правообладателя, а правообладателем по завещательному отказу является отказополучатель, а не наследник, поэтому указания о возникновении обременения в тексте свидетельства о праве на наследство недостаточно для регистрации соответствующего права [28].

И далее автор предлагает направление решения вопроса — применения аналогии закона и расширительное толкование ст. 35 Основ законодательства РФ о нотариате, в связи с чем нотариус может выдать свидетельство о праве отказополучателя (свидетельство об удостоверении права отказополучателя). Мы не считаем такое решение очевидно имеющегося законодательного пробела удачным. Думается, что как раз в данном случае можно говорить о **необходимости динамического делегирования — государство на нормативно-правовом уровне должно наделить соответствующих субъектов права (нотариусов) правом совершения такого нотариального действия как удостоверение права отказополучателя (выдача свидетельства об удостоверении права отказополучателя), что представляется возможным посредством внесения соответствующего дополнения в ст. 35 Основ законодательства РФ о нотариате и некоторые иные нормативные и ненормативные акты;**

в-третьих, именно такой признак нотариальных действий как делегированность государством позволяет рассматривать результаты их реализации — нотариальные акты и документы — как **публичные власте-установления, обеспеченные государственной защитой**. Выражая свое особое мнение, судья Конституционного Суда РФ А.Л. Кононов очень верно указывает, что как государственные, так и частные нотариусы, по сути, несут публичную службу. Нотариальные акты, служащие целям защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, имеют официальный статус, совершаются от имени Российской Федерации, что гарантирует доказательственную силу и публичное — в данном случае именно публично-правовое — признание нотариально оформленных документов [29].

Что касается защищенности нотариальных действий, то, поскольку, как было установлено выше, полномочия по их

совершению предоставлены соответствующим субъектам именно государством, то и защищенность должна исходить от государства. В настоящее время можно говорить о **презумпции законности нотариальных действий** и обязательности нотариальных актов и документов, поскольку в ст. 49 Основ законодательства о нотариате предусмотрен лишь судебный порядок обжалования нотариальных действий или отказа в их совершении:

— заинтересованное лицо, считающее неправильным совершенное нотариальное действие или отказ в совершении нотариального действия, вправе подать об этом жалобу в районный суд по месту нахождения государственной нотариальной конторы (нотариуса, занимающегося частной практикой). Возникший между заинтересованными лицами спор о праве, основанный на совершенном нотариальном действии, рассматривается судом или арбитражным судом в порядке искового производства.

Таким образом, в качестве **признаков нотариальных действий** нам представляется целесообразным выделять следующую совокупность характеристик:

- **совершение нотариальных действий от имени РФ;**
- **публично-правовой властный характер нотариальных действий;**
- **нормативно определенный круг субъектов нотариальных действий;**
- **нормативно установленный перечень нотариальных действий;**
- **презумпцию законности нотариальных действий;**
- **направленность нотариальных действий на закрепление бесспорных прав и фактов;**
- **связанность момента совершенности нотариального действия с моментом уплаты государственной пошлины и нотариального тарифа, за исключением случаев, когда граждане освобождены от уплаты государственной пошлины;**
- **обеспеченность нотариальных действий государственной защитой.**

Выявленные признаки нотариальных действий позволяют отграничить данный правовой институт от ряда иных смежных правовых конструкций:

- «**нотариальная деятельность**»,
- «**деятельность нотариуса**»,
- «**профессиональная деятельность нотариуса**»,
- «**профессиональные обязанности нотариуса**»,
- «**полномочия нотариуса**».

Нотариальная деятельность является понятием часто используемым законодателем, но, также как и понятие «нотариальные действия», не имеющим своего нормативного определения. К сожалению, категория «нотариальная деятельность» в действующем законодательстве вообще не получила никаких нормативных ориентиров, а, следовательно, при ее характеристике можно опираться только

на немногочисленные теоретические наработки. Причем, с сожалением приходится констатировать, что они не отличаются ни глубоким, ни системным характером, а представляют собой лишь рассуждения правоведов.

Так, характеризуя нормативный аспект, можно констатировать, что в ст. 1 Основ законодательства РФ о нотариате о сущности нотариальной деятельности имеется лишь одно положение:

— *нотариальная деятельность не является предпринимательством и не преследует цели извлечения прибыли.*

Остальные положения Основ не раскрывают содержательной основы данного понятия, а лишь обозначают его характеристики:

- для осуществления данной деятельности необходимо получение лицензии на право нотариальной деятельности (ст.ст. 2, 3);
- лица, желающие заниматься нотариальной деятельностью должны пройти стажировку и сдать соответствующий экзамен (ст. 4);
- законодательством установлены гарантии нотариальной деятельности (ст. 5);
- установлены ограничения нотариальной деятельности (ст. 6);
- установлены случаи сложения полномочий нотариуса и условия лишения его права нотариальной деятельности (ст.ст. 12, 17);
- определена территория деятельности нотариуса (ст. 13);
- установлено страхование деятельности нотариуса, занимающегося частной практикой (ст. 18).

Другие акты, которые не являются специальными, не содержат вообще никаких параметров нотариальной деятельности.

В юридической науке, хотя и немногочисленно, но все же предпринимаются попытки выработки соответствующей дефиниции. Например, О.В. Филиппова считает, что нотариальную деятельность, исходя из Основ законодательства о нотариате и общего понятия деятельности как таковой, можно определить следующим образом: это урегулированная законодательством деятельность нотариусов и иных государством уполномоченных лиц по совершению нотариальных действий с целью защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, общества и государства [30]. В целом такое определение является приемлемым, за исключением части о цели нотариальной деятельности. Если исходить из буквального понимания (буквального толкования) слова «защита» [31] (к чему собственно и должна стремиться правовая материя), то становится очевидным, что нотариальная деятельность не сводится только к защите, ее параметры шире и включают также правовую помощь и обеспечение отдельных элементов (их реализации) правового статуса граждан (в частности, их прав и обязанностей).

Таким образом, можно предложить следующую дефиницию:

нотариальная деятельность — это урегулированная законодательством деятельность нотариусов и иных уполномоченных государством лиц по совершению нотариальных действий с целью обеспечения правового статуса, защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, общества и государства, а также оказания правовой помощи.

Определяя соотношение категорий «нотариальные действия» и «нотариальная деятельность», следует отметить, что понятие нотариальной деятельности гораздо шире. Г.Г. Черемных указывает, что нотариальная деятельность включает в себя всю организацию нотариусом нотариального дела: приобретение помещения под нотариальную контору, необходимых технических средств, наем сотрудников, ведение делопроизводства, содержание архива, отношения с органами юстиции, нотариальной палатой, налоговыми органами, различными хозяйствующими субъектами и совершение, как итог всей этой многоплановой работы, нотариальных действий, оказание людям квалифицированной юридической помощи [32]. Однако нам представляется такое расширение нотариальной деятельности не оправданным. Взаимоотношения с хозяйствующими субъектами, приобретение помещений, необходимых технических средств может осуществлять и не только лицо, уполномоченное к нотариальной деятельности. Само дополнение к слову деятельность «нотариальная» уже подчеркивает неординарный, особый, специфический и профессиональный характер такой деятельности. Следовательно, понятие «нотариальная деятельность» должно характеризовать лишь ту активность лица, которую оно может реализовывать лишь находясь в соответствующем статусе. А для определения всей иной, сопутствующей организационной и материально-технической деятельности вполне уместно оперировать термином **«деятельность нотариуса»**.

Думается, что четкая терминологическая определенность позволит сформировать четкие и непротиворечивые дефиниции для закрепления в законодательстве и будет способствовать совершенствованию всей правовой системы РФ. Акцентировать внимание на разграничении рассматриваемых понятий необходимо еще и в силу того, что в настоящее время ведется активная работа по формированию законодательства, регулирующего нотариальную деятельность. Считаем недопустимым еще на стадии определения концепции законодательства позволять вольное обращение с категориями, которые должны быть оформлены правом. Приведем один пример, в котором несогласованности выражены очень ярко [33]. Так, ряд исследователей отмечает: «... В Стратегии развития нотариата предполагается определить место и функции нотариата в соответствии с интересами российского общества для определения возможных направлений совершенствования законодательства. *Нотариальная деятельность в указанном документе рассматривается как допустимое законом вмешательство в частную деятельность участников гражданских правоотношений.* В качестве

критерия допустимости такого вмешательства называется достижение при совершении определенного нотариального действия значительного положительного эффекта, как минимум перекрывающего возникающие в связи с этим неудобства и затраты. Положительный эффект сводится к получению нотариальной гарантии, содержание которой должно быть четко определено. *Деятельность нотариуса должна быть понятна для общества и им приниматься*, в связи с чем нотариус должен обеспечить такой уровень взаимодействия с другими государственными и муниципальными органами, который бы исключал необходимость обращения граждан к иным, кроме нотариуса, органам в связи с принятием нотариального акта» [34].

Никак нельзя согласиться с тем, что в данном высказывании происходит смешение сразу нескольких смежных понятий (не говоря уже об определении нотариальной деятельности как допустимом законом вмешательстве). Деятельность нотариуса отнюдь не обязательно должна быть понятна гражданам — если гражданин не понимает принципов взаимодействия нотариуса и налоговой системы РФ, думается, это ни в коей мере не мешает ему получить квалифицированную нотариальную помощь, удостоверить подпись и т.п. Не требуется и понимание гражданином ведения нотариального производства, являющегося составляющей нотариальной деятельности. А вот понимание полномочий (прав и обязанностей) лиц, правомочных осуществлять нотариальную деятельность, а также принципов и правил реализации профессиональной деятельности, параметры которой обозначены в законодательстве РФ, гражданину, безусловно, необходимы.

Что касается понятия **«профессиональная деятельность»**, то нам представляется возможным безотносительно субъектных характеристик, определять ее как **деятельность по реализации установленных законодательством полномочий**. То есть, иными словами, профессиональная деятельность — это в первую очередь само нотариальное действие и вся многогранная работа нотариуса по его обеспечению [35].

В свою очередь, **полномочия**, исходя их общетеоретических положений правовой науки, должны определяться как **установленные законодательством права и обязанности**.

Таким образом, подытожим, что:

- наиболее широким, охватывающим все спектры деятельности нотариуса, является понятие **«деятельность нотариуса»**;

- деятельность нотариуса включает как деятельность, не связанную с непосредственным осуществлением правовых функций (организационную, материально-техническую), так и деятельность, содержанием которой является непосредственная реализация правовых функций — **нотариальную деятельность**;

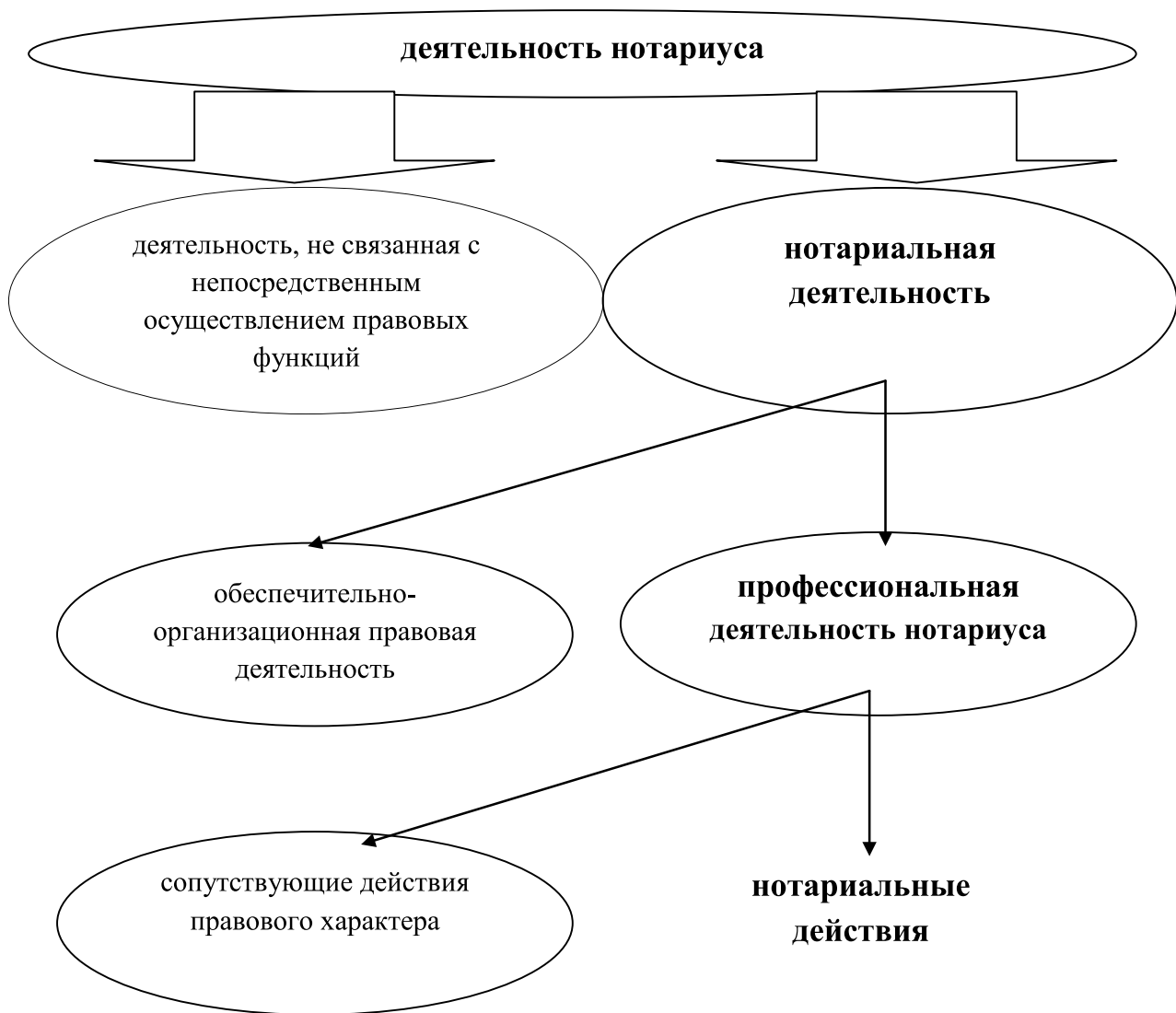
- нотариальная деятельность включает в свое содержание правовую деятельность обеспечительно-организационного характера (взаимодействие с органами государственной власти, ФНП, и т.п.) и **профессиональную**

деятельность нотариуса, непосредственно связанную с реализацией целей нотариальной деятельности;

— профессиональная деятельность нотариуса базируется на установленных законодательством РФ соответствующих полномочиях (правах и обязанностях) нотариуса и представляет собой реализующий полномочия комплекс

нотариальных действий, результатом которых являются нотариальные акты и документы, а также сопутствующих действий правового характера.

Схематически представленное соотношение можно отобразить следующим образом:

Следует отметить, что поскольку некоторые их полномочий нотариусов уполномочены реализовывать иные субъекты права, то в данном случае законодатель вполне уместно использует термин «нотариальные действия» применительно к деятельности таких уполномоченных субъектов в данной сфере. Кроме того, поскольку для осуществления данной деятельности соответствующий круг лиц, не имеющих соответствующей лицензии, специально уполномочивается государством (т.е. осуществление нотариальных действий вменяется им в должностные полномочия), о реализации такой деятельности правомерно говорить как о профессиональной деятельности.

И еще один аспект, на котором требуется остановиться, прежде чем сформулировать определение нотариальных действий. Как было установлено выше, понятие «нотариальная деятельность» и «нотариальные действия» соот-

носятся как целое и часть. Следовательно, все свойства, признаки, целевые установления целого (нотариальной деятельности) в полном объеме распространяются на его часть (нотариальные действия). Исходя из этого, можно говорить, что **целями нотариальных действий являются:**

- **обеспечение правового статуса граждан и юридических лиц и его реализация;**
- **защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц, общества и государства;**
- **оказание правовой помощи.**

Таким образом, выявленные признаки, параметры, цели и правовое положение нотариальных действий позволяют нам сформулировать их дефиницию, отвечающую современному развитию российского социума, государственности и правовой системы и, по нашему мнению, приемлемую для включения в разрабатываемые акты о нотариате:

нотариальные действия – это профессиональная деятельность по закреплению определенных законодательством бесспорных прав и фактов, осуществляемая на платной основе (за исключениями, установленными законодательством Российской Федерации и законами субъектов Российской Феде-

рации) в установленном порядке уполномоченным кругом лиц от имени Российской Федерации, в целях обеспечения прав и обязанностей граждан и юридических лиц; защиты прав и законных интересов граждан, юридических лиц, общества и государства; оказания правовой помощи.

Литература:

1. Козлов Ю.М. Овсянко Д.М., Попов Л.Л. Административное право : учебник / Под ред. Л.Л. Попова. — М.: Юрист, 2005. — С. 58.
2. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. — М., 2005. — 359 с.
3. Государственное управление : основы теории и организации : учебник / под. ред. В.А. Козбаненко. — М.: Стаут, 2000. — С. 437.
4. Стариков Ю.Н. Административное право: в 2 ч. Ч. 1: История. Наука. Предмет. Нормы. — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1998. — С. 372.
5. Административное право: учебник / БВ. Россинский, Ю.Н. Стариков. — 4-е изд., пересмотр. и доп. — М.: Норма, 2009. — С. 71–83.
6. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ с изм. и доп. // Собрание законодательства РФ. — 1998. — N 22. — ст. 2331; 2000. — N 1 (ч. II). — ст. 12; 2001. — N 31. — ст. 3173; 2002. — N 1 (ч. 1). — ст. 2; N 19. — ст. 1794; N 21. — ст. 1919; N 26. — ст. 2521; N 48. — ст. 4740; 2003. — N 46 (ч. 1). — ст. 4437; 2004. — N 18. — ст. 1687; N 30. — ст. 3089; 2005. — N 17. — ст. 1483; 2006. — N 1. — ст. 1; ст. 2; N 6. — ст. 637; N 19. — ст. 2062; ст. 2067; N 29. — ст. 3122; N 31 (1 ч.). — ст. 3452; N 43. — ст. 4415; N 50. — ст. 5281; 2007. — N 1 (1 ч.). — ст. 41; N 2. — ст. 360; N 10. — ст. 1151; N 13. — ст. 1463; N 26. — ст. 3086; N 26. — ст. 3087; N 31. — ст. 4011; N 45. — ст. 5431; N 49. — ст. 6072; N 50. — ст. 6237; 2008. — N 24. — ст. 2799; N 29 (ч. 1). — ст. 3411; N 30 (ч. 2). — ст. 3616; N 44. — ст. 4983; N 45. — ст. 5149; N 49. — ст. 5723; N 52 (ч. 1). — ст. 6235; 2009. — N 7. — ст. 769; N 11. — ст. 1263; N 30. — ст. 3739; N 52 (1 ч.). — ст. 6415; 2010. — N 30. — ст. 3990; N 50. — ст. 6600; 2011. — N 1. — ст. 16; ст. 30.
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 06 октября 2003 г. N 131-ФЗ с изм. и доп. // Собрание законодательства РФ. — 2003. — N 40. — ст. 3822; 2004. — N 25. — ст. 2484; N 33. — ст. 3368; 2005. — N 1 (часть 1). — ст. 9; ст. 12; ст. 25; ст. 37; N 17. — ст. 1480; N 27. — ст. 2708; N 30 (ч. 1). — ст. 3104; N 30 (ч. 1). — ст. 3108; N 42. — ст. 4216; 2006. — N 1. — ст. 9; ст. 10; ст. 17; N 6. — ст. 636; N 8. — ст. 852; N 23. — ст. 2380; N 30. — ст. 3296; N 31 (1 ч.). — ст. 3427; N 31 (1 ч.). — ст. 3452; N 43. — ст. 4412; N 49 (1 ч.). — ст. 5088; 2007. — N 10. — ст. 1151; N 21. — ст. 2455; N 25. — ст. 2977; N 26. — ст. 3074; N 30. — ст. 3801; N 43. — ст. 5084; N 45. — ст. 5430; N 46. — ст. 5553; N 46. — ст. 5556; 2008. — N 24. — ст. 2790; N 30 (ч. 2). — ст. 3616; N 48. — ст. 5517; N 49. — ст. 5744; N 52 (ч. 1). — ст. 6229; ст. 6236; 2009. — N 19. — ст. 2280; N 48. — ст. 5711; N 48. — ст. 5733; ст. 6441; 2010. — N 15. — ст. 1736; N 19. — ст. 2291; N 31. — ст. 4160; N 31. — ст. 4206; N 40. — ст. 4969; N 45. — ст. 5751; N 49. — ст. 6411; 2011. — N 1. — ст. 54; N 13. — ст. 1685.
8. Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий главами местных администраций поселений и муниципальных районов и специально уполномоченными должностными лицами местного самоуправления поселений и муниципальных районов : приказ Минюста РФ от 27 декабря 2007 г. N 256 с изм. и доп. // Российская газета. — 2008. — 11 января; 5 сентября; 2009. — 11 сентября.
9. Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации : указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. N 1313 с изм. и доп. // Собрание законодательства РФ. — 2004. — N 42. — ст. 4108; 2005. — N 44. — ст. 4535; N 52 (3 ч.). — ст. 5690; 2006. — N 12. — ст. 1284; N 19. — ст. 2070; N 23. — ст. 2452; N 38. — ст. 3975; 2007. — N 13. — ст. 1530; N 20. — ст. 2390; 2008. — N 10 (2 ч.). — ст. 909; N 29 (ч. 1). — ст. 3473; 2010. — N 4. — ст. 368; 2010. — N 19. — ст. 2300.
10. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утверждены ВС РФ 11 февраля 1993 г. N 4462–1 с изм. и доп. // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — N 10. — ст. 357; Собрание законодательства РФ. — 2003. — N 50. — ст. 4855; 2004. — N 27. — ст. 2711; N 35. — ст. 3607; N 45. — ст. 4377; 2005. — N 27. — ст. 2717; 2006. — N 27. — ст. 2881; 2007. — N 1 (1 ч.). — ст. 21; N 27. — ст. 3213; N 41. — ст. 4845; N 43. — ст. 5084; 2008. — N 52 (ч. 1). — ст. 6236; 2009. — N 1. — ст. 14; ст. 20; N 29. — ст. 3642; 2010. — N 28. — ст. 3554.
11. Настольная книга нотариуса / Б.М. Гонгалов, Т.И. Зайцева, П.В. Крашенинников, Е.Ю. Юшкова, В.В. Ярков; Федеральная нотариальная палата, центр нотариальных исследований. В двух томах. Т. 1. — М.: Издательство «Волтерс Клувер», 2004.

12. Идрисова Л.А., Ярлыкова Е.Л. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. N 4462—1 (постатейный) // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. — 2010.
13. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утверждены ВС РФ 11 февраля 1993 г. N 4462—1 с изм. и доп. // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — N 10. — ст. 357; Собрание законодательства РФ. — 2003. — N 50. — ст. 4855; 2004. — N 27. — ст. 2711; N 35. — ст. 3607; N 45. — ст. 4377; 2005. — N 27. — ст. 2717; 2006. — N 27. — ст. 2881; 2007. — N 1 (1 ч.). — ст. 21; N 27. — ст. 3213; N 41. — ст. 4845; N 43. — ст. 5084; 2008. — N 52 (ч. 1). — ст. 6236; 2009. — N 1. — ст. 14; ст. 20; N 29. — ст. 3642; 2010. — N 28. — ст. 3554; Консульский устав Российской Федерации: федеральный закон от 5 июля 2010 г. N 154-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2010. — N 28. — ст. 3554.
14. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон от 5 августа 2000 г. N 117-ФЗ с изм. и доп. // Собрание законодательства РФ. — 2000. — N 32. — ст. 3340; 2001. — N 1 (часть II). — ст. 18; N 23. — ст. 2289; N 33 (часть I). — ст. 3413; ст. 3421; ст. 3429; N 49. — ст. 4554; N 53 (ч. 1). — ст. 5023; 2002. — N 22. — ст. 2026; N 30. — ст. 3033; N 52 (ч. 1). — ст. 5138; 2003. — N 1. — ст. 2; 2003. — N 1. — ст. 6; N 1. — ст. 8; N 19. — ст. 1749; N 21. — ст. 1958; N 26. — ст. 2567; N 28. — ст. 2874; N 28. — ст. 2879; ст. 2886; N 46 (ч. 1). — ст. 4435; ст. 4443; ст. 4444; N 50. — ст. 4849; N 52 (часть I). — ст. 5030; 2004. — N 15. — ст. 1342; N 27. — ст. 2711; ст. 2713; ст. 2715; N 30. — ст. 3083; ст. 3084; ст. 3088; N 31. — ст. 3219; ст. 3220; ст. 3222; ст. 3231; N 34. — ст. 3517; ст. 3518; ст. 3520; ст. 3522; ст. 3523; ст. 3524; ст. 3525; ст. 3527; 2005. — N 1 (часть I). — ст. 9; ст. 29; ст. 30; ст. 34; ст. 38; N 21. — ст. 1918; 2005. — N 23. — ст. 2201; N 24. — ст. 2312; N 25. — ст. 2427; ст. 2428; N 27. — ст. 2717; N 30 (ч. 1). — ст. 3101; ст. 3104; ст. 3112; ст. 3117; ст. 3118; N 30 (ч. II). — ст. 3128; ст. 3129; N 43. — ст. 4350; N 50. — ст. 5246; N 52 (1 ч.). — ст. 5581; 2006. — N 1. — ст. 12; ст. 16; N 3. — ст. 280; N 10. — ст. 1065; N 12. — ст. 1233; N 23. — ст. 2380; ст. 2382; N 27. — ст. 2881; N 30. — ст. 3295; N 31 (1 ч.). — ст. 3433; ст. 3436; ст. 3443; ст. 3450; N 43. — ст. 4412; N 45. — ст. 4627; ст. 4628; ст. 4629; ст. 4630; N 47. — ст. 4819; N 50. — ст. 5279; ст. 5286; N 52 (1 ч.). — ст. 5498; 2007. — N 1 (1 ч.). — ст. 7; ст. 20; ст. 31; ст. 39; 2007. — N 13. — ст. 1465; N 21. — ст. 2461; ст. 2462; ст. 2463; N 22. — ст. 2563; ст. 2564; N 23. — ст. 2691; N 31. — ст. 3991; ст. 4013; N 45. — ст. 5416; ст. 5417; ст. 5432; N 46. — ст. 5554; ст. 5557; N 49. — ст. 6045; ст. 6046; ст. 6071; N 50. — ст. 6237; ст. 6245; ст. 6246; 2008. — N 18. — ст. 1942; N 27. — ст. 3126; N 30 (ч. 1). — ст. 3577; ст. 3591; ст. 3598; ст. 3611; ст. 3614; N 30 (ч. 2). — ст. 3616; N 42. — ст. 4697; N 48. — ст. 5500; ст. 5503; ст. 5504; ст. 5519; N 49. — ст. 5723; ст. 5749; N 52 (ч. 1). — ст. 6218; ст. 6219; ст. 6227; ст. 6236; ст. 6237; 2009. — N 1. — ст. 13; ст. 19; ст. 21; ст. 22; N 11. — ст. 1265; N 18 (1 ч.). — ст. 2147; N 23. — ст. 2772; ст. 2775; N 26. — ст. 3123; N 29. — ст. 3582; ст. 3598; ст. 3602; ст. 3625; ст. 3638; ст. 3639; ст. 3641; ст. 3642; N 30. — ст. 3735; ст. 3739; N 39. — ст. 4534; N 44. — ст. 5171; N 45. — ст. 5271; N 48. — ст. 5725; ст. 5726; ст. 5731; ст. 5732; ст. 5733; ст. 5734; ст. 5737; N 51. — ст. 6153; ст. 6155; N 52 (1 ч.). — ст. 6444; ст. 6450; ст. 6455; 2010. — № 15. — ст. 1737; ст. 1746; N 18. — ст. 2145; N 21. — ст. 2524; N 23. — ст. 2797; N 25. — ст. 3070; N 28. — ст. 3553; N 31. — ст. 4176; ст. 4186; ст. 4198; N 32. — ст. 4298; N 40. — ст. 4969; N 45. — ст. 5750; ст. 5756; N 46. — ст. 5918; N 47. — ст. 6034; N 48. — ст. 6247; ст. 6248; ст. 6249; ст. 6250; ст. 6251; 2011. — № 1. — ст. 7; ст. 9; ст. 21; ст. 37; N 11. — ст. 1492.
15. Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий главами местных администраций поселений и муниципальных районов и специально уполномоченными должностными лицами местного самоуправления поселений и муниципальных районов : приказ Минюста РФ от 27 декабря 2007 г. N 256 с изм. и доп. // Российская газета. — 2008. — 11 января; 5 сентября; 2009. — 11 сентября.
16. Об утверждении Форм реестров для регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств и удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах : приказ Минюста РФ от 10 апреля 2002 г. N 99 с изм. и доп. // Бюлл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2003. — N 50; 2005. — N 34; N 41; Российская газета. — 2007. — 29 декабря; 2009. — 6 марта.
17. Об утверждении Методических рекомендаций по совершению отдельных видов нотариальных действий нотариусами Российской Федерации: приказ Минюста РФ от 15 марта 2000 г. N 91 // Бюллетень Минюста РФ. — 2000. — N 4.
18. Об утверждении Правил нотариального делопроизводства : приказ Минюста РФ от 19 ноября 2009 г. N 403 с изм. и доп. // Российская газета. — 2010. — 30 апреля; 15 декабря.
19. Об утверждении форм статистической отчетности Министерства юстиции Российской Федерации о нотариате с изм. и доп.: приказ Минюста РФ от 28 августа 2008 г. N 188 с изм. и доп. // Бюллетень Минюста РФ». — 2008. — N 9; О внесении изменения в Приказ Минюста России от 28.08.2008 N 188 : приказ Минюста РФ от 25 января 2010 г. N 4 // Документ опубликован не был. Текст содержится в СПС КонсультантПлюс.
20. Положение о порядке изготовления, обращения, учета и использовании бланка единого образца для совершения нотариальных действий: утв. решением Правления ФНП от 21—22 декабря 2009 г., протокол N 14/09; с изменениями от 22—23 сентября 2010 г., протокол N 11/10 // Документ опубликован не был. Текст содержится в СПС КонсультантПлюс.

21. Методические рекомендации ФНП по совершению нотариального действия о передаче заявлений граждан, юридических лиц другим гражданам, юридическим лицам : утв. решением Правления ФНП от 23–25 июня 2008 г., протокол N 09/08 // Нотариальный вестник. — 2008. — N 8.
22. Методические рекомендации по проведению проверки исполнения нотариусом, занимающимся частной практикой, профессиональных обязанностей : утв. решением Правления ФНП от 17 июня 2005 г., Протокол N 04/05 // Нотариальный вестник. — 2005. — N 9.
23. О применении бланка единого образца для совершения нотариальных действий : письмо ФНП от 09 июля 2010 г. N 1448/07–17 // Документ опубликован не был. Текст содержится в СПС КонсультантПлюс.
24. Об оформлении нотариусами документов для субъектов избирательного процесса : письмо ФНП от 28 января 2011 г. N 149/07–17 // Документ опубликован не был. Текст содержится в СПС КонсультантПлюс.
25. Филиппова О.В. Нотариат России в механизме защиты прав граждан // Административное и муниципальное право. — 2010. — № 10. — С. 23–31.
26. Круглый стол Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по правовым и судебным вопросам на тему «Современное состояние нотариата в Российской Федерации и проблемы его реформирования» (Редакционный материал) // Бюллетень нотариальной практики. — 2010. — N 2.
27. Зайцева Т.И. Нотариальная практика : ответы на вопросы (выпуск 2). — М.: Волтерс Клувер, 2008.
28. По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева : постановление Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 г. N 12-П // Собрание законодательства РФ. — 2006. — N 3. — ст. 335.
29. Филиппова О.В. Нотариат России в механизме защиты прав граждан // Административное и муниципальное право. — 2010. — N 10. — С. 23–31.
30. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. — С. 225.
31. Черемных Г.Г. Комментарий к проекту Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // Нотариус. — 2010. — N 1. — С. 3–10.
32. Загайнова С.К., Шереметова Г.С., Ярков В.В. Экспертная группа «Современные направления развития системы гражданской юрисдикции» // Российский юридический журнал. — 2010. — N 5. — С. 19–25.
33. Черемных Г.Г. Организация контроля деятельности нотариуса должна быть изменена кардинально // Российская юстиция. — 2009. — N 2.

О некоторых вопросах правового регулирования валютных правонарушений

Кузьянов Александр Вячеславович, аспирант, преподаватель
Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В статье автор рассматривает материалы судебной практики по делам об административных правонарушениях в сфере валютного регулирования. Анализируются спорные вопросы, предлагаются варианты их правового решения.

Ключевые слова: валютный контроль, административные правонарушения, судебная практика.

Keywords: currency regulation, administrative offences, judicial practice.

Несмотря на то, что компании допускают нарушения валютного законодательства, нередко призвать их к ответственности не представляется возможным из-за отсутствия составов вменяемых правонарушений. Органом валютного контроля не всегда учитываются все фактические обстоятельства, существенные для установления вины компании и привлечения ее к ответственности.

Валютный контроль всегда являлся важнейшим элементом правового режима осуществления валютных операций в Российской Федерации. С отменой многих

валютных ограничений его значение не только не уменьшилось, но и получило новое звучание.

Целью валютного контроля является не только выявление, предупреждение и пресечение правонарушений. Важнейшим направлением валютного контроля всегда был и остается сбор и систематизация информации о валютных операциях для целей формирования статистической отчетности, в том числе для целей составления платежного баланса. С вступлением в силу Федерального закона N 281-ФЗ сбор информации по валютным опе-

рациям может преследовать еще одну цель — выявление объективных предпосылок введения специальных экономических мер при осуществлении валютных операций.

В связи с особой ролью валютного контроля в валютной системе Российской Федерации следует отметить, что валютный контроль в России осуществляется преимущественно с использованием инструментов документарного контроля, т.е. основным инструментом валютного контроля является не ревизия (не инвентаризация), а анализ документов. В связи с этим законодатель нашел нужным особо выделить ответственность за нарушение порядка представления документов валютного контроля.

Общество с ограниченной ответственностью «Бизнес Эстейт» (г. Москва; далее — общество) обратилось в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о признании незаконным и отмене постановления Территориального управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора (далее — управление) о привлечении общества к административной ответственности, предусмотренной частью 6 статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных нарушениях (далее — КоАП РФ) в виде взыскания 40000 рублей штрафа.

Основанием привлечения общества к административной ответственности послужил, по мнению Управления, факт нарушения установленного Положением ЦБР от 01.06.2004 N 258-П «О порядке представления резидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации, связанных с проведением валютных операций с нерезидентами по внешнеторговым сделкам, и осуществления уполномоченными банками контроля за проведением валютных операций» срока представления в уполномоченный банк, в котором открыт паспорт сделки (ПС), документов, подтверждающих факт выполнения работ, оказания услуг в рамках контракта, заключенного с японской фирмой.

На основании контрактов от 04.02.2008 и от 01.02.2008, заключенных с японской компанией, о предоставлении московскому представительству данной компании нежилых помещений в пользование, общество оформило в коммерческом банке «Сведбанк» (ОАО) паспорта сделок и 18.04.2008 получило на свой счет в этом банке денежные средства.

В постановлении было указано, что общество представило в банк документы, связанные с зачислением данной суммы денежных средств на банковский счет, и два экземпляра справки о поступлении валюты Российской Федерации с нарушением установленного срока, управление 24.12.2008 составило протокол и 28.01.2009 на его основании вынесло постановление о привлечении общества к административной ответственности по части 6 статьи 15.25 КоАП РФ.

В итоге, общество, не согласившись с Постановлением Управления, считая его незаконным, обратилось в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано. Постановлением суда

апелляционной инстанции решение суда оставлено без изменения.

Резидент РФ при заключении договора на оказание услуг (выполнение работ), передачу информации и результатов интеллектуальной деятельности даже с имеющим аккредитацию и находящимся на территории России обособленным подразделением иностранного юридического лица, даже при осуществлении расчетов по договору в рублях, становится участником правоотношений, подпадающих под валютное регулирование и контроль. Подобные договоры требуют составления паспорта сделки, следования условиям ст. 19 ФЗ N 173-ФЗ о репатриации выручки, а также соблюдения требований Инструкции Банка России N 117-И от 15 июня 2004 г.

Особое внимание при заключении внешнеторгового договора, как правило, уделяют некоторым обстоятельствам, что в дальнейшем может снизить риск привлечения к ответственности за нарушение валютного законодательства.

Во-первых, если сумма контракта превышает сумму, эквивалентную 5000 долларов США, подлежит оформлению паспорт сделки в установленном банком порядке и в согласованный с банком срок, не позднее осуществления первой валютной операции по контракту либо иного исполнения обязательств по контракту.

В случае если резидент, исходя из известных ему на дату оформления паспорта сведений, предполагает, что сумма по контракту превысит в эквиваленте 5000 долларов США, паспорт сделки оформляется в обязательном порядке, а если превышение не предвидится, паспорт сделки составлять не нужно. Если контракт в дальнейшем будет исполнен на большую сумму, паспорт сделки представляется в уполномоченный банк не позднее дня наступления такого превышения (п. 2 информационного письма Банка России N 30 от 31 декабря 2004 г.).

Во-вторых, резидентом должны быть предприняты меры для возврата в Российскую Федерацию денежных средств по планируемой сделке.

В паспорт сделки должны заноситься специальные сведения о контракте, в том числе условия о сроках расчетов по контракту. При внесении таких сведений необходимо иметь в виду, что сроки, указываемые в п. 6.2 паспорта сделки по внешнеторговым договорам, могут не совпадать со сроками, предусмотренными договорами, также может отсутствовать возможность определения этих сроков с точностью до календарных дней. Например, в случае определения во внешнеторговом контракте по экспорту товара момента оплаты не датой зачисления на расчетный счет продавца, а моментом перечисления с расчетного счета покупателя не представляется возможным указать срок от даты выпуска товара с таможенной территории России до даты зачисления денежных средств на счет резидента.

Кроме того, при исполнении внешнеторгового контракта следует иметь в виду, что по каждой операции резидент должен отчитываться перед банком, в котором был оформлен паспорт сделки, в порядке, установленном

Банком России (Положение о порядке представления резидентами подтверждающих документов и информации, связанных с проведением валютных операций по внешнеторговым контрактам N 258-П от 1 июня 2004 г., Инструкция N 117-И).

Неоформление паспорта сделки, несоблюдение сроков подачи подтверждающих документов, задержка представления справок о поступлении валюты являются отдельными административными правонарушениями. Соответственно штраф за каждое правонарушение уплачивается отдельно, даже если нарушения имели место в рамках одной сделки.

До введения в действие Указания Центрального банка России от 10 декабря 2007 г. N 1950-У «О формах учета по валютным операциям, осуществляемым резидентами, за исключением кредитных организаций и валютных бирж» справка о документах, подтверждающих осуществление валютных операций по контракту, и подтверждающие документы не являлись формами учета и отчетности по валютным операциям.

Справка о валютных операциях, подтверждающая факт проведения валютных операций, не относится к категории документов, являющихся формами учета и отчетности по валютным операциям. Также, справка о подтверждающих документах, грузовая транспортная декларация не отнесены к категории документов, являющихся формами учета и отчетности по валютным операциям, что подтверждается письмом Центрального банка России от 26 июля 2007 г. N 04-31-2/3178. При таких обстоятельствах объективная сторона административного правонарушения по ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ в действиях предприятия отсутствует (Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 29 апреля 2008 г. N Ф09-2836/08-С1 по делу N А60-31789/2007-С9).

В соответствии с пунктом 2 статьи 24 Закона от 10.12.2003 N 173-ФЗ резиденты и нерезиденты, осуществляющие в Российской Федерации валютные операции, обязаны представлять органам и агентам валютного контроля документы и информацию, предусмотренные статьей 23 настоящего Федерального закона, вести в установленном порядке учет и составлять отчетность по проводимым ими валютным операциям.

Согласно части 4 статьи 5 Федерального закона от 10.12.2003 N 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее по тексту — Закон от 10.12.2003 N 173-ФЗ) Центральный банк Российской Федерации устанавливает единые формы учета и отчетности по валютным операциям, порядок и сроки их представления, а также готовит и публикует статистическую информацию по валютным операциям.

Законом предусмотрена обязанность резидентов и нерезидентов вести учет и составлять отчетность по проводимым ими валютным операциям. Правом же устанавливать единые формы учета и отчетности по валютным операциям, порядок и сроки их представления наделен ЦБ РФ как орган валютного регулирования.

Реализуя данные полномочия, Банк России в 2004 году издал Положение от 01.06.2004 N 258-П «О порядке представления резидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации, связанных с проведением валютных операций с нерезидентами по внешнеторговым сделкам, и осуществления уполномоченными банками контроля за проведением валютных операций». В целях учета валютных операций по внешнеторговому контракту и осуществления контроля за их проведением резидент представляет в уполномоченный банк — банк, в котором резидентом на основании внешнеторгового контракта оформлен паспорт сделки — документы, подтверждающие факт ввоза товаров на таможенную территорию РФ или вывоза товаров с таможенной территории РФ, выполнения работ, оказания услуг, передачи информации и результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительных прав на них. Эти так называемые подтверждающие документы представляются резидентом одновременно с двумя экземплярами справки о подтверждающих документах, форма и порядок заполнения которой установлены в приложении N 1 к Положению N 258-П. При этом п. 2.4 Положения N 258-П предусмотрены сроки выполнения резидентами возложенной на них обязанности.

Далее, согласно Закону резиденты и нерезиденты, нарушившие положения актов валютного законодательства РФ и актов органов валютного регулирования, несут ответственность в соответствии с законодательством РФ. Частью 6 ст. 15.25 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за несоблюдение установленных порядка или сроков представления форм учета и отчетности по валютным операциям.

Рассмотрение дел об административных правонарушениях по ст. 15.25 КоАП РФ относится к компетенции Росфиннадзора и его территориальных управлений. На протяжении всего периода действия Положения N 258-П орган валютного контроля при выявлении в ходе проверок фактов нарушений резидентами требований актов валютного законодательства РФ и актов органов валютного регулирования привлекал виновных лиц к административной ответственности, в том числе и за нарушение сроков представления справок о подтверждающих документах.

За предыдущие три года в России сложилась устойчивая практика толкования и применения Положения N 258-П как агентами валютного контроля (таможенными органами и уполномоченными банками) и самим Росфиннадзором, так и судебными органами. Тот факт, что несвоевременное представление резидентом уполномоченному банку справки о подтверждающих документах образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ, ни разу не подвергался сомнению.

В конце 2006 — начале 2007 г. в разных российских регионах состоялись несколько схожих арбитражных судебных разбирательств между территориальными управлениями Росфиннадзора и юридическими лицами — ре-

зидентами: обжалование постановлений о назначении административных наказаний по ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ. Резиденты утверждали, что были привлечены к административной ответственности неправомерно, поскольку справка о подтверждающих документах не является формой учета и отчетности по валютным операциям и административная ответственность за нарушение срока ее представления в уполномоченный банк в настоящее время не установлена. В ряде случаев заявители ссылались на некие письма Департамента финансового мониторинга и валютного контроля ЦБ РФ, содержащие разъяснения по данному вопросу.

Арбитражные суды, соблюдая принцип единообразия, ограничивались в большинстве случаев обычным систематическим толкованием норм ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ, ч. 4 ст. 5, п. 2 ч. 2 ст. 24, ст. 25 Закона и п.п. 2.1, 2.2, 2.4 Положения N 258-П и отклоняли все подобные доводы резидентов как несостоятельные. Встречалась и иная аргументация.

Весьма оригинальным представляется вывод Арбитражного суда Свердловской области, который в одном из своих решений указал, что установление законодателем срока выполнения публично-правовой обязанности теряет смысл, если при этом отсутствует ответственность за его нарушение. С точки зрения логики данный вывод безупречен, с точки зрения права, к сожалению, не подкреплён какими-либо ссылками на нормативные правовые акты.

Оценивая упомянутые выше письма Департамента финансового мониторинга и валютного контроля Банка России, Федеральный арбитражный суд Дальневосточного округа и Федеральный арбитражный суд Уральского округа обратили внимание на следующие обстоятельства. Данные письма не вносят каких-либо изменений в нормативные акты, устанавливающие порядок представления подтверждающих документов, равно как и не обладают признаками нормативных правовых актов. Они не устанавливают прав и обязанностей хозяйствующих субъектов, поскольку не прошли надлежащую процедуру регистрации и не были официально опубликованы. Поэтому данные письма носят рекомендательный, информационный (разъяснительный) характер и не обязательны для применения юридическими и физическими лицами.

В начале 2007 года в Арбитражном суде г. Москвы состоялось судебное разбирательство между юридическим лицом — резидентом, с одной стороны, и Росфиннадзором и его территориальным управлением — с другой. Резидент требовал признать незаконными и отменить постановление территориального управления Росфиннадзора о назначении ему административного наказания по ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ и решение Росфиннадзора, которым указанное постановление оставлено без изменения. Данный спор заслуживает особого внимания, поскольку резиденту удалось настоять на привлечении Банка России к участию в деле в качестве третьего лица.

Явившиеся в судебное заседание представители Банка России сообщили следующее. Закон различает понятия

«учет и отчетность по валютным операциям» и «документы и информация, связанные с проведением валютных операций». В настоящее время обязанность по учету проводимых резидентами валютных операций возложена на уполномоченные банки, справка о подтверждающих документах, в свою очередь, относится к документам и информации, связанным с проведением валютных операций. Иными словами, полномочия ЦБ РФ по установлению единых форм учета и отчетности по валютным операциям реализованы им только в отношении уполномоченных банков. Для резидентов, не являющихся уполномоченными банками, и нерезидентов формы учета и отчетности по валютным операциям, порядок и сроки их представления не установлены, в связи с чем ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ не предусматривает административную ответственность за нарушение порядка или сроков представления справки о подтверждающих документах.

Арбитражный суд г. Москвы удовлетворил требования резидента в полном объеме, мотивировав свое решение тем, что все неустраняемые сомнения, противоречия и неясности актов валютного законодательства РФ и актов органов валютного регулирования толкуются в пользу резидентов. Однако при пересмотре дела в Девятом арбитражном апелляционном суде решение суда первой инстанции было отменено и в удовлетворении требований заявителю отказано. В последующем постановление суда апелляционной инстанции было оставлено без изменения постановлением ФАС Московского округа.

В целом позиция арбитражных судов ясна: толкование норм материального права является исключительной прерогативой суда и любые действия, направленные на его подмену каким-либо иным лицом, недопустимы. Вероятно, одна из причин, по которой арбитражные суды соглашались с Росфиннадзором по спорному вопросу, заключается в том, что орган валютного контроля придерживается достаточно четкой и последовательной правовой позиции, основанной на буквальном толковании российского законодательства.

Вместе с тем позиция ЦБ РФ представляется весьма противоречивой. С одной стороны, Банк России отказывается давать какие-либо официальные разъяснения в порядке, установленном Положением ЦБ РФ от 18.07.2000 N 115-П. В то же время его представители, озвучивая мнение ЦБ РФ в судебных заседаниях, утверждают, что это не умозаключения частных лиц, а официальная позиция самого Банка.

Итогом этой борьбы стало комментируемое дело и вынесенное по нему Постановление ВАС РФ, в котором судебные акты, принятые в подтверждении старой практики, были отменены. Президиум при этом уточнил следующее.

В силу пункта 2.1 положения Центрального банка Российской Федерации от 01.06.2004 N 258-П «О порядке представления резидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации, связанных с проведением валютных операций с нерезидентами по внешнеторговым сделкам, и осуществления уполномо-

ченными банками контроля за проведением валютных операций» (далее — Положение) резидент в целях учета валютных операций по контракту и осуществления контроля за их проведением представляет в банк, в котором им оформлен или переоформлен паспорт сделки по контракту, документы, связанные с проведением указанных операций, подтверждающие факт ввоза товаров на таможенную территорию Российской Федерации или вывоза товаров с таможенной территории Российской Федерации, а также выполнения работ, оказания услуг, передачи информации и результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительных прав на них (далее — подтверждающие документы). Пункт 2.2 Положения предписывает резидентам представлять подтверждающие документы в уполномоченный банк одновременно с двумя экземплярами справки об этих документах.

Вместе с тем подтверждающие документы и справка о них, которые в установленном порядке представляют резиденты, не являющиеся уполномоченными банками, ни в данном Положении, ни в каком-либо ином нормативном правовом акте Центрального банка Российской Федерации не были названы в качестве форм учета и отчетности.

Формы учета по валютным операциям для резидентов установлены указанием Центрального банка Российской Федерации от 10.12.2007 N 1950-У «О формах учета по валютным операциям, осуществляемым резидентами, за исключением кредитных организаций и валютных бирж» (далее — Указание), которым к формам учета отнесена справка о подтверждающих документах.

Однако, вопрос был поставлен ребром при выяснении вопроса о количествах сделок, совершенных в отчетный, то есть месячный период. Суд апелляции посчитал, что за каждую сделку, совершенную в отчетном периоде общество будет нести ответственность. Нельзя согласиться с подобной позицией по следующим основаниям.

Согласно п. 3.3. Инструкция ЦБ РФ от 15.06.2004 N 117-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам документов и информации при осуществлении валютных операций, порядке учета уполномоченными банками валютных операций и оформления паспортов сделок» в целях обеспечения учета и отчетности по валютным операциям, указанным в пункте 3.1 настоящего раздела (далее — валютные операции по контракту (кредитному договору)) резидент по каждому контракту (кредитному договору) оформляет один ПС в одном банке ПС в порядке, указанном в приложении 4 к настоящей Инструкции, и в соответствии с требованиями настоящего раздела.

В п. 2.6. «Положение о порядке представления резидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации, связанных с проведением валютных операций с нерезидентами по внешнеторговым сделкам, и осуществления уполномоченными банками контроля за проведением валютных операций» (утв. ЦБ РФ 01.06.2004 N 258-П), в случае проведения валютных операций по контракту, связанных с зачислением валюты Российской Федерации, поступившей от нерезидента на счет резидента в банке ПС, резидент наряду с документами, указанными в пункте 2.2 настоящего Положения, представляет в банк ПС два экземпляра справки, содержащей информацию об идентификации по паспортам сделок поступивших за отчетный месяц денежных средств, т.е. по всем сделкам, по которым валюта зачисляется на один и тот же счет в течение месяца. И, несмотря на то, что в самом Постановлении допущена ошибка и действительно существуют 2 контракта с разными номерами и разными номерами ПС, по нашему мнению на квалификацию это влиять не должно, поскольку в законе юридическое значение имеет один отчетный период и один расчетный счет.

Классификация животных как источников повышенной опасности

Пшонко Ольга Николаевна, соискатель
Московский государственный индустриальный университет

Действующее законодательство не содержит определения животного как объекта гражданских прав. В статье 137 ГК РФ лишь говорится, что к ним применяются общие правила об имуществе. Федеральным законом «О животном мире» (ст. 4) устанавливается, что к диким животным, находящимся в состоянии естественной свободы, применяются нормы гражданского права, отношения по владению, пользованию и распоряжению этими животными регулируются гражданским законодательством.

Д.Е. Захаровым дано определение животного с точки зрения гражданского права: «Животное — это движимая, неделимая, непотребляемая вещь, в гражданском обороте

обладающая качеством товарности, характеризующаяся способностью испытывать негативные болевые ощущения от внешних раздражителей, а также возможностью в результате «вещественной трансформации» переходить из одного качественного состояния в другое (биологическая гибель приводит к уничтожению одушевленной и появлению неодушевленной вещи) и в отличие от всех иных вещей в гражданском праве имеющая потребности, удовлетворение которых обеспечивает само ее существование» [1, с. 8].

На наш взгляд, данное определение отражает специфику рассматриваемых объектов. С одной стороны, это

вещи, к которым применяются общие правила об имуществе, с другой стороны, — живые существа, обладающие чувственным восприятием и наличием собственных потребностей, по отношению к которым установлены требования о недопустимости жестокого обращения с ними, противоречащее принципам гуманности.

В настоящее время на практике нередко встает вопрос о признании отдельных видов животных источниками повышенной опасности, а деятельность по их содержанию и использованию — деятельностью, представляющей повышенную опасность для окружающих, при этом мнения судей по этому вопросу весьма противоречивы. В юридической литературе встречаются различные точки зрения: одни ученые считают признание источниками повышенной опасности домашних (сельскохозяйственных) и диких (находящихся в неволе) животных безосновательным [2, с. 6, с. 62, с. 6—7] другие, напротив, — вполне справедливым [3, с. 20]

Животные, как живые организмы, обладают естественными, природными особенностями, а их поведение подчинено законам биологии. На наш взгляд, все это и создает объективную опасность причинения вреда окружающим. Однако не все животные могут быть отнесены к источникам повышенной опасности, а только те из них, которые обладают вредоносными признаками.

Дикие животные, обладая опасными для окружающих свойствами, являются всего лишь «потенциальными» источниками опасности. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О животном мире» дикое животное является объектом животного мира. При причинении им вреда ответственность не наступает по правилам ст. 1079 ГК РФ, т.к. отсутствует субъект права, осуществляющий повышено-опасную деятельность, на который может быть возложена гражданско-правовая ответственность.

Таким образом, мы считаем, животные как источник повышенной опасности — это животные, не являющиеся объектами животного мира, принадлежащие физическому, юридическому лицу либо муниципальному образованию на праве собственности или ином вещном праве, обладающие вредоносными, опасными для окружающих свойствами, в силу которых исключается возможность полного контроля над ними со стороны человека, вследствие чего создается повышенная опасность для окружающих.

Используя критерии степени подконтрольности и вредоносности, можно выделить три группы животных, представляющих повышенную опасность для окружающих:

- 1) дикие животные, изъятые из среды обитания и находящиеся в неволе;
- 2) домашние животные, в том числе сельскохозяйственные;
- 3) бродячие животные.

Повышенная опасность диких животных обусловлена их специфическими свойствами. Острые клыки и когти, крупные размеры, агрессивность, хищнические

инстинкты обуславливают вредоносность их обладателей по отношению к окружающим. При этом дикое животное, даже хорошо выдрессированное (например, цирковое животное), не может полностью контролироваться человеком, поскольку его поведение обусловлено естественными рефлексам и инстинктами. Дикое животное воспринимает человека как угрозу, часто агрессивно по отношению к нему. Даже максимально возможная степень заботливости со стороны владельца не гарантирует полного контроля над животным, что и определяет высокую вероятность причинения им вреда.

Домашние животные, в том числе и сельскохозяйственные, можно отнести ко второй группе опасных животных. Безусловно, степень подконтрольности дикого и домашнего животного существенно различается. Поведение домашних животных в силу исторически сложившегося совместного существования с человеком в достаточной мере подконтрольно воле людей. Однако природные особенности любого животного, как живого организма, исключают полный контроль над его поведением.

Сельскохозяйственные животные, особенно племенные, часто своенравны и агрессивны, с трудом поддаются дрессировке, некоторые ее совсем не проходят. Как правило, восстановить контроль над вырвавшимся из-под власти человека животным не сразу и не всегда представляется возможным.

Специфические вредоносные качества собак определенных пород обусловлены природными особенностями — высокой степенью агрессивности, физической силой, выносливостью, низким болевым порогом. Их вредоносность увеличивается благодаря специальной подготовке, в результате которой возрастает степень их агрессивности по отношению к человеку, а поведение корректируется таким образом, чтобы наиболее эффективно, с точки зрения владельца, использовать их генетические данные. Так, в результате тренировок у служебных и бойцовых собак улучшаются физические качества, повышается степень агрессивности. Кроме того, бойцовые собаки «натаскиваются» на животных, у служебных пород вырабатываются особые навыки преследования и нападения на человека. Такие собаки в силу их природных особенностей и специального обучения могут стать «биологическим» оружием. Если животные, обученные таким образом, используются не в деятельности специальных служб и ведомств (ФСБ, МО, МВД, ФСИН, МЧС), а содержатся у граждан, опасность причинения ими вреда увеличивается.

Относящиеся к третьей группе бродячие животные представляют собой животных, которые содержатся в домашних условиях (одомашнены), но к моменту обнаружения их владелец (собственник) неизвестен или его невозможно установить. Понятие «бродячие» относится лишь к домашним животным и неприменимо к диким или прирученным. Животные выбывают из владения зачастую по воле владельца. С точки зрения гра-

жданского права, оставленное животное является безнадзорным, поскольку законодатель правовое значение придает лишь особому состоянию животного — безнадзорности, не конкретизируя характер действий, приведших к этому.

В случае причинения вреда животным субъектом ответственности может выступать как законный, так и незаконный владелец опасного животного. При юридической квалификации и применении норм статьи 1079 ГК РФ необходимо не только установить владельца животного, причинившего вред, но и выбрать субъекта ответственности между указанными видами возможных владельцев.

Представляется, что оба вида владения животным (законное и незаконное) содержат в себе общие признаки гражданско-правового владения. В гражданском праве под владением понимается либо факт — «фактическое господство над вещью», либо право — вид прав на собственные действия, одно из правомочий собственника, которое он может передать иным лицам.

Как отмечается в литературе, «в понятии «владелец» источника повышенной опасности действительное содержание шире его буквального наименования» [4, с. 5]. Это связано с «материальным признаком» владения источником повышенной опасности, заключающимся «в том, что владелец источника повышенной опасности должен реально иметь источник в своем владении» [5, с. 39]. Иными словами, владелец источника повышенной опасности должен осуществлять деятельность, создающую повышенную опасность для окружающих. В то же время данный признак является общим квалифицирующим признаком деликта.

Содержание опасных животных означает осуществление их владельцем повышенно-опасной деятельности. Если владельцем животного является юридическое лицо, но контроль за животным в момент причинения им вреда осуществлял отдельный работник этого юридического лица согласно трудовому договору, то данные действия не превращают последнего во владельца опасного животного. Им было и остается юридическое лицо. В соответствии с нормами статьи 1068 ГК РФ работодатель отвечает за вред, причиненный работником при исполнении как трудовых, так и иных подобных обязанностей. Ответственность возлагается на работодателя, имеющего в подобных случаях лишь право и волю на владение, но не фактическое обладание источником повы-

шенной опасности. Таким способом преследуется воспитательно-предупредительная цель, направленная на устранение последствий несчастных случаев. Владелец животного должен позаботиться о том, чтобы опасное животное не оказалось «в руках» неуправомоченного лица. Если же он пренебрегает своей обязанностью, то не может быть освобожден от повышенной ответственности и от обязанности возмещения вреда. Кроме того, возложение ответственности на «фактического владельца» либо обоих лиц — владельца животного и лицо, осуществляющее фактическое господство в момент причинения, на наш взгляд, нецелесообразно, так как владельцем источника повышенной опасности является лишь «юридический владелец». Признание владельцами опасного животного одновременно двух лиц может способствовать обезличиванию ответственности, стремлению переложить ответственность на «совладельца», привести к затяжным спорам. Полагаем, во всех случаях надо точно определять, кто является владельцем животного, а, следовательно, и полностью отвечает за него. Функции контроля нельзя отождествлять с владением.

Возникает вопрос: кто должен отвечать за вред, причиненный безнадзорными животными? Статьи 230–232 ГК РФ регламентируют порядок приобретения права собственности на безнадзорных животных. Гражданским кодексом установлен шестимесячный срок приобретательской давности для возникновения права собственности на безнадзорное животное у лица, его задержавшего. Если указанное лицо откажется по истечении шести месяцев от права собственности на животное, оно поступает в муниципальную собственность (абз. 2 п. 1 ст. 231 ГК РФ). Кроме того, если причиняется вред безнадзорными животными, ответственность, на наш взгляд, должно нести государство в лице органов местного самоуправления, поскольку ими не приняты соответствующие меры по отлову и содержанию безнадзорных животных.

Таким образом, признание отдельных видов животных источниками повышенной опасности, следовательно, возложение обязанности по возмещению причиненного ими вреда на хозяев (собственников, владельцев) независимо от вины, будет способствовать повышению их ответственности за своих питомцев, заставит быть предельно внимательными и осторожными при содержании и использовании опасных животных.

Литература:

1. Захаров Д.Е. Животные как объекты гражданских прав: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2010. С. 8.
2. Белякова А.Н. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. С. 7; Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. С. 62; Шишкин С.К. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, по российскому гражданскому праву: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2004. С. 6–7.
3. Мохов А.А., Копылов Д.Э. Псовые как объекты гражданских прав; Рожкова М.А. Об источнике повышенной опасности; Захаров Д.Е. Животные как объекты гражданских прав: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2010. с. 20.

4. Коняев Н.И. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда источником повышенной опасности: Автореф. дис. канд. юрид. наук. — М., 1966. С. 5.
5. Советское гражданское право: Учебник / Под ред. О.А. Красавчикова. Т. 2. С. 397 (автор — О.А. Красавчикова).

Соотношение понятий «парламент» и «парламентаризм»

Шавкоро Анна Борисовна, соискатель

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Истории известны разнообразные сочетания форм государства и политических режимов, многочисленные системы государственных органов и их полномочия, различная степень участия народа в государственно-общественных делах. При этом следует отметить, что на протяжении длительного времени, начиная с древнейших времен и заканчивая настоящим временем, темой исследований многих ученых-правоведов, а также политических деятелей была идеальная модель государственного устройства, при которой соблюдался бы баланс всеобщего и личного блага, общенациональных и индивидуальных интересов. Одной из таких форм являлась парламентская форма представительного правления. Она сложилась по мере роста народонаселения и усложнения социальной структуры, когда прямая и плебисцитарная демократия стали неэффективными.

В преддверии выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации вопрос о воплощении истинного значения парламентаризма в России вновь становится актуальным. В связи с этим представляется интересным рассмотреть соотношение понятий «парламент» и «парламентаризм».

К примеру, А.Х. Саидов рассматривает парламент как «широко распространенное политико-правовое явление современности» и как «уникальный древнейший институт государственной структуры современной государственности» [16, с. 3], присущий большинству государств мира.

Термин «парламент» латинского происхождения и означает «говорильня», «собеседование». Ранние формы парламентов появились в XII-XIII вв. и назывались испанские кортесы и английский парламент [18, с. 9]. В юридической литературе упоминаются также исландский Альтинг, Народное собрание и Совет пятисот в Афинах, «трибунные собрания представителей» в Риме. «Первые ростки народного представительства и образцы представительных органов, статус, порядок формирования и распределение полномочий которых были взяты за основу парламентского строительства многих стран мира, зародились именно там» [11]. В.Е. Чиркин утверждает, что парламент, в современном понимании слова, появился в Великобритании в XIII-XIV вв. [19, с. 103]. Несколько позже возникли сословные и сословно-представительные учреждения, ставшие неотъемлемой ча-

стью государственного механизма почти во всех странах Западной и Центральной Европы, где они в процессе эволюции и революций развились в представительные учреждения современного типа или были ими заменены [17, с. 95].

В настоящее время понятие «парламент» означает избираемый населением страны представительный орган, носитель законодательной власти, неотъемлемый институт демократического государственного строя. К примеру, В.Е. Усанов рассматривает парламенты как представительные, коллегиальные, выборные органы власти, наделенные непосредственными и исключительными полномочиями законодательной деятельности [18, с. 10–11]. Другими словами, современный парламент — это общегосударственный, представительный орган, чья главная функция в системе разделения властей заключается в осуществлении законодательной власти. Парламент представляет собой высший представительный орган, состоящий из одной или двух палат, одна из основных задач которого состоит в принятии законов [19, с. 192].

Наряду с законодательной функцией, парламенты имеют ряд других функций: утверждают годовой бюджет и осуществляют контроль органов исполнительной ветви власти. При этом парламент и его палаты не могут не участвовать в решении вопросов внутренней и внешней политики страны, что собственно предполагается их представительной природой.

Таким образом, парламент — это сложный многоэлементный механизм, имеющий разнообразные связи и отношения с другими институтами власти в механизме государства, отражающий представительную природу своего формирования в принятии законов, регулирующих отношения внутренней и внешней политики страны, а также осуществляющий контроль за реализацией законов исполнительной властью, в том числе и в международных отношениях.

С понятием «парламент» тесно связано понятие «парламентаризм». В связи с этим интересна точка зрения С.А. Авакьяна, который подчеркивает, что наличие парламента, представляющего интересы народа, осуществляющего законодательную функцию, участвующего в верховном руководстве делами государства указывает на наличие парламентаризма [2, с. 385]. Для констатации

парламентаризма необходимо чтобы: во-первых, депутаты должны иметь определенный социальный статус (профессионально заниматься представительской деятельностью, имея депутатское жалование); во-вторых, парламент должен иметь четко фиксированные задачи и полномочия (принимать законы, утверждать бюджет государства, определять его доходы и расходы, влиять на осуществление внутренней и внешней политики государства, участвовать в формировании органов государственной власти и осуществлять парламентский контроль в отношении этих органов); в-третьих, для парламента должны быть установлены определенные формы, методы и стиль работы (коллегиальное осуществление задач в рамках пленарных заседаний, в комитетах, фракциях, комиссиях и т.п. с использованием процедур прений, запросов депутатов, дискуссий, дебатов) [1, с. 26–29].

При этом нельзя не отметить тот факт, что в политологической и правовой литературе понятие «парламентаризм» понимается неоднозначно в силу его дуалистической политико-правовой природы и содержательной структуры. В парламентском праве парламентаризм рассматривается как особая система организации государственной власти, структурно и функционально основанная на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития отношений социальной справедливости и правопорядка [13, с. 5, 385]. В Большом энциклопедическом словаре: «парламентаризм — это система политической организации государства, при которой четко разграничены функции законодательной и исполнительной властей при привилегированном положении парламента» [5, с. 469]. Один из ведущих специалистов по конституционному праву М.В. Баглай определяет парламентаризм как государственный строй, основанный на верховенстве парламента в системе органов государства [4, с. 469]. И.П. Рыбкин определяет парламентаризм более широко: политическая система, «где суверенная воля народа находит свое воплощение в избираемом на основе всеобщего и тайного голосования, в условиях многопартийности и разделения властей высшем представительном учреждении, которое осуществляет законодательную деятельность и контроль за органами исполнительной власти и гарантирует защиту интересов как большинства, так и меньшинства граждан» [15, с. 4]. Н.Г. Аванесова определяет «парламентаризм как организацию государственной власти, в которой структура, полномочия парламента, его роль и место в системе государственных органов определяется особенностями истории развития страны» [3, с. 148]. Но что примечательно — в Конституции Российской Федерации (важнейшем законе государства) термин «парламентаризм» вообще не упоминается.

Из изложенного видно, что при толковании понятия «парламентаризм» употребляются различные характеристики: система управления обществом; форма пред-

ставительной демократии; демократический механизм реализации интересов определенных групп населения и другие [9, с. 83–94]. Данное понятие отображает, с одной стороны, положение парламента в механизме разделения властей, а с другой — принципы функционирования и устройства парламента.

Следует подчеркнуть, что парламент и парламентаризм — понятия взаимосвязанные, но не равнозначные. Парламентаризм не может существовать без парламента, отвечающего определенным характеристикам. Парламентаризм возникает и существует только тогда, когда парламент наделен законодательными полномочиями, полномочиями избрания правительства, контроля за его деятельностью и деятельностью нижестоящих органов исполнительной власти, их отставки, а также отставки президента. В то же время парламент может существовать без важнейших элементов парламентаризма, которые могут быть утрачены. К числу этих элементов относятся, прежде всего, разделение властей, представительность и законность [12, с. 4–5].

Если попытаться дать развернутое и всеобъемлющее определение парламентаризма, то оно будет выглядеть следующим образом. Парламентаризм — это система политической организации государства, складывающаяся как результат соответствующей конституционно-правовой практики, элементами которой являются: верховенство закона; разделение властей при четком распределении законодательных и исполнительных функций; высшее представительное и законодательное учреждение — парламент — избираемое на основе всеобщего и тайного голосования в условиях многопартийности; привилегированное положение парламента по отношению к другим органам государственной власти, проявляющееся, в частности, в исключительных законодательных полномочиях, а также полномочиях избрания правительства, контроля за его деятельностью и деятельностью органов исполнительной власти; высокая политико-правовая культура граждан государства.

Подытоживая вышесказанное, необходимо обратить внимание на то, что в работах российских ученых исследуется, прежде всего, его содержание и варианты его воплощения в российскую действительность.

По мнению О.И. Бурлакова, парламентаризм можно рассматривать в трех аспектах:

Во-первых, это идейно-теоретическая концепция, лежащая в основе научного обоснования необходимости парламента как института и его основных функций.

Во-вторых, это реальный политико-правовой институт, характерный для государства с разделением властей и воплощающий в себе единство представительной и законодательной власти в обществе.

В-третьих, это еще и расширение власти парламента, и образование парламентского правительства, в случае парламентской республики с соответствующим видом исполнительной власти [6].

Рассмотренные аспекты тесно взаимосвязаны, при

этом понятие парламентаризма следует рассматривать с учетом исторической обусловленности. Представляется сомнительным утверждение, что «парламентаризм существует лишь в государствах, где имеется парламент, наделенный не только законодательными, но и органомобразующими и контрольными полномочиями» [7, с. 19]. При наличии парламента может не быть парламентаризма как системы правления.

Иначе говоря, парламентаризм возникает и существует лишь тогда, когда парламент наделен полномочиями принятия законодательных актов, избрания правительства, контроля над его деятельностью и другими органами исполнительной власти, их отставки, а также отставки президента [14, с. 213].

Таким образом, лишь при верховенстве парламента как основного признака парламентаризма можно говорить о самом парламентаризме, где исключается соперничество между законодательной и исполнительной ветвями власти и обеспечивается единство народного представительства на государственном уровне, как при решении внутригосударственных задач, так и во внешнеполитической сфере.

На современном этапе глобализация международной жизни предполагает эффективность управления международными процессами для всеобщего блага и, прежде всего, по обеспечению международной безопасности, на основе базовых принципов и императивных норм с участием всех государств мирового сообщества. Российская Федерация не исключение. Она является активно действующим субъектом в управлении международными отношениями в лице соответствующих компетентных высших органов государственной власти. Более того, за последнее время в сфере международной деятельности роль российского парламента значительно усилилась. В.Н. Лихачев указывает, что российские парламентарии, преследуя национальные интересы страны, осуществляют свою деятельность с учетом международных потребностей

и запросов других государств [10, с. 213–308]. Помимо ежегодной ратификации до полусотни международных договоров парламентарии России активно сотрудничают с парламентами других стран через официальные парламентские делегации Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, участвуют в работе межпарламентских организаций, а также в работе специальных комитетов, комиссий и Межпарламентской группы Российской Федерации.

При этом в отличие от законодательной как важнейшей внутригосударственной функции во внешнеполитическом сфере представительная функция национального парламента является весьма важной, поскольку именно через нее народ (суверен) имеет возможность менее опосредованно, чем через государственные органы исполнительной власти, общаться с другими народами. Следовательно, международная деятельность национального парламента является формой народного представительства в сфере международных отношений [8, с. 3].

Также следует отметить, что парламентарии современных государств являются и внешнеполитическими органами, поскольку наряду с выполнением традиционных функций участвуют и в международной деятельности, влияя на внешнюю политику страны через законотворческую деятельность (принятие бюджета и законов, регламентирующих внешние сношения), ратификацию международных договоров и участие в назначении должностных лиц государства, прямо или опосредованно выполняющих внешнеполитические задачи [16, с. 5].

Учитывая вышеизложенное, можно надеяться, что после выборов в Государственную Думу российского парламента его деятельность будет осуществляться во всем спектре представительских, законотворческих, контрольных функций, а также и в международной сфере, что является важным связующим звеном между народом России и народами других стран.

Литература:

1. Авакьян С.А. Федеральное Собрание — парламент России. — М.: российский юридический Издательский Дом, 1999.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. — 2-е изд., перераб. и доп. — В 2 т. Т. 2. — М.: Юрист, 2006.
3. Аванесова Н.Г. Современный российский парламентаризм как сложный социальный феномен. // Российский парламентаризм: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. / Науч. Ред. А.А. Вартунян. — Армавир: Шурыгин В.Е., 2008.
4. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. — М.: Норма, 2004.
5. Большой энциклопедический словарь. — М., 1977; (<http://slovari.299.ru>).
6. Бурлаков О.И., Рязанцев И.И. Парламентское право России: Курс лекций. / Под общ. ред. докт. юрид. наук О.И. Бурлакова. — М.: Юстицинформ, 2007. Лекция 1.
7. Гранкин И.В. Парламент России. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2001.
8. Джалилов М.Х. Возникновение и развитие межпарламентских отношений республики Таджикистан в годы национальной независимости: Автореферат дис. к.и.н. — 07.00.02 — Душанбе, 2006.
9. Евзеров Р.Я. Парламентаризм и разделение властей в современной России // Общественные науки и современность. — 1999. — № 1.
10. Лихачев В.Н. Современные проблемы мироуправления: Российский подход. — М.: Вече, 2009.

11. Мачульская И. Парламентаризм «И опыт, сын ошибок трудных...» (к 100-летию Государственной Думы). 2006 г. — <http://www.senator.senat.org/senat.html>.
12. Миронов О.О. Истоки российского парламентаризма. // Представительная власть. — 1996. — № 4—5.
13. Парламентское право России. / Под ред. И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой. — М., 1999.
14. Романов Р.М. Понятие и сущность парламентаризма // Социально-политический журнал. — 1998. — № 4.
15. Рыбкин И.П. Становление и развитие парламентаризма в России: автореф. дис. ... д-ра полит.наук. — М., Институт государства и права, 1995.
16. Саидов А.Х. Национальные парламенты мира: энциклопедический справочник. — М.: Волтер Клувер, 2005.
17. Страшун Б.А., Рыжов В.А. Законодательная власть: Парламент. / Конституционное (государственное) право зарубежных стран. — М., 1995. Т. 2.
18. Усанов В.Е. Становление и развитие парламентаризма в России: историко-правовое и критическое исследование. Монография. — М.: ООО Издательство «Элит», 2008.
19. Чиркин В.Е. Законодательная власть / В.Е. Чиркин. — М.: Норма, 2008.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Революция в Ливии как инструмент стабилизации экономики США

Левина Карина Анатольевна, студент
Ульяновский государственный университет

Мировой финансовый кризис, точкой отсчета которого стало банкротство одного из ведущих инвестиционных банков США Lehman Brothers 15 сентября 2008 года [1], серьезно подорвал и без того внутренне нестабильную экономику Штатов. К началу 2011 года внешний долг США достиг исторически рекордных показателей в \$ 14,29 трлн. [2], а дефицит бюджета вырос до \$ 1,5 трлн. По оценкам экспертов единственным возможным для США исходом в ситуации неуклонно растущего внешнего и внутреннего долга явился бы технический дефолт без договоренности о повышении верхнего уровня госдолга между Белым домом и Конгрессом, который бы грозил новым витком финансового кризиса, спровоцировал бы рост процентных ставок, паралич государственного аппарата, коллапс на рынке займов, выход в кэш и обвал на рынке акций [1]. 2 августа 2011 года Президент Барак Обама подписал одобренный сенатом законопроект, повышающий максимально допустимый уровень государственного долга США. Согласно принятому плану, максимально допустимый уровень государственного долга будет повышен на 2,4 трлн. долларов при нынешнем уровне в \$ 14,3 трлн. В обмен исполнительная власть обязуется в течение 10 лет сократить бюджетные расходы [3].

Кажется, что все предельно прозрачно, и других путей экономической стабилизации США не существует. Но чрезмерная заинтересованность администрации Белого дома гражданской войной в Ливии и переход руководства миротворческой операцией к объединенным войскам НАТО наводят на мысль, о том, что военная интервенция Североатлантического Альянса в Великую Социалистическую Народную Ливийскую Арабскую Джамахирию является скрытым рычагом подъема экономики США.

В соответствии пунктами 17, 19, 20 и 21 резолюции Совета Безопасности ООН № 1970 (2011) [4] и пунктами 19, 20 и 21 резолюции Совета Безопасности ООН № 1973 (2011) [5], властями США были заморожены активы Муамара Каддафи и членов его семьи на сумму около \$30 млрд. Дэвид Коэн, работающий в казначействе в секретариате по борьбе с терроризмом и финансовой разведки, сообщил, что это самая большая сумма, которую власти когда-либо замораживали [6]. Интересно, что деньги, которые заморозили чиновники — не что иное, как выплаты по облигациям государственного займа США, т.е. амери-

канские долги. Иными словами — США решили не обслуживать долг Ливии [7]. Кроме того, 22 марта 2011 года Министерство финансов США (US Treasury) наложило санкции на 14 фирм, контролируемых, по данным ведомства, Национальной нефтяной корпорацией Ливии. Соединенные Штаты, в частности, заморозили активы таких компаний, как Arabian Gulf Oil Company, Ras Lanuf Oil and Gas Processing Company и Waha Oil Company [8]. Интересно то, что на «замороженные» активы были куплены облигации государственного долга США [9], т.е. фактически Штаты вольно ими распоряжаются, погашая дефицит бюджета, финансируя саму военную операцию, а также наращивая военный потенциал. По состоянию на лето-осень 2010 года Бахрейн, Иран, Ирак, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ, Алжир и Ливия совокупно владеют 210 миллиардами долларов американского государственного долга.

Изучение структуры государственного долга США показывает, что в случае обрыва цикла нефтедолларов стоимость обслуживания долга станет непреодолимой. Америка уже давно финансирует выдачу доходности старых долгов займом новых, являясь, таким образом, классической финансовой пирамидой, но обладающей низкой доходностью. Именно поэтому то, что происходит сейчас на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Персидском Заливе — это ключевые события для всего мира. И при малейшем отклонении стран региона от ежемесячных инвестиций в США начнется развертывание спирали гиперинфляции и дефолта по внешним и внутренним займам. Показательно, что США стремится снизить долговую нагрузку подчас радикальными методами разжигания вооруженного конфликта, называя этот процесс «борьбой с кровавым режимом Каддафи».

Военные действия в Ливии привели к тому, что правительство Муамара Каддафи было свергнуто, и руководство страной перешло к проамериканским оппозиционным силам — Переходному национальному совету (ПНС), возглавляемому бывшим министром юстиции Мустафой Абделем Джалилем. В свою очередь в соответствии с пунктом 10 резолюции Совета Безопасности ООН № 2009 (2011) [10], США начинают оказывать активную помощь временному правительству Джамахирии путем «размораживания» и возвращения небольших частей активов в страну, предоставляя ливийской оппози-

зиции доступ к части денежных средств Муамара Каддафи. При этом администрация Белого дома явно делает ставку на то, что в революционной суматохе у Переходного национального совета не будет времени на взыскание суммы основного долга и процентов у Америки, которая является, по сути, спонсором деятельности переходного правительства, и долг обнулится в связи с тем, что заем был сделан у правительства Каддафи, которое стало не только нелегитимным, но и нелегальным. Даже предположив, что новая Ливийская республика станет правопреемницей Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии, Венская Конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 года не регулирует переход взыскания основного долга и процентов с третьего государства от государства-предшественника к государству-преемнику. Таким образом, США, подогревая конфликт в Северной Африке, снимают с себя обязательства по выплате Ливийских долгов, тем самым уменьшая внешний долг.

Но не стоит полагать, что аннулирование долга перед Ливией путем финансирования деятельности повстанческих вооруженных сил является единственным средством укрепления посткризисной экономики США. Запасы нефти в Ливии достигают 46,4 млрд. баррелей — это 3,4% мировых залежей и 8-е место в мире. Не так много, как в Ираке (115 млрд. баррелей — 8,3% запасов и 4-е место), однако ливийская нефть известна малой сернистостью, а это принципиально важное качество для переработки. До мятежа в Джамахирии ежедневно экспортировалось примерно 1,3 млн. баррелей в сутки, в то время как запасы газа в Ливии превышают 2 трлн. м³. С началом конфликта добыча «черного золота» упала до 60 тыс. баррелей в сутки.

Одним из стратегических интересов США, заявленных Джорджем Бушем-младшим в концепции национальной безопасности 23 мая 2002 года, является базирование на Ближнем Востоке и Северной Африке «для предотвращения внутригосударственных конфликтов из-за природных ресурсов» [11], что фактически означает политическое доминирование и заинтересованность нефтяным сектором региона. Поэтому в числе факторов, послуживших развязыванию ливийского конфликта, находилась глобальная охота за нефтью, описанная в книге «Добыча» историком нефтяной промышленности Дэниелом Ергином (Daniel Ergin). В настоящее время США производят около 40% потребляемой нефти, импортируя 60%, 6% из которых поступают из Ливии [12]. До начала гражданской войны в Ливии американские нефтяные компании были одними из самых активных покупателей легкой и малосернистой ливийской нефти [13]. Так как Джамахирия является членом ОПЕК, то цены на высококачественную ливийскую нефть являются фиксированными для всех покупателей и диктуются организацией. Вывод Ливии из состояния политического равновесия

был выгоден Штатам, так как это позволило на определенный срок ослабить контроль ОПЕК над ценами на нефть и позволило США приобретать ее по сниженным ценам, что, безусловно, имело положительное влияние на экономику страны.

Вооруженный конфликт в Ливии приостановил сделку итальянской нефтяной компании Eni, находящейся в хороших взаимоотношениях с Каддафи, и «Газпрома», которая должна была предоставить крупнейшей газовой компании мира серьезную долю в разработке ливийской нефти, что не входило в стратегические планы США. Доступ «Газпрома» к ливийской нефти и развитие газопровода «Южный поток» создали бы серьезную конкуренцию «Набукко», газовому проекту США, который в перспективе должен поставлять газ с восточной границы Турции в Европу в обход России. Кроме того, не стоит забывать о французской компании Total, которой принадлежит небольшая часть ливийских нефтяных запасов [14]. В итоге образуется франко-американская коалиция, направленная на свержение режима Каддафи, оккупацию ливийских нефтяных месторождений и устранение конкурентов в нефтеносном секторе.

После того, как 26 апреля 2011 года Министерство финансов США дало разрешение на покупку нефти у ливийских повстанцев на территориях, подконтрольных оппозиционному переходному совету [15], три американские нефтяные компании — ConocoPhillips, Marathon Oil и Amerada Hess — согласились выплатить в общей сложности 1,83 млрд. долларов Национальной нефтяной корпорации Ливии за право продолжить добычу нефти в Ливии [16] в пользу США. При этом нефтяная компания ConocoPhillips стала первой из крупнейших американских компаний, возобновивших закупки ливийской нефти. Учитывая рост цен на нефть на сырьевых рынках, стоит предположить, что доходы от добытой ливийской нефти и грядущей эксплуатации «Набукко» не только возместят затраты на право продолжения нефтедобычи в Ливии, но и привлекут дополнительные нефтегазовые доходы в бюджет США для сокращения дефицита бюджета.

Гражданская война в Ливии была выгодна США не только из-за обретения более свободного доступа к ливийской нефти и активам Муамара Каддафи, но и получения контроля над центральной банковской системой Ливии. Джамахирия, наряду с Северной Кореей, Ираном, Суданом, Кубой, является страной, не имеющей Центрального банка модели Ротшильда. Соответственно, торговля через ливийский Центральный банк, который независим от Международного валютного фонда и Всемирного банка, происходит в ливийских динарах, а не в долларах США [17]. Соответственно, получив контроль над Центральным банком Ливии и переведя торговлю на «долларовые рельсы», США сократили бы свои финансовые потери из-за разницы соотношений курса доллара и динара, а также увеличили оборот необеспеченных активами долларов. Конечно, «долларовое цунами» вызовет

очередную волну глобального кризиса, но, по оценкам экспертов, предотвратит дефляцию и выведет экономику США из ликвидной ловушки [18].

Таким образом, проанализировав основные причины ливийской войны, проследив определенную заинтересованность Соединенных Штатов Америки в развязывании

вооруженного столкновения и оценив выгоды революции для экономики страны, можно с уверенностью заявить, что конфликт в Ливии был инициирован и подогревался администрацией Белого дома с целью ослабить последствия Мирового финансового кризиса и стабилизировать посткризисную экономику государства.

Литература:

1. Дефолт в США перенесли на несколько месяцев. Деловой Петербург. // Режим доступа: http://www.dp.ru/a/2011/07/20/Defolt_v_SSHA_obichnaja_to/
2. U.S. National Debt Clock. // Режим доступа: http://www.brillig.com/debt_clock/
3. Обама подписал закон об увеличении потолка госдолга США. Русская служба BBC. // Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/business/2011/08/110729_us_debt_vote_monday.shtml
4. Резолюция Совета Безопасности ООН № S/RES/1970 (2011). // Режим доступа: [http://ru.wikisource.org/wiki/Резолюция_Совета_Безопасности_ООН_№_S/RES/1970_\(2011\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Резолюция_Совета_Безопасности_ООН_№_S/RES/1970_(2011))
5. Резолюция Совета Безопасности ООН № S/RES/1973 (2011). // Режим доступа: [http://ru.wikisource.org/wiki/Резолюция_Совета_Безопасности_ООН_№_S/RES/1973_\(2011\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Резолюция_Совета_Безопасности_ООН_№_S/RES/1973_(2011))
6. У Каддафи и его семьи оказалось в США активов на \$30 млрд, Вашингтон их заморозили. Газета.ру. // Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/business/2011/02/28/n_1725017.shtml
7. Под шум племенных войн США ворует деньги. Павел Нурминен. Раздел «Геополитика». Глобалист. // Режим доступа: <http://globalist.org.ua/novosti/geopolitical-news/ssha-vneshnij-dolg-liviya-no64360.html>
8. США наложили санкции на 14 ливийских нефтяных компаний. Lenta.ru: Новости // Режим доступа: http://lenta.ru/news/2011/03/23/impose/_Printed.htm
9. Государственный долг США и шестисотый верблюд в конюшне короля Бахрейна. Павел Нурминен. Раздел «Геополитика». Глобалист. // Режим доступа: <http://globalist.org.ua/novosti/geopolitical-news/amerikanskij-dolg-no64657.html>
10. Резолюция Совета Безопасности ООН № S/RES/2009 (2011). // Режим доступа: [http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=S/RES/2009\(2011\)&Lang=R](http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=S/RES/2009(2011)&Lang=R)
11. Концепция национальной безопасности США. The National Security Strategy of the United States of America. // Режим доступа: <http://www.informationclearinghouse.info/article2320.htm>
12. Экспорт нефти из Ливии («РИА Новости», Россия). // Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/infographic/20110222/166756421.htm>
13. ConocoPhillips первой возобновила закупки ливийской нефти. Lenta.ru // Режим доступа: http://lenta.ru/news/2011/09/30/conoco/?utm_medium=twitter&utm_source=lenta.ru
14. Цель НАТО — отрезать Россию от ливийской нефти. ИноТВ. // Режим доступа: <http://inotv.rt.com/2011-05-16/Cel-NATO-otrezat-Rossiju-ot>
15. США разрешили торговать нефтью с ливийскими повстанцами. Lenta.ru // Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/04/27/oil/>
16. Американские компании возвращаются к нефтедобыче в Ливии. Портал по странам востока. // Режим доступа: <http://www.middle-east.ru/mass-media/?id=208&PHPSESSID=0189d957ddf8ce8646145f2e422ca92d>
17. Libya: Oil, Banks, the United Nations and America's Holy Crusade. Felicity Arbuthnot. Global Research. // Режим доступа: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=24151>
18. Мировая экономика в ожидании долларовой цунами. // Режим доступа: <http://lt90.narod.ru/public/cunami.html>

Замещающая семья в Москве: состояние, проблемы, перспективы

Стукалова Анастасия Владимировна, аспирант
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семье является приоритетным направлением московских властей, отвечающим интересам ребенка. И в этом процессе особая роль принадлежит замещающей семье. Данное понятие не закреплено юридически, но широко используется и включает все формы семейного устройства — опека/попечительство, приемная семья, патронатная семья, усыновление.

Для успешной реабилитации и воспитания детей — сирот необходимы отношения привязанности, а они возникают только в семье, которая подготовлена к профессиональной работе с необычным ребенком, и родители, обладающие определенными ресурсами для успешной интеграции сирот в семью и общество. Замещающий родитель выступает в роли профессионала, в том числе осуществляет реабилитационную функцию, связанную с преодолением проблем в развитии и поведении ребенка.

На 1 октября 2011 года в Москве в замещающих семьях живут 13304 ребенка: в семьях усыновителей — 3300 детей (25 %); в семьях опекунов — 9109 детей (68 %); в приемных семьях — 803 ребенка (6,3 %); в патронатных семьях — 92 ребенка (0,7 %).

Количество детей, состоящих на учете в региональном банке данных, постоянно сокращается. На этот же период на учете состоит 4266 детей, оставшихся без попечения родителей.

Одновременно увеличивается количество москвичей, желающих принять ребенка в свою семью. В 2010 году на учете состояло 2272 человек. За 9 месяцев 2011 года — 1897 граждан заявили о своем намерении стать замещающими родителями. Ежегодно более двух тысяч детей обретают семью. Таким образом, 87 % москвичей становятся родителями долгожданного ребенка.

К сожалению, существует проблема возврата детей из замещающих семей. Это трагедия в их судьбах. В 2008 году отменено 97 решений, в 2009 году — 84, в 2010 году — 78, а за 9 месяцев 2011 года — 74. Сократилось количество возвратов на 18 %.

Чаще всего причинами возврата являются: недостаточная правовая и психолого-педагогическая подготовленность будущих родителей к проблемам воспитания приемного ребенка, а также их личностные особенности.

Одним из путей улучшения сложившейся ситуации в этой сфере является качественная подготовка потенциальных замещающих родителей. В Москве функционирует 28 школ приемных родителей, в которых подготовлено за полтора года более 1500 человек.

В настоящее время в соответствии с действующим федеральным законодательством прохождение подготовки кандидатами в замещающие родители основано

только на желании самих граждан. А требование об обязательном прохождении специальной подготовки отсутствует. Главной целью подготовки является оказание потенциальным родителям психолого-педагогической помощи, которая позволит обеспечить максимально комфортное протекание периода адаптации ребенка в замещающей семье. Министерством образования и науки РФ только в мае 2011 года утверждена примерная программа подготовки граждан. Она рассчитана на 80 часов, в ней определены требования к уровню подготовки и итоговая аттестация.

Основные цели подготовки кандидатов в замещающие родители:

- осознание ими реальных проблем, с которыми предстоит столкнуться, оценка ответственности, которую они берут на себя;
- знакомство с особенностями протекания периода адаптации ребенка в семье; научить кандидатов рассматривать «трудное» поведение ребенка в контексте окружающих условий.

В настоящее время на территории города неравномерно представлены возможности обучения в школах приемных родителей. Так, в Юго-Восточном округе работают 7 школ, в Северо-Восточном и Северо-Западном округах — по одной. Такая ситуация не обеспечивает возможность обучения в шаговой доступности от места проживания или места работы будущих родителей.

Для реализации в полном объеме программы подготовки граждан, желающих принять на воспитание в свою семью детей, Департаментом семейной и молодежной политики высказаны пожелания о привлечении к работе в школах специалистов уполномоченных органов опеки, попечительства и патронажа и специалистов системы здравоохранения. Также в Государственную Думу представлен проект федерального закона, устанавливающий обязательное прохождение подготовки граждан (за исключением отчимов/мачех, близких родственников детей, а также лиц, которые являлись/являются опекунами/попечителями, усыновителями и не были отстранены от своих обязанностей).

Анализ сегодняшней ситуации показывает, что Школы приемных родителей, созданные в Москве, готовы принять будущих замещающих родителей на обучение. По данным опроса специалистов 125 муниципалитетов города Москвы, полученным учебно-методическим центром «Детство», из состоящих на учете замещающих семей в первом полугодии 2011 года только 13,9 % получали услуги по сопровождению в учреждениях города Москвы. В рамках каждой формы устройства среди замещающих семей, получающих услуги по сопровождению на первое

место выходят патронатные семьи — 97,3 %, на втором — приемные (16,6 %) и опекунские (16,2 %) семьи, и только 4,5 % из всех семей — семьи усыновителей. Наибольшее число замещающих семей, охваченных услугами по сопровождению, живут в Зеленоградском административном округе — 45,8 % всех имеющихся там замещающих семей, а в Северо-Восточном — 23 %, Северном — 20,5 %, Западном — 19,8 %, Южном — 16,2 %. Следует отметить, что данные муниципалитетов по сопровождению семей, отражают общую тенденцию в городе Москве.

Разработанное Департаментом семейной и молодежной политики города Москвы Положение о сопровождении семьи, принявшей ребенка (детей) на воспитание было утверждено Правительством Москвы в сентябре 2011 года. Оно позволит создать в городе систему оказания уполномоченными организациями профессиональной консультативной, юридической, психологической, педагогической, медицинской, социальной помощи, на основании договора о сопровождении семьи. Этим постановлением предусмотрен и порядок отбора, уполномоченных организаций, участвующих в сопровождение семей, принявших ребенка (детей) на воспитание.

По данным мониторинга в городе оказывают услуги по сопровождению семей учреждения разных ведомств. Му-

ниципалитеты по вопросу сопровождения замещающих семей сотрудничают с 83 организациями. Учреждения Департамента семейной и молодежной политики составляют 36,2 %, Департамента социальной защиты населения — 26,5 %, Департамента образования — 16,9 %, Департамента здравоохранения — 8,4 %. Городские муниципальные учреждения внутригородских муниципальных образований — 4,8 %. Общественные организации и фонды — 7,3 %.

В настоящее время при Департаменте семейной и молодежной политики начинает работать Комиссия по отбору уполномоченных организаций любой ведомственной принадлежности, а также некоммерческих организаций, готовых осуществлять подготовку граждан, желающих принять детей, оставшихся без попечения родителей, в семью на воспитание, а также сопровождать замещающие семьи. Перед департаментом стоят задачи: провести широкую разъяснительную работу с гражданами, желающими принять детей в семью, муниципалитетами, среди замещающих семей и подведомственных учреждений, а также организовать работу по отбору уполномоченных организаций и внедрить в практику учреждений различной ведомственной подчиненности функций по подготовке граждан и сопровождения.

ИСТОРИЯ

Взаимодействие культур народов Севера (на примере материальной культуры эвенов)

Алексеева Евдокия Кимовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (г. Якутск)

В данной статье поднимается и исследуется важный вопрос, связанный с пониманием сложного процесса взаимодействия эвенского этноса с другими народами Севера и Сибири на примере материальной культуры.

Ключевые слова: эвены, взаимодействие, взаимовлияние, материальная культура, соседние народы.

Изучение межэтнических отношений в их самых разнообразных проявлениях как в историческом прошлом, так и в настоящем принадлежит к числу тех актуальных, интересных и практически значимых задач, решением которых занимаются ученые-обществоведы многих стран мира. Результаты их трудов показывают, что наиболее перспективным и плодотворным при анализе взаимодействия разных этносов является применение и интеграция исследовательских приемов и методик смежных гуманитарных дисциплин — этнологии, антропологии, культурологи, истории и др. При этом очевидным стало понимание того обстоятельства, что межэтнические отношения — это, прежде всего, процесс столкновения, взаимодействия, адаптации или отторжения разных этнических культур, т.е. межкультурная коммуникация [10, с. 3].

Эвены — один из древних тунгусоманьчжурских народов Сибири — на протяжении всей многовековой истории создали действительно оригинальную культуру, приспособленную к местным природно-климатическим условиям. По языку и культуре они наиболее близки к эвенкам (тунгусам). В дореволюционной литературе эвенов (ламатов) также относили к тунгусам. В.А. Туголуков писал, что «эвены и эвенки являются в прошлом единым таежным народом» [14, с. 160]. По С.К. Патканову, «физическое и культурное единство объясняется наличием общих генетических корней этих этносов. Вместе с тем, культурные различия эвенков и эвенов, возникшие в ходе влияния на последних культур аборигенных этносов Восточной Сибири, позволяют говорить о самобытности эвенской культуры, прослеживавшейся уже во время прихода в Восточную Сибирь русских» [12, с. 756].

Как известно, с XVII по XIX вв. этнические процессы у эвенов были связаны с дальнейшим освоением северо-восточной части Сибири. К началу XX столетия расселение эвенов по этой обширной территории завершилось, они освоили почти всю территорию между низовьями Лены на западе и бассейном Анадыря на востоке. Такое широкое расселение эвенов привело к обособлению ло-

кальных групп и к тесному сближению, а частично и к слиянию некоторых периферийных групп эвенов с соседями. Ядром этих групп стали выходцы из различных родов. Например, основная масса верхоянских и томпонских эвенов Якутии относилась в прошлом к племени мямя, а аллайиховские эвены — к родам и племенным группам кукуюн, деллянкан, буяксир, дутки, холдыча и хододи; тугясирская же группа эвенов состояла из кровнородственных родов: батагайцев, борюс, тугях, рода Большого шамана и деку [11, с. 113; 2, с. 14].

В западной части своего этнического ареала эвены практически заняли ту территорию между Леной и Колымой, которая в XVII в. осваивалась юкагирами. Эвены, обитавшие между Леной и Яной, подверглись сильному культурному и языковому воздействию со стороны якутов (саха). На Колыме эвены жили «чересполосно» с юкагирами и якутами. На Анадыре эвены подверглись влиянию со стороны коряков, якутов и русского старожильческого населения [15, с. 39].

XVII в. характеризуется вхождением Якутии в единое экономическое, политическое и культурное пространство России. Прежде всего речь идет о хозяйственном и социокультурном развитии местного населения, приведшем к причудливому сочетанию традиционных и инновационных форм жизнедеятельности. Уже с XVII в. в Якутии было заметно неожиданное, на первый взгляд, взаимодействие российской и местной, традиционных культур. Межэтнические контакты происходили в мирном русле, и процесс адаптирования друг к другу происходил в условиях бесконфликтного взаимодействия, прежде всего, по линии хозяйственных и иных экономических контактов. Процесс взаимодействия происходил таким образом, что традиционная культура местных жителей оказалась устойчивой и сохранила за собой особый способ жизнедеятельности. Постоянное общение на бытовом уровне, хозяйственные контакты, совместная служба и т.д. поддерживали межкультурный обмен, создавали благоприятный социально-психологический климат. Конечно, нельзя идеализировать характер и уровень культурного взаимодействия, но,

несомненно, культурный обмен работал на общественный прогресс [13, с. 3–6].

Одним из результатов этнических процессов является расселение эвенов в настоящее время небольшими группами по северным улусам Республики Саха (Якутия), Хабаровского края, Камчатской и Магаданской областей. В силу этого к одной из характерных особенностей данного этноса стоит отнести территориальную разбросанность некоторых локальных групп, их изолированность друг от друга. Еще в начале 60-х гг., по наблюдениям К.А. Новиковой, между эвенами отдельных районов республики и даже между жителями селений в пределах одного района почти отсутствовала какая-либо регулярная связь. Это объясняется удалением отдельных районов и населенных пунктов друг от друга на сотни и тысячи километров, отсутствием дорог между ними [11, с. 105].

В настоящее время основная масса эвенов продолжают сохранять свое традиционное хозяйство и культурные особенности. Локальные варианты культуры эвенов (появление глухой меховой одежды, распространение головных уборов иного покроя и т.п.) отличаются друг от друга, прежде всего, по некоторым частным, заимствованным в ходе этнических процессов элементам и объединяются общетунгусским единым компонентом. В общих чертах материальная культура эвенов Якутии не отличается от культуры эвенов других регионов. Имеющиеся отличия обусловлены природно-климатическими особенностями территории обитания отдельных групп (тундра, лесотундра, таежная зона), хозяйственной деятельностью, связанной с географическими условиями территории проживания (таежное оленеводство, тундренное оленеводство, прибрежное рыболовство), а также взаимокультурными контактами с соседними народами.

Результатами контактов эвенов с соседними народами: юкагирами, чукчами, якутами, русскими и другими в настоящее время является взаимное воздействие друг с другом и в языковом, и в культурном отношении. Наличие общих черт в элементах материальной культуры народов Сибири можно объяснить единством хозяйственной деятельности и сходством географических условий. Параллели в их культуре — результат конвергентного развития. У этих народов налицо сходства в таких элементах материальной сферы как жилище, транспорт, одежда и т.д. В данной статье на примере элементов материальной культуры мы попытались отразить культурно-этнические параллели эвенов с другими народами как результат межкультурного взаимодействия.

Много сходств мы наблюдаем в одежде и орнаменте, хотя эвены до сих пор сохранили особенности своей традиционной одежды — распахнутой кафтан с нагрудником. Здесь следует иметь в виду то, что при расселении и передвижении эвенов по Восточной Сибири костюм изменялся под воздействием определенных этнокультурных и природных воздействий. Самым заметным в этом плане является использование эвенами северной части Охотского моря, Чукотки и Камчатки чукотско-корякской одежды.

Если там женщины некоторых групп эвенов продолжали носить распахнутую одежду общетунгусского типа, то мужчины почти полностью перешли к использованию глухих кухлянок и камлеек [9, с. 114]. В распространении глухой одежды среди эвенов повлияли природно-климатические условия тундренной зоны. Т.е. общее сходство в данном элементе между чукчами, коряками и эвенами объясняются лишь одинаковыми условиями существования, конвергенцией, в то время как в ряде решающих специфических деталей между ними нет ничего общего.

Наличие глухого типа одежды наблюдается и у эвенов тундренной зоны Якутии, т.е. низовий Индигирки, Колымы. По этнографическим сведениям, до прихода тунгусских племен на территорию Якутии древнеюкагирские племена носили глухую плечевую одежду. Эта одежда длительное время, вплоть до середины XX в. в сочетании с распахнутой одеждой тунгусского типа составляла в гардеробе лесных юкагиров единый комплект [8, с. 12]. Некоторым группам эвенов, как и юкагирам, было известно одновременное использование двух типов плечевой одежды. Так, нижнеколымские эвены под зимнюю кушачку и эвенский кафтан носили глухую рубашку из летней шкуры оленя (*илкади тэти, илкан* — самоназвание эвенов Нижнеколымского района) [6, с. 38]. Использование двух типов плечевой одежды может свидетельствовать о присутствии двух компонентов в национальной культуре: глухая одежда присуща северному компоненту, распахнутая — южному. Кроме одежды эвены и юкагиры имеют много сходств и в других областях материальной и духовной культуры, которые, возможно, объясняются близким генетическим родством между этими народами.

Мужская одежда долган (*мукаалкан*) тяготела к эвенской традиционной одежде — была распахнутой, шили из оленьих шкур мехом наружу, полы сходились, под одежду надевали нагрудник. Женская одежда долган совпадает с одеждой савамских эвенов. В их одежде наблюдаются и якутские элементы. Вероятно, это можно объяснить только тем, что в образовании долган участвовали представители нескольких этнических групп.

У якутов, живших смежно с эвенами, мы видим много общего в их одежде. К примеру, одежда усть-янских якутов в прошлом во многом была близка к эвенской и даже палеоазиатской. Мужчины носили для тепла пердники, *сукуи* — глухие дохи мехом наружу с капюшоном. Употреблялась доха мехом внутрь — *дундук*, носили чепчиковобразные шапки, обувь данной группы якутов также испытала на себе эвенское влияние [5, л. 108–109].

В обуви эвенов отражено их происхождение от древних тунгусов — пеших (*ламункан* — *намкан*) и оленных (*орочон* — *ороч*) охотников. Сходство покроя эвенской обуви с другими народами говорит о культурно-этнических связях в далеком прошлом и в более поздний период. В обуви всех эвенов прослеживаются тесные связи с эвенками и юкагирами (раскрой голенища из двух полос и способ украшения меховой обуви). Обувь северо-вос-

точных эвенов свидетельствует о позднейших связях с чукчами и коряками. Вариант якутской обуви (обувь с носочком) говорит о современных связях с якутами. Покрой меховой обуви (из камусов) с союзками, характерный для оленеводов-охотников (эвенки, юкагиры, северные якуты), перешел к якутам и тунгусоязычным народам Нижнего Приамурья от эвенов и эвенков [3, с. 63].

В зависимости от того, какие народы проживали рядом с той или иной группой эвенов, в украшении последних преобладал какой-то определенный материал, например бисер ярких оттенков — там, где эвены соприкасались с эвенками и юкагирами, кожа — в районах, где в большей степени сказывалось влияние палеоазиатов. Для эвенов же традиционно была характерна бело-голубая тональность.

Влияние других культур прослеживается и в транспортных средствах передвижения эвенов. Здесь отчетливо прослеживаются как эвенкийские черты (верховое оленеводство), так и самодийские (упряжное оленеводство). Эвены изначально использовали оленя для верховой езды и под вьюк. Постепенное заселение лесотундровых и тундровых районов, сопровождавшихся контактами с чукчами и коряками на востоке и с самодийскими народами на западе, привело к распространению нартово-упряжного оленного транспорта [7, с. 176]. В свою очередь считается, что чукчи, как и коряки, заимствовали оленеводство от тунгусских народов. Г.М. Василевич и М.Г. Левин убедительно показали, что техника чукотско-корякского оленеводства обнаруживает ряд признаков, сходных с ламутским (тунгусским) оленеводством [4].

В настоящее время езда на нартах — *турку* является самым удобным видом зимнего транспорта. Упряжное оленеводство эвенов по своим отдельным деталям имеет большое сходство с северными якутами. По этногра-

фическим данным, эвены Якутии заимствовали восточносибирский тип нарты у якутов. По конструкции же прямокопыльная нарта сходна с собачьей нартой восточносибирского типа, так и с охотничьей нартой эвенков и других народов Сибири. [4, с. 86].

Кроме эвенов и якутов, прямокопыльные нарты северякутского варианта бытуют у долган и олекминских эвенков. Двухоленная упряжка характерна для эвенков, эвенов, якутов, негидальцев в грузовой, так и в легкой нарте. Сосуществует с упряжкой из одного оленя у чукчей и коряков. У эвенов, живущих по соседству с чукчами и коряками, распространена дугокопыльная нарта (эвены Камчатки, Магаданской области).

Итак, за период своей истории эвены подверглись влиянию таких соседних народов как юкагиры, якуты (сахы), коряки, чукчи, русские и др. В процессе расселения эвены заимствовали многие элементы из культур соседних народов, включали в свой состав многочисленных представителей ассимилируемых этносов и сами соответственно растворялись среди соседних народов, в результате чего менялся этнический состав и антропологический тип.

В силу этнических контактов и в зависимости от занимаемой природно-экологической ниши у исследуемого этноса в настоящее время сложились несколько локальных подразделений, отличающиеся элементами культуры. Локальные варианты культуры объединяются одной единой основой — общетунгусским единым компонентом. Им удалось создать единые традиции в материальной культуре, дополнить и обогатить аналогичную культуру других народов Севера и Сибири.

Переплетаясь через века с народами Сибири, воздействуя на них как в физическом, так и в культурном отношении, эвены создали по-своему богатую и самобытную культуру, отличную от своих соседей.

Литература:

1. Алексеева Е.К. Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (конец XIX — начало XX вв.). — Новосибирск: Наука, 2003—158 с.
2. Алексеев А.А. История и культура эвенов северо-Западного Верхоянья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 17.00.07 — «Отечественная история»/ ЯНЦ СО РАН. Институт языка, литературы и истории. — Якутск, 1994—22 с.
3. Василевич Г.М. Типы обуви у народов Сибири// Сб. МАЭ. — Т. XXI — М.:Л., 1949. — с. 3—64
4. Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. — 1951. — № 1. — С.
5. Гурвич И.С. Предварительный отчет о работе этнографической экспедиции Института ЯЛИ Якутского филиала АН СССР в Верхоянский, Саккырырский, Усть-Янский, Булунский и Жиганский районах ЯАССР в 1953—1954 гг.// Архив ЯНЦ СО РАН, ф.5, оп.1, д.258.
6. Данилова А.А. Бытовая лексика эвенского языка. — Якутск, 1995. — 116 с.
7. Ермолова Н.В. Традиционные средства передвижения у народов Севера Сибири// Экология этнических культур Сибири накануне XXI в., — СПб., 1995. — с. 193—210.
8. Жукова Л.Н. Одежда юкагиров: учебное пособие. — Якутск, 1996. — с.
9. Кочешков Н.Н. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР. — Л.: Наука, 1989—198 с.
10. Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX вв.): Сборник статей. — Новосибирск: Сборник Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. — 364 с.
11. Новикова К.А. О расселении, численности и родоплеменных названиях эвенов Якутской АССР// Краеведческие записки. — Магадан, 1962, вып.4. — с. 102—118.

12. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. — СПб., 1912. — Т.3. — 911 с.
13. Россия и Якутия: сквозь призму истории/Акад.наук РС (Я). Ин-т гуманитар.исслед.; Отв. ред. В.Н. Иванов. — Якутск, 2007.
14. Туголуков В.А. Эвены // Этническая история народов Севера. — М., 1982. — с. 155—168.
15. Этническое развитие народов Севера в советский период. — М., 1987. — 186 с.

История социально-культурной деятельности как самостоятельное научное направление

Гурин Никита Александрович, аспирант
Институт Истории СО РАН (г. Новосибирск)

Актуальность исследования. В настоящее время История социально-культурной деятельности только складывается как самостоятельное научное направление. Формирование и уточнение ее собственных методологических основ необходимо для актуализации и предания вектора конкретным научным исследованиям в этой области.

Степень изученности проблемы. Выделяться в самостоятельное направление история СКД начала в 1990-х гг. Предшествовавшие работы, объединенные общей тематикой истории культурно-просветительных учреждений, являются лишь частью общесторических исследований [1 и др.]. Как таковых специальных работ посвященных методологии того направления не было, однако в советский период существовали наработки по его историографии [15]. Теоретическое осмысление нового направления началось в начале 2000-х гг. и зачастую шло и идет не просто одновременно с созданием конкретных историко-педагогических исследований, а в определенной степени опережая их, фактически задавая новые подходы, проблемы и их решения. Ведущая роль здесь принадлежит исследователям, работающим в университетах культуры (Жарков, А.Д., Ярошенко, Н.Н., Ключко, Е.М. Киселёва, Т.Г., Красильников, Ю.Д. (МГУКИ), Литовкин, Е.В. (Ряз. фил. МГУКИ), Туев, В.В. (КемГУКИ), Рябков, В.М. (ЧАКИ). Также по причине отсутствия устоявшейся общепризнанной методологии широкому кругу исследователей приходится пусть и косвенно, но затрагивать данную проблематику в своих непосредственно исторических работах [10 и др.].

Главным фактором, влияющим на формирование истории СКД, как научного направления, является ее междисциплинарный историко-педагогический характер. Как результат — две тенденции развития. **Во-первых**, это связь современных исследований в области истории СКД с общекультурными историческими исследованиями, рассматривающими историю СКД как часть истории культуры вообще [6 и др.]. Так до 1990-х гг. культурный досуг изучался лишь в контексте общественно-

бытовой жизни, как средство идеологического воспитания (в рамках истории культпросвет работы), а также в контексте противопоставления рабочего, вне рабочего и свободного времени [14]. **Во-вторых**, рассмотрение ее как части общей теории СКД, делящейся на так называемую триаду: теория, история и практика СКД [21, с. 18—35]. С этих позиций сдерживающим фактором выделения Истории СКД в специализированную отрасль научного знания было отсутствие в советский период общей теории культурно-просветительной работы. Лишь на момент 1990-х гг. можно говорить о появлении научных основ общей теории СКД [5]. И поэтому как результат обособление истории СКД.

Ключевыми проблемами Истории СКД является создание собственной методологии историко-педагогических исследований, формирование и уточнение понятийного аппарата, разработка собственной периодизации, а также решение источниковедческих проблем. В настоящее время История СКД не имеет как таковой собственной методологии. Заимствование подходов у других наук явление не новое. Пугает неразработанность тех научных категорий и положений, которые не могут быть заимствованы. Это — объект, предмет (понятийный аппарат вообще), проблемное поле и периодизация.

Понятийный аппарат. Прежде всего, необходимо определиться с ключевым понятием «социально-культурная деятельность» и понятиями, стоящими в одном ряду с ним (культурно-досуговая деятельность, культурно-просветительная работа, социально-культурная инфраструктура и т.п.).

Социально-культурная деятельность трактуется сейчас, как самодетерминированная деятельность людей в условиях свободного времени. Она выполняет функции закрепления, хранения, накапливания и трансформирования социального опыта [18, с. 25—39]. По времени это самый молодой термин и сейчас центральный. Его появление явилось логическим следствием теоретического осмысления проблемы досуга. Первым стал подход определяющий досуг как один из видов человеческой деятельности.

Радикальная трансформация повседневной жизни во второй половине XX в. перевернула традиционные представления людей о досуге. В данной концепции понятие «досуг» рассматривается в системе категорий «рабочего», «вне рабочего» и «свободного времени», и определяется как нерегламентированная, добровольная деятельность. На рубеже 70–80-х гг. XX в. обозначились альтернативные позиции [7]. Одна из них сводилась к определению досуга как деятельности, направленной на всестороннее развитие человека. По другой делался акцент на многообразии занятий вне сферы труда, семьи и быта, будь то, как развивающих, так и не развивающих, вплоть до девиантных. Последней по времени стала попытка анализа феномена досуга с позиций теории культуры [9]. Делается акцент на культурные потребности, являющиеся мотивом для досуговой деятельности. Досуг стал рассматриваться как деятельность человека по производству, распространению, сохранению и потреблению ценностей духовной культуры. Так появился термин «культурно-досуговая деятельность», являющийся видовым по отношению к более общему, родовому понятию «досуговая деятельность» («досуг»). Современная теория выделяет множество форм проявления этой деятельности. Они различаются по субъекту, по месту осуществления, по характеру организации, по наличию творческого элемента и т.д.

До сих пор не существует общепризнанного **объекта и предмета**, есть лишь отдельные попытки их формулирования, обобщив которые можно сказать следующее [22 и др.]. **Объектом** истории СКД может являться вся совокупность явлений данной сферы на протяжении всей её истории. Если объект отвечает на вопрос — что мы изучаем, то предмет — через что, через какие закономерности мы это изучаем [3]. Следовательно, можно предположить, что **предметом** истории СКД являются процесс развития явлений СКД на различных исторических этапах, механизмы и закономерности этого развития. Однако помимо фундаментальных задач История СКД также призвана способствовать решению практических задач социально-культурных учреждений.

Важное место в общей теории СКД занимает такое понятие как «**социально-культурная инфраструктура**», которая является частью «социальной инфраструктуры», а та в свою очередь частью «инфраструктуры» вообще [19]. При всей дискуссионности, главным признаком инфраструктуры признается обеспечение функционирования материального производства и условий жизни людей. Все нюансы касательно понятия «социальной инфраструктуры» можно свести к следующим основным позициям.

- Направленность на удовлетворение социальных потребностей населения.
- Представленность группой обслуживающих отраслей и видов деятельности, удовлетворяющих потребности человека, обеспечивающих воспроизводство кадров и воспитание человека.
- Материально-вещественный характер ее элементов.

Из ряда близких по смыслу понятий большее распространение сейчас получает термин «социально-культурной инфраструктуры», хотя развернутой характеристики так и нет. Однако определенно есть тенденция к расширению ракурса проблемы, включения наряду с институциональными неинституциональных образований, способствующих организации досуга населения. Следует заметить, что ее объем и структура, в каждой конкретной стране, в каждый конкретный исторический период, различны. На нее влияет множество факторов. Так для исследований советского периода уместно понимать под ней сугубо систему учреждений культуры. Сейчас же, учитывая технические средства, позволяющие свободно пользоваться инфраструктурой других стран, понятие социально-культурной инфраструктуры следует понимать гораздо шире.

В настоящее время нет устоявшейся **общей структуры** истории СКД. Однако большим потенциалом обладает предложенная Литовкиным схема истории СКД [12, с. 102–113]. Используя системный подход, он предложил следующую схему на основе выделения вертикальных и горизонтальных групп историй. Вертикальную составляют общая и региональные истории, горизонтальную — отраслевые и частные истории СКД. Автор этой схемы считает, что только сформированные региональные и отраслевые истории создадут предпосылки для написания общей истории СКД.

Вопрос собственной **периодизации** Истории СКД остается открытым [16, с. 233–237]. В советское время в основе периодизации культурно-просветительной работы лежала ленинская концепция национально-освободительного движения [13]. Периодизация не опиралась на внутренние изменения сферы, а увязывалась с периодами социально-экономического и политического развития страны. Также в этот период существовала тенденция к микродроблению. Однако в основе деления должно лежать качественное изменение всей системы, а не отдельных её элементов [3]. Поэтому в современных периодизациях Истории СКД видна тенденция к укрупнению периодов.

Существует две тенденции касательно точки отсчета Истории СКД. Первая говорит о начале истории СКД только с появлением целенаправленного педагогического процесса в сфере досуга. Вторая указывает на источники СКД еще в стихийных формах досуга, где отсутствует целенаправленная работа субъектов. Выходом может стать введение так называемого протопериода. Таким образом, точка отсчета сдвинулась с 2 пол. XIX в. к началу XX в.

Следующая проблема — формулирование критериев и их характеристик для выделения этапов. **Литовкин** предложил принять за эти критерии смену досуговых ориентаций, изменения содержания и форм досуговой деятельности населения [11, с. 10–26]. **Жарков и Чижилов** попытались переосмыслить периодизацию СКД, опираясь на становление досуговых форм в широком социальном контексте [8]. **Туев** взял за основу содержательную доминанту [17]. Он выделил шесть основных периодов. Содер-

жание культурно-досуговой деятельности в каждый период соответствующего названия этого периода. **Ярошенко** использует за критерий уровень специализации социально-культурной деятельности относительно других общественных практик, а также уровень научного обоснования социально-культурной практики [20]. Также им была предложена еще одна периодизация на основе доминирующих парадигм изучения социально-культурных процессов. Можно констатировать, что вопрос периодизации является сейчас наиболее дискуссионным.

Если говорить о **более частных вопросах**, то следует отметить следующие проблемы истории СКД как научного направления. **Во-первых**, разная степень изученности различных периодов истории СКД, то что изучено — изучено поверхностно, есть периоды, которые до сих пор являются «белыми пятнами». **Во-вторых**, проблема недостаточности источниковой базы, что проявляется в использовании весьма ограниченного однообразного перечня источников. **В-третьих**, проблема преодоления мифов в педагогической истории СКД. Оценка педаго-

гических концептов должна вестись в соотношении с реалиями рассматриваемых периодов и с достижениями современной педагогической науки. **В-четвертых**, проблема недостаточного педагогического подхода в исследованиях феноменов досуга, народного творчества, социально-культурной деятельности. Следует отметить, что, несмотря на государственный статус этого названия сферы, в научном сообществе пока нет единства в отношении его признания. Одни предлагают сохранить прежнее название «культурно-досуговая деятельность» [4], другие даже предлагают назвать сферу «прикладной культурологией» [2, с. 24–25].

В целом, несмотря ряд уже достигнутых научных и методических наработок, остается еще немало белых пятен, нуждающихся в изучении. Процесс научного осмысления социально-культурной сферы продолжается. Существует тенденция к расширению, как хронологических рамок, так и предметного поля. Изучение ключевых проблем истории социально-культурной деятельности, безусловно, нуждается в своем дальнейшем развитии.

Литература:

1. Андреева, М.С. История культурно-просветительной работы в СССР. — Ч. 2. /Культурно-просветительная работа в СССР: учеб. пособие /Под ред. Т.А. Ремизовой. — М.: Просвещение, 1974.
2. Ариарский, М.А. Прикладная культурология в системе научного обеспечения социально-культурной деятельности //Время культуры и культурное пространство. — М., 2000. — С. 24–25. и др.
3. Добрянов, В.С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. — М., 1968.
4. Жарков, А.Д., Чижилов, В.М. Теория, практика и методика научных исследований. — М.: МГУКИ, 1994.
5. Киселева, Т.Г., Красильников, Ю.Д. Социально-культурная деятельность. — М., 2004.
6. Ключко, Е.М. Культурно-досуговая деятельность населения России (май 1945–1985 гг.): Теоретико-методологический и исторический аспекты. — М.: МГУКИ, 1999.
7. Коржева, Э.М. Актуальные проблемы свободного времени в интерпретации французских социологов // Франция глазами французских социологов. — М.: Наука, 1990.
8. Культурно-досуговая деятельность /Под науч. ред. академика РАЕН А.Д. Жаркова и проф. В.М. Чижикова. — М.: МГУКИ, 1998.
9. Культурно-досуговая деятельность: перспективы развития и проблемы регулирования. — Свердловск, 1991.
10. Литвинцева, Г.Ю. Культурно-досуговая деятельность в Петровский период /Дисс. ... канд. пед. наук. — С.-Петербург, 1993.
11. Литовкин, Е.В. Критерии периодизации и основные этапы истории социально-культурной деятельности в России //Социально-культурная деятельность в образовательном пространстве: межвуз. сб. науч. тр. /Кемеровск. гос ун-т культуры и искусств. — Кемерово: КемГУКИ, 2007.
12. Литовкин, Е.В. Социально-культурная деятельность в контексте современного исторического знания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2003. — № 1.
13. Пиналов, С.А., Г.И. Чернявский, А.П. Виноградов История культурно-просветительной работы в СССР. — Киев, 1983.
14. Рывкина, Р.В. Образ жизни сельского населения. — Новосибирск, 1979.
15. Рябков, В.М. Историография культурно-просветительной работы в СССР в период совершенствования социализма 1961–1985 гг. — Челябинск: ЧГПИ, 1987.
16. Рябков, В.М. О применении метода периодизации в историографии социально-культурной деятельности // Мир науки, культуры, образования. — 2009. — № 3.
17. Туев, В.В. О современных подходах к изучению истории социально-культурной деятельности в России //Социально-культурная деятельность в образовательном пространстве: межвуз. сб. науч.тр. / Кемеровск. гос ун-т культуры и искусств. — Кемерово: КемГУКИ, 2007.
18. Туев, В.В. Социально-культурная деятельность как понятие (включение в дискуссию) //Ученые записки /Под науч. ред. Т.Г. Киселевой, В.И. Черниченко, Н.Н. Ярошенко. — М.: МГУКИ, 2001. — Вып. 23.

19. Туев, В.В., Павлюк, Н.С. Состояние инфраструктуры культуры современного сибирского города: Тенденции ее динамизации //Проблемы перестройки территориальной структуры управления сферой культуры: матер. регион. науч.-практ. конф. — Красноярск, 1991.
20. Ярошенко Н.Н. Социально-культурная деятельность: парадигмы, методология, теория: Монография. — М.: МГУКИ, 2000.
21. Ярошенко, Н.Н. Историко-педагогические исследования социально-культурной деятельности: поиск новых подходов //Социально-культурная деятельность: опыт исторического исследования: сб. статей /Науч. ред. Е.М. Ключко, Н.Н. Ярошенко. — М.: МГУКИ, 2007.
22. Ярошенко, Н.Н. История и методология социально-культурной деятельности / Н.Н. Ярошенко. — М.: МГУКИ, 2007. и др.

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Коррупция как фактор изменения политической лояльности

Алферова Анна Борисовна, студент

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Россия сегодня определяется в массовом сознании как чрезвычайно коррумпированная страна. Такое восприятие образа страны формируется по многим причинам: через призму информации, транслируемой СМИ, человек воспринимает определенные события как имеющие «второе дно», как результат неких действий, совершенных по коррупционным мотивам. Разговоры между друзьями и соседями, «свободное пространство» Интернета также имеют большое влияние на формирование образа страны как коррумпированной [3].

Согласно данным 15-го опроса по программе «Новый Российский Барометр», который был проведен Левада-Центром по заказу Центра изучения публичной политики при Абердинском университете, разрыв между оценкой уровня коррумпированности страны респондентами и их личным опытом участия в коррупционной деятельности весьма велик. Лишь немногим приходилось получать какие-либо услуги в обмен на незаконное вознаграждение. Так, например, по состоянию на 2007 год 89% респондентов считали большинство сотрудников милиции взяточниками, но только 5% ответили, что кто-то из их семей платил взятки милиции за предшествующие два года. Статистически доказано, что гипотеза о влиянии собственного опыта взяткодательства на оценку распространенности коррупции не находит подтверждения [3]. Неверно рассматривать общую оценку коррумпированности чиновников в России как непосредственное отражение реальной ситуации в стране, хотя, как можно предположить, люди лично не сталкиваются с ситуациями взяточничества лишь потому, что очень немногим приходится иметь дело с бюрократическим аппаратом в сфере «больших денег». Но образ уже сформирован, а теорема Томаса утверждает, что если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям.

Широко распространенное мнение о коррумпированности власти в состоянии существенно подорвать доверие к политическим институтам, способствовать укоренению «негражданской» и эксплуататорской культуры в людях. В сочетании это загоняет систему в «ловушку низкого уровня»: в обществах, где большинство осведомлено о коррупции и убеждено, что в ней участвует почти каждый, может сложиться некое равновесие, когда чиновники и граждане вовлечены в сделку, согласно которой люди готовы подкупать друг друга [3]. Коррупция принимается

«по умолчанию» как часть быта. Обвинения в коррупции становятся настолько обыденными и расхожими, что грань между нормой и отклонением стирается [1].

В коррумпированном обществе (или в обществе, воспринимаемом как коррумпированное) резко падает мораль, поскольку растет убежденность в безнаказанности, возможности существовать вне рамок официальной экономики. Происходит девальвация и слом цивилизационных социальных регуляторов поведения людей: норм морали, права, религии, общественного мнения и др. [5]. Формируется правосознание, включающее коррупцию в категорию обычного, привычного, неизменного, а значит, требующего не сопротивления, а приспособления.

И здесь возникает вопрос о том, способна ли потеря доверия к власти вылиться в прекращение поддержки существующего строя. Если власть воспринимается как коррумпированная, значит ли это, что она становится нелегитимной? [3]

На уровень поддержки власти влияют, в первую очередь, экономические показатели развития благосостояния страны и своего собственного. Чем выше результат экономических и политических действий власти, тем меньшее влияние оказывает коррупция на уровень поддержки системы [3]. Так мы можем предположить, что общество готово терпеть коррупционную систему до тех пор, пока она может обеспечивать экономический рост. Согласно мнению политолога А.В. Макаркина, долгое время между государством и обществом существовал контракт: общество не вмешивается в политику, а государство в свою очередь обеспечивает обществу должный уровень жизни и даже постепенно его улучшает [6]. И когда этот контракт себя исчерпает, возникнет угроза существующему политическому строю.

Может ли коррупция стать причиной разрыва этого контракта? Общеизвестны такие последствия коррупции, как смещение ориентированности социальных программ, лоббирование правительства сильными мира сего и проведение выгодной им политики, разрушение налоговой системы, сокращение уровня и эффективности социальных расходов, отрицательное воздействие на формирование человеческого капитала, закрепление неравного распределения собственности и неравного доступа к образованию [7], а значит, сокращение темпов экономического роста. Кроме макроэкономических показателей,

коррупция также приводит к понижению уровня жизни на локальном уровне. Выгоды от коррупции сосредотачиваются в руках лиц, имеющих лучшие связи в обществе и принадлежащих к группам с высокими доходами. Таким образом, коррупция затрагивает также и распределение доходов, увеличивая бедность, так как создаются условия для роста инвестиций в капиталоемкие проекты и сокращения в трудоемкие производства. Это стратегия в сфере инвестиций лишает бедняков возможности получения заработанного дохода [7].

Однако если мы говорим, что коррупция принимается как часть быта, становится нормой поведения (так делают все), то, возможно, подобные настроения будут даже повышать терпимость граждан к репрессивному режиму. Формулировка «строгость законов компенсируется лишь необязательностью их исполнения» стала общим местом, и человек, который достаточно хорошо ориентируется в системе, обладающий установками на индивидуализм и получение личной выгоды, не хочет что-либо менять, даже если считает эту систему не соответствующей «идеалу». Если же этот человек считает коррупцию неприемлемой, но неизменной, он будет приспосабливаться к существующим условиям, в обществе распространяется правовой и/или политический нигилизм.

Кроме того, если режим воспринимается как коррумпированный, но в то же время как относительно свободный и честный, его могут поддерживать как меньшее зло по сравнению с альтернативными режимами — недемократичными и несвободными. В рамках опроса НРБ, респондентам необходимо было дать оценку различным формам правления. Две трети или более отвергли предложенные недемократические варианты. Правление военных оказалось самым неприемлемым — против него

высказались 92% опрошенных. Диктатуру отвергли 80%. Несмотря на то, что институт выборов и созданная с его помощью Государственная Дума не пользуются уважением, более 75% респондентов не согласны с отменой выборов и роспуском Думы. Наибольшую поддержку собрал вариант возврата к коммунистическому правлению, но и его выбрали лишь менее трети электората [4].

Неудачный опыт построения «нового мира», не до конца забывшиеся потери в результате революций и войн XX века порождают страх перед новыми переменами. Согласно данным мониторинговых исследований ВЦИОМ, респонденты резко отрицательно относятся к «идеологически нагруженным» понятиям, таким как «коммунизм» или «либерализм», «капитализм» или «революция». За этими короткими словами стоит не только своя традиция, но и реализованный в той или иной степени социальный проект, повторение которого нежелательно [2].

Итак, складывается ситуация, когда страна в общественном сознании определяется как коррумпированная и отмечается снижение экономических показателей, но коррупция воспринимается как привычное явление, как норма, и начинают действовать приспособленческие стратегии, не несущие в себе опасности делигитимизации власти (см. рис. 1). В то же время, стремление к стабильности может обернуться достижением «стабильности застоя», и, в частности, потворством коррупции. Получается замкнутый круг: воспитываясь в коррумпированном обществе, гражданин не считает необходимым соблюдать закон (или же не видит ничего необычного в его нарушении), не хочет ничего менять (или же не видит смысла в переменах), а в таких условиях эффективная борьба против коррупции невозможна.

Рис. 1

Литература:

1. Игорь Кондрашин. Коррупция как дефект гражданского сознания [Электронный ресурс] //: <http://dom.viperson.ru>.
2. В.В.Петухов. Ценностная палитра современного российского общества: «Идеологическая каша» или поиск новых смыслов? [Электронный ресурс]: // elibrally.ru.
3. Р. Роуз, У. Мишлер. Коррупция, ее оценка и участие в ней: пример России. [Электронный ресурс]: // elibrally.ru.
4. Р. Роуз, Н. Манро, У. Мишлер. Вынужденное принятие «неполной» демократии. Политическое равновесие в России [Электронный ресурс]: // elibrally.ru.
5. Коррупция в России: сущность, причины возникновения и социально-экономические последствия [Электронный ресурс] // <http://zakonanet.ucoz.ru>.
6. Нет такой партии: к особенностям развития политической системы в России // журнал «Русский репортер», №37 (215) 22–29 сентябрь 2011, — с. 32.
7. См.: Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. Does corruption affect income inequality and poverty?

Статья подготовлена в рамках проекта №01.02.11 (тематический план Минобрнауки России от 2011 г. «Разработка теоретических основ проведения мониторинга коррупционных проявлений в РФ»).

Изменение общественного психоэмоционального состояния на фоне смены музыкальных эпох

Барабанов Родион Евгеньевич, студент
Московский педагогический государственный университет

Современный мир стремительно развивается и вместе с ним развивается культура. Особую нишу в перечне духовно-культурных ценностей занимает музыка и музыкальная индустрия. На протяжении сотен тысяч лет эта ветвь духовного наследия человечества претерпевала значительные, а порою и кардинальные изменения. Без всякого сомнения, можно с уверенностью говорить о том, что эти преобразования не проходили мимо сознания общей массы и даже отдельно взятых его представителей. Впитывая в себя различные музыкальные жанры как молоко матери, человек, подобно ребенку, пропускал через себя все те эмоции и чувства, которые были присущи выбранному им направлению. Музыка оказывала непосредственное влияние на формирование взглядов, вкусов и культурно-нравственных идеалов человека. Как личность, он проявлял свой темперамент практически с тем же набором качеств, что и выбранная им музыка.

На данный момент нет достоверных данных касательно того, имеет ли музыка прямое влияние на онтогенез психологического состояния человека. Косвенные данные, полученные в результате ряда исследований, безусловно, указывают на неопровержимую связь. В ходе данной работы мы попытаемся представить доказательства того, что с ходом изменения музыкального предпочтения, стиля и направления меняется и самобытность человеческой психологии в масштабе целого социума.

Ключевое значение в любом музыкальном проекте играет направление, то есть тот жанр, в котором исполня-

ются вокальная и инструментальная партии. Особое значение при этом имеют акустические данные вокалиста и стиля аранжировки. В этом аспекте применяются различные методы и средства, будь то электронная обработка или живое исполнение для реализации конкретной идеи. Вне зависимости от музыкального направления, первостепенную роль в восприятии человеком прослушиваемой музыки играет голос вокалиста. Для того, чтобы более подробно разобраться в этом, необходимо обратиться к акустике, как неотъемлемой части фонии. В акустике голос определяется как: совокупность звуков, производимых голосовым аппаратом человека и, основной задачей которого является — говорение и пение. Но, из этого следует лишь один вывод, что голос — это понятие физиологическое, так как он формируется под действием ряда факторов: дыхания, как основного, работы голосовых связок и резонаторов. Параметром же, который оказывает влияние на сознание и психику является звук. Физическое определение звука выглядит примерно так: это распространение колебаний воздушных волн в упругой среде. Наряду с этим, звук голоса имеет немного иную формулировку, а именно: колебание частиц воздуха, распространяющееся в виде вибрации волн сгущения и разрежения. При непосредственном восприятии психикой получаемой информации, необходимо учитывать акустические параметры речи:

1. Высоту. Это субъективное восприятие частоты колебаний голосовых складок. Чем чаще колебания, тем

выше голос (сопрано у женщин, контр-тенор у мужчин); чем реже колебания, тем ниже голос (контральто у женщин, баритон у мужчин). Измерения этого параметра проводятся в герцах.

2. Диапазон. Это последовательность тона от самого низкого до самого высокого. Диапазон любого человека и исполнителя зависит от возраста, физического состояния и др. Различают рабочий (меняющийся в процессе речи) и динамический (максимальные индивидуальные возможности) диапазоны. Зачастую, певцы и вокалисты привлекают динамический диапазон к дуэту с рабочим.

3. Сила звука (громкость). Это субъективное восприятие размаха колебательных движений. Размах колебательных движений (или амплитуда) зависит от силы подкладочного давления. Измеряется этот параметр в децибелах. Пение — более 100 дБ.

4. Тембр. Это один из признаков окраски голоса, определяется силой вибрации, работой резонаторов. Необходимо отметить, что у женщин голосовые связки тоньше, поэтому количество вибраций больше и, соответственно, тембр голоса ниже. У мужчин же все в точности наоборот.

Далее, чтобы понять механизм восприятия, переработки и отражения поступающей музыкальной информации, необходимо разобраться в том, каким образом взаимодействуют внешняя среда и психика посредством слухового анализатора. Симбиотическая вокально-инструментальная волна, распространяясь в упругой среде, достигает наружного уха. Проход из наружного уха в среднее отделен барабанной перепонкой. Звуковая волна, ударяясь в барабанную перепонку, вызывает её колебания. В свою очередь барабанная перепонка заставляет колебаться молоточек, наковальню и стремечко, которые находятся в среднем ухе. Основной частью **среднего уха** является барабанная полость — небольшое пространство объемом около 1 см³, располагающееся в височной кости. Здесь находятся три слуховые косточки, о которых говорилось ранее: молоточек, наковальня и стремечко — они передают звуковые колебания из **наружного уха** во внутреннее, одновременно усиливая их. Слуховые косточки, как самые маленькие фрагменты скелета человека, представляют цепочку, передающую колебания звуковой волны. Рукоятка молоточка тесно срослась с барабанной перепонкой, головка молоточка соединена с наковальней, а та, в свою очередь, своим длинным отростком — со стремечком. Основание стремечка закрывает окно преддверия, соединяясь, таким образом, с внутренним ухом. Полость среднего уха связана с носоглоткой посредством евстахиевой трубы, через которую выравнивается среднее давление воздуха внутри и снаружи от барабанной перепонки. При изменении внешнего давления иногда «закладывает» уши, что вызывает неприятное ощущение, а иногда и болевые ощущения. Именно по этой причине не рекомендуется прослушивание музыки на высокой громкости. Далее, звуковой импульс поступает во внутренне ухо. Там находится улитка, которая заполнена лимфа-

тической жидкостью. Внутри улитки содержится перепончатый канал, также заполненный жидкостью. На нижней стенке перепончатого канала располагается рецепторный аппарат слухового анализатора человека. Как только рецепторы принимают сигнал из внешней среды, образуется нервный импульс, передающийся по афферентному звену в нервный центр коры больших полушарий головного мозга для идентификации, анализа и синтеза поступающей информации. Затем, уже на основании принятого в ЦНС решения, может посылаться моторный нервный импульс по нисходящему пути непосредственно к спинальным мотонейронам; спинальные мотонейроны иницируют ответ эффектора, то есть рабочего органа, который приводит психическую реакцию в действие.

Теперь, когда понятен механизм восприятия музыкального звука человеческим организмом, а в частности мозговыми центрами, мы попробуем разобраться, каким образом он воздействует на психику. Для этого понадобится обратиться к историческим наблюдениям и проведенным исследованиям. В них принимали участие люди в возрасте от 15-ти до 30-ти лет. Общее количество задействованных лиц было около сотни. Перед собой мы пытались поставить задачу такого плана: какое влияние музыкальное пристрастие оказывает на психологию человека, его поведение, настроение, характер и образ мышления. Целью была выбрана сравнительная характеристика психологического состояния общества 70-х, 80-х, 90-х годов и нового времени. Как и каким образом менялось сознание общества под влиянием меняющейся музыкальной эпохи.

При прослушивании музыки её ритм входит в резонанс с ритмом мозговых структур. Любая музыка, воздействуя на мозговые колебания, изменяет эмоциональное состояние слушателя, тем самым вольно или невольно вводит его в изменённое состояние сознания (транс). Одни мелодии делают это быстрее, другие медленнее. Большое значение здесь играет частота, амплитуда, ритмичность.

Прежде, чем давать оценку полученным результатам, нужно напомнить, что сила ответной психической реакции будет прямо пропорциональна силе поступающих импульсов, а они в свою очередь силе внешних раздражителей. Отсюда напрашивается следующий вполне логический вывод.

Москва, как огромный мегаполис, отличается разнообразием музыкальных вкусов и пристрастий населения. Каждое из живущих поколений предпочитает свое определенное музыкальное направление. Эта отличительная особенность относится не только к столице, но и ко всему многообразию городов России. Колорит при этом формирует само общество, являясь разноплановым и разрозненным в личностном музыкальном выборе. Поэтому, как следствие, 10% психологических особенностей каждого человека являются сугубо индивидуальными.

Нами не зря был выбран возрастной промежуток от 15-ти до 30-ти лет, так как в 15 лет психика подростка в пубертатном периоде весьма пластична и уязвима. Любой сильнодействующий фактор-раздражитель может выз-

вать изменения в эмоционально-волевой и поведенческой сфере. Проявляющиеся сдвиги в когнитивной сфере не заставляют себя долго ждать. В этот период личностного становления молодого и незрелого в физическом и психическом плане организма, необходимо с предельной тщательностью подходить к выбору прослушиваемой музыки. Зачастую с течением времени музыкальные пристрастия не изменяются и накладывают отпечаток на дальнейшее развитие и формирование человека как полноценной ячейки общества. Необходимо заметить, что музыкальные предпочтения не меняются в течение 15-ти летнего промежутка. Более понятно это можно выразить так: под влиянием общепризнанной музыкальной культуры, пятнадцатилетний подросток и тридцатилетний молодой человек будут проявлять схожие, родственные музыкальные вкусы. Далее идет новый виток развития музыкальной индустрии, и пропасть между музыкальными предпочтениями между точкой угасания и точкой зарождения будет оцениваться в один год, а между точкой угасания музыкальных вкусов одной эпохи и точкой угасания другой в пятнадцать лет (то же самое и с точками зарождения и присущими им возрастам). То есть, у подростка семнадцати лет и человека тридцати двух лет будут уже совершенно иные, непохожие по большей мере музыкальные вкусы. Указанный выше пресловутый пятнадцатилетний промежуток, объединяющий общую массу людей на основании схожих музыкальных признаков можно обозначить как — прогрессивный Т-фактор.

В настоящий момент фундаментальное значение в оказании влияния на поведенческую модель молодого человека играют следующие музыкальные направления: рок, металл, рэп, г'п'b, популярная музыка и электро-дэнс. Начав формироваться ещё в конце 80-х годов — начале 90-х, эти ветви музыкальной индустрии стремительно завоевывали признание среди широкой массы слушателей. Однако, не стоит считать, что жанр рока или металла, например, представляют собой нечто застывшее и непреходящее. Как и любой живой организм, созданный руками человека, он имеет тенденцию к развитию и самосовершенствованию, что приводит в конечном итоге к появлению различных ветвей этого музыкального направления. В качестве наглядного примера мы можем взять **рок** и его ветви: готик-рок, тяжелый рок, классический рок, рок-металл, поп-рок, панк-рок и т.д. Если брать в рассмотрение все эти узкоформатные аспекты, то данное исследование не ограничится только областью психологии, а уйдет ещё в глубочайшие дебри социологии, теологии и психолингвистики. Поэтому мы берем понятия этих жанров в широком смысле осознания на основании общих признаков между ответвлениями отдельно взятого жанра.

В ходе эксперимента нами был проведен опрос и наблюдение за стационарным состоянием испытуемых и его изменением под действием различных музыкальных направлений. Были выявлены следующие диспозиции: состояние покоя, нарушенное действием музыкальных

ритмов, таких как рок и металл, перетекало в возрастающее эмоциональное возбуждение, появлялось чувство агрессии, склонности к дивантному поведению, перетекающее при увеличении силы раздражения (то есть, при усилении и добавлении громкости и смены инструментального сопровождения) в пограничное патологическое дивергентное состояние. Особое влияние имело текстовое наполнение и стиль аранжировки. Так, например, при неоднократном прослушивании готик-рока возникали пассивные суицидоподобные формы мышления. Не последнее место в психическом восприятии имеет и визуализация прослушиваемой музыки, так как одновременный просмотр клипа или видео ролика вдвойне усиливает эффект. Прослушивание такой музыки влияет на формирование культурно-нравственных ценностей и общественно-моральных поведенческих норм. Нельзя, конечно, сказать, что сторонниками, например, субкультуры или панк-рок культуры становятся под воздействием только одной музыки, но как один из факторов психического влияния, она, безусловно, вносит свою немаловажную лепту. Контингент, прослушивающий исключительно такую музыку, потенциально является административным, гражданским и менее редко уголовным правонарушителем. Выбранное музыкальное направление в свою очередь оказывает влияние на стиль и манеру общения, делая её отчужденной и грубой. Формируется нейтральное, демоническое или безразличное отношение к происходящему.

Диаметрально противоположное воздействие оказывала классическая музыка, джаз-блюз и электро-дэнс. Резкой смены настроения и поведенческой реакции не наблюдалось. Испытуемые переходили в состояние ностальгии, умиротворения, спокойствия. Сложно говорить о том, вызывается ли при этом некая заторможенность ответной психической реакции, поскольку явных признаков этого не наблюдалось. Отличительной чертой данного числа слушателей являлось то, что в психо-эмоциональной сфере это отзывчивые, миролюбивые и доброжелательные люди, но с меньшей волевой выносливостью, чем те, кто является представителем панк-рок культуры. Об этом свидетельствует дополнительно проведенный графологический метод исследования.

Особую касту музыкальных слушателей представляют те, кто является поклонником реп, г'п'b и поп индустрии. В ходе эксперимента было установлено, что схожие в купе своей ритмы этих музыкальных направлений вызывали у испытуемых повышение тонуса, чувство эйфории, беззаботности. Такие люди чаще всего относятся к жизни так же легко, не акцентируя и не заостряя свое внимание на каких-то отдельных незначительных мелочах и неудачах, постоянно двигаясь вперед, зачастую весьма резкими и стремительными шагами. Таким личностям присуща особая характерная черта: у них много увлечений и сделать выбор в пользу чего-то одного весьма сложно. Они берутся с энтузиазмом за какое-то дело, но в виду своей разбросанности могут не довести его до конца и остановиться на полпути.

Историческая справка говорит нам о том, что в 70-е — 80-е годы прошлого столетия, когда ведущими направлениями в музыкальной индустрии были эстрадная музыка и диско, менталитет в контексте целого общества был совершенно иным. Это определялось в какой-то степени и идеологической пропагандой того времени, которая диктовала свои законы и стилистическую модель. Ослабление идеологии в СССР в 80-е годы позволило внедриться в культуру советского общества новому музыкальному направлению — диско-дэнсу, которое под влиянием уже российского зародышевого музыкального прогрессирования опошлилось и превратилось в предмет манипуляции подростковыми умами, провоцируя тем самым возрастающие беспорядочные половые связи и нравственную деградацию. Об этом свидетельствуют и тексты песен того времени. Конечное влияние на уничтожение советской морали оказали несформированные панк, рок и реп культуры.

Литература:

1. Влияние музыки на мозг человека. Джон Кейдж, 1937 г. По материалам зарубежной печати. Автор статьи: Gennady Garin.
2. Практическая психология. Влияние музыки на психику. Доналд Кэмпбелл (Donald Campbell), основатель Института музыки, новатор в области музыкотерапии.
3. Шевцов А.Н. Воздействие музыки на человека / Транс-технологии / Нарко зомби, биороботы, 2010 год.
4. к.п.н. Алиса Самбурская, ЗАЧЕМ РЕБЕНКУ МУЗЫКА? МУЗЫКА И МОЗГ, 2008—2010.

Социальная перцепция граффити

Белкин Антон Игоревич, кандидат психологических наук, доцент
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)

Данная статья посвящена исследованию особенностей социальной перцепции неинституциональной изобразительной деятельности авторов граффити и содержит результаты двух исследовательских проектов. Граффити — это неинституциональные надписи и рисунки, выполненные от руки.

На первом этапе определялись типы социально-психологических установок субъектов по отношению к авторам граффити. Для формирования выборки использовалась стратегия случайного (рандомизированного) отбора [1; 2]. Выявились четыре типа социальных установок: позитивная, негативная, нейтральная и дифференциальная (эстетическая, содержательно-смысловая и содержательно-эстетическая) установки. Всего было обследовано 524 испытуемых, из которых 446 занимались неинституционализированной изобразительной деятельностью, а 78 никогда не создавали граффити. Выборку составили студенты 2-х, 3-х, 4-х курсов психологического факультета Самарского государственного педагогического университета, а также студенты 5-го и 6-го курсов заочного отделения Тольяттинского филиала Самарского государственного педагогического университета, студенты 1-го и 4-го курсов Самарской государственной архитектурно-строительной академии, учащиеся

Нельзя говорить о том, что представители того или иного музыкального направления обладают определенным набором эмоционально-волевых качеств, так как в чистом виде не существует людей, которые слушали бы исключительно рок, реп или популярную музыку. В некоторых случаях это личности либо со смешанными интересами, где нет преобладающего направления, либо личности, в выборе которых превалирует то или иное музыкальное направление. Поэтому, как рекомендация, прослушивая разные музыкальные стили необходимо развивать всестороннюю личность. Но к выбору музыкального жанра подходить нужно со всей ответственностью и сознательностью, ибо он на определенную долю процента оказывает влияние на формирование темперамента, внешних морально-нравственных и внутренних культурных ценностей человека. Свой выбор необходимо отдавать в пользу хорошей и качественной музыки.

Самарского муниципального университета им. М.В. Наяновой и профессионального технического училища №11. Испытуемым предлагалось ответить на вопрос о том, занимаются ли они изобразительной деятельностью данного типа, привести примеры продуктов своего изобразительного творчества и описать, что они собой представляют, а также определить свое отношение к авторам граффити.

При определении аттитюда по отношению к авторам граффити оказалось, что среди самих авторов граффити 51,5 % позитивно относятся к другим авторам граффити, 6,1 % — отрицательно, 32,7 % — нейтрально. У 5,5 % то или иное отношение связано с эстетическими характеристиками граффити и их пространственной локализацией, у 1,9 % главным критерием установки служит смысловое содержание надписей, а для 1,3 % значение имеют и эстетические и содержательно-смысловые параметры. Среди авторов граффити также 0,97 % испытуемых указали на взаимосвязь аттитюда и характера своего эмоциональ-

ного состояния в определенное время. Среди испытуемых контрольной группы 18,8 % респондентов характеризуются положительной установкой в отношении авторов граффити, 34,4 % отрицательно относятся к ним, 28,1 % характеризуются нейтральной установкой, эстетическая установка присутствует у 6,3 % испытуемых, содержательно-смысловая — у 3,1 %, а содержательно-эстетическая — у 9,4 %, эмоционально-эгоцентрическая установка в контрольной группе не представлена.

Сравнительный анализ экспериментальной и контрольной выборок показал, что существуют различия по позитивной установке ($p < 0,01$), по негативной установке различия ($p < 0,01$), по дифференциальной содержательно-эстетической установке ($p < 0,01$).

Таким образом, среди авторов граффити в большей степени представлена позитивная и в меньшей — негативная установка по отношению к лицам, занимающимся данным видом изобразительной деятельности. В контрольной выборке больше испытуемых, обладающих наиболее дифференцированной установкой по отношению к авторам граффити.

Среди авторов граффити доминирует позитивная, а среди испытуемых контрольной группы — негативная установка по отношению к авторам граффити ($p < 0,01$).

Изучение специфики восприятия неинституционального изобразительного творчества проходило в несколько этапов:

1) на первом этапе испытуемым предъявлялся видеоролик, который они должны были оценить с помощью семантического дифференциала (использовался вариант личностного дифференциала). Испытуемые просматривали 2 сюжета, каждый из которых включал в себя прохождение видеооператором городского пространства в различных ракурсах: в первом варианте испытуемые видели городское пространство впереди себя, а сбоку на

уровне периферийного зрения находилась обычная городская стена; во втором варианте на уровне периферийного зрения предъявлялась та же самая стена с граффити. Таким образом, на этом этапе исследования оценки испытуемых должны были показать влияние граффити, выступавших неосознаваемым семантическим фоном восприятия на оценку городского пространства;

2) на втором этапе испытуемым предъявлялся стимульный материал, который составили 21 фотографию граффити, собранные методом случайного отбора и сгруппированные по характеристикам письменной ментальности в 3 группы: граффити идентификационно-изобразительного типа (тип 1); идентификационно-дискурсивного типа (тип 2); экзистенциального типа (тип 3). Рандомизация показала преобладание граффити идентификационного типа. Испытуемые оценивали дескрипторы-фотографии с помощью семантического дифференциала.

3) На третьем этапе испытуемые должны были оценить характеристики городского пространства с граффити. Им предъявлялось изображение стены с граффити, которую испытуемые оценивали с помощью свободного ассоциативного эксперимента.

На первом этапе при просмотре видеоролика с граффити у испытуемых наблюдались положительные эмоции. Испытуемые, просматривая ролик, не фиксировали своё внимание на граффити, а следили за движением камеры, наблюдая за пространством перед собой, которое представляло собой дорогу без каких-то дополнительных объектов, на которых можно было бы заострить внимание.

Как видно из таблицы №1, испытуемые в целом положительно оценивают социальное пространство с граффити, о чем говорит преобладание высоких оценок по параметру «оценка». Также испытуемые склонны оценивать окружающее пространство с граффити как активное, наполненное жизнью. При этом не наблюдается преобла-

Таблица 1. Результаты оценки видеопродукции с помощью метода семантического дифференциала.
Ролик с граффити (в %)

Параметры	Уровень выраженности признака		
	Низкий	Средний	Высокий
Оценка	6	12	82
Сила	23	47	30
Активность	11	46	43

Таблица 2. Результаты оценки видеопродукции с помощью метода семантического дифференциала.
Ролик без граффити (в %)

Параметры	Уровень выраженности признака.		
	Низкий	Средний	Высокий
Оценка	9	23	67
Сила	20	25	55
Активность	7	19	74

дание оценок по параметру «сила», что говорит о том, что наличие граффити не влияет на оценку пространства как более или менее доминантного, «захватывающего» восприятие испытуемого.

Как видно из таблицы №2, при оценке пространства без неосознаваемого фона граффити, оценка продолжает сохранять более высокие показатели по параметрам оценки и активности, при этом положительная оценка социального пространства выражена в несколько меньшей степени, а оценка его активности — в большей. Более высокие показатели наблюдаются по параметру силы.

Статистический анализ показал, что существуют значимые различия в оценке социального пространства с граффити и без граффити по параметрам: оценка ($p < 0,05$), сила ($p < 0,01$) и активность ($p < 0,01$).

Таким образом, наличие неосознанного семантического контекста — граффити при восприятии городского пространства влияет на специфику его социальной перцепции. Социальное пространство с неосознаваемым семантическим контекстом граффити оценивается эмоционально как более позитивное, но при этом снижается его восприятие как более активного и сильного.

Следовательно, неинституциональная изобразительная деятельность позволяет воспринимать пространство более дистанцированно, как часть реальности, находящуюся в более пассивном отношении к субъекту.

Также был проведен ассоциативный эксперимент, по результатам которого испытуемые оценивали стену с граффити и без граффити.

Оказалось, что у испытуемых в основном расходятся качественная оценка характеристик социального пространства, при этом социальное пространство с граффити в основном оценивается с помощью эмоциональных оценок, в то время как стена без граффити — с помощью пространственных. Лишь по категории «безразличие» испытуемые в большей степени оценили характеристики пространства без граффити ($p < 0,01$), то есть социальное пространство без граффити оценивается как более безразличное. Таким образом, наличие граффити служит фактором формирования эмоционального отношения к окружающему пространству по оценкам самих респондентов.

На втором этапе испытуемые оценивали по семантическому дифференциалу фотографии с граффити.

Как видно из таблицы №4, идентификационно-изобразительные граффити оцениваются как менее сильные и активные, преобладает нейтральная эмоциональная оценка.

Идентификационно-дискурсивные и экзистенциальные граффити оцениваются эмоционально положительно, а также воспринимаются как более сильные и активные. При этом данная тенденция наиболее выражена у дискурсивных граффити.

Статистический анализ показал наличие значимых различий между идентификационно-изобразительными и идентификационно-дискурсивными граффити по параметрам: оценка ($p < 0,05$), сила ($p < 0,01$) и активность ($p < 0,01$).

Существуют различия между идентификационно-изобразительными граффити и экзистенциальными граффити.

Таблица 3. Результаты ассоциативного эксперимента. Ролик с граффити и без граффити (в %)

Ассоциация	Ролик с граффити	Ролик без граффити
Агрессивность	3,3	-
Страх	3,3	-
Любовь	26,6	-
Угроза	6,6	-
Безразличие	23,3	56,7
Радость	23,3	-
Знакомая местность	-	20
Незнакомая местность		20
Девочка	13,2	
Недовольство	-	3,3

Таблица 4. Результаты оценки испытуемыми фотографий с граффити различного типа (в %)

Параметры	Уровень выраженности признака								
	Низкий			Средний			Высокий		
	1 тип	2 тип	3тип	1тип	2 тип	3тип	1тип	2тип	3тип
Оценка	12	24	8	54	28	28	34	48	64
Сила	53	11	20	24	29	53	23	60	47
Активность	32	12	20	30	24	27	19	64	53

Таблица 5. Результаты ассоциативного эксперимента (в %)

Ассоциация	Число ассоциаций (в %)
агрессивность	46,6
банда	6,6
бандиты	3,3
величие	13,3
девочка	30
любовь	70
мальчик с мячом	6,6
невинность	6,6
ненависть	40
омон	6,6
отдаленность	3,3
печаль	26,6
признание	26,6
радость	70
слезы	13,3
смерть	60
смех	30
спортивный	3,3
спортсмен	23,3
статуя	70
страх	63,3
теплота	3,3
угроза	36,6
футболист	40
череп	33

фити по параметрам: оценка ($p < 0,01$), сила ($p < 0,01$) и активность ($p < 0,01$).

Существуют различия между идентификационно-дискурсивными и экзистенциальными граффити по параметру оценки ($p < 0,05$), то есть экзистенциальные граффити оцениваются в большей степени положительно по сравнению с идентификационно-дискурсивными граффити.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что существует различие в социальной перцепции неинституционального изобразительного творчества в зависимости от семиотической формы граффити. Наиболее позитивно оцениваются экзистенциальные и идентификационно-дискурсивные граффити, которые также воспринимаются как более активные и сильные по сравнению с идентификационно-изобразительными граффити.

На третьем этапе применялся свободный ассоциативный эксперимент для оценки сознательной оценки социального пространства с граффити. В процессе клинической беседы выяснилось, что 2% респондентов не обратили внимания на граффити, у 61 % стена с граффити вызвала агрессивные реакции, для 8 % было характерно отсутствие положительно или отрицательно окрашенных эмоций, а у 29 % респондентов стена с граффити вызвала положительные эмоции.

Результаты оценки свидетельствуют, что при сознательной оценке граффити у испытуемых преобладают негативные оценки неинституциональной изобразительной деятельности. Все ассоциации по своему характеру можно разделить на 2 группы: психологические эмоциональные оценки и социальные оценки продуктов неинституциональной изобразительной деятельности. Социальные оценки составили 36 % от общего числа оценок, а эмоциональные психологические — 64 %.

Таким образом, в сознательной оценке неинституциональной изобразительной деятельности преобладает эмоциональный компонент.

Социальная перцепция граффити содержит в себе эстетический и смысловой компоненты, а также меняется в зависимости от характера (осознанный, неосознанный) восприятия неинституциональных надписей и рисунков. Неосознанный характер социальной перцепции граффити создает условия для влияния семантического контекста на оценку эмоционального состояния коммуниканта, а при осознанном характере социальной перцепции проявляется влияние социальной установки по отношению к неинституциональной изобразительной деятельности и авторам граффити.

Особенности социальной перцепции граффити обусловлены степенью осознанности граффити и специ-

фикой ее категоризации коммуникантом: неосознанный характер — создает условия для влияния семантического контекста на эмоциональное состояние коммуниканта,

осознанный характер — актуализирует его социальную установку по отношению к граффити и ее авторам.

Литература:

1. Мартин Д. Психологические эксперименты. Секреты механизмов психики. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.
2. Солсо Р., Джонсон Х., Бил К. Экспериментальная психология: практический курс. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.

Семейно-брачные отношения у населения Республики Тыва

Хольшина Марина Александровна, ст. преподаватель
Тувинский государственный университет;

Бутанаев Юрий Владимирович, аспирант
Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (г. Кызыл)

Рассматривались изменения во взглядах на семейно-брачные отношения, происходящие в последние годы у населения Тывы. Нужно было оценить различия во взглядах мужчин и женщин разных возрастных поколений и этнических групп. Различия взглядов у поколений на семейные ценности дают возможность оценить динамику их формирования, а различия взглядов у представителей этнических групп позволяют составить представление о существовании и изменении традиций в сфере семейно-брачных отношений.

Целью исследования был анализ происходящих изменений и выделение комплекса причин, оказывающих негативное влияние на семейно-брачные отношения и на воспроизводство населения.

Очевидно, что ухудшение демографических показателей в республике, как, впрочем, и по России в целом, отражает соответствующие негативные изменения института семьи, поскольку именно в семье в основном формируются и протекают демографические процессы. Семьи становятся малодетными, падает число браков, растет доля одиноких людей, высокая остается смертность населения — все эти характерные черты современной демографической ситуации косвенно свидетельствуют о неблагоприятном состоянии здоровья народа, о конфликтности взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, поколениями. Растет детская безнадзорность и беспризорность; множество детей воспитываются в неполных семьях или брошены родителями на попечение государства. Немало детей, имеющих вроде бы «нормальную» семью, живут без родительской любви и взаимопонимания. Эти выявленные статистикой и наукой факты говорят о том, что институт семьи все хуже справляется со своими основными социальными функциями — рождением общественно необходимого (сточки зрения воспроизводства населения) числа детей, их воспитанием, первичным социальным контролем, психологической за-

щитой. Из всего этого мы видим, что семье должно уделяться больше внимания, поскольку она призвана выполнять фундаментальные социальные функции, без надлежащего осуществления которых могут быть подорваны основы государства [1, 45].

Традиционные нормы, существующие у народов России в сфере семейно-брачных отношений, трактуются в ряде средств массовой информации как пережитки прошлого, свидетельство отставания от «передовых» цивилизаций. В то же время медиками и демографами установлена связь между подобного рода «рыночными трансформациями» таких ценностей, как любовь, брак и семья, среди молодежи и ростом заболеваемости СПИДом, сифилисом и другими болезнями, передаваемыми половым путем, а также ростом внебрачной рождаемости, распадом семей и другими аномалиями в данной сфере отношений [2, 66]. Относительно тувинцев и русских, проживающих в Тыве, это можно проследить по данным таблицы 1.

Только к межнациональным бракам, которые не представляют собой нового явления в семейно-брачных отношениях и включены в вопросник для выявления динамики по сравнению с дореформенным периодом, сохраняется в целом позитивное отношение при минимуме (5–7%) негативного. Развод в семьях с несовершеннолетними детьми по причине исчезновения любви между супругами воспринимается скорее отрицательно, особенно в нынешних условиях нищеты, невыплаты детских пособий и т.п.

Скорее отрицательное, чем положительное или равнодушное, отношение высказывают и тувинцы, и русские к созданию семьи по расчету, рождению детей вне брака, хотя положительно относится к данным явлениям все же немалая часть населения (14–16% русского и 15–26% тувинского). То же можно сказать и в отношении раннего сексуального просвещения детей в школах: около трети и тувинцев и русских считают эту меру положительной, хотя тувинцы более сдержаны в оценке ее плюсов в вос-

Таблица 1. Отношение тувинцев и русских к новым явлениям в сфере семьи и брака 2010 г., %

Явление	Положительное		Отрицательное		Равнодушное		Неопределенное	
	Тувинцы	Русские	Тувинцы	Русские	Тувинцы	Русские	Тувинцы	Русские
Создание семьи по расчету	26	16	37	41	20	22	16	19
Рождение детей вне брака	15	14	43	49	21	18	21	17
Браки между людьми разных национальностей	53	57	7	5	32	31	7	7
Развод в семьях с несовершеннолетними детьми по причине отсутствия любви у супругов	14	18	43	39	11	8	31	34
Половые связи лиц одного пола	1	3	81	76	12	17	4	3
Ранее сексуальное просвещение детей в школах	29	36	50	39	5	7	16	18
Демонстрация сексуальных сцен в кино- и телефильмах	3	11	81	59	11	17	5	13
Многоженство	6	7	75	67	9	14	9	11

питании культуры половой жизни и уменьшении венерических болезней.

Социологическое обследование было проведено среди тувинцев, русских, проживающих в семьях различного типа. В республике Тыва было опрошено 542 человека (из них 68% — тувинцы, 28% — русские и 4% — другие национальности), проживающих в 224 семьях. В современных условиях женщина все больше оказывается включенной в общественную жизнь, что ограничивает ее возможности в сфере семейно-брачных отношений. Поэтому важен анализ мнений об отношении современных женщин к семье и браку, к производственной и общественной деятельности. Исследовались мнения женщин и мужчин о ценностных ориентациях современных женщин (женщины о себе и мужчины и женщинах). Вопрос в анкете был сформулирован так: «Как Вы считаете, что наиболее важно для современной женщины?». В качестве ответов были предложены различные сферы ее жизнедеятельности, в том числе включающие семейно-брачные отношения. По каждой из характеристик предполагался ответ, учитывающий степень важности (не важно, не очень важно, очень важно). Для анализа были выбраны ответы «очень важно». Такой анализ позволил определить шкалу семейно-брачных ценностей и расставить приоритеты в системе других ценностей, выявить особенности отношения к семье и браку у различных народов. Ролевые функции женщины в обществе многозначны. С одной стороны, она выступает как мать, жена, а с другой — как работник на производстве. Все это создает значительные трудности, в результате которых возникает существенное разнообразие в ориентации и предпочтениях при выборе женщинами своего жизненного пути. Для анализа разнообразия ценностной ориентации женщин были выбраны 11 характеристик, включающих основные элементы деятельности женщин на современном этапе [3, 22].

По этим характеристикам сделана классификация, в которой были выделены 5 групп, включающих:

- а) традиционные ценности, связанные с семейно-брачными отношениями: иметь семью, детей и быть замужем;
- б) модифицированные традиционные ценности — воспитывать детей, не работая и будучи обеспеченной мужем;
- с) ценности, связанные с производственными отношениями: иметь работу, профессию, хороший заработок, хорошее образование;
- д) ценности, отрицающие семейно-брачные отношения: жить свободно без детей и мужа,
- е) новейшие ценности: участие в бизнесе, быть лидером в обществе (Таблица 2.).

В таблице 2 приведены данные, описывающие мнения мужчин, считающих очень важными ценностные ориентации современных женщин (женщины глазами мужчин). А также мнения женщин о себе, о своих наиболее важных ролевых функциях в обществе (женщины глазами женщин).

У женщин традиционные ценности, связанные с семейно-брачными отношениями (иметь семью, детей и быть замужем) конкурируют с ценностями, вовлекающими женщин в производственные отношения (иметь работу, профессию, хороший заработок и получить хорошее образование). В тоже время, часть женщин хотели бы воспитывать детей, не работая и будучи обеспеченными мужем: таких в республике Тыва 27%.

В республике Тыва 81% женщин считают важными производственные ценности, а ценности, связанные с традиционными семейно-брачными отношениями только 74%. Причем для современной женщины (по мнению женщин) из перечисленных традиционных ценностей наименее важно быть замужем.

В Тыве среди всех женщин считают очень важным быть замужем 61%. Эти цифры меньше средних по ка-

Таблица 2. **Очень важные категории ценностей для современной женщины, 2010 г., %**

Категории ценностей	Возрастные группы мужчин				Возрастные группы женщин			
	До 19 лет	20–29	30–44	45 и старше	До 19 лет	20–29	30–44	45 и старше
Традиционные	84,0	82,3	77,3	80,7	64,8	68,2	79,9	80,4
Модифицированные и традиционные	37,0	30,6	33,3	40,4	20,8	20,7	33,0	32,2
Производственные	67,6	66,1	59,3	59,2	86,8	79,6	82,1	76,7
Отрицающие традиционные	0,0	8,1	6,7	8,8	9,4	11,5	12,1	7,8
Новейшие	35,2	17,7	16,7	17,5	30,2	22,4	17,6	16,1

тегории «традиционные ценности». Ценностные ориентации, соответствующие желанию иметь детей и не быть замужем, способствовали тому, что республика Тыва занимает практически лидирующее положение по доле детей, рожденных вне брака среди общего количества родившихся живыми. Так, в 1998 г. республике было 55% детей рожденных вне брака от общего числа родившихся. Самые новые ценностные ориентации (участие в бизнесе, а также лидерство в обществе), появившиеся в связи с переходом к рыночным отношениям, также не остались без внимания женщин. Доля считающих очень важными эти ценности составляет 15% от всех женщин в Тыве и 11%. Около 10% в республике Тыва считают, что для современной женщины очень важно жить свободно без детей и мужа.

Сравнение мнений мужчин и женщин о ценностных ориентациях современных женщин показывает также некоторые различия. Мужчины по сравнению с женщинами больше значения придают семейно-брачным отношениям. Мужчина продолжает традиционно видеть современную женщину как хранительницу семейного очага и продолжательницу рода. Женщины смотрят на свою роль в обществе несколько по-иному, восприняв современные преобразования и реальную жизнь, пытаясь совместить традиционные семейно-родовые функции с участием в производственной сфере.

В итоге приведенного статистического анализа можно сделать следующие основные выводы. Традиционные взгляды на роль женщины в обществе в республике Тыва больше распространены среди мужчин, чем среди женщин, и особенно среди мужчин до 30-ти лет. Значение своей производственной деятельности женщины оценивают гораздо выше, чем ее оценивают мужчины. На новые сферы деятельности мужчины и женщины смотрят одинаково сдержанно. Анализ образа современной женщины и анализ мнений о ее ролевых функциях в обществе и семье у различных этносов представляется очень актуальным. Сохранение традиций в сфере семейно-брачных отношений и распространение современных ценностей — две тенденции, оказывающие противоречивое влияние на семейную жизнь народов.

Семья, по мнению тувинцев для современной женщины представляет самую большую ценность. Русские, жи-

вущие в Тыве, на первое место поставили хороший заработок, на второе — семью. Расхождения не велики (всего 2%). Они могут иметь статистический характер. Поэтому можно считать, что, по мнению русских для современной женщины одинаково важна семья и хороший заработок. Дети, по мнению тувинцев в системе ценностей занимают второе место. По мнению русских в республике Тыва иметь детей для современной женщины менее ценно, чем работа, хорошее образование и профессия. Тувинцы в большей степени, чем русские считают очень важным для современной женщины иметь детей (различия составляют 17%, 22% соответственно). Такое различие во мнениях базируется на традиционных представлениях у тувинцев о детях и их количестве. Они подтверждаются средними числами рожденных детей на 1000 женщин в возрасте 18 лет у тувинцев, и русских в республике Тыва (2402 против 1864).

Замужество в республике ценится в меньшей степени, чем иметь хороший заработок, работу, хорошее образование и профессию. Отрицание семейно — брачных отношений (желание жить свободно без детей и мужа) в системе ценностей для современной женщины стоит на последнем месте. Замужество для современной женщины считают очень важным 70% тувинцев, около половины русских и занимает 6, 7 место в системе ценностей. Это явление можно считать выходящим за рамки традиционных представлений о семье и браке. Рождение детей и замужество традиционно стояли рядом. Женщины, как правило, стремились выйти замуж, чтобы создать семью и реализовать материнство. Теперь на первом месте стоит семья, затем дети и на последнем месте в семейно — брачных ценностях стоит замужество. Возможно, брак в какой-то мере начинает терять свое значение, связанное с воспроизводством населения.

Существенные различия при анализе мнений о ценностных ориентациях современных женщин наблюдаются у разных семейных поколений (Таблица 3.).

Из таблицы 3 видно, иметь детей и быть замужем — мнение о важности этих ценностей для современной женщины зависит от поколения, к которому принадлежит респондент: чем младше поколение, тем меньше доля считающих эти ценности очень важными.

Возможно, снижение ценности брака у всех поколений и всех рассматриваемых национальностей связано

Таблица 3. Мнение тувинцев и русских о ценностных ориентациях современных женщин 2010 г., %

Считают очень важным	Республика Тыва		Места	
	тувинцы	русские	тувинцы	русские
Семья	88	78	1	2
Иметь детей	84	67	2	6
Быть замужем	70	54	6	7
Хороший заработок	77	80	3	1
Работа	75	78	4	3
Получить хорошее образование	72	69	5	5
Профессия	65	73	7	4
Воспитывать детей, не работая и будучи обеспеченной мужем	33	26	8	8
Участие в бизнесе	26	22	9	9
Быть лидером в обществе	19	17	10	10
Жить свободно, без детей и мужа	7	13	11	11

не только с нежеланием женщин нести двойную ответственность перед детьми и мужем, но и с возросшей активностью женщин за пределами семьи.

Мнения мужчин и женщин о ценностных ориентациях современных женщин имеют существенные различия, связанные с изменяющейся ролью женщины в обществе, стремлением женщины к независимости.

Дифференциация взглядов на роль современной женщины в обществе указывает на различные изменения, происходящие в ценностных ориентациях относительно семейно — брачных отношений. Так как вступление в брак является одной из важных составляющих этих отношений, то анализ мотивов и ценностных ориентаций при вступлении в брак представляется необходимым.

В анкету был включен вопрос «В чем для Вас состоит ценность вступления в брак?». Он содержит характеристики, описывающие различные категории ценностей. Психологические ценности: уход от одиночества, забота и внимание со стороны супругов. Социально — экономические ценности: предпосылки материального благополучия, решение бытовых проблем и, в частности, решение жилищного вопроса. Общественные, а также ценности связанные с продолжением рода (рождение детей и здоровье). Из таблицы 21 видно, что мужчин и женщин всех возрастов, считающих главным при вступлении в брак рождение детей, подавляющее большинство: в Тыве они со-

ставляют приблизительно 80%. Так же высоко ценятся забота и внимание со стороны жены и мужа, поддержание здоровья. По этим категориям ценностей существует дифференциация по возрастным группам. Так, например. Рождение детей у младшей возрастной группы (до 19 лет) ценится значительно ниже, чем в следующей возрастной группе (20—29 лет): составляют от 11 до 30%.

Проблема одиночества волнует больше всего старшие поколения: чем старше возрастное поколение, тем больше среди них доля ответивших «очень важно» на вопрос о ценности брака как способа избежать одиночества. Расхождения по этому признаку между крайними возрастными группами составляют от 14 до 33%. Происходит ослабление действия общественной традиции вступления в брак. Чем моложе мужчины или женщины, тем меньше среди них считающих очень важными эту традицию. Максимальное различие между группой 20—29 лет и группой старше 45 лет. Оно достигает 30%.

Значение традиций уменьшается от поколения к поколению и у мужчин и у женщин, причем у женщин этот процесс интенсивнее. Этот тревожный факт: следствием является увеличение доли детей, рожденных вне брака. Снижение традиционных ценностей брака у молодого поколения женщин подтверждается ответами на вопрос о важности замужества: доля женщин, считающих, что важно быть замужем, уменьшается.

Литература:

1. Гончарова Г.С. Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск: Изд-во Нонпарель, 2004. — 228 с.
2. Мехеева А.Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1993. — 160 с.
3. Резнеков Е.Н., Товуу Н.О. Этнопсихологические характеристики народа Тыва: теория и практика. Москва: ПЕРСЭ, 2002. — 223 с.

О нравственно-психологическом климате в педагогическом коллективе

Гусева Наталья Владимировна, аспирант

Научный руководитель – Пермякова Валентина Андриановна, доктор психологических наук, профессор
Восточно-Сибирская государственная академия образования (г. Иркутск)

Вопросам духовной, нравственно-психологической жизни коллектива уделяется все больше внимания и в литературе по управлению, и в практической деятельности современного руководителя.

Духовная атмосфера высоконравственных отношений, при которых каждый член педагогического коллектива испытывал бы чувство психологического комфорта, желание сделать свое дело как можно лучше, чувство взаимопомощи, сотрудничества и даже сотворчества не появляются сразу. Они составляют тот незримый общий дух коллектива, который характеризует состояние его высокого развития. И несмотря на то, что нравственно-психологический климат явление сложное, многофакторное, его, как показывают исследования А.С. Макаренко [6], С.Т. Шацкого [17], В.А. Сухомлинского [12], П.П. Блонского [2], Л.И. Уманского [14], А.В. Филиппова [15] и др. можно целенаправленно формировать и развивать с учетом тех целей и задач, которые ставит и решает творчески работающий современный руководитель.

Психолог К.К. Платонов [10] выдвинул положение о том, что психологический климат зависит, по крайней мере, от трёх факторов: целей деятельности коллектива, условий его деятельности, личных качеств его членов. Принципиальное значение имеет и то обстоятельство, что степень влияния этих факторов неодинакова, как и то, что в каждом конкретном случае доминируют свои причины, разрушающие или формирующие благоприятную нравственно-психологическую среду.

В настоящее время можно считать установленным, что нравственно-психологический климат — это интегральная характеристика коллектива, которая является слагаемой таких его качеств, как целеустремлённость, доброжелательность, честность, дружелюбие, сотрудничество, увлечённость, принципиальность, социальная защищённость, ответственность, возможность профессионального роста и других.

В.А. Сухомлинский в работе: «Разговор с молодым директором школы» писал: «Одна из наиболее тонких сфер духовной жизни коллектива — взаимное влияние воспитанников, передача нравственных богатств и ценностей. Коллектив не является чем-то абстрактным и безликим, он состоит из личностей, и жизнедеятельность коллектива по существу выражается в том, что один человек оказывает влияние на другого, это влияние оценивается другими людьми, делающими для себя выводы о том, как поступать, как вести себя в обществе» [13, с. 39]. Поэтому нам было интересно узнать, что влияет на нравственно-психологическую атмосферу в педагогическом коллективе. Из беседы, которую мы провели с руководителями

школ и вузов, мы попытались выяснить, что способствует формированию положительного нравственно-психологического климата в коллективе? Полученные результаты мы обогатили данными, взятыми из литературных источников. Вот что у нас получилось.

Во многом такой климат коллектива напрямую зависит от личности руководителя. П.Т. Фролов в книге: «Школа молодого директора» [16] пишет о том, что руководитель любого уровня должен всегда служить примером высоконравственного поведения, иметь моральное право спрашивать с других (чтобы подчинённые не подумали и не сказали: «сам таков»), быть объективным в оценке подчинённых, уважать право каждого иметь собственное мнение, показывать пример творческого отношения к работе, признавать свои ошибки и критически доверять им, иметь терпение, быть чётким, организованным, следить, чтобы слова не расходились с делами, по перечисленным выше качествам подбирать и руководителей нижестоящих ступеней развития.

Т.И. Шамова, Ю.А. Конаржевский, К.А. Нефедова, П.И. Третьяков считают, что высокая нравственность является стержневой чертой руководителя, его образа жизни. Рассматривая группу нравственно-психологических требований к личности руководителя, эти исследователи выделяют следующие личностные качества руководителя педагогического коллектива: высокую нравственность, требовательность, принципиальность, простоту, доброжелательность, уравновешенность, справедливость. Они пишут о том, что, к сожалению, эти качества при избрании или назначении руководителя не всегда берутся во внимание. Между тем, как они отмечают, отсутствие даже одного из перечисленных качеств снижает ценность личности [4].

Как полагают руководители педагогических коллективов и как показывают исследования В.Г. Асеева [1], Г.М. Андреевой [8], П.Т. Фролова [16], М.И. Станкина [11] гармонизации отношений в коллективе способствует сочетание деловых и неформальных отношений в коллективе. Возможность влиять на климат коллектива путём убеждений, адресованных личности и обществу, организации, например, военной, была известна ещё в Древнем мире. Неформальная структура коллектива — один из компонентов психологического климата. Сюда входят дружеские контакты в группе и вне её, взаимное сотрудничество и помощь, взаимная ответственность.

Таким образом, нравственно-психологический климат во многом предопределяется и формируется неформальными лидерами. Влияние «неформального», «человеческого» компонента в поведении руководителя на отно-

шение к нему окружающих проявляется, например, в том, что подчинённые, оценивая своего начальника, принимают во внимание его личные качества ничуть не в меньшей степени, чем деловые и профессиональные. Такая требовательность к руководителю связана с тем, что даже при самой тщательной регламентации действий руководителя неизбежно остается значительная зона взаимодействия, которая фактически целиком зависит от его личности. В результате подчинённый во многом зависит от своего руководителя и возникшего у того «личного» взгляда. Поэтому для работников столь важны моральные, человеческие качества их руководителя. Кроме того, любой руководитель педагогического коллектива хочет он того или нет, вкладывает частицу своих духовных сил в другую личность, стремится сделать ее лучше, видит в ней, как в зеркале, самое себя — свои нравственные черты, творческие способности, мастерство. И в этом случае мы говорим о том, что деловые качества руководителя неотделимы от его нравственного облика.

К.К. Платонов [9] подмечает, что в структуре сознания личности есть та его подструктура, которая отражает нравственные нормы общества и оценивает своё и чужое поведение в свете этих норм. Она носит название нравственного сознания. В этом смысле также интересна трактовка К.К. Платоновым понятия «нравственные способности», под которыми он понимает такую структуру личности, которая определяет нравственные, полезные для общества и его отдельных членов поступки человека.

В.В. Бойко, А.Г. Ковалёв, В.Н. Панфёров, рассматривая психологический климат коллектива, вводят категорию — «нравственные взаимоотношения». Исследователи утверждают, что нравственные взаимоотношения возникают в результате синтеза всех общественных отношений и их реальных проявлений в межличностном взаимодействии. В них фиксируется оценка реальных отношений и поведения человека в коллективе с точки зрения соблюдения им принципов гуманизма. Под углом зрения этих принципов могут быть оценены все другие качества личности. Проявляются нравственные взаимоотношения в виде таких качеств личности, как справедливость, честность, порядочность и др. Критерием нравственных взаимоотношений служат мировоззренческие взгляды, в которых отражаются и политические отношения общества [3].

Мы полагаем, что для того, чтобы руководитель педагогического коллектива имел статус неформального лидера, он должен иметь твёрдую глубоко обоснованную нравственную позицию.

В коллективе может быть много неформальных лидеров, тем более что различные обстоятельства выдвигают временных, ситуативных лидеров. Когда в коллективе много лидеров, как полагают Р.С. Немов, А.Г. Кирпичник [7], это явление положительное, так как разнообразие лидеров обеспечивает разнообразную жизнь коллектива, но при обязательном условии: их нравственные ценности не должны противоречить друг другу. Руководитель должен

постоянно помнить, что его взаимоотношения с неформальными лидерами как бы задают тон и во многом стимулируют развитие коллектива.

Исследователь В.В. Шпалинский [18] подчёркивает, что психологический климат педагогического коллектива зависит от отсутствия или наличия в нём творческой атмосферы.

В.А. Сухомлинский в работе: «Мудрая власть коллектива» пишет: «Творчество является деятельностью, в которую человек вкладывает как бы частицу своей души; чем больше души он вкладывает, тем богаче становится сам. Процесс творчества характерен тем, что творец своей работой и её результатами производит огромное влияние на тех, кто находится рядом с ним. Одухотворение и вдохновение одной личности порождает одухотворение и вдохновение других людей. Творчество — это незримые ниточки, соединяющие сердца. Чтобы человек благотворно влиял на человека, утверждайте в духовной жизни коллектива и личности творчество» [12, с. 109—110]. Вот почему творчество так важно для работы педагогического коллектива.

Нравственно-психологический климат в коллективе во многом зависит от того, насколько своевременно руководитель предотвращает или профессионально разрешает конфликтные ситуации. И конфликтологическая компетентность руководителя заключается в его умении эффективно использовать технологии предупреждения и разрешения (преодоления) конфликта. Профилактика конфликтности в трудовом коллективе включает в себя, прежде всего, анализ его деятельности и взаимодействия, выявление «болевых» точек и совершенствование именно этих аспектов. В условиях же, когда конфликтная ситуация уже возникла, внимание руководителя должно быть сосредоточено на том, как управлять процессом разрешения конфликта с тем, чтобы выйти из него с наименьшими потерями, а если удастся, то повысить уровень деловой активности сотрудников педагогического коллектива.

Умелое разрешение конфликтов выводит коллектив на новый, более высокий и эффективный уровень функционирования и развития. От руководителя, в данном случае, требуется владение глубокими знаниями о сущности конфликтных ситуаций, владение арсеналом приёмов и способов их конструктивного разрешения, и что немало важно, умение извлекать позитивные возможности из любой конфликтной ситуации. Снижению же конфликтности в коллективе способствует оптимальное руководство, характеризующееся сочетанием демократических, коллегиальных тенденций, ориентаций на поощрение и инициативы работников, готовности считаться с мнением людей и прислушиваться к нему и единоначалия (умение руководителя, когда это необходимо, лично принять необходимое управленческое решение, взять на себя полную ответственность за него).

Очень часто начинающие руководители недооценивают то, насколько быстро и безболезненно ли адаптиру-

ются в коллективе его новые члены. Вместе с тем их адаптация, равно как и справедливое их поощрение имеют влияние на нравственно-психологический климат в коллективе. Новые члены коллектива, по большей части молодые люди, реже более зрелые сотрудники. И те, и другие обладают массой полезных качеств. Если молодые люди более работоспособны, энергичны, предприимчивы и решительны, лишены груза устаревших привычек, обладают развитым чувством нового и смелостью, необходимой для претворения в жизнь оригинальных идей, то сотрудники старших возрастов многоопытны и богаче профессиональными навыками. Поэтому доверие к молодым не исключает, а, напротив, предполагает одновременно бережное, уважительное отношение к испытанным, в свое время, работе кадрам. Руководитель должен сделать все необходимое для того, чтобы способности и компетентность молодых сотрудников «шли» не в противовес, а наряду с возрастом и практическим опытом более зрелых сотрудников.

Таким образом, возрастной состав членов коллектива также оказывает заметное влияние на функционирование педагогических систем, а следовательно и на их нравственно-психологическую атмосферу. Умелое сочетание в педагогическом коллективе опытных и молодых специалистов способствует наращиванию успехов педагогической системы. Обусловлено это следующим: во-первых, органичное сочетание специалистов различных возрастных групп формирует наиболее благоприятные предпосылки деятельности педагогического коллектива; во-вторых, обеспечивается своевременная передача полномочий от одного поколения другому и, как следствие этого, компетентная деятельность всего коллектива; в-третьих, создается самая надежная гарантия от косности, застоя и от авантюризма, волюнтаризма; в-четвертых, исключается опасность того, что одновременный выход на пенсию нескольких сотрудников старшего возраста усложнит процесс деятельности всего коллектива, так как в коллективе оказываются молодые специалисты, способные в любой момент взять на себя исполнение функций более высокого ранга.

Группа современных исследователей во главе с Т.И. Шамовой [4] полагают, что педагогический коллектив выступает как мощная воспитательная сила, если разные его члены объединены общностью взглядов, идей, убеждений, традиций. Авторы считают, что в образовательном учреждении может быть и должен быть коллектив единомышленников. Единомышленники — это не безликое однообразие мыслей и действий людей. Их объединяют общие педагогические позиции, единый подход к педагогическим проблемам, единое понимание путей воспитания и обучения. Вместе с тем единомышленники владеют разнообразными приёмами, методами работы, представляют собой многообразие талантов.

Коллектив единомышленников — это единство многообразного, единство противоположностей. В таком коллективе каждый видит общую цель, стремится к ней, со-

гласовывая свои действия, подчиняет педагогическую деятельность общепринятым моральным правилам и нормам. Однако каждый при этом имеет собственный, неповторимый педагогический почерк. Общая цель, единый взгляд на образовательное учреждение как на динамическую систему, единая оценочная политика знаний, умений и навыков учащихся, единый стиль отношений к детям, единая требовательность, единые педагогические позиции всех членов педагогического коллектива по многим другим важнейшим вопросам жизни и деятельности школы, вуза определяют становление коллектива.

Для коллектива единомышленников свойственны гуманистическая целеустремлённость, сплочённость, базирующаяся на единстве взглядов, ценностных ориентаций, удовлетворённость всех своим положением в коллективе, оптимистическое настроение, развитое общественное мнение. В создании такого педагогического коллектива ведущая роль опять же принадлежит руководителю педагогического коллектива. Главная задача руководителя состоит в создании условий для работы всего коллектива и каждого работника в отдельности.

Существует устойчивая корреляция между нравственно-психологическим климатом в коллективе и степенью социальной защищённости его членов, уверенности в завтрашнем дне. При этом важно, чтобы моральные и материальные стимулы не только сочетались, но чтобы они были адекватны трудовому вкладу сотрудника в успех работы коллектива, то есть важно использование руководителем индивидуального подхода к каждому члену педагогического коллектива.

Для кого-то материальная заинтересованность имеет второстепенное значение, для кого-то, наоборот, играет решающую роль, но так как основной источник нашего существования — деньги за труд, то, естественно, мы стремимся к тому, чтобы он соответственно оплачивался. Исследования дальневосточных социологов, а также исследования московских психологов во главе с Н.В. Гришиной в ленинградских трудовых коллективах [5] показали, что удовлетворённость работников, получающих материальное вознаграждение (заработную плату, премию) зависит «от соответствия социальной справедливости в оплате труда». Как правило, недовольство, напряжённость и конфликты возникают из-за игнорирования или недооценки руководителями морального аспекта материального вознаграждения. Зарплата, премия — не просто денежная сумма, получаемая работником, но и показатель того, как общество (в данном случае организация), коллектив оценивают его труд. Анализируя сложные, напряжённые ситуации, исследователям неоднократно приходилось сталкиваться с конфликтами, возникшими не из-за конкретных выплат, а от ощущения несправедливости, обиды работников, не согласных с уравниловкой, формальным распределением между ними материального вознаграждения.

Уравниловка в оплате труда препятствует сохранению и усилению трудовой мотивации. При всей увлечённости

своим делом, добросовестном отношении к работе сознание, что другой человек при значительно меньшем вкладе получает столько же, оказывает деморализующее влияние на работника.

Осознание моральной, психологической стороны такого сугубо материального фактора, как заработная плата, премии, выплачиваемые работнику, подводит нас к пониманию другого важного аспекта — потребности каждого сотрудника в ощущении своей необходимости (нужности) коллективу, во внимании к своему труду и своим проблемам. Развивая эту мысль дальше, можно отметить, что то, как относится к работнику руководитель, насколько организация склонна замечать и поощрять его успехи, заботиться о создании для него возможностей роста — квалифицированного, материального, должностного, — наконец, насколько в коллективе готовы считаться с его личными проблемами, помогать с их решением, — все

это создает у человека представление о том, насколько он нужен организации, коллективу. Признание того, что там ценят добросовестный, активный труд, по заслугам перспективы, возможности дальнейшего роста, и является основой социальной справедливости в коллективе.

Поэтому, такой важный фактор, определяющий отношение к труду, как удовлетворенность благоприятным психологическим климатом в коллективе, имеет огромное значение. То, как складываются отношения сотрудников с товарищами по работе, с руководителем, какова нравственно-психологическая атмосфера в коллективе, оказывает исключительно сильное влияние на трудовую активность сотрудников педагогического коллектива. Поскольку нравственно-психологический климат — это психологический климат коллектива, где царит атмосфера, в которой каждому сотруднику легко работать и совершенствовать свои знания.

Литература:

1. Асеев В.Г. Управленческая деятельность директора инновационной школы и её психологическое обеспечение. — Иркутск: Изд-во Иркутского гос. пед. ун-та, 2001. — 168 с.
2. Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения в 2-х т. М.: Педагогика, 1979. — 399 с.
3. Бойко В.В., Ковалёв А.Г., Панфёров В.Н. Социально-психологический климат и личность. — М.: Мысль, 1983. — 207 с.
4. Внутришкольное управление: вопросы теории и практики/Под ред. Т.И. Шамовой и др. — М.: Педагогика, 1991. — 192 с.
5. Гришина Н.В. и другие: общение в трудовом коллективе. — Л., Лениздат, 1990 — 174 с.
6. Макаренко А.С. Собрание сочинений в пяти томах. Том I — Педагогическая поэма — 430 с., Том II — Педагогическая поэма — 384 с., Том V. — Честь, статьи о литературе — 510 с. — М.: Правда, 1971.
7. Немов Р.С., Кирпичник А.Г. Путь к коллективу: кн. для учителей о психологии ученич. коллектива. — М.: Педагогика, 1988. — 144 с.
8. Общение и оптимизация совместной деятельности//Под редакцией Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. — М.: Изд-во МГУ, 1987. — 304 с.
9. Платонов К.К. Проблемы способностей. — М.: Наука, 1972. — 312 с.
10. Платонов К.К., Казаков В.Г. Развитие системы понятий психологического климата в советской психологии// Социально-психологический климат коллектива: Теория и методы изучения. М., 1979. С. 25—41.
11. Станкин М.И. Психологический климат в коллективе техникума//Специалист. — 2003. — № 1. С. 22—25.
12. Сухомлинский В.А. Мудрая власть коллектива (Методика воспитания коллектива). — М., «Молодая гвардия», 1975. — 239 с.
13. Сухомлинский В.А. Разговор с молодым директором школы. — М.: Просвещение, 1973. — 204 с.
14. Уманский Л.И. Психология организаторской деятельности школьников. — М.: Просвещение, 1980. — 160 с.
15. Филиппов А.В. и др. Производственная социология, психология и педагогика. — М.: Высшая школа, 1989. — 253 с.
16. Фролов П.Т.. Школа молодого директора. Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1988. — 224 с.
17. Шацкий С.Т. Педагогические сочинения. В 4-х т. Под ред. И.А. Каирова и др. — М., «Просвещение», 1965. — 328 с.
18. Шпалинский В.В. Психология менеджмента. — М.: УРАО, 2000. — 184 с.

Основные функции и методы исследования внутреннего диалога

Евченко Наталия Андреевна, аспирант
Самарский государственный университет

Внутренний диалог как важная составляющая самосознания исследуется в работах М.М. Бахтина, А.В. Визгиной, Л.П. Гримака, В.Л. Измагуровой, А.В. Россохина, Е.Т. Соколовой, Н.С. Бурлаковой и других [2, 4–5, 7, 12, 14].

Среди основных функций внутреннего диалога Л.П. Гримак выделяет: гармонизацию отношений человека с миром (адаптация), самосовершенствование, самоорганизацию и самопрограммирование [5].

В исследовании Е.Т. Соколовой и Н.С. Бурлаковой отражен большой психотерапевтический потенциал внутреннего диалога. Этими авторами было показано, что неразрешенные проблемы в отношениях со «значимым другим» часто проявляются в ходе психотерапевтического процесса [14]. Внешне диалог ведётся с психотерапевтом, а фактически происходит развёртывание пациентом скрытого незавершенного внутреннего диалога со «значимым другим».

О терапевтическом эффекте внутренних диалогов пишет также О.В. Кузьменкова. В её исследованиях разрешения внутренних противоречий осуществляется посредством конструктивной внутриличностной коммуникации. Среди выделенных ею условий конструктивного разрешения внутриличностных противоречий можно назвать: расширение границ сознания при сохранении его единства, и наличие у человека субъектной позиции, стремления быть автором своей жизни [8].

А.В. Россохин и В.Л. Измагурова делают акцент на внутреннем диалоге, как источнике новых смыслов, и называют следующие функции внутреннего диалога:

- 1) реализация процессов мышления и самосознания;
- 2) осознание содержаний и некоторых компонентов структуры самосознания;
- 3) изменение структуры самосознания, иерархии мотивов.

Как следствие, внутренний диалог выступает механизмом личностной трансформации [13].

Эта же функция внутреннего диалога (а именно, перцептивной стороны внутреннего диалога) экспериментально подтверждается в исследовании Н.А. Евченко и С.В. Березина. Ими было показано, что процесс отражения в себе, как в некоторой степени другом, может выступать предпосылкой развития личности. В зависимости от величины оценки Я со стороны Другого-Я, меняются показатели упорства и целеустремлённости в деятельности испытуемых. Так, когда испытуемые получают оценку от Другого-Я выше актуальной самооценки, тогда они начинают действовать, демонстрируя более высокий уровень оцениваемых качеств. И наоборот [6].

Согласно исследованию А.В. Визгиной, в ходе внутреннего диалога также осуществляется развитие личности,

однако оно опосредовано разрешением внутренних конфликтов и принятием обеих позиций диалога как частей Я субъекта. Уже само по себе развёртывание внутреннего диалога «побуждает клиента к более полному выражению ранее лишенной голоса отчуждённой части личности <что в свою очередь приводит к тому>, что он начинает больше идентифицироваться с этой частью, интегрируя её в своё Я» [4, с. 102].

В ряде подходов к рассмотрению структуры личности человека внутреннему диалогу уделяется особое внимание. Общим для этих теорий является утверждение о сложносоставной структуре личности, включающее в себя ряд субличностей (или иных составных частей). Примерами таких концепций являются: мультисубъектная теория личности В.А. Петровского, теория диалогического Я (dialogical self) Г. Херманса (H. Hermans), транзактный анализ Э. Берна [3], психосинтез Р. Ассаджиоли [1] и другие. Остановимся подробнее на нескольких из них.

В рамках мультисубъектного подхода личность представляется нам в виде «единомножия» субъектов, каждый из которых исходит из своей системы ценностей и предпочтений, что подтверждается рядом экспериментальных исследований [11]. Особенно актуальными в рамках данного подхода являются исследования принятия решения в ситуации выбора.

Согласно теории диалогического Я (dialogical self), личность можно представить как совокупность Я-позиций: внутренних (например, «Я, как успешный профессионал») и внешних (включающих значимых для личности людей, например, «мои родственники»). Внутренние Я-позиции становятся значимыми благодаря связям с внешними, и наоборот. Есть доступные Я-позиции, но о некоторых частях Я человек может не догадываться [17]. Внутренний диалог играет здесь важную роль, позволяя различным Я-позициям обмениваться между собой информацией и влиять друг на друга [15].

Данные теоретические положения требуют эмпирической проверки. Однако многими авторами отмечается сложность исследования внутреннего диалога, из-за того, что он осуществляется во внутренней и свёрнутой форме, и часто протекает на неосознанном уровне. Это остро ставит проблему методов исследования. Из-за методологических проблем интроспекции и отсутствия иных методов исследования внутреннего диалога данная тема была долгое время оставлена научной психологией и развивалась в рамках различных «околопсихологических» и религиозных течений, например, пропагандирующих «позитивное мышление» [19].

В настоящее время разработан ряд методов исследования внутреннего диалога, что делает более доступным

анализ данного феномена. Одним из наиболее распространенных подходов является анализ вербализованных внутренних диалогов. Для такого анализа необходимо четкое выделение эмпирических критериев внутренней диалогичности текстов.

Одним из методов данной группы является фиксация вербализованного мыслительного процесса в ходе решения когнитивных задач. Примерами исследований в рамках данного подхода могут служить работы Г.М. Кучинского. В его экспериментах анализировалась речь субъекта, решающего вслух мыслительные задачи. Было показано, что наряду с монологической формой аутокоммуникации, присутствует также внутренний диалог с самим собой, представляющий собой взаимодействие двух или более последовательно сменяемых точек зрения на проблему или ход решения [9]. Сходные выводы были получены в другом исследовании, где материалом послужили прогрессивные матрицы Равена [16].

В разных исследованиях в качестве материала (когнитивных задач) используются различные методики. Некоторые из них уже изначально содержат в себе противоречие, которое подталкивает испытуемых к рассмотрению более чем одной точки зрения на решаемый вопрос. Другие задачи — напротив, изначально не предполагают диалогичности, и она привносится самими испытуемыми.

Анализ вербализованного внутреннего диалога в своих исследованиях так же использует В.Л. Измагурова. Материалом в одном из её исследований выступили письменные транскрипты психоаналитических текстов [7]. В качестве главных критериев внутренней диалогичности текста она выделяет:

- 1) я-, ты- высказывания;
- 2) наличие в тексте нескольких несовпадающих смысловых позиций.

К другим отличиям относятся: смысловая «свёрнутость», присущая внутренней речи, и эмоциональная насыщенность высказывания [7].

А.В. Визгина предлагает сходный метод исследования — внутридиалогический анализ внешнеречевой продукции на материале спонтанной письменной продукции, а именно методики свободного самоописания. Задача подобного самоописания изначально провоцирует субъекта на столкновение двух внутренних установок: на самораскрытие и на самозащиту. Критерием диалогичности в этом методе также выступает наличие конфликту-

ющих смысловых позиций в текстах самопрезентаций, их поочерёдное принятие субъектом и аргументация [4].

Спорным вопросом является наличие гендерной специфики внутриличностной коммуникации, и, следовательно, необходимости её учёта в эмпирических исследованиях. Так, А. Морин (А. Morin) утверждает об отсутствии как отличий в диалекте, громкости, акценте, так и каких-либо половых различий во внутреннем диалоге [18].

В исследовании же В.В. Мацуты было показано наличие гендерной специфики. Так, например, у людей, относящихся к феминному типу, по сравнению людьми маскулинного типа, более выражен невербальный компонент внутреннего диалога (мимика, жесты). Кроме этого гендерные различия были показаны в таких параметрах, как:

- удовлетворенность собой как партнером по общению;
- выраженность стремления к саморазвитию;
- уровни избирательности, коммуникабельности и самораскрытия в ходе внутриличностной коммуникации;
- склонность к различным переживаниям;
- определенные коммуникативные намерения или мотивация ведения внутреннего диалога;
- предпочтение диалогов с образом себя или с образом реального другого;
- открытость или закрытость тем [10].

Подводя итоги сделанного нами анализа, можно сделать следующие выводы:

Среди основных функций внутреннего диалога можно назвать: смыслообразование, реализацию процессов мышления, самосознания, формирование мировоззрения, адаптация, самоорганизация и развитие сознания и личности.

Методологические трудности в исследовании «внутреннего диалога» в естественных условиях его протекания вынуждают изучать данный феномен опосредованно, в основном, через различные формы вербализованного внутреннего диалога.

Основными эмпирическими критериями внутридиалогичности текста являются: я-, ты- высказывания, наличие нескольких смысловых позиций в тексте, поочерёдное принятие субъектом данных позиций и их аргументация, смысловая свёрнутость, эмоциональная насыщенность высказывания.

При проведении исследования внутреннего диалога необходимо учитывать гендерную специфику проявления данного феномена и уравнивать выборки по половому составу.

Литература:

1. Ассаджиоли Р. Психосинтез. — М.: Изд-во Института психотерапии, 2008.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, 1979.
3. Берн Э. Трансакционный анализ в психотерапии. — М.: Эксмо, 2008.
4. Визгина А.В. Эмпирическое изучение спонтанных внутренних диалогов // Вопросы психологии, 2007. №1. С. 101—110.
5. Гримак Л.П. Общение с собой: начала психологии активности. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
6. Евченко Н.А., Березин С.В. Внутренний диалог «я-другое я» как механизм развития личности // Известия Самарского НЦ РАН, 2011. № 2 (4). Т. 13. С. 858—862.

7. Измагурова В.Л. Внутренний диалог как механизм развития сознания: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006.
8. Кузьменкова О.В. Модель диалоговой стратегии развития внутриличностных противоречий // Известия Самарского НЦ РАН, 2009. № 4. С. 684–690.
9. Кучинский Г.М. Психология внутреннего диалога. — Минск: Университетское, 1988.
10. Мацута В.В. Гендерные особенности внутренней коммуникации личности // Вестник Томского государственного университета, 2009. №328. С. 161–164.
11. Петровский В.А. Человек над ситуацией. — М.: Смысл, 2010.
12. Россохин А.В. Рефлексия и внутренний диалог в изменённых состояниях сознания: Интерсознание в психоанализе. — М.: «Когито-Центр», 2010.
13. Россохин А.В., Измагурова В.Л. Внутренний диалог и его связь с рефлексией // Вопросы психологии, 2008. № 4. С. 13–23.
14. Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С. К обоснованию метода диалогического анализа случая // Вопросы психологии, 1997. № 2. С. 61–76.
15. Херманс Г. Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации // Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход, 2007. № 1 (3). С. 7–53.
16. DeSouza M., DaSilveira A., Gomes W. Verbalized inner speech and the expressiveness of self-consciousness // Qualitative Research in Psychology, 2008. V. 5. Iss. 2. pp. 154–170.
17. Hermans H. The dialogical self: toward a theory of personal and cultural positioning // Culture Psychology, 2001. V. 7 (3). pp. 243–281.
18. Morin A. Inner speech and consciousness // William P. Banks (eds.) Encyclopedia of consciousness. — Oxford: Elsevier, 2009. V. 1. pp. 389–402.
19. Schwartz R. Internal dialogue: on the asymmetry between positive and negative coping thoughts // Cognitive Therapy and Research, 1986. V. 10. № 6. pp. 591–605.

Религия и экстремизм в многоконфессиональной стране: перспективы межкультурного диалога в преодолении конфликта

Егоров Михаил Игоревич, аспирант;
Андронов Илья Сергеевич, аспирант
Санкт-Петербургский университет управления и экономики

Проблема экстремизма и терроризма в современном мире ассоциируется в общественном сознании с представлениями о псевдорелигиозных направлениях, как исламский фундаментализм.

Здесь надо сделать оговорку: фундаментализм не является отражением агрессивных настроений той или иной религиозной группы, ее культуры враждебности по отношению к представителям других религиозных групп.

В научной литературе встречаются разные толкования понятия «фундаментализм» (от лат. fundamentum — основание). То интеллектуальное и политическое движение, которому внешние наблюдатели дали не совсем точное определение фундаментализма, разумея под ним возвращение к первоосновам, фундаменту религии, сами мусульмане предпочитают называть салафизмом — от выражения «ас-салаф ас-салих» (праведные предки) или просто «ас-салаф» (предки). В наши дни активизация исламистского экстремизма и терроризма под салафитскими лозунгами происходит в начале 70-х годов прошлого века и продолжается по сей день. [2]

Тема экстремизма и терроризма, которая сейчас находится в центре внимания общества и государства, в первую

очередь связывается с теми экстремистскими группами, которые стремятся проводить свою деятельность, прикрываясь религиозными мотивами и убеждениями.

Но надо заметить, что существуют и экстремистские организации, которые не пытаются действовать под личиной религиозных догматов. Поэтому экстремизм и подразделяется на политический, экономический и т.д.

Экстремизм — приверженность отдельных лиц, групп, организаций и т.п. к крайним взглядам, позициям и мерам в общественной деятельности. В политике экстремизм проявляется в стремлении подорвать стабильность существующих общественных структур и политических институтов. Это делается с помощью демагогии, призывов к насилию, террористических актов и приемов партизанской войны. Для экстремизма характерна бескомпромиссность, действия по принципу «все или ничего». Идеологической и теоретической основой являются радикальные идеологические концепции, религиозный фундаментализм. Лидеры экстремистов требуют от своих сторонников полного повиновения и беспрекословного выполнения любых приказов. При этом они часто апеллируют не к разуму, но к примитивным инстинктам толпы и чув-

ствам, верованиям и предрассудкам людей. Экстремизм тесно связан с радикализмом, поэтому оба эти термина нередко употребляются как синонимы. Так же как и радикализм, экстремизм подразделяют на левый, правый, религиозный, националистический и т.д. [1]

Исходя из этого определения, можно прийти к заключению, что многие тоталитарные секты тоже в некоторой мере могут считаться экстремистскими, т.к. направлены на агрессивную вербовку новых адептов, отрицание и враждебность по отношению как к другим религиям, так и к существующему общественному порядку.

У экстремистских группировок и тоталитарных сект есть свои общие черты. Во-первых, они ориентированы на молодежь. Проблема экстремизма в России в последние годы приобретает все большую актуальность. Ученые, политики, общественные деятели, журналисты в ходе дискуссий предлагают различные пути и способы противодействия экстремизму. Едва ли не в первую очередь эта проблема касается молодежной среды, где ряд громких преступлений молодых экстремистов вызвали широкий общественный резонанс. В настоящее время не секрет, что молодежная среда является благодатной почвой для потенциальных и реальных экстремистских угроз. Этому способствует социально-возрастные, социально-психологические и социокультурные особенности молодежи. [3]

Во-вторых, организация этих формирований и в первом и во втором случае предполагает иерархизированность, а также наличие лидера (иногда двух — формального и неформального), который обладает определенными социальными и социально-психологическими качествами, позволяющими ему воздействовать на группу.

Несмотря на то, что религия в современном обществе перестает играть важную роль, как это было, например, в средние века, ее воздействие на общественное мнение достаточно велико. В тоже время, существует неграмотность в области понимания истории и теории религии, что позволяет экстремистским группировкам — с одной стороны — использовать религиозные идеи для привлечения новых членов в свои ряды, с другой — манипулировать религиозными чувствами этих людей, давая им неверную интерпретацию положений той либо иной религии. Когда религия используется как инструмент для экстремизма — это один из примеров формирования экстремистских и террористических групп.

Но на сегодняшний день стало очевидным, что религия может использоваться не только как инструмент, но и как мишень для экстремизма. Сегодня Россия, как и большинство стран мира, столкнулась с проблемой миграции и социокультурной адаптации мигрантов. Преобладающая часть мигрантов приезжает в Россию из стран, традиционной религией в которых является ислам, что создает определенные риски.

Важным фактором, актуализирующим осознание рисков, выступает размывание этнокультурных, социальных и профессиональных идентичностей, воспроизводство которых блокируется транснациональным характером ка-

питала. В этих условиях индивид оказывается наедине с собой, он сам должен адекватно реагировать на социальные и природные риски, сам должен выбирать решения и нести за них ответственность. Ф. Фукуяма сравнивает этот сдвиг в принципах организации социальной жизни с переходом от общества общинного типа к обществу современного типа (модернити). Составной частью этого процесса стало выделение индивида из плотной сети обязательств и ролей традиционных институтов. [4]

Модель поведения индивида в обществах постиндустриальных стран значительно изменилась. Сейчас можно говорить и о том, что мигранты из стран третьего мира, которые должны были гармонично интегрироваться в принимающую среду, сами оказали свое влияние на изменения как в социально-экономической, так и в духовной сфере. Доля исповедующих ислам в странах Европы и Северной Америки увеличивается.

Многие авторы связывают актуальные проблемы культурной безопасности с международными культурными проблемами, в частности с проблемами межкультурного диалога. Западные СМИ часто рассматриваются как инструмент для продвижения к успеху западных ценностей и способы установить «диалог», понимаемый как глубоко неравный. Эта ситуация поднимает один из самых важных вопросов нашего времени: как мы готовимся к пониманию других культур? [5]

Скорее всего, здесь и кроется противоречие — столкновение культур и моделей поведения в условиях глобализации, попытке прийти к общим ценностям и модели поведения, навязывание западной, европоцентричной модели. Конфликт, как борьба за свои интересы, сталкивает в противостоянии исламскую цивилизацию с европейской и американской.

В тоже время, в чем заключается перспектива межкультурного (межконфессионального в данном случае) диалога — обе стороны, отдельные их лидеры готовы «сесть за стол переговоров». Идея толерантности и взаимоуважения, активно пропагандируемая во всем мире, преследует цели бесконфликтного существования.

Шейх Абдул Хади Палази, генеральный секретарь Ассоциации мусульман Италии, в статье под характерным названием «Извращенный ислам» писал, что исламизм являет собой идеологию религиозного тоталитаризма, возникшую в конце XX столетия и оскверняющую принципы традиционного ислама... это фактически экстремистская идеология, сторонники коей считают ислам одновременно и религией и государством, а главарей боевиков также и религиозными вождями. [6]

Политизация религии и использование ее в качестве идеологического инструмента воздействия особенно проявляется в странах с социально-экономической нестабильностью.

С развалом Советского Союза в Дагестане начали набирать обороты процессы политизации ислама, стремительного увеличения количества печатной и электронной продукции с фундаменталистскими и откровенно экстре-

мистскими проповедями. В ассиметричной войне, которую ведут исламские джамааты против военно-политических систем современных государств, факторы психологической мобилизации, готовности умереть во имя собственной цели играют ключевую роль. Особенно если учесть, с каким кумулятивным эффектом все эти факторы срабатывают в среде бурно возрождающихся общин верующих. [7]

Выход в разрешении конфликтной ситуации, приводящей к столкновению религий и культурных традиций сложный, но в достаточной степени понятный —

стремление к социально-экономической стабильности в странах, предоставление равных возможностей, существование неотвратимости наказания за совершенные преступные деяния.

Для многих давно уже не секрет, что религия сама по себе не является агрессивной или неагрессивной, враждебность в данном случае является характеристикой некоторых последователей, которые используют догматы религии, играя на чувствах верующих, с умыслом достижения своих целей.

Литература:

1. Журавель В.П. О терроризме, террорологии и антитеррористической деятельности (Энциклопедический словарь) / В.П. Журавель, В.Г. Шевченко. — М.: ТОМ, 2007.
2. Карамян С.Г. Исламский Фундаментализм: теория и практика / С.Г. Карамян // Власть. — 2007. — №4. — С. 82–83.
3. Кубякин Е.О. К вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи / Е.О. Кубякин // Власть. — 2010. — №9. — С. 56.
4. Котов С.В. Неофашизм как возможность в контексте современной ситуации / С.В. Котов // Власть. — 2011. — №6. — С. 108.
5. Ширяев В.П. Культурная безопасность и межкультурные диалоги / В.П. Ширяев // Власть. — 2010. — №11. — С. 95–96.
6. Дмитриев И.А. Что такое исламистский терроризм? / И.А. Дмитриев // Власть. — 2011. — №6. — С. 113.
7. Курбанова А.М. Фундаменталистская и экстремистская пропаганда в постсоветском Дагестане / А.М. Курбанова // Власть. — 2010. — №11. — С. 95–96.

Особенности временной перспективы женщин, переживающих развод на разных стадиях брачно-семейного цикла

Ипполитова Елена Александровна, кандидат психологических наук, доцент;

Шведенко Юлия Викторовна, ассистент

Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Важность исследования временной перспективы определяется ее проникающим действием во все области жизни человека. Временная перспектива — это основной аспект в построении психологического времени, которое возникает из когнитивных процессов, разделяющих жизненный опыт человека на временные рамки прошлого, настоящего или будущего. Чрезмерная предрасположенность к той или иной временной зоне в значительной степени определяется множеством изученных факторов, наиболее значимыми из которых являются культурный, образовательный, социальный и семейный факторы [2].

Подходы к проблеме временной перспективы заложены Л. Франком, К. Левиным, Ж. Нюттенем. Термин «временная перспектива» (понятие в теории поля Курта Левина) введен в научный оборот Л. Франком для характеристики взаимосвязи и взаимообусловленности прош-

лого, настоящего и будущего в сознании и поведении человека [3].

Представление о временной перспективе как субъективном образе будущего сформировано К. Левиным, который определял временную перспективу как самопроекцию человека в будущее, отражающую всю систему его мотивов и одновременно выходящую за пределы наличной мотивационной иерархии.

Ж. Нюттен связывает временную перспективу с «иерархией целей личности», которая состоит в одновременном присутствии в сознании человека разноудаленных объектов-целей [3].

Понятие временной перспективы так же было поддержано исследовательской программой, в которой участвовали Ф. Зимбардо и коллеги в Стендфорском университете. Они утверждали: «Временная перспектива — это

основной аспект в построении психологического времени, которое возникает из когнитивных процессов, разделяющих жизненный опыт человека на временные рамки прошлого, настоящего или будущего» [9].

В отечественной психологии исследование жизненной перспективы ведется в рамках проблемы жизненного пути личности (М.М. Бахтин, К.А. Абылханова-Славская).

Е.И. Головаха определяет временную перспективу как целостную картину будущего в сложной противоречивой взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий [2].

Подводя итог, следует отметить, что «временная перспектива» включает три аспекта психологического времени: 1) временная перспектива в собственном значении этого слова, характеризующаяся протяженностью, глубиной, насыщенностью, степенью структурированности и уровнем реалистичности. 2) временная установка, то есть более или менее позитивная или негативная настроенность субъекта по отношению к прошлому, настоящему или будущему, 3) временная ориентация — характеризует поведение субъекта и, следовательно, мыслится как преимущественная, доминирующая направленность этого поведения на объекты и события прошлого, настоящего или будущего.

Ф. Зимбардо и его коллеги выделяют два аспекта отношения к прошлому: негативное (оно видится неприятным и вызывающим отвращением); положительное (прошлые опыт и времена видятся приятными, «через розовые очки», с ноткой ностальгии). Так же выделяют два аспекта отношения к настоящему: гедонистический — когда ценится наслаждение настоящим моментом, без сожаления о дальнейших последствиях поведения и совершенных поступков; фаталистический — когда люди верят в судьбу и подчиняются ей, полагая изменения невозможными. В отношении будущего отмечается только один аспект — общая ориентация на будущее, которая характеризуется наличием целей и планов, а так же поведением, направленным на их осуществление [10].

Временная перспектива может меняться в течение жизни под влиянием карьеры, экономической и политической нестабильности, употребления психоактивных веществ, личных успехов, неудач или травматических событий. Одним из таких травмирующих, переломных событий является ситуация развода, которая вызывает сильнейшее эмоциональное и психическое потрясение и приводит к возникновению кризисного состояния личности и деформирует картину мира в целом. Вместе с тем, как показывают исследователи, существенное значение имеет период брачно-семейного цикла, на который приходится развод. В частности, у женщин, разводящихся на более поздних этапах жизненного пути, могут усиливаться депрессивные тенденции и чувство одиночества (Э. Дюваль, Н.В. Самоукина, Дж. Хейли, Р. Хил) [6, 7].

Опираясь на вышесказанное, можно предположить, что временные перспективы женщин, переживающих развод на разных стадиях семейного цикла, будут иметь свою специфическую выраженность. В связи с этим, важным представляется выявление специфики временной перспективы

и кризисного состояния женщин, переживающих развод на разных стадиях семейного цикла, с целью конкретизации задач и методов психологической помощи.

Ориентируясь на исследования отечественных и зарубежных психологов, можно сделать вывод о том, что в ситуации развода возникает и определенным образом развивается кризисное состояние, характеризующееся тем, что мужчина или женщина начинают субъективно ощущать необходимость внутренних и внешних изменений жизни, связанных с отсутствием брачного партнера. Установлено, что кризисное состояние развода включает комплекс реакций и переживаний и затрагивает различные сферы личности. В этой связи представляет интерес структурирование реакций человека на кризис, предложенное Д.Г. Труновым, который предложил различать в кризисном состоянии ряд составляющих, а именно эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты. Эмоциональный компонент — это самый выраженный компонент кризисного состояния, эмоциональная реакция человека на те или иные события [1, 8]. Так, среди многообразия чувств, которые испытывает человек в кризисной ситуации развода, отмечаются чувства вины, обиды, тревоги, злости, беспомощности, безнадежности, одиночества [5].

С эмоциональным компонентом тесно связан когнитивный компонент, он проявляется в неспособности человека самому найти выход из создавшейся ситуации. В.А. Конторович, Е.И. Крукович, В.Г. Ромек, Д.Г. Трунов и другие исследователи полагают, что в кризисном состоянии изменяется восприятие человека, его отношение к миру и окружающим, он видит все в мрачном свете, чувствует недоброжелательную атмосферу, подозревает окружающих в неискренности [1, 8].

Еще один из компонентов кризисного состояния — это поведенческий компонент. Глубокая апатия и бездействие — естественная реакция на потерю ценностных ориентиров. Человек отказывается не только от своих желаний, но и от каких-либо действий. Он не в силах взять на себя какую-либо ответственность за происходящее с ним. Поведенческие особенности отражают психологические проблемы человека и выражаются в дезорганизации деятельности, скованности, зажатости, напряжения, неусидчивости, в стремлении к избеганию стрессовых ситуаций [1].

Необходимо отметить тот факт, что становится все более очевидной связь временной перспективы и кризисных состояний. Изменение хода субъективного времени, его скорости, личностной включенности, насыщенности, глубины временной перспективы является общим признаком для жизненных кризисов, в том числе и у разводящихся людей [4].

Таким образом, проведенный анализ литературы показал, что, несмотря на большое количество исследований в данной области, отмечается недостаток работ, направленных на изучение временной перспективы и кризисного состояния женщин, переживающих развод на разных стадиях семейного цикла, и поиск факторов, спо-

собствующих разрешению кризисной ситуации. В этой связи было предпринято эмпирическое исследование, цель которого — выявление специфики содержания и взаимосвязи временной перспективы и эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов кризисного состояния развода женщин с опытом супружеских отношений от 1 до 7 и от 8 до 18 лет.

В исследовании использовался комплекс методов: психологическое тестирование: методика «Личностный профиль кризиса» А.Е. Тарас (позволила выявить специфику эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов кризисного состояния женщин, переживающих развод), методика «Тест временной перспективы» Ф. Зимбардо (выявляет доминирующие временные ориентации женщин), математические методы анализа данных (t-критерий Стьюдента для независимых выборок и корреляционный анализ). В эмпирическом исследовании принимали участие 60 работающих, имеющих детей женщин в возрасте от 25 до 40 лет, оказавшихся в кризисной ситуации развода от 1,5 месяцев до 1 года. Среди них 50 % женщин, проживших в браке от 1 года до 7 лет и 50 %, проживших в браке от 8 до 18 лет.

В результате применения методики Ф. Зимбардо было выявлено, что доминирующими временными ориентациями женщин, находящихся на стадии брачно-семейного цикла от 1 года до 7 лет, так же как и тех, кто прожил в браке от 8 до 18 лет выступают фаталистическое настоящее и негативное прошлое. Ориентация на фаталистическое настоящее предполагает оценку настоящего с точки зрения рискованных действий и импульсивности, отсутствие четкой временной перспективы, направленности на цель. Эта временная ориентация включает в себя убеждения о том, что будущее предопределено и на него невозможно повлиять, а настоящее стоит переносить с покорностью и смирением. Ориентация на негативное прошлое предполагает оценку прошлого с точки зрения сожаления, оно рассматривается как содержащее в себе травму, грусть и боль. Подобные ориентации временной перспективы (прерывание связи прошлое-настоящее-будущее) характерно для личности, находящейся в кризисном состоянии. В ситуации развода наименее выражена ориентация на гедонистическое настоящее — женщины не склонны наслаждаться настоящим моментом, испытывать волнение и возбуждение от происходящего «здесь и сейчас».

Для сравнения временной перспективы женщин, переживающих развод на разных стадиях семейного цикла, использовался t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Достоверные статистические различия обнаружены по шкале «будущее» ($t = -2,458$ при $p = 0,017$). Различия на уровне статистической тенденции существуют по временным ориентациям «негативное прошлое» ($t = -1,589$ при $p = 0,118$) и «фаталистическое настоящее» ($t = 1,559$ при $p = 0,124$). Для женщин, чей развод произошел на стадии семейного цикла от 1 до 7 лет, менее представлена ориентация на негативное прошлое. У женщин, проживших в браке от 8 до 18, более выражены ориен-

тация на будущее, и настоящее представляется менее фаталистическим, неуправляемым, лишенным контроля, чем у женщин со «стажем» семейной жизни до семи лет.

Так, можно заключить, что, особенности временной перспективы женщин, проживших в браке от 8 до 18 лет, заключаются в отвержении своего прошлого, расценивании его как крайне негативного. Размышления о прошлом насыщены сожалением, гневом, обидой на бывшего супруга. Вероятно, ориентация на будущее выступают ресурсами, на основе которых личность преодолевает кризис. Для этих женщин более характерно простраивание жизненной перспективы, планирование дальнейших событий, надежда на лучшее.

Возможно, более выраженная ориентация на будущее объясняется возрастом респондентов. В группе женщин, проживших в браке от 8 до 18 лет, возраст испытуемых колеблется от 30 до 40 лет, и сравнение с нормативными показателями, представленными в статьях А. Сырцовой, позволяет заключить о нормативности отмеченной тенденции. Кроме того, это может быть своего рода «защитным механизмом», уходом от травмирующих переживаний прошлого и настоящего.

С целью исследования взаимосвязи временной перспективы и компонентов кризисного состояния женщин, переживающих развод на разных стадиях семейного цикла, использовался корреляционный анализ.

Для женщин, проживших в браке от 1 года до 7 лет, обнаружены взаимосвязи временной перспективы и поведенческого компонентов кризисного состояния и между показателями внутри самой временной перспективы.

Шкала «попытка уйти от проблемы» отрицательно взаимосвязана со шкалой «позитивное прошлое» ($r = -0,413$). «Поглощенность проблемой» положительно коррелирует со шкалой «гедонистическое настоящее» ($r = 0,361$). Можно заключить, что в том случае, если у женщин доминирует ориентация на позитивное прошлое, они меньше вспоминают и мечтают о нем, не пытаются найти там ресурс для разрешения актуальной жизненной ситуации, не теряют возможность эффективно решать проблему в настоящем. В свою очередь при выраженной ориентации на гедонистическое настоящее, разводящаяся женщина поглощена своими проблемами, она успешно разрешает возникающие жизненные трудности.

Компоненты кризисного состояния женщин, проживших в браке от 8 до 18 лет, также взаимосвязаны между собой. Более того, этих взаимосвязей значительно больше, чем у первой группы женщин.

Шкала «нарушения сна» положительно взаимосвязано со шкалой «негативное прошлое» ($r = 0,402$). Вегетативные дисфункции оказались тесно связаны и временной перспективой. Шкала «нарушение функционирования внимания» коррелирует отрицательно со шкалой «негативное прошлое» ($r = -0,403$). Можно заключить, что в том случае, если в ситуации развода женщина ориентируется на негативное прошлое, она испытывает проблемы со сном, но у него менее выражены нарушения функционирования

внимания. Шкала «нарушение функционирования восприятия» отрицательно связана со шкалой «позитивное прошлое» ($r = -0,448$). Шкала «нарушение функционирования памяти» отрицательно связана со шкалой «позитивное прошлое» ($r = -0,366$). Следовательно, можно сделать вывод о том, что в если в ситуации развода женщина с удовольствием вспоминает свое прошлое, включая периода жизни в браке, у нее менее выражены нарушения функционирования памяти и восприятия. Шкала «проблемы с исполнением должностных и служебных обязанностей» положительно взаимосвязаны со шкалой «будущее», относящийся к временной перспективе ($r = 0,394$), то есть отражает ту ситуацию, когда мысленно «убегая» в будущее, женщина с трудом осуществляет свою профессиональную деятельность. Итак, в целом временная перспектива взаимосвязана с когнитивным и поведенческим компонентами кризисного состояния женщин, состоявших в браке от 8 до 18 лет.

Результаты исследования демонстрируют, что характер взаимосвязей между временной перспективой и

эмоциональным, когнитивным и поведенческим компонентами кризисного состояния женщин различается в зависимости от стадии семейной цикла, во время которой произошел развод.

Таким образом, были исследованы временная перспектива, эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты кризисного состояния развода у женщин с разным опытом брачных отношений. Анализируя содержание временной перспективы женщин, переживающих развод, можно констатировать, что они расценивают свое прошлое как негативное, а настоящее как фаталистическое. При этом, женщины, прожившие в браке от 8 до 18 лет, в большей степени ориентированы на будущее, что может быть своего рода уходом от травмирующих переживаний прошлого и настоящего. Было выявлено, что изменение характера взаимосвязей между временной перспективой и эмоциональным, когнитивным и поведенческим компонентами кризисного состояния развода зависит от стадии семейного цикла, во время которой произошел развод.

Литература:

1. Журнал практического психолога. Специальный выпуск: Мастерская психологического консультирования Дмитрия Трунова. — 2006. — № 4.
2. Некрасова Е.В. Исследование проблемы времени в психологии. — Барнаул, Изд-во БГПУ, 2000. — 124 с.
3. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспективы будущего/ Под ред. Д.А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2004. — 640 с.
4. Овчинникова Ю.Г., Яксина И.А., Кузема О.В. Особенности временной перспективы в ситуации кризисов зрелости. — Человек в ситуации неопределенности. — Сборник статей под ред. А.К.Болотовой. — М.,ГУ-ВШЭ. 2007.
5. Олиферович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов. — СПб.: Речь, 2007.
6. Осипова А.А. Справочник психолога по работе в кризисных ситуациях. — Ростов н/Д: Феникс, 2005.
7. Осухова Н.Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: «Академия», 2008.
8. Ромек В.Г., Конторович В.А., Крукович Е.И. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. — СПб.: Речь, 2005.
9. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: a valid, reliable, individual-differences metric. // Journal of Personality and Social Psychology. — 2008. — 77. — P. 1271–1288.
10. Zimbardo P.G., Keugh K.A., Boyd J.N. Presents time perspective as a predikator of risk driving. // Personality and Individual Differences. — 1997. — 23. — P. 107–123.

Образ семьи в представлениях молодых и зрелых мужчин и женщин в условиях интенсивных социальных изменений

Ипполитова Елена Александровна, кандидат психологических наук, доцент
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

В современных условиях интенсивных социальных изменений для отдельного человека «внешнее уско-

рение превращается во внутреннее», заставляя его все чаще перестраивать свои представления о реальности

с тем, чтобы мысленный образ «успевал» за усиливающейся динамикой реального социального мира [4]. В ситуации разрушения традиционных представлений о поведенческих моделях поведения человека, большое значение приобретает изучение образа семьи в представлениях современных россиян, выступающего ориентиром для самореализации в данной социальной сфере [3].

В психологической науке методологически образ является одной из центральных категорий, объясняющей и описывающей внутреннюю психическую реальность. С середины XX века начинается широкое теоретико-практическое исследование образа. К разработке данной проблематики в той или иной степени обращаются практически все видные отечественные ученые-психологи: Ф.Е. Василюк, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, А.В. Петровский, Б.Г. Ананьев, Н.А. Бернштейн, Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, С.Д. Смирнов и др. [1].

В теоретико-методологическом контексте категория образа в работах отечественных авторов рассматривается в рамках теории отражения. Образ, с одной стороны, позволяет увидеть специфику процесса отражения на различных уровнях психической организации человека. С другой позиции изучения образ, помещенный в пространство сознания, — это интегральный продукт взаимодействия человека с реальным миром, раскрывающий основные функции психики, ее активное деятельностное начало. Исследованию интегрального образа реальности посвящены работы целого ряда психологов (В.А. Барабанщиков, А.А. Гостев, А.Н. Леонтьев, С.Д. Смирнов и др.) [1, 2].

С.Л. Рубинштейн пишет, что образ вообще, безотносительно к предмету, отображением которого он является, не существует. По его мнению, под образом следует понимать не всякое чувственное впечатление, а лишь такое в котором явления, их свойства и отношения выступают перед субъектом как предметы или объекты познания [2].

В работах А.Н. Леонтьева была выдвинута гипотеза об образе как многомерном психологическом образовании. Его формирование — это сложный, развертывающийся во времени процесс, в ходе которого отражение становится все более адекватным отражаемому предмету. Являясь отражением предметов (явлений) объективной, то есть существующей вне, и независимо от сознания человека действительности, образ вместе с тем субъективен. В самом широком смысле слова субъективность образа означает его принадлежность субъекту. Отражение человеком окружающего мира осуществляется с той специфической, обусловленной особенностями его жизнедеятельности (индивидуально-неповторимой) позиции, которую он в этом мире занимает.

А.В. Петровский под образом понимает субъективную картину мира или его фрагментов, включающего самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий. В свою очередь образ мира более сложная категория — целостная, многоуровневая система представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности [2].

Сторонники социальной психологии уделяли большое внимание изучению социальной перцепции и социального познания: С. Московиси, Г.М. Андреева, Н.Н. Обозова. Прикладные исследования социальных образов проводили: И.Г. Дубов, С.Р. Пантелеев, А.Н. Крылов, А.Ю. Панасюк и др. [1]. Можно сделать вывод о том, что социальные представления являются основой представлений о различных объектах социальной действительности. На этой базе строятся представления о мире в целом (образ мира) и представления об образе личности в частности, которые отражают личностные особенности каждого индивида.

Социальный образ — результат социального восприятия и продукт познания социального мира. Особенности воспринимающего зависят от его субъективных и объективных характеристик. Они влияют на глубину, всесторонность и скорость познания другого человека. Н.Т. Волкова относит к ним пол, возраст, национальность, социальный интеллект, психические состояния, состояние здоровья, установки, опыт общения, профессиональные и личностные особенности.

Многие авторы признают, что образ зависит от ряда факторов, он динамичен, его атрибуты преобразуются, видоизменяются, поэтому образ требует постоянной поддержки и коррекции. Важной особенностью образа является активность, то есть он способен действовать на сознание, эмоции, отдельных людей и целых групп [2].

Таким образом, прослеживается актуальность проблематики образов в психологии, по которой производится достаточно много исследований, в том числе направленных на выявление специфики их содержания, обусловленной принадлежностью к определенной возрастной группе, поколению.

В XX веке заметно обострилась проблема взаимоотношений между поколениями. Семья является первым и наиболее индивидуальным уровнем отношений между ними. В настоящее время семья претерпевает демографические, культурные, социально экономические изменения, которые отражаются на внутрисемейных связях и отношениях представителей различных поколений одной семьи.

Межпоколенная связь — это сложный и неоднозначный феномен. Сильная связь или зависимость друг от друга представителей разных поколений может делать их более жизнестойкими и, наоборот, уязвимыми, беспомощными, неспособными противостоять стрессу; может как усиливать, так и ослаблять индивидуальную систему ресурсов человека. С одной стороны, связь между поколениями необходима для нормального функционирования и развития общества, так как является важным социально-психологическим фактором его интеграции. С другой стороны, прогрессивное развитие общества невозможно без отказа или замены «старого» на «новое». Нередко необходимое «новое» (не имеет принципиального значения, в какой сфере) настолько существенно отличается от «прежнего», что происходит резкий разрыв между поколениями, что может привести к кризисным явлениям,

как, например, это происходит в современной российской семье, в которой проблема «отцов и детей» приобретает особую остроту [5].

Здесь в противопоставление юности выступает именно взрослый, социально зрелый человек. Важнейшей особенностью зрелости является осознание ответственности за содержание собственной жизни перед самим собой и перед другими людьми. В период средней взрослости происходит избавления от неоправданного максимализма, характерного для молодости, формируется взвешенность и многогранность подхода к жизненным проблемам, в том числе к вопросам собственной семейной жизни. Скопленный опыт, знания, умения представляют для человека огромную ценность, но могут создавать ему и трудности в восприятии новейших идей, тормозить рост его творческих возможностей. Прошедший опыт при отсутствии разумной гибкости и многогранности может стать источником консерватизма, ригидности.

Таким образом, опираясь на результаты анализа литературы по проблемам межпоколенного взаимодействия в семье, можно заключить, что образы семьи, отражающие понимания различных аспектов семейной жизни, могут существенно определять его стиль, интенсивность передачи, конфликтность. В этой связи было предпринято эмпирическое исследование, направленное на выявление специфики содержания образов семьи людей молодого и зрелого возраста.

В исследовании использовался комплекс методов: изучение и анализ научно-теоретических источников по проблеме, экспертный опрос, семантический дифференциал Ч. Осгуда, методы статистического анализа данных (расчет средних значений, непараметрический Т-критерий Уилкоксона, критерий Манна-Уитни, критерий Колмогорова-Смирнова, t-критерий Стьюдента, факторный анализ), с применением компьютерного пакета программ SPSS 17.0. В качестве респондентов выступили мужчины и женщины в возрасте 18–25 лет (30 человек), являющиеся студентами ВУЗов г. Барнаула (АлтГУ, АлтГТУ), не женатые и проживающие в полной родительской семье, а так же состоящие в браке родители этих студентов — работающие люди 40–55 лет (30 человек).

В результате применения метода семантического дифференциала выявлены представления об идеальной семье, характерные для разных поколений. Установлено отсутствие значимых различий в содержании данных представлений у 18–25 летних юношей и девушек и людей среднего возраста. Так, и те и другие в равной степени представляют идеальную семью, прежде всего, как счастливую, стабильную, гармоничную, поддерживающую, комфортную, в большей степени ориентированную на сохранение традиций, относительно демократичную и открытую. В то же время идеальная семья и молодым и зрелым людям представляется романтической, необычной, интересной. Акцент делается на сохранении здоровья ее членов: спортивная, сексуально удовлетворяющая супругов. Следовательно, можно заключить,

что, согласно полученным данным, представления об идеале, на который респонденты ориентируются в своей семейной жизни, схожи. Это указывается на сохранение определенных традиций у представителей разных поколений, выросших в одной большой семье. Вместе с тем, интерес представляют данные, согласно которым молодежь, современные юноши и девушки, в достаточной мере поддерживают представления о семье как о патриархальной и многодетной, что соответствует исторически сложившимся установкам.

В свою очередь анализ результатов исследования с применением методов статистического анализа (критерий Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента) позволил установить наличие значимых различий в содержании представлений о реальной семье, характерных для людей разных возрастов.

Выявлено, что юношам и девушкам в возрасте 18–25 лет реальная семья представляется менее традиционной ($p=0,011$), менее закрытой ($p=0,13$), более интересной ($p=0,14$), более веселой ($p=0,17$), более счастливой ($p=0,022$), в большей степени поддерживающей ее членов ($p=0,022$), более стабильной и гармоничной ($p=0,023$), более демократичной ($p=0,025$) и в целом более привлекательной ($p=0,028$) и комфортной ($p=0,043$). Следовательно, можно заключить о более оптимистичных представлениях о реальной семье у юношей и девушек. Это может объясняться как некоторой идеализацией различных сторон жизни, в том числе семейной, характерной для возраста поздней юности, а так же отсутствием опыта проживания в собственной семье, в которой могут быть трудности не только детско-родительских, но и супружеских отношений. В то же время в зрелом возрасте человеку свойственны более реальные, трезвые оценки своих достижений. Кроме того, может иметь место кризис зрелого возраста, который связан с осознанием расхождения между целями, поставленными в молодости и действительностью. На данном возрастном этапе происходит переоценка ценностей, при которой нередко возникает чувство общей неудовлетворенности жизнью, что так же может способствовать некоторому пессимизму по поводу жизни в реальной семье.

Для большей четкости различения интегральных образов семьи между поколениями обратимся к результатам факторного анализа.

В ходе проведения факторного анализа содержания образа идеальной семье в группе молодого возраста выявлено 7 главных компонент, суммарно объясняющих 76% дисперсии.

Первый фактор, объясняющий 16% дисперсии, включает шкалы: «веселая» ($p=0,533$), «легкая» ($p=0,566$), «счастливая» ($p=0,602$), «поддерживающая» ($p=0,818$), «любящая» ($p=0,791$), «комфортная» ($p=0,537$), «спортивная» ($p=0,553$), «образованная» ($p=0,662$), «нерегиональная» ($p=0,658$). Его можно условно обозначить как «поддерживающая идеальная семья». Второй фактор, объясняющий 13% дисперсии: «стабильная» ($p=0,633$),

«обеспеченная» ($p=0,785$), «мирная» ($p=0,863$), «привлекательная» ($p=0,843$), его обозначим как «устойчивая семья» (13%). Третий фактор: «спокойная» ($p=0,634$), «оптимистичная» ($p=0,607$), «гармоничная» (0,655), «романтическая» ($p=0,838$), «многодетная» ($p=0,740$), он обозначается как «созидающая» (12%). Четвертый фактор: «интересная» ($p=0,565$), «единая» ($p=0,627$), «сексуально удовлетворяющая» ($p=0,770$), «творческая» ($p=0,742$), как «креативная» (10%). Пятый фактор: «разнообразная» ($p=0,671$), «интересная» ($p=0,589$), «насыщенная» ($p=0,831$), обозначим его как «динамичная семья» (9%). Шестой фактор: «необычная» ($p=0,740$), «закрытая» ($p=0,876$), «бурная» ($p=0,816$) – «обособленная семья» (8%). Седьмой фактор: «демократичная» ($p=0,816$) – (6%).

Исходя из обозначенных факторов, можно характеризовать идеальную семью в представлениях юношей и девушек, как эмоционально и экономически устойчивую и комфортную, направленную на творчество и созидание, обособленную и демократичную.

Факторный анализ данных, отражающих содержание образа реальной семьи в молодом возрасте, показал в своей основе 8 факторов.

Первый фактор – «продуктивная реальная семья»: «разнообразная» ($a=0,666$), «интересная» ($a=0,792$), «единая» ($a=0,514$), «насыщенная» ($a=0,557$), «поддерживающая» ($a=0,756$), «любящая» ($a=0,628$), «комфортная» ($a=0,622$), «образованная» ($a=0,811$), «привлекательная» ($a=0,648$), «творческая» ($a=0,746$). Второй фактор – «позитивная семья»: «спокойная» ($a=0,688$), «оптимистичная» ($a=0,743$), «стабильная» ($a=0,583$), «насыщенная» ($a=0,515$), «обеспеченная» ($a=0,834$), «спортивная» ($a=0,596$), «патриархальная» ($a=0,773$), «многодетная» ($a=0,763$). Третий фактор – «комфортная семья»: «веселая» ($a=0,509$), «легкая» ($a=0,905$), «счастливая» ($a=0,661$), «гармоничная» ($a=0,813$), «комфортная» ($a=0,558$). Четвертый фактор – «требовательная семья»: «закрытая» ($a=0,847$), «мирная» ($a=0,533$). Пятый фактор – «драматичная»: «романтическая» ($a=0,761$), «нерелигиозная» ($a=0,616$), «бурная» ($a=0,751$). Шестой фактор – «экстремальная»: «необычная» ($a=0,872$), «спортивная» ($a=0,520$). Седьмой фактор – «привязанность в семье»: «единая» ($a=0,577$), «сексуально удовлетворяющая» ($a=0,685$). Восьмой фактор – «демократичная» ($a=0,946$).

Исходя из обозначенных факторов, можно характеризовать реальную семью в представлениях людей молодого возраста, как демократичную, активную и прогнозическую, в плане озабоченности своим будущим. В то же время важными элементами образа реальной семьи являются эмоциональный комфорт и приятное времяпрепровождение, максимально насыщенное и разнообразное.

Из чего следует, что в сравнении с образом идеальной семьи, носящим более абстрактный характер всестороннего благополучия, образ реальной семье у молодых

людей несколько четче определен и более осмыслен. Это можно объяснить тем, что в то время как идеал остается в категории мечты и фантазий, образ реальной семьи связан с планами на будущее, которые хочется осуществить.

В результате сравнения образов реальной и идеальной семье в зрелом возрасте, по результатам факторного анализа было выявлено следующее:

В основе образа идеальной семьи в зрелом возрасте лежат 7 факторов, объясняющих 71% общей дисперсии. Первый фактор (18% дисперсии) – «насыщенная» ($a=0,840$), «поддерживающая» ($a=0,763$), «любящая» ($a=0,770$), «обеспеченная» ($a=0,654$), «образованная» ($a=0,634$), «интересная» ($a=0,577$), «сексуально удовлетворяющая» ($a=0,513$). Обозначим его «любящая семья». Второй фактор (10%) – «оптимистичная семья»: «легкая» ($a=0,845$), «спокойная» ($a=0,763$), «оптимистичная» ($a=0,770$), «сексуально удовлетворяющая» ($a=0,524$). Третий фактор: (10%) – «сплоченная семья»: «единая» ($a=0,840$), «поддерживающая» ($a=0,823$), «патриархальная» ($a=0,770$), «привлекательная» ($a=0,559$). Четвертый фактор: (9%) – «крепкая семья» «закрытая» ($a=0,744$), «многодетная» ($a=0,727$), «спортивная» ($a=0,701$), «необычная». Пятый фактор: (8%) – «религиозная семья»: «реалистичная» ($a=0,760$), «религиозная» ($a=0,733$). Шестой фактор: (7%) – «креативная семья»: «творческая» ($a=0,788$), «демократичная» ($a=0,689$). Седьмой фактор: (6%) – «счастливая идеальная семья»: «счастливая» ($a=0,819$), «веселая» ($a=0,662$).

Интерпретируя полученные факторы, описанные выше, можно заключить, что образ идеальной семьи в зрелом возрасте содержит такие ведущие характеристики как любящая, оптимистичная, сплоченная, крепкая, религиозная, креативная, счастливая. Необходимо отметить, что в этой возрастной группе по сравнению с поздней юностью, образ идеальной семьи носит более практико-ориентированный характер, хотя в целом эти образы очень схожи как отмечалось ранее.

В содержании образа реальной семье в зрелом возрасте факторный анализ позволили выявить шесть компонент, объясняющих суммарно 74% общей дисперсии.

Первый фактор: (19%) – «динамичная реальная семья»: «необычная» ($a=0,819$), «веселая» ($a=0,746$), «интересная» ($a=0,679$), «гармоничная» ($a=0,676$), «оптимистичная» ($a=0,611$), «обеспеченная» ($a=0,588$), «разнообразная» ($a=0,513$). Второй фактор: (15%) – «надежная семья» «единая» ($a=0,862$), «закрытая» ($a=0,707$), «патриархальная» ($a=0,674$), «насыщенная» ($a=0,585$), «спокойная» ($a=0,578$), «стабильная» ($a=0,577$), «творческая» ($a=0,522$). Третий фактор: (10%) – «заботливая семья»: «поддерживающая» ($a=0,856$), «любящая» ($a=0,748$), «комфортная» ($a=0,567$). Четвертый фактор: (10%) – «страстная семья»: «бурная» ($a=0,855$), «романтическая» ($a=0,814$). Пятый фактор: (10%) – «демократичная семья»: «демократичная» ($a=0,798$), «многодетная» ($a=0,689$), «привлекательная» ($a=0,686$). Шестой фактор: (7%) – «здо-

ровая семья»: «спортивная» ($a=-0,881$), «сексуально удовлетворяющая» ($a=0,648$).

Полученные данные отражают образ реальной семьи в представлениях людей зрелого возраста, которая динамично развивается, является точкой опоры в их жизни, что отражают такие характеристики как надежная и заботливая. Кроме того, эта семья демократичная и страстная.

Итак, опираясь на результаты проведенного исследования можно заключить, что образ семьи приобретает большое значение в контексте проблемы взаимодействия людей молодого и зрелого возраста. Согласно полученным данным, представления об идеальной семье, в которой хотелось бы жить людям как молодого, так и зрелого возраста, в целом совпадают и строятся на основе соблюдения традиций и норм, однако в зрелости отлича-

ются большим акцентом на практичности и комфортности семьи. Особенности в содержании образов реальной семьи отражают значимость таких характеристик как счастливая, надежная, демократичная как для молодых, так и для зрелых людей. Однако в средней взрослости образ реальной семьи становится менее позитивным, значительно отличающимся от образа реальной семьи, которая характеризуется страстностью и динамичностью. В свою очередь для молодежи важными элементами образа реальной семьи являются эмоциональный комфорт и разнообразное времяпрепровождение. Полученные результаты отражают, с одной стороны, мотивированность молодежи и людей зрелого возраста на создание и сохранение в целом традиционной семьи, с другой — идеализацию семьи в молодом возрасте и понимание ее изменчивости в зрелости.

Литература:

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 288 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для вузов. — М.: Высшая школа, 2003. — 450 с.
3. Андреева Т.В. Психология современной семьи. — СПб.: Речь, 2005. — 436 с.
4. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности: учеб. пособие для высших учеб. заведений. — М.: «Академия», 2009. — 304 с.
5. Жукова С.А. Культура межпоколенных взаимоотношений // Культура, власть, идентичность: новые подходы в социальных науках /Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. — Саратов: Издательско-коммерческое предприятие «Волжский сад», 1999. — с. 313–317.

Проблема влияния социально-экономической дифференциации на уровень смертности

Калашникова Галина Витальевна, директор

Некоммерческое партнерство «Институт социально-экономических исследований» (г. Елабуга)

Смертность как одна из важнейших составляющих процесса естественного движения и воспроизводства населения является ярким показателем устойчивого развития общества. Уровень смертности — одна из характеристик экономического и социального здоровья страны, эффективности проводимой властями политики. Особенно показательны в этом смысле такие частные демографические показатели, как уровень младенческой смертности, уровень материнской смертности, смертность среди трудоспособного населения, смертность от внешних причин (травмы, отравления и т.д.), разрыв между ожидаемой продолжительностью жизни мужчин и женщин.

Не столько низкая рождаемость, сколько именно сверхвысокая смертность и низкая продолжительность жизни является главной причиной процесса депопуляции в России постсоветских десятилетий. Высокий уровень смертности населения репродуктивного возраста негативно влияет и на рождаемость в стране.

В демографии под смертностью понимают массовый статистический процесс, складывающийся из множества единичных смертей, наступающих в разных возрастах и определяющих в совокупности порядок вымирания реального или условного поколения [1, с. 150]. Демография изучает в первую очередь статистические (количественные) показатели смертности, ее динамику, отношение числа умерших к общему числу населения (распределение по возрасту, полу, по причинам смерти и т.д.) Эту количественность демографического изучения смертности подчеркивает и другое определение: «Смертность — массовый процесс прекращения индивидуальных жизней, протекающий в населении» [2, с. 335].

В медицине смертность также рассматривается как количественный показатель, а именно как отношение числа умерших от некоторой болезни к средней численности населения. Социологию, в отличие от демографии и медицины, смертность интересует как социальный показатель.

Например, уровни смертности, особенно детской, материнской, структура смертности по причинам рассматриваются как важные индикаторы социального благополучия, развития медицины. Распределение смертности по возрасту, полу, социальному положению изучаются в рамках социологии в связи с происходящими в том или ином обществе социальными, культурными, экономическими процессами.

Классик российской демографии Б.Ц. Урланис определил причину смерти как «конкретный факт, приведший к смерти каждого отдельного человека» [3, с. 77]. Демография интересуется анализом структуры смертности по причинам людей разного возраста, пола, места жительства.

Б.Ц. Урланис выделил также понятия фактора и условия смертности. «Фактор смертности — явление, относящееся к определенной совокупности лиц, населению в целом или отдельным его частям, т.е. это причина, имеющая общий характер, значение, действие» [3, с. 77]. К факторам относятся, например, место жительства, уровень обеспеченности медицинской помощью. Условиями же являются те общие начала, которые объединяют целую группу факторов — социальные условия (жилищные, характер труда, образ жизни), биологические условия (пол, возраст), физические условия (климат) [3, с. 77]. Те или иные условия, факторы связаны с причинами смерти. Например, образ жизни, питание, в частности, употребление алкоголя, может привести к смерти через алкогольное отравление (прямая связь) или через дорожно-транспортное происшествие, утопление (косвенная связь). Зависимость смертности, ее причин от условий, различных факторов — это уже предмет скорее социологии, чем демографии.

Рост уровня смертности в постсоветские годы и сокращение продолжительности жизни обусловили повышенное внимание исследователей к различным факторам, причинам смертности. Если в советской демографии проводилась традиционная дифференциация уровня смертности (как и других демографических показателей) по городскому и сельскому населению, по полу и по регионам, то в 1990-е и последующие годы предпринимались попытки изучить особенности динамики смертности в различных социальных слоях и группах [4]. Например, А. Вишневским В.М. Школьниковым была изучена структура смертности по возрасту и причинам смерти, подробно

проанализирована динамика смертности в России по основным классам причин смерти [5]. Они же обратили внимание на такую закономерность в уровнях региональной смертности, как «северо-восточный градиент смертности». Он проявляется в «пространственной изменчивости смертности населения на территории России..., а именно в ее увеличении в направлении с юго-запада на северо-восток» [5] — территории с наибольшим уровнем смертности находятся на севере России, на Дальнем Востоке, на Северном Урале, центральные районы имеют средние показатели смертности, а Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземный район характеризуются низкой смертностью. Причины этого А.Вишневский и В.М. Школьников видят в климатическом факторе и уровне потребляемого алкоголя в различных регионах. Региональные факторы дифференциации смертности отмечались и другими исследователями [6], при этом часто именно в контексте «алкогольной» смертности, при этом различный уровень потребления алкоголя и, соответственно, смертности, связывался с этническими, конфессиональными особенностями проживающего в разных регионах населения.

В связи с масштабными социально-экономическими преобразованиями в стране, вызвавшими резкое расслоение населения, снижение уровня жизни, коллективом российских демографов (В.М. Школьников, Е.М. Андреев, Т.Малева, В.А.Бирюков и др.) была поставлена проблема влияния социально-экономической дифференциации на уровень смертности [7]. Ими были проанализированы различия в уровне смертности между мужчинами и женщинами, между городским и сельским населением. Отдельное внимание было уделено таким факторам смертности, как образование и характер труда, брачный статус, этническая принадлежность.

Таким образом, влияние того или иного фактора на смерть конкретного человека неоднозначно, точно определить обусловленность этой смерти различными условиями бывает сложно и не всегда возможно. Поэтому демография, как наука статистическая, конкретная, фиксирует, учитывает и классифицирует конкретные причины смертности. Именно обусловленности смертей различными факторами являются индикатором социального благополучия в стране и регионе, влияют на ожидаемую продолжительность жизни.

Литература:

1. Народонаселение. Энциклопедический словарь. — М., 1994. — С. 150.
2. Социальная энциклопедия. — М., 2000. — С. 335.
3. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. — М., 1978. — С. 77.
4. Вишневский А., Школьников В. Смертность в России. Главные группы риска и приоритеты действий // Моск. Центр Карнеги. Научные доклады. Вып. 19. М., 1997; Неравенство и смертность в России: коллектив. монография. М., 2000; Андреев Е.М. и др. Изменение смертности в России в зависимости от занятости и характера труда // Народонаселение. 2005. № 3.
5. Вишневский А., Школьников В. Смертность в России. Главные группы риска и приоритеты действий // Моск. Центр Карнеги. Научные доклады. Вып. 19. М., 1997.

6. Захарова О.Д., Рыбаковский Л.Л. Геополитические аспекты депопуляции в России // Социол. исслед. 1997. № 6; Ермаков С.П. Тенденции и особенности структуры смертности населения России в современных условиях // Социол. исслед. 1997. № 6.
7. Неравенство и смертность в России: коллектив. монография. — М., 2000.

Качественная характеристика количественных показателей смертности населения

Калашникова Галина Витальевна, директор

Некоммерческое партнерство «Институт социально-экономических исследований» (г. Елабуга)

Демографию как статистическую науку, интересуют такие количественные показатели как уровень смертности населения, продолжительность жизни, коэффициенты смертности. Наряду с ними важной качественной характеристикой является классификация смертей по причинам. В демографии под причиной смерти понимают болезни, патологические состояния, травмы, которые привели к смерти, способствовали ее наступлению, а также несчастные случаи, вызвавшие травмы со смертельным исходом, или насильственные смерти [1, с. 351]. То есть в демографии учитывается то основное обстоятельство, которое привело к смерти того или иного человека, и обозначенное в соответствующих документах о смерти (в России — в свидетельстве о смерти). Классик российской демографии Б.Ц. Урланис определил причину смерти как «конкретный факт, приведший к смерти каждого отдельного человека» [2, с. 77]. Демография интересуется анализом структуры смертности по причинам людей разного возраста, пола, места жительства.

Современная классификация причин смерти содержит довольно подробный перечень различных состояний и обстоятельств, приводимых к летальному исходу. Традиционно все эти причины делят на две большие группы — эндогенные или внутренние причины смерти и экзогенные (внешние) причины. К эндогенным причинам обычно относят наследственно обусловленные заболевания и естественные процессы развития и старения организма, приводящие, соответственно к естественной смерти обычно в пожилом возрасте. Экзогенными же считаются факторы, обусловленные влиянием внешней среды — различные инфекции, профессиональные заболевания, травмы, несчастные случаи и т.д. Такое деление очень условно, так как часто неясно, является ли то или иное состояние человека следствием, например, вредных привычек, неправильного образа жизни, или же генетически предрасположено. Поэтому демографы подразделяют чисто экзогенные факторы (убийства, голод, несчастные случаи) и факторы, которые не ведут к немедленной смерти, но не проходят бесследно, накапливаются, вызывают повреждения организма [3, с. 81]. В науке впоследствии они получили название квази-эндогенной смертности — смертности в результате накопленных экзогенных воздействий.

Изучая проблемы продолжительности жизни и смертности, А.Г. Вишневский еще в 1980-х годах писал о необходимости социального управления смертностью, которая заключается в ограничении экзогенных факторов [3]. Это стало возможным лишь в годы промышленного капитализма, прогресса наук, развития гуманистических идей. Однако «снижение смертности и рост продолжительности жизни — не простое автоматическое следствие роста благосостояния, успехов медицинской науки» и других перемен во внешних условиях, необходимо понимание ценности жизни, активность в борьбе со смертью [3, с. 137–138]. В России же ни достойных внешних условий, ни соответствующего социокультурного развития населения для снижения смертности не оказалось. При этом А.Г. Вишневский уже в советские годы обращал внимание на все более проявляющиеся негативные тенденции смертности в стране — на мужскую сверхсмертность, разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин («10 лет в СССР — самый большой в мире») [3, с. 136]. Поэтому утверждение, что высокая смертность трудоспособного мужского населения в стране — явление постсоветского периода, не совсем правомерно. Скорее, эта ситуация, назревая давно, в годы реформ, социальных преобразований обострилась, в том числе вследствие наркотизации и возросшей алкоголизации.

Незавершенность эпидемиологического или демографического перехода в России отмечали и другие известные демографы [4]. По их мнению, второй этап перехода или «второй переход» в западных странах был связан с тем, что тревожные изменения в смертности вызвали адекватную общественную реакцию — требования ужесточить охрану окружающей среды, защиту от несчастных случаев, усилить индивидуальную профилактику болезней и пропаганду здорового образа жизни. Положительный эффект соответствующих мер сказался уже в середине 70-х годов, когда возобновилось устойчивое снижение смертности. Правительство СССР в ответ на негативные тенденции смертности прекратило публикацию каких-либо показателей, кроме общих коэффициентов смертности. Если бы с середины 60-х годов эволюция смертности в России шла так же, как в странах Запада, то при прочих равных условиях численность населения России к 2001 г. была бы на 10% больше фак-

тической. Из 55,3 млн. зарегистрированных смертей 14,2 млн. составляют избыточные смерти. Почти каждая четвертая смерть в период была избыточной. Если отдельно рассмотреть смертность мужчин, то избыточной была каждая третья смерть. 48% избыточных смертей произошли от болезней системы кровообращения и еще 45% — от несчастных случаев [4].

Отмечая роль такого фактора, как неготовность России технологически следовать путем второго эпидемиологического перехода и недостаточность средств для создания мощной индустрии охраны здоровья, авторы статьи большую роль уделяют социокультурным причинам. Второй эпидемиологический переход на Западе — это борьба не «против», а «за» — борьба за продление и сохранение всякой человеческой жизни. В эту гипотезу укладываются многие факты, не совсем понятные российскому обывателю: и забота о жизни детей-инвалидов и постепенная отмена смертной казни. К такой заботе о каждой человеческой жизни российское общество, чья память отягощена миллионными людскими потерями эпохи строительства коммунизма, пока не готово...» [4]. В России, потерявшей в XX в. в результате революций, репрессий, войн миллионы человек, очень низка ценность человеческой жизни, уважение к старости. Часто к людям преобладает чисто экономический подход. Медицина оставалась фактором подъема производительности труда

и роста общественного производства. Снижение смертности экономически было не совсем обосновано — ведь это привело бы к увеличению численности пенсионеров и, соответственно, нагрузки на трудоспособное население.

Несостоятельность теорий демографического и эпидемиологического переходов для объяснения ситуации в некоторых странах, в том числе и в России, стала причиной сомнений и критики их некоторыми демографами. Интересны среди них размышления М.А.Клупта [5]. Проанализировав демографическую ситуацию в США, странах Восточной Европы, в России, Азии, Африке, М.Клупт выявляет ряд фактов, противоречащих теории демографического перехода, и ставит вопрос о более современном концептуальном осмыслении демографического развития, о новой методологии его изучения. Важнейшими ее компонентами, он считает синергетику, регионоведение, а также институциональный анализ.

Итак, все теоретические исследования в области изучения смертности и продолжительности жизни основывают свои выводы на определении основных тенденций, причин смертности в тех или иных странах, в те или иные периоды. Именно анализ смертности по причинам позволяет оценить уровень здоровья населения страны, условия труда и жизни, степень развития здравоохранения, следовательно, ценность человеческой жизни в том или ином обществе.

Литература:

1. Народонаселение: Энциклопедический словарь. — М., 1994. — с. 351.
2. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. — М., 1978. — С. 77.
3. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. — М., 1982.
4. Андреев Е.М., Харьковская Т.Л. Незавершенность демографического перехода и демографические потери России // demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_04.html
5. Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. 2005. №2; Клупт М.А. Изменение научных представлений о мире и развитие демографической теории // Российский демографический журнал. 2002. №1 (6).

К проблеме формирования профессионального самосознания личности

Канаева Надежда Анатольевна, аспирант
Вологодский государственный университет

Формирование профессионального самосознания личности будущих специалистов в процессе их учебно-профессиональной деятельности является одной из актуальных проблем психологии. В нашей стране проблема профессионального самосознания, психолого-педагогических условий его формирования наиболее остро встала именно сегодня в связи с изменившимися социальными и экономическими условиями, новациями в области образования, и особенно профессионального, а также с потреб-

ностью изменения отношений субъекта труда к своей профессиональной деятельности [5].

Человек становится профессионалом не сразу, проходит на этом пути много больших и малых этапов. В профессиональной жизни каждого отдельного человека возможны повторы и возвращения на предыдущие уровни, а также зигзаги и кризисы. Профессиональный путь у каждого человека свой, и он может отличаться от пути других людей [3, с. 115].

При рассмотрении проблемы развития профессионального самосознания можно опираться на достаточно богатый материал по становлению самосознания личности вообще. Термин «самосознание» во многом близок к таким терминам, как «образ Я», «Я-образ», «Я-концепция», а также «самоотношение», «идентичность».

Остановимся подробно на использовании понятий «Я-концепция», «самосознание», «Я-образ» в зарубежной и отечественной психологии.

Например, Р. Бернс, рассматривая понятие «Я-концепция», отмечает, что «это совокупность всех представлений индивида о себе, сопряжённая с их оценкой». При этом описательная составляющая «Я-концепции» часто называется «образом Я», а составляющая, связанная с отношением к себе или к отдельным своим качествам, — «самооценкой» или «принятием себя». В целом Р. Бернс выделяет:

- 1) когнитивную составляющую «Я-концепции»;
- 2) оценочную составляющую;
- 3) поведенческую составляющую [4, с. 133].

Представитель гуманистической психологии К. Роджерс считает, что Я-концепция — это сложная структурированная картина, существующая в сознании индивида и включающая как собственно Я, так и отношения, в которые оно может вступать, а также позитивные и негативные ценности, связанные с воспринимаемыми качествами и отношениями Я в прошлом, настоящем и будущем [7, с. 29].

Итак, Самость, или Я-концепция (Роджерс использовал эти термины взаимозаменяемо) определяется как: организованный, последовательный концептуальный гештальт, составленный из восприятий свойств «Я», или «меня» и восприятий взаимоотношений «Я», или «меня» с другими людьми и с различными аспектами жизни, а также ценности, связанные с этими восприятиями. Это гештальт, который доступен осознанию, хотя не обязательно осознаваемый [6, с. 540].

Х. Ремшмидт при рассмотрении соотношения Я-концепции и идентичности различает Я и самость. Под Я он подразумевает «организованную систему взглядов, установок личности и обуславливающих её неповторимость, тождественность самой себе и неизменность». Под самостью понимает «совокупность индивидуальных восприятий и воспоминаний». Идентичность здесь определяется как осознание личностью тождественности самой себе, а также осознание «непрерывности» во времени собственной личности и связанное с этим ощущение, что и другие признают это. Таким образом, Х. Ремшмидт подчёркивает различие между идентичностью и Я-концепцией. Я-концепция с его точки зрения является теорией самого себя, она зависит от изменений социального окружения и общественных отношений, это личностное образование более изменчиво, чем идентичность [7, с. 29].

В.В. Столин, рассматривая самосознание личности, отмечает, что «различные процессы самосознания, так же как различные аспекты «Я-образа», оказываются воз-

можным соотнести с уровнями активности человека как организма, индивида и личности».

В.В. Столин определяет идентичность как самосознание личности, которое имеет многогранную структуру.

Рассматривая самосознание «как отношение к себе, опосредованное отношениями с другими людьми», В.В. Столин пишет о том, что «самосознание трёхголос: оно предполагает переживаемое отношение к себе, отношение к другому человеку и воспринимаемое (или ожидаемое) отношение другого».

Рассматривая понятие «самоотношение», С.Р. Пантелеев во многом опирается на представление о самосознании В.В. Столина о «конфликтном личностном смысле» [4, с. 134].

Интересны рассуждения Э. Эриксона, который рассматривает «Я-концепцию» через призму эго-идентичности и определяет её не просто как сумму принятых ролей, но и как определенное сочетание идентификаций и возможностей индивида, как они воспринимаются им на основе опыта взаимодействия с окружающим миром, а также как знание о том, как реагируют на него окружающие [7, с. 29].

И.С. Кон рассматривает идентичность (самость) как один из аспектов проблемы Я, который находится во взаимосвязи с двумя другими аспектами Я — эго (субъективность) и образ Я. Эго как регулятивный механизм предполагает преемственность психической деятельности и наличие информации о самом себе.

Проблема самосознания впервые была поставлена Л.С. Выготским, который рассматривал самосознание, как генетически более высокую форму сознания, как этап развития сознания, подготовленный развитием речи, произвольных движений и ростом самостоятельности. А.Н. Леонтьев, затрагивая рассматриваемую проблему, пишет о том, что в осознании себя как личности надо различать знание о себе и осознание себя. А.Г. Спиркин понимает самосознание как осознание и оценку человеком своих действий, их результатов, мыслей, чувств, интересов, целостную оценку самого себя и своего места в жизни [7, с. 31].

Перейдём к проблеме собственно профессионального самосознания. Отметим, что профессиональное самосознание имеет одну очень важную характеристику — это самосознание человека, активно участвующего в производственном труде и тем самым через такой труд утверждающего себя в качестве полноценного члена данного общества.

Иными словами, профессиональное самосознание — это самосознание человека, для которого конкретная трудовая деятельность — главное средство утверждения чувства собственного достоинства как состоявшейся личности [4, с. 136].

Представленные подходы понимания феномена профессионального самосознания акцентируют внимание на осознании личностью собственного внутреннего потенциала и возможности его развития. В то же время недостаточно познанными остаются временная динамика

личностного развития, проблемы активизации будущего субъекта в профессиональной деятельности, возможностей его профессионального самосовершенствования и профессионального роста.

Многообразие точек зрения относительно сущности самого феномена профессионального самосознания повлекло за собой разноплановость представлений о его структурных компонентах. Одно из первых исследований структуры профессионального самосознания принадлежит Е.А. Климову. По его мнению, профессиональное самосознание включает: сознание своей принадлежности к определенной профессиональной общности, знания, мнения о степени своего соответствия профессиональному эталону, о своем месте в системе профессиональных «ролей», общественных положений; знания человека о степени его признания в профессиональной группе; знания о своих сильных и слабых сторонах, путях самосовершенствования, вероятных зонах успехов и неудач; представления о себе и своей работе в будущем (Е.А. Климов, 1970) [5].

Ключевым моментом в изучении генезиса самосознания является вопрос о факторах, влияющих на развитие самосознания человека. В.С. Мухина выделяет несколько таких факторов. Во-первых, это отношения, складывающиеся между родителями и ребёнком с первых дней его жизни. Еще очень важным фактором, оказывающим влияние на развитие самосознания, В.С. Мухина считает место, где протекает жизнь человека. Непосредственно связан с этим фактором и следующий — стиль и содержание культуры, к которой принадлежит человек [7, с. 36].

Следует отметить, что процесс формирования личности включает в себя развитие представлений о собственном Я как об особой, разнящейся с другими индивидуальности. В свою очередь чувство собственного Я во многом зависит не только от самовосприятия личности, но и восприятий окружающих её людей, а также от степени совпадения самооценки и внешних оценок индивида.

Поиски собственного Я делаются особенно напряжёнными в период юности. Именно тогда происходят бурные процессы изменения психологии, физиологии, полового созревания, меняется процесс познания, возникают новые потребности интеллектуального и общественного характера, когда человек ищет своё призвание [2, с. 409].

В основе профессионального развития лежит саморазвитие как динамический и непрерывный процесс самопроектирования личности. Под саморазвитием в психологии понимается активное качественное преобразование

человеком своего внутреннего мира. Профессиональное развитие человека в трудовом процессе возможно лишь в том случае, если меняется самовосприятие и осознание им самого себя, происходит формирование ценностей, присущих самоактуализирующейся личности [1, с. 4].

Развитое самосознание — одно из условий формирования индивидуального стиля, одно из необходимых условий нахождения человеком наиболее подходящего для него места в частности, в профессиональной общности, а также условие планирования и построения личных профессиональных планов на этапе выбора профессии, это также важный критерий подготовленности специалиста.

Специально обращаясь к проблеме профессионального самосознания, Е.А. Климов выделил следующие основные технические регуляторы труда:

1. образ объекта труда — чувственный образ; репрезентативный конкретный образ; репрезентативный отвлечённый образ;

2. образ субъекта труда — актуальный «Я-образ»; обобщённый «Я-образ»;

3. образ субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений — осознание своих потребностей; осознание своих эмоций и эмоциональных отношений; осознание своего характера; осознание своей личностной направленности и мировоззрения в ходе взаимодействия с другими людьми в трудовом процессе.

Как отмечает Е.А. Климов, все названные выше регуляторы подводятся под категорию «субъектный образ».

Образы самосознания человека (наряду с образами окружающего мира) — необходимая основа целесообразной регуляции, саморегуляции его трудовой деятельности и взаимодействия с окружающими людьми, ибо это взаимодействие существенно определяется тем, как человек понимает своё место среди людей, «за кого себя принимает», что думает о том, как он выглядит «в глазах» окружающих.

Примечательно, что важнейшей составляющей и важнейшим регулятором трудовой деятельности является «образ мира» профессионалов, который у представителей разных профессий складывается по-разному и по-разному влияет на мироощущение профессионалов, а также на образ своего места в мире [4, с. 138].

Подводя итог всему вышесказанному, заключаем, что в современной психологии под самосознанием понимают совокупность психических процессов и их интеграцию, посредством которых человек осознаёт себя.

Литература:

1. Голерова О. На кризисном перекрёстке // Школьный психолог, 2007. — №2. — С. 4—8.
2. Канаева Н.А. Профессионально-личностное становление студента техникума // Вузовская наука — региону: Материалы восьмой всероссийской научно-технической конференции. Вологда: ВоГТУ, 2010. — Т.2. — 491 с.
3. Психология. — Выпуск 2 «Психология развития профессионала». — М.: ВУНМЦ МЗ РФ, 2000. — 160 с.
4. Пряжникова Е.Ю. Профориентация. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 496 с.
5. Сутович Е.И. Психолого-педагогические условия формирования и профессионального самосознания будущих специалистов. — Международная интернет-конференция, 2011.

6. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. — СПб.: Питер, 2007. — 607 с.
7. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. — М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2004. — 600 с.

Глобальное общество и перспективы развития

Клименко Любовь Нардаевна, кандидат педагогических наук, ст. преподаватель
Воркутинский филиал «Университет Российской академии образования»

В статье раскрываются вопросы глобализации и возникновения глобального общества, подходы к его анализу, рассматривается интерпретация понятия глобализация, различные взгляды на этот процесс, его характер и концепции глобального общества.

Проблема глобализации является предметом изучения многих наук. Социология рассматривает глобализацию, как наднациональный процесс, анализируя её не только как отдельное общество, но и как все человеческое общество в целом. Для социологии важно появление транснациональных сообществ, не связанных ни национальной, ни территориальной общностью, а трансформацией характера труда, изменением отношений в ассоциациях и семейной жизни, в ценностях и институтах.

Особенностью исследования проблемы глобализации является то, что каждая наука интересуется определенными аспектами этой проблемы — это создает различия в понимании самого термина глобализация. Термин «глобализация» описывает почти каждый автор, исследующий проблему глобализации. Этот термин трактуется как в узком, так и широком значении. В узком значении как характеристика всемирных трансформаций, происходящих сегодня. Но подобная трактовка отдельного этапа, пусть и наиболее специфического, не позволяет отличить его от предшествующих фаз формирования единства человечества. Поэтому, доминирующей научной традицией является широкая трактовка глобализации. Эта широкая трактовка необходима, поскольку в трудах классиков социологии (К. Маркса, М. Вебера, П. Сорокина, Э. Гидденса) оторефлексированы глобальные процессы современной эпохи — эпохи капитализма и индустриализма [9, С. 23].

Глобализация это появление зон, где существует экстерриториальность, транснациональность, что способствует обсуждению подобных перспектив для политики и культуры (М. Фезерстоун, Р. Робертсон). В.Л.Иноземцев показывает, что термину глобализация предшествовала в 80-е гг. концепция устойчивого развития, конкурировавшая с постмодернистскими подходами. В 90-е гг. все эти идеи вытеснила концепция глобализации в узком смысле слова, которая начала развиваться с конца 1960-х гг. Действительно, в середине 60-х гг. М. Маклюен ввел понятие «мировой деревни» (global village). И все же, по мнению В.Л. Иноземцева, в социологический контекст понятие «глобализации» поместил американский социолог Дж. Макмен, призвавший в 1981 г. понять происходящую глобализацию социальных отношений. Р. Роберт-

тсон в 1983 г. употребил термин «globality», в 1985 г. дал толкование понятию «глобализация», а в 1992 г. — сформулировал основы концепции глобализации.

Многие исследователи, описывая шаги «человечества» к единству под термином «глобализация», говорят о глобализациях, выделяя этапы, обозначаемые как «глобализация I», «глобализация II» и т.д., имея под этим ввиду глобализацию как модернизацию, переход к современности, как становление всемирной истории и т.п. вплоть до ее настоящей фазы, которую авторы интерпретируют как постсовременную, посткапиталистическую.

Таким образом, процессы последних тридцати лет при расширительном толковании предстают как завершающийся этап глобализации, получившей это имя в качестве одного из основных (наряду с постсовременностью, постиндустриальной, информационной эпохой) [9, с. 34].

Выражение «Глобальное общество», «глобализация» стало привычным в речах на социальные темы. При этом «глобальное общество» понимается как объединение всего человечества в единое целое, подобное привычным обществам (их часто называют национальными государствами), с единым мировым правительством и прочими учреждениями современных стран, только большего размера. Обоснование такого мирового социального монстра «глобализация» (около шести миллиардов человек, а футурологи обещают в будущем десять миллиардов и более!) идет по многим линиям. Перечисляются проблемы, которые якобы можно решить лишь совместными усилиями всех стран и народов планеты (демографические, экологические, голода, преступности, болезней и т.п.). Ссылаются на то, что складывается мировая экономика, ломающая границы национальных государств и решительным образом влияющая на их экономику. Ссылаются, на то, что мир уже пронизан сетью международных объединений, учреждений и организаций, сплотивших человечество в единое целое. В мире не осталось ни одного уголка, где какая-либо более или менее значительная человеческая группа вела изолированную жизнь. Жизнь людей все более и более находится под влиянием событий, происходящих далеко от тех мест, где они живут. Осуществилась глобализация средств массовой информации. Сложилась международная си-

стема производства, распределение и потребления информации. Благодаря ей разбросанное по всей планете человечество ощущает себя живущим в одном мировом объединении. Складывается единая мировая культура. Но почти все, говорящие и пишущие на эту тему, отодвигают на задний план или совсем игнорируют тот факт, что сама идея «Глобального общества» есть идея западная, а не всеобщее-мировая. Инициатива и усилия движения к такому объединению человечества исходят от Запада. В основе его лежит не стремление различных стран и народов планеты к объединению — такое стремление появляется чрезвычайно редко, — а стремление определенных сил Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих конкретных интересах, а отнюдь не в интересах некоего абстрактного человечества. Мировая экономика есть, прежде всего, завоевание планеты транснациональными компаниями Запада, причем в интересах этих компаний, а не в интересах прочих народов планеты. Некоммерческие международные организации в подавляющем большинстве суть организации западные, контролируемые силами Запада и так или иначе поддерживаемые и используемые ими. Мировой информационный порядок есть порядок, устанавливаемый странами Запада, и, прежде всего — США. Фирмы и правительство США осуществляют контроль глобальной коммуникации. Западные медиа господствуют в мире. Мировая культура есть, прежде всего, американизация культуры народов планеты. Одним словом, идея «Глобального общества» есть лишь идеологически замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты и на установление своего господства над всем прочим человечеством.

После распада советского блока и самого Советского Союза США остались единственной сверхдержавой с претензией диктовать свой порядок всей планете. Однако она есть идея не только американская, а общезападная. Чтобы установить желаемый мировой порядок, США должны мобилизовать усилия всего западного мира. В одиночку им эту задачу не решить. С другой стороны, западные страны по отдельности не в состоянии сохранить свое положение в мире. Они могут удержаться на достигнутом ими уровне лишь совместными усилиями. А США уже заняли место лидера в их совместном движении к мировой гегемонии [3, С. 339—342].

Основные параметры глобализации были разработаны в Соединенных Штатах Америки, являющихся в современном мире единственной сверхдержавой с мощной экономикой и военной техникой. Для всех стран, желающих принимать активное участие в международном экономическом сотрудничестве, сложились обязательные правила: «частный сектор становится основным мотором экономического развития, поддерживается низкий уровень инфляции, сохраняется стабильность цен, бюрократический аппарат государства уменьшается, вырабатывается сбалансированный бюджет, сокращаются до предела тарифы на импорт, ликвидируются ограничения на иностранные

инвестиции, происходит отказ от квот на импортную продукцию, разбиваются внутренние монополии, увеличивается экспорт, приватизируются государственные предприятия, происходит отказ от регуляции движения капиталов, местная индустрия открывается миру, иностранцам предоставляется право покупать любые акции и ценные бумаги, поощряется конкуренция местных компаний, уничтожается коррупция государственных чиновников, происходит отказ от субсидий отдельным предприятиям, частным владельцам открываются банковская и телекоммуникационные системы, частные граждане получают право выбора любого, отечественного или иностранного, пенсионного фонда» [8, С. 18—19].

В области политики глобализация предполагает резкое снижение роли национальных государств в решении тех или иных социально-экономических и политических проблем.

В области культуры на словах предлагается взаимовлияние культур, обмен материальными и духовными ценностями, но в действительности проповедуются западная культура, западный стиль жизни, западный кодекс поведения, точнее американские ценности, американские представления о морали, о культуре и т.д. и т.п.

США заинтересованы в глобализации. Потому, что глобализация происходит по американским стандартам. Не случайно многие пишущие о глобализации употребляют термин «американизация» как синоним термина «глобализация». Кроме того, они больше всех выигрывают от глобализации. Достаточно сказать, что из 50 самых крупных транснациональных корпораций 27 принадлежат США [8, С. 21].

Толковый словарь обществоведческих терминов трактует глобальное общество как «Современное противоречивое и разнородное мировое общество, превращающееся в единое целое в планетарном масштабе с помощью современных средств массовой информации и массовой коммуникации» [10, с. 564].

Современное общество также качественно отличается от общности, как общность от общины. В современном обществе добыча и переработка природных ресурсов сменяется добычей и переработкой информации и развитием сферы услуг. Материальное производство превращается в производство услуг, среди которых на первое место выходят информационные технологии. Информационные технологии захватывают практически все важнейшие сферы общественной жизни: промышленную, политическую, военную, культурную. Смена технологического базиса сказалась на организации всей системы социальных связей. В результате меняется структура занятости, соотношение профессионально — квалификационных групп. В современном обществе взаимодействие людей определяется их социальными статусами. Статусы определяются не индивидуальными характеристиками людей, тех или иных основных групп, а общезначимыми факторами: образованием, опытом, талантом и т.д. Теоретик глобального общества И. Валлерштайн связывает социальное

развитие стран-лидеров с их экспансией (экономической, политической, культурной).

Глобальное общество структурно поляризовано. Национальное развитие в такой системе достижимо только за счет других обществ, т.е. за счет других наций. Монополия центра может быть нарушена в случаях: а) объединения менее развитых стран на региональном уровне — создание супериферии, отдающей ресурсы на строительство локального ядра; б) радикального совершенствования технологической базы производства «периферийного» общества.

Н. Луман в концепции коммуникативного общества выделяет социокультурный подход, который включает в себя несколько факторов, определяющих современное общество. Вопрос о современном обществе, его теоретических истоках является одним из самых главных, поскольку только социокультурный подход к обществу дает возможность научного осмысления современных проблем общественного развития.

Культура зарождается и развивается одновременно с человеческим сообществом, она является связующей субстанцией, полем притяжения любого социума. Если проследить этапы развития человеческой цивилизации, оказывается, что культура постепенно вытесняет мифические интересы и мотивы небольших групп людей, становясь все больше достоянием большинства людей в обществе независимо от их пола, возраста, национальности и социального положения. Тем самым потребности развития сообществ обретает в современном обществе самодостаточное значение и определяющую роль. Действительно, зарождение цивилизации и возникновение традиционных государств связано, в основном с культурным и социальным развитием. Сама характеристика «традиционный», по М. Веберу, это уже оценка культуры, а в это время как раз и появляется письменность, возникает институт образования, науки, появляются ремесленные и (позже) мануфактурные технологии, зарождаются и растут города, развиваются рынки, усиливается неравенство, формируются сословия и классы, устанавливаются монархические системы правления. Социальная коммуникация и культурная трансляция приобретают самостоятельный институциональный вес.

Развитие индустриальных обществ выводит промышленное производство и технологии на первый план общественных ценностей, превращая их в основной ресурс. Высокая урбанизация и в целом возросшая мобильность смягчают социальное расслоение и сближают жизненные стандарты разных общественных групп. Формируются многонациональные государства, империи, которые вновь сменяются мононациональными и в конце XX в. иммиграция смешивает их населения опять.

Развивается рыночная экономика, возникают три социальных мира: капиталистические лидеры, социалистические общества (те и другие индустриального типа) и развивающиеся страны (аграрного типа с преимущественно традиционными способами производства, но активно включающиеся в мировой рынок). «Третьи» страны

и сегодня испытывают особые трудности не только экономического, но и культурного плана. Социологи отмечают, что эти общества начинают терять свою идентичность, чувствуют себя отсталыми и неконкурентоспособными, потерявшими достойную перспективу.

Современное постиндустриальное (информационное, технотронное) общество только начало развиваться. Это высокоурбанизированное общество, в котором основная часть национального дохода тратится на производство средств информации и человека, а не на средства физического существования. Джон Нэсбит считает, что развитие многообразия культур самовыражения человека — творчества, религий, искусств — является «визитной карточкой» наступающего тысячелетия.

Вывод о том, что культура в процессе развития цивилизации начинает доминировать, являясь все больше предпочтительней. Кроме того, культура — это целостная система, которая самопроизводится и самовоспроизводится. Можно сказать, что она сохраняет себя и развивается, проникает в подготовленные, а иногда и «случайные» души, захватывает, организует ценностный мир человека, делает его своим хранителем и творцом. Человеческие жизни, наполненные культурным смыслом, становятся значительными, а творчество народных масс благодаря некоторым творческим людям, «входят в культуру» и делает эту культуру бессмертной. Прогресс человеческой культуры — это постоянный прогресс человеческого разума над природой, прогресс всеобщих человеческих ценностей: прав и свобод людей.

Тенденция к интеграции Запада имела место всегда. Она принимала самые различные формы — взаимное проникновение, культурное влияние, экономические связи и т.д. Эту тенденцию выражали и войны, включая мировые. Что нового внесло в эту тенденцию наше время? Это новое связано с формированием сверхобществ и с их объединением на этой основе, т.е. с «вертикальным» структурированием человечества. Последнее заключается в том, что возникают бесчисленные и разнообразные организации, учреждения и предприятия общезападного (наднационального) характера. Их уже сейчас насчитываются десятки (если не сотни) тысяч. Они не принадлежат ни к какой отдельной стране. Они возвышаются над ними. В их деятельность уже сейчас вовлечены многие миллионы людей. Они организуются и функционируют по социальным законам (правилам), отличным от тех, по которым организуются и функционируют компоненты привычных (традиционных) «национальных государств» Запада. Они служат основой для образования своего рода «общества второго уровня», которое возвышается как «надстройка» над обычными обществами и фактически подчиняет последние в основных аспектах их жизнедеятельности. Это образование, используя средства западных обществ («национальных государств»), фактически контролирует более пятидесяти процентов всех мировых ресурсов (по некоторым данным — более семидесяти процентов). Оно опутало своими щупальцами всю планету. Так что в от-

ношении его вполне уместно выражение — «Глобальное сверхобщество».

Глобальное сверхобщество складывается не по типу обществ западного типа, а по типу сверхобществ. Его компонентами становятся формирующиеся западнистские сверхобщества и объединяет их в целое надстроечная часть глобального сверхобщества — «общество второго уровня» мирового масштаба. Именно оно правит человечеством в наше время, а не какая-то небольшая кучка богатеев. Оно включает в себя, конечно, денежный механизм западного мира и использует его как средство управления Западом и прочим человечеством. Но для управления одним Западом, в котором живет до миллиарда человек, этого мало. А для удержания под своим контролем около пяти миллиардов прочего человечества — тем более. Нужны мощные вооруженные силы, политический аппарат, секретные службы, средства массовой информации. Нужно иметь возможность распоряжаться ресурсами «национальных государств» Запада, принуждая к этому их систему власти и управления.

В этом аспекте все западные страны, включая США, являются ареной деятельности этого глобального монстра. Верхушка его находится в США. Последние суть главная резиденция этого «мирового правительства», поставщик мировых вооруженных полицейских сил, место расположения «штабов» для управления различными рычагами мировой власти, кузница командных, карательных и идеологических кадров и исполнителей воли хозяев планеты. Но подразделения глобального сверхобщества имеются во всех частях западного и западнизируемого незападного мира.

С возникновением глобального сверхобщества произошёл перелом в самом типе эволюционного процесса: степень и масштабы сознательности исторических событий достигли такого уровня, что стихийный эволюционный процесс уступил место проектируемой и управляемой эволюции. Это, не означает, что все эволюции человечества стало планироваться и ход эволюции стал управляться в соответствии с планами. Это означает, что целенаправленный, планируемый и управляемый компонент эволюционного процесса стал играть определяющую роль в конкретной истории человечества. Цели при этом не обязательно благородные, они могут быть (и являются таковыми на самом деле) эгоистичными, гнусными, коварными и т.д. Планы не обязательно целесообразные и разумные, они могут быть нелепыми и даже безумными. Управление не обязательно по правилам разумного управления и не обязательно эффективно, оно может быть дилетантским, неэффективным. Но это не влияет на сам тип эволюции, подобно тому, как плохая государственность не меняет тип власти как государственной, плохая экономика не меняет тип хозяйства как экономический.

Принципиально важно то, что в западном мире сложилась социальная структура, в которой имеются компоненты, ставящие цели эволюционного характера и глобального масштаба, вырабатывающие планы достижения этих целей, обладающие способностью и средствами

управлять огромными массами людей, принуждая их к деятельности по реализации этих планов, распоряжающиеся колоссальными материальными ресурсами, достаточными для того, чтобы исторические процессы, ранее бывшие стихийными, сделать сознательными [3, С. 17–21].

Многое из того, что касается глобализации, спорно, кроме, возможно двух ее характеристик: ее невозможно остановить — даже левые силы сейчас смотрят на глобализацию как на нечто, что можно «несколько замедлить и ослабить», но нельзя «изгнать» из современной жизни; глобализация создает новые, огромные богатства, обогащая человечество. В общем и целом глобализация потому и неостановима, что она соответствует интересам стран и кругов, непосредственно наблюдающих рост своего богатства и возможностей [8, С. 32].

Глобализация — свидетельство социального прогресса, но возникло мощное антиглобалистское движение, причины которого лежат в разных областях.

Если взять экономику, то нельзя не видеть, что транснациональные корпорации навязывают свои порядки и свое видение всем государствам независимо от их географического положения и экономических возможностей. Они требуют, чтобы национальные государства не вмешивались в хозяйственные дела. Они выступают за открытость политических границ. Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация предписывают строго выполнять их инструкции [8, С. 21].

Глобализация приводит к стандартизации и унификации: те же транснациональные корпорации стремятся к тому, чтобы во всех их филиалах, находящихся на разных континентах, производили одинаковые товары.

Стандартизации сильно способствует реклама. Реклама уничтожает национальный колорит городов. Реклама рекламирует все: джинсы, пиво, водку, обувь, лекарства, секс и т.д., но полностью игнорирует труд, создающий эти ценности. Труд потерял свою привлекательность. Реклама — это шоу, это спектакль, а труд — сложная форма человеческой деятельности, без которой человечество не смогло бы просуществовать и сутки.

Глобализация приводит к снижению жизненного уровня миллионов людей развивающихся стран. Падает не только жизненный уровень трудящихся масс, растет и безработица. Транснациональные корпорации предпочитают приглашать специалистов из отсталых стран, поскольку они обходятся гораздо дешевле, чем специалисты развитых государств [5, С. 161].

Негативные последствия глобализации в экономической сфере привели к возникновению мощного антиглобалистского движения, которое выступает против современной формы глобализации, ухудшающей жизненные условия сотен и сотен миллионов людей, лишает национальные государства суверенитета и самостоятельности.

В политике, процессы глобализации требуют выработки некоторых общих форм политического правления и политического поведения государств, доминированию демократических форм правления. Но отсюда не следует,

что нужно унифицировать все формы и методы политической власти и ликвидировать национальную специфику политики и веками существующие государственные границы. Между тем наблюдается как раз своего рода стандартизация политической жизни. Причем стандартизация происходит по западному образцу. Возьмем, например, выборы. Запад навязывает всем странам независимо от их социально-политического уровня и национальных традиций свои представления о методах и правилах выборов в различные органы власти. Эти представления он выдает за эталон и строго следит за тем, чтобы они неукоснительно выполнялись. Для этого рассылаются наблюдатели, которые затем представляют отчеты свои руководителям, и если, с их точки зрения, обнаруживаются какие-то нарушения, то выборы объявляются недействительными. При этом проявляется неприкрытое лицемерие: если, например, президентом страны стал нужный Западу человек, то любые нарушения выборов игнорируются, но если наоборот, то малейшее нарушение возводится в абсолют и выборы не признаются.

В эпоху глобализации особое значение придается правам человека, так называемым общечеловеческим, абстрактным правам. Однако права возникают в конкретном обществе. Права человека имеют конкретный, а не абстрактный характер.

Реализация прав человека во многом также зависит от традиций, обычаев и конкретно-исторических условий. На Западе доминирует индивидуализм, а на Востоке — коллективизм. Не случайно теория естественного права возникла на Западе в период бурного формирования буржуазных общественных отношений. Человек Запады приспособился к новым общественно-политическим порядкам, уважает принятые государством законы, постановления и другие законодательные акты, старается действовать в их рамках, хотя нередко их нарушает. Восточный человек, даже в развитых капиталистических странах, имеет другие представления о своих правах. Он уважает традиции и обычаи предков, прислушивается к голосу старших, особенно родителей.

Кроме того, нельзя отрывать права человека от прав народов на самоопределение. В полиэтническом государстве, а в мире почти все государства являются полиэтническими, права человека в первую очередь реализуются через права народов и наций. В реальной жизни большими правами пользуется представитель того народа, который доминирует в данном обществе.

Глобализация в политике проходит по западным, прежде всего по американским, стандартам. Она отвечает их жизненным интересам, но не улучшает международный политический климат. Политическая глобализация — это стандартизация и унификация политической жизни в интересах Запады, а не всего мира.

Глобализация и стандартизация охватили духовную жизнь. В отличие от прошлых времен человечество имеет единое информационное пространство, благодаря которому сформировалось планетарное мышление, остро и живо реагирующее на все, что происходит в мире. С по-

мощью Интернета можно в считанные секунды передать любую информацию в самый отдаленный уголок земного шара. Народы все больше и больше узнают друг о друге. Все это нельзя не оценить позитивно.

Но вместе с тем следует подчеркнуть, что глобализация духовной жизни ведет к утрате национальной культуры. Всему миру навязываются западные и, прежде всего американские стандарты культуры; американские фильмы заполнили экраны всех стран мира; американские привычки обедать, пить и развлекаться навязываются всем народам. Сегодня США выступают своего рода эталоном культуры для всех стран мира, хотя хорошо известно, что Соединенные Штаты в отличие от других государств не имеют тысячелетних исторических традиций и уже в силу этого не могут выступать эталоном культуры. Но они обладают сильными экономическими рычагами и поэтому распространяют свою псевдокультуру по всему земному шару.

Никогда человечество не имело таких возможностей для обогащения духовного мира индивидов. Но никогда общий интеллектуальный уровень людей не падал так низко, как в настоящее время. Люди, особенно молодежь, не желают заниматься интенсивной умственной работой. Добродетельный человек, которым гордились и которого ценили высоко, считается неудачником. Теперь главное не моральные принципы и нормы, а полезность. Человек человеку нужен постольку, поскольку он полезен в данных конкретных обстоятельствах. В школах главное внимание обращается не на духовное обогащение, а на полезность. Разрушаются семейные нормы и принципы [7. С. 384—382].

Средства массовой информации главную свою задачу видят не в формировании духовно богатых и высоконравственных людей, а в том, чтобы развлекать обывателя, особенно молодежь, прививать им псевдоценности.

Сегодня духовная сфера представляет собой самое грандиозное шоу. Талант никого не интересует. Любого, даже самого тупого человека, можно раскрутить, если у него есть деньги. Классическая музыка и классические танцы (например, танго или вальс) мало кого волнуют. Современная эстрадная музыка рассчитана на молодых людей, лишенных какого-либо интеллекта. Особая роль принадлежит СМИ, прежде всего телевидению. Можно сказать, что телевидение стало играть решающую роль в формировании мировоззрения людей. Телевидение породило такую болезнь, как социальный идиотизм. Больные социальным идиотизмом черное выдают за белое, а белое — за черное.

Такова логика мировой истории. Но нынешняя глобализация не носит фатальный характер. Люди не являются пассивными наблюдателями своей истории. Они не столько зрители, сколько творцы собственной истории. Поэтому у них есть возможность скорректировать нынешнюю глобализацию. Осознание необходимости корректировки глобализации в первую очередь зависит от развитых стран. Если мировое сообщество хочет выжить, то государства и в первую очередь развитые государства должны идти на определенные компромиссы. Вообще под-

линная глобализация невозможна на базе жесткой и жестокой конкуренции, на базе стремления к получению высокой прибыли, на базе индивидуализма и отчужденности людей друг от друга. Подлинная глобализация невозможна на базе капитализма. Она возможна лишь на базе социальных ценностей, на базе уважения всех народов и государств, на базе расцвета национальных культур, на базе создания человеку всех условий для проявления его существенных сил. Иначе говоря, будущее человечества зависит от такой глобализации, которая ведет не к обострению противоречий между государствами, народами и цивилизациями, а к расцвету всех народов и культур [8, с. 27].

Социология занимается вопросами, касающимися закономерностей функционирования и развития различных обществ в условиях их интеграции в мировое целое. Её объектом являются социальные системы, в том числе глобальное общество.

Образцом теории социальной системы, охватывающей и глобальное общество, является системная концепция немецкого социолога Никласа Лумана (1927–1998). Она оказывается востребованной в период нынешнего глобального кризиса.

Современный кризис глобализирующегося общества нередко оценивается не только как финансово-экономический, но как системный. Налицо кризис открытого общества, становящегося глобальным. Стирание границ между государствами и другими частями глобального общества делают социум замкнутым на себя, имеющим лишь природную внешнюю среду в отсутствие социального окружения. Тем самым замкнутое в себе и внутренне открытое всемирное общество становится тождественным закрытому, не способному противостоять росту энтропии и, следовательно, хаоса.

Критикуя идеологию и практику глобализма конца 90-х годов XX века, Луман противопоставлял антисистемному пониманию открытого общества концепцию само-референтной социальной системы, ее операционной закрытости и функциональной дифференциации [4, с. 72–73].

Что даёт столь необычная, с точки зрения традиционного подхода, теория социальной системы для понимания и преодоления системного кризиса, подобного тому, который переживает современное глобализирующееся общество? Выделим несколько достоинств этой теории:

Во-первых, парадокс мировой интеграции в условиях тотальной разобщённости разрешается коммуникацией, то есть диалогом, общением, идентичным самому обществу.

Во-вторых, структуризация мировой социальной системы путём международной дифференциации позволит преодолеть нарастающие тенденции её хаотизации.

В-третьих, нарастанию дезорганизации социальной системы противостоит её операционная замкнутость, которую не следует путать с термодинамической закрытостью. Защищённость этих механизмов внутренней организации социальной системы от внешних разрушающих воздействий, их эффективность позволяют значительно повысить способность системы к термодинамическому обмену с внешним миром [9, С. 89].

Механизмы глобальной диффузии и глобального переплетения оперируют латерально. Даже если сначала в них имеются такие отличительные моменты, как модели, имитирующиеся особенно часто, или центральные позиции в сетях, то эти центральные позиции ликвидируются успешным процессом имитации или расширением сетей. Очевидно, что своим функционированием оба этих механизма подрывают центральные предпосылки, являющиеся стартовыми условиями мирового общества. И если процесс децентрализации функциональных систем продвинулся хотя бы на один шаг вперед, предположения о гомогенизации, являющиеся импликациями модели глобальной диффузии, снова были бы поставлены под вопрос. Вариация в децентрализованных функциональных системах может появиться отовсюду и не может контролироваться центром. Она может распространяться по сетям и нормализовываться при помощи глобальной имитации. Но не при каких обстоятельствах это не ведет к гомогенности [6, С. 34–38.]. Социальный мир XXI века останется фрагментированным. В то же время институты и правила многослойного глобального управления будут расти вместе с ценностями космополитической культуры [9, С. 123].

В работе рассмотрены различные подходы к глобализации и глобальному обществу, они не могут в полной мере раскрыть все вопросы этой проблемы, но создают представление о процессах, происходящих в мировом обществе.

Литература:

1. Барулин В.С. Социальная философия: Учебник. — Изд. 2-е. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. — 560 с.
2. Глобалистика: Международный, междисциплинарный, энциклопедический словарь / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.-СПб.-Нью-Йорк, 2006. — 1100 с.
3. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2006. — 369 с. На пути к глобальному человеку.
4. Луман, Н. Общество как социальная система. С. 72–73.
5. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию. М, 2001. — 163 с.
6. Р. Штихве, К генезису мирового общества — инновации механизмы / Журнал социологии и социальной антропологии 1999 год, том II, выпуск 3.
7. Социальная философия. Учебник. — Под редакцией И.А. Гобозова. — М.: Издатель Савин С.А., 2003. — 528 с.

8. Уткин А.И. Глобализация: процесс осмысления. М., 2001. — 262 с.
9. Федотова Н.Н.. Глобализация как фактор формирования новой парадигмы в социологии: 22.00.01. — Москва, 2000. — 149 с. : ил. РГБ ОД, 61 01—22/211—3
10. Словарь обществоведческих терминов. Н.Е. Яценко. М. 1999. — 384 с.

Особенности структурной организации отношений, способствующие формированию высокого адаптационного потенциала личности

Кузнецова Лейла Эдуардовна, соискатель
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Анализ исследований в области психологии стресса и адаптации человека, экстремальных ситуаций и экстремальной деятельности показывает, что сложились различные концепции и подходы, позволяющие выявлять и прогнозировать психологические ресурсы, обеспечивающие процесс социально-психологической адаптации человека. Вместе с тем, глобальные цивилизационные сдвиги современности вызывают крайне отрицательные социально-психологические явления, тяжелым бременем ложащиеся как на человечество в целом, так и на отдельного человека — участника экстремальных событий. Налицо ряд противоречий:

1. Между фундаментальной разработанностью психологии стресса и адаптации — с одной стороны и новыми психологическими феноменами проявления состояний дезадаптации в современных экстремальных ситуациях — с другой.

2. Между наличием определенных концепций психологии экстремальной деятельности — с одной стороны и появлением все чаще новых граней этой деятельности и связанных с ней ситуаций — с другой.

3. Между типологически выделенными специфическими фазами переживания общего адаптационного синдрома — с одной стороны и недостаточной конкретизации их относительно конкретных профессиональных, демографических, гендерных популяционных сегментов современного общества — с другой.

Названные противоречия обуславливают научную проблему, обозначенную нами как «Особенности структурной организации отношений, способствующие формированию высокого адаптационного потенциала личности» и актуальность ее исследования.

Особенности адаптации и поведения человека в экстремальных ситуациях следует рассматривать с точки зрения личностно-ситуационного подхода, в единстве объективного и субъективного аспектов. Первый определяется уровнем объективной сложности ситуации и спецификой травмирующего события. Субъективный аспект отражает специфику индивидуально-личностных адаптационных возможностей и ресурсов человека, определяемых рядом исследователей понятием «адаптационный потенциал».

Понятие о личностном адаптационном потенциале, определяющем устойчивость человека к экстремальным факторам, предложено А.Г. Маклаковым. Адаптационные способности, по его мнению, обеспечивают нормальную работоспособность и высокую эффективность деятельности при воздействии психогенных факторов внешней среды. Чем выше уровень развития этих характеристик, тем выше вероятность успешной адаптации человека и тем значительнее диапазон факторов внешней среды, к которым он может приспособиться.

Согласно А.Г. Маклакову, данные психологические особенности человека составляют его личностный адаптационный потенциал, в который включаются следующие характеристики: нервно-психическая устойчивость, уровень развития которой обеспечивает толерантность к стрессу; самооценка личности, которая является ядром саморегуляции и определяет степень адекватности восприятия условий деятельности и своих возможностей; ощущение социальной поддержки, обуславливающее чувство собственной значимости для окружающих; уровень конфликтности личности, опыт социального общения [2].

Все перечисленные характеристики автор понятия о личностном адаптационном потенциале считает значимыми при оценке и прогнозе успешности адаптации к трудным и экстремальным ситуациям, а также при оценке скорости восстановления психического равновесия.

Адаптационный потенциал имеет свойства сложной системы, включая в себя ресурсы, представленные на различных уровнях организации личности (индивидуальном, личностном, субъектно-деятельностном).

И.А. Короткова, В.А. Кулганов, Л.С. Шенберг оценивают адаптационный потенциал личности как совокупность индивидуально-психологических признаков, уровень развития которых, соответственно, определяет границы потенциала и вероятность успешной адаптации к широкому диапазону факторов внешней среды [3].

С.Т. Посохова предполагает, что адаптационный потенциал является интегральным образованием, объединяющим в сложную систему социально-психологические, психические, биологические свойства и качества, актуализируемые личностью для создания и реализации новых

программ поведения в измененных условиях жизнедеятельности [1].

А.М. Богомолов рассматривает личностный адаптационный потенциал как системное свойство, как способность личности к структурным и уровневым изменениям (под влиянием адаптогенных факторов) качеств и свойств, что повышает ее организованность и устойчивость [1].

Таким образом, представляется возможным рассмотрение личностного адаптационного потенциала как психологических особенностей личности, обеспечивающих ее устойчивость к экстремальным ситуациям, как способность личности к структурным и уровневым изменениям под их влиянием. Адаптационный потенциал имеет свойства сложной системы и, соответственно, системный анализ выступает основным подходом к его исследованию.

Согласно взглядам В.Н. Мясичева, А.М. Богомолова система отношений может выступать механизмом формирования адаптационного потенциала личности, обеспечивающего процесс адаптации к экстремальным ситуациям. Вслед за Мясичевым мы рассматриваем личность как систему отношений: отношения человека к себе, к другим людям и к окружающему миру. Столкновение значимых отношений личности с несовместимой с ними жизненной ситуацией приводит к снижению адаптационного потенциала и нарушению процесса личностной адаптации на всех уровнях её интегральной индивидуальности.

Цель нашего исследования состояла в выявлении влияния системы отношений личности на адаптационный потенциал и развитие дезадаптивных процессов у сотрудников милиции (полиции), переживших экстремальные ситуации в профессиональной деятельности.

Исследование проводилось на базе УВД г. Шахты Ростовской области. Выборку составили 136 мужчин в возрасте от 23 до 38 лет.

Использовались следующие психодиагностические методы — методика диагностики социально-психологической адаптации личности К. Роджерса и Р. Даймонда (1998), методика выявления отношения к Другому А.А. Бодалева и Ю.В. Александрова (1999), тест-опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантелеева (1985), методика изучения копинг-поведения Э. Хайма (Heim E., 1988), методика определения доминирующего психического состояния Л.В. Куликова (2003), опросник «Стилевые особенности саморегуляции поведения» В.И. Моросановой (ССП-98), опросник невротических расстройств — ОНР Л.И. Вассермана (1998), многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянинова (МЛО-АМ) (1986); тест-опросник «Социальная фрустрированность» Л.И. Вассермана (1995); формирующий эксперимент; методы статистической обработки данных — кластерный анализ, корреляционный анализ, критерий Стьюдента, критерий Розенбаума.

В процессе кластерного анализа, где в качестве переменных определены компоненты системы отношений: самопринятие, принятие других людей и социальная фрустрированность как показатель отношения к окружа-

ющему миру, выборка испытуемых разделилась на четыре выраженных кластера, характеризующихся статистически значимыми различиями в выраженности и сочетаниях компонентов системы отношений личности.

Только для 33 % сотрудников милиции характерна гармоничная система отношений, выражающаяся в позитивном отношении к себе, к другим людям и окружающему миру.

Для 43 % испытуемых характерна дисгармоничная система отношений, проявляющаяся в позитивном отношении к себе, но негативном отношении к другим людям и к окружающему миру. У 6 % испытуемых дисгармония в системе отношений проявляется в неуверенности в себе, заниженном чувстве самопринятия, но позитивной доверительной установке по отношению к другим людям и окружающему миру. Для 18 % испытуемых характерны значительные нарушения в системе отношений: не уверенность в себе, не доверие другим людям и окружающему миру.

Для каждого кластера (группы) были выделены специфические показатели механизмов саморегуляции поведения и копинг-ресурсов.

Установлено, что:

- Индивидуальный стиль саморегуляции поведения личности с гармоничной системой отношений можно охарактеризовать **как «гибкий»**. Для него характерен высокий уровень общей саморегуляции, преобладание среди регуляторно-личностных особенностей качества «гибкость». Регуляторные процессы отличаются высокой способностью к программированию.

- Индивидуальный стиль саморегуляции поведения обладателей дисгармоничной системы отношений, проявляющейся в позитивном отношении к себе, но негативном отношении к другим людям и к окружающему миру можно определить **как «самостоятельный»**. Для него характерен умеренный уровень общей саморегуляции, регуляторно — личностные особенности отличаются высокой самостоятельностью на фоне умеренной гибкости. Регуляторные процессы отличаются недостаточной развитостью процессов программирования, оценивания результатов, компенсируемых развитостью процессов моделирования.

- Индивидуальный стиль саморегуляции поведения обладателей дисгармоничной системы отношений проявляющийся в неуверенности в себе, заниженном чувстве самопринятия, но позитивной доверительной установке по отношению к другим людям и окружающему миру, можно определить **как «зависимый»**. Для него характерен сниженный уровень общей саморегуляции, регуляторно-личностные особенности отличаются низким уровнем самостоятельности, регуляторные процессы отличаются недостаточной развитостью процессов моделирования, неадекватностью оценки результатов.

- Индивидуальный стиль саморегуляции поведения обладателей нарушенной системы отношений, проявляющейся в неуверенности в себе, недоверие другим людям и окружающему миру можно определить **как «невро-**

тичный». Для него характерен сниженный уровень общей саморегуляции, регуляторно-личностные особенности отличаются высоким уровнем ригидности. Процессы планирования и программирования выражены умеренно и частично компенсируют недостаточную выраженность процессов моделирования и оценки результатов.

Можно говорить о наличии как сильных, так и слабых сторон индивидуального стиля саморегуляции поведения, наличии взаимокомпенсаторных взаимосвязей между регуляторными особенностями в выделенных группах. Чем более дисгармонична система отношений личности, тем более выражены слабые стороны индивидуального стиля саморегуляции поведения, ослаблены взаимокомпенсаторные взаимосвязи между регуляторными особенностями.

Анализ ресурсов совладающего поведения показал, что сотрудники с гармоничной системой отношений используют такие копинг-стратегии совладания со стрессом как сохранение самообладания, проблемный анализ, оптимизм, сотрудничество, обращение за помощью, пассивная кооперация. Для испытуемых с нарушенной системой отношений характерно снижение эффективности совладающего поведения за счет преобладания в репертуаре непродуктивных копинг стратегий совладания со стрессом и, прежде всего, стратегии компенсации. Сотрудники милиции, уверенные в себе, но не доверяющие другим людям и окружающему миру преимущественно используют стратегии протест и установление собственной ценности; сотрудники неуверенные в себе, но доверяющие другим людям и окружающему миру — стратегии растерянность и пассивная кооперация; сотрудники не уверенные в себе и не доверяющие другим людям и окружающему миру — стратегии агрессивность, отступление, установка собственной ценности, игнорирование.

Исследование общего адаптационного потенциала с применением опросника «Адаптивность» позволил выявить следующее:

У сотрудников милиции с гармоничной системой отношений наблюдается высокий адаптационный потенциал. У сотрудников милиции с дисгармоничной системой отношений, уверенных в себе, но не доверяющих другим людям и окружающему миру наблюдается хороший личностный адаптационный потенциал, на снижение которого в большей степени влияет моральная нормативность. У сотрудников с дисгармоничной системой отношений, неуверенных в себе, но доверяющих другим людям наблюдается удовлетворительный личностный адаптационный потенциал, на снижение которого в большей степени влияет нервно-психическая устойчивость. У сотрудников милиции с нарушенной системой отношений наблюдается низкий личностный адаптационный потенциал, снижение которого происходит за счет всех его компонентов одновременно.

Выявленная корреляционная зависимость свидетельствует о том, что особенности системы отношений личности, предопределяя индивидуально-стилевые особенности саморегуляции поведения и совладания со стрессом,

являются личностным механизмом формирования адаптационного потенциала. При этом отношение к себе значительно влияет на формирование такого компонента адаптационного потенциала как НПУ, отношение к другим людям — коммуникативные способности и моральная нормативность, отношение к миру — моральная нормативность.

Таким образом, были выделены особенности структурной организации отношений личности, способствующие формированию высокого потенциала личности, а также обуславливающие его дефицитность. Выявлена, доказана и обоснована взаимосвязь системы отношений личности и её адаптационного потенциала, который проявляется в индивидуально-стилевых особенностях саморегуляции и репертуаре совладающего поведения.

У сотрудников милиции с нарушенной системой отношений после возвращения из служебной командировки под воздействием экстремальных ситуаций профессиональной деятельности наблюдается отрицательная динамика в системе отношений личности, способствующая снижению личностного адаптационного потенциала и актуализации процессов дезадаптации.

Отрицательная динамика в системе отношений проявилась у сотрудников милиции уверенных в себе, но не доверяющих другим в критическом повышении положительного отношения к себе за счет высокого уровня аутосимпатии и самоинтереса, самоуверенности и саморукводства, что способствовало снижению адаптационного потенциала за счет снижения нервно-психической устойчивости.

У сотрудников милиции не уверенных в себе, но доверяющих другим людям произошло снижение интегрального самоотношения за счет неспособности к саморукводству и повышенной склонности к самообвинению, что способствовало снижению адаптационного потенциала за счет снижения коммуникативных способностей.

У сотрудников милиции с нарушенной системой отношений: неуверенных в себе, не доверяющих другим людям и окружающему миру к снижению интегрального самоотношения привело низкое самопринятие и самопонимание, что способствовало снижению адаптационного потенциала за счет снижения коммуникативных способностей и моральной нормативности.

Для сотрудников, в профиле личности которых доминирует негативное отношение к другим людям, характерно снижение уровня потребности в общении и совместной деятельности, преобладают отрицательные эмоции в отношении к другим людям. Они больше оценивают качества, а не поступки человека, не проявляют интерес к личностной сфере человека, его переживаниям, чувствам. У всех испытуемых, переживших экстремальные ситуации в профессиональной деятельности, повысилась социальная фрустрированность и неудовлетворенность отношениями в различных социальных сферах.

Полученные результаты наглядно демонстрируют нам динамику в системе отношений и адаптационном потен-

циале личности под воздействием экстремальных ситуаций в профессиональной деятельности, как взаимосвязи между возможностями и способностями личности и реальной их реализацией в целенаправленном адаптационном процессе.

Интересной представляется выявленная интенсивность развития дезадаптивных процессов у испытуемых с учетом влияния личностного и ситуационного факторов. Можно утверждать: чем дисгармоничнее система отношений личности, тем интенсивнее выражены процессы психической дезадаптации у людей, проявляющиеся в ряде невротических и психосоматических расстройств.

Наиболее сильно выражены дезадаптивные процессы у сотрудников милиции неуверенных в себе, но доверяющих другим людям и у сотрудников с нарушенной системой отношений. Для них характерно снижение работоспособности, психическая истощаемость, ухудшение общего самочувствия, расстройства сердечно-сосудистой деятельности, расстройства в сфере пищеварения, аффективная неустойчивость, невротический «сверхконтроль» поведения, интровертированная направленность личности. Максимальных значений достигает склонность к химической зависимости. Они используют алкоголь, табак для снятия тревоги, напряжения, расслабления, для повышения самооценки.

Характеристика особенностей проявления дезадаптивных процессов у сотрудников с нарушенной системой отношений приводит к выводу о необходимости оказания им психологической помощи после приезда из служебной командировки.

Проведенное нами исследование позволило установить два необходимых условия эффективности психокоррекционного процесса:

1. Формирование позитивного отношения к себе, основанного на самопринятии и самопонимании;
2. Формирование позитивного отношения к Другим людям и окружающему миру.

Эти два условия достигаются посредством комбинирования в психокоррекционной работе двух моделей: патогенетической психотерапии, по В.Н.Мясищеву и недирективной клиент-центрированной психотерапии, по К.Роджерсу.

Можно говорить о значительной реконструкции и гармонизации системы отношений у сотрудников милиции, прошедших курс психокоррекции, что способствовало повышению личностного адаптационного потенциала и сни-

жению выраженности соматических и невротических расстройств. Однако результаты, полученные у сотрудников с нарушенной системой отношений говорят о необходимости повторного прохождения курса психокоррекции.

У сотрудников милиции контрольной группы наблюдается отрицательная динамика в системе отношений и усиление процессов психической дезадаптации за исключением сотрудников уверенных в себе, но не доверяющих другим людям. Смена экстремальной обстановки на обычную способствовала естественному процессу реабилитации, что показывает влияние не только личностного, но и ситуативного фактора на процесс психической дезадаптации личности.

Итак, представление о личности как системе отношений, по В.Н. Мясищеву, и концепция полноценного функционирования человека К. Роджерса подчеркивают активность и осмысленность отношения Субъекта как к самому себе, так и к окружающему миру. Оба подхода, пусть и различными методами, позволяют в процессе психокоррекции осуществить преобразование такой интегральной характеристики личности, как самоотношение, подводя клиента к более глубинному самопониманию и самопринятию, а также способствуют формированию позитивного отношения к Другим людям.

В результате получено эмпирическое обоснование возможности повышения адаптационного потенциала личности в процессе реконструкции и гармонизации системы её отношений с помощью психокоррекционной программы, построенной на комбинации двух подходов: патогенетической психотерапии по В.Н.Мясищеву и клиент-центрированной психотерапии по К.Роджерсу.

Таким образом, проведенное исследование позволило не только разработать систему диагностических показателей адаптированности личности, но и, прежде всего, продемонстрировать возможности коррекции адаптационного потенциала личности.

Теоретические и эмпирические результаты исследования имеют перспективно широкую сферу прикладного использования в плане профилактики дезадаптивных состояний у различных категорий лиц после их пребывания в условиях повышенных психоэмоциональных нагрузок.

Полученные данные позволяют разрабатывать критерии профотбора персонала, работающего в экстремальных условиях, строить прогноз успешности профессиональной деятельности, организовывать процесс обучения и психологического сопровождения.

Литература:

1. Богомолов А.М. Личностный адаптационный потенциал в контексте системного анализа // Психологические науки и образование. — 2008. — № 1. — С. 67–73.
2. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. — 2001. — Т. 22. — № 1. — С. 16–24.
3. Кулганов В.А., Шенберг Л.С., Короткова И.А. Исследование адаптационного потенциала личности у подростков и молодежи // Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения — 2005» / под ред. Л.А. Цветковой, Л.М. Шипицыной. — СПб.: СПбГУ, 2005. — С. 578–580.

Основы комплексной психолого-педагогической реабилитации лиц с ограниченными возможностями, испытывающих состояние одиночества

Немцова Светлана Вячеславовна, аспирант
Столичная финансово-гуманитарная академия (г. Москва)

Поскольку основу разработки комплексных реабилитационных программ для лиц с ограниченными возможностями составляют основные психологические проблемы данной категории населения, а именно проблема состояния одиночества, нарушения удовлетворения потребности в безопасности, нарушения коммуникативных процессов, повышения уровня тревожности. То определяющей задачей формирования комплексной психолого-педагогической реабилитации является развитие личности людей с ограниченными возможностями, создание оптимальных условий для всестороннего воздействия психолого-педагогических методов, нацеленных на изменения отношения к себе, к окружающим, миру в целом; включает в себя:

1. расширение сфер жизнедеятельности на психологическом уровне
2. выработка и реализация стратегии жизни (образ нового «Я»)
3. выработка и реализация стратегии интеграции (образ нового «Мы»)[3]

При разработке комплексных психологических программ в отделениях реабилитации, многими исследователями учитываются все аспекты психологических проблем, которые возникают у людей с ограниченными возможностями. Но особняком стоит одна из самых значимых проблем обнаруженных нами в ходе исследования, а именно проблема, связанная с одиночеством, нарушением базовой потребности в безопасности.

Следовательно, для нормального существования человека, в обществе, необходимо формирование у него самооценности, активизации внутренних ресурсов позитивного развития личности, обретения смысла существования. Определяющей задачей психолого-педагогической программы реабилитации людей с ограниченными возможностями является создание оптимальных условий для всестороннего воздействия психолого-педагогических методов, нацеленных на изменения отношения к себе, к окружающим, миру в целом. Связи с этим основное направление программы — формирование активной, саморазвивающейся личности, не зависящей от стереотипного мышления и поведения.

Реабилитация, построенная на знании основных трудностей людей с ограниченными возможностями, способствует формированию у клиентов: адекватного восприятия картины мира; эмпирического мышления, которое позволяет выполнять задачи, стоящие в повседневной жизни клиентов. Например, процесс построения новых форм взаимоотношений со своими близкими, с другими людьми, развитие творческого потенциала, раскрытие новых возможностей для самореализации.

Смысл самого понятия реабилитации обозначается как, система и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной и профессиональной деятельности. [6]

Современные исследования в области реабилитации состояния одиночества является практико-ориентированные теории разработанные отечественными и зарубежными психологами (В.Д. Менделевича; Д.А. Жуковым; С.Г. Корчагиной; Б.Г. Ананьева; А. Адлера; А. Маслоу и т.д.), подчеркивают необходимость раскрытия и усиления ресурсов личности.

Внедрение комплексной психолого-педагогической программы и последующее экспериментальное изучение динамики реабилитационного процесса у лиц с ограниченными возможностями проводилось в течение 2008—2011 г.г. на базе Государственного учреждения Комплексного центра социального обслуживания «Гольяново», в дальнейшем ГУ КЦСО, отделение реабилитации.

Анализ результатов опроса людей с ограниченными возможностями показывает, что именно развитие программ социально-психологической реабилитации направленных на профилактику развивающегося феномена одиночества и нарушения потребности в безопасности, могут способствовать наиболее быстрой интеграции и социализации их в социуме.

Современная комплексная психолого-педагогическая реабилитация представлена множеством различных, творчески развивающихся во многих странах направлений.

Внедрение комплексных психологических программ реабилитации и коррекции состояния одиночества для людей с ограниченными возможностями определяется основной целью:

1. развитие способностей людей с инвалидностью к созданию независимого образа жизни,
2. определение своих новых социальных ролей,
3. установление новых конструктивных способов взаимодействия с обществом,
4. помощь в полноценном функционировании к жизни в обществе
5. профилактики и реабилитации развития глубокого чувства одиночества. Достижение этой цели осуществляется в ходе решения следующих задач:

— профилактика развития основных психологических проблем возникающих в жизни лиц с ограниченными возможностями (проблема одиночества, нарушения потребности в безопасности, нарушение общения, социальная дезадаптация, крушение жизненных планов, негативная мировоззренческая установка)

- развитие творческого потенциала,
- развитие коммуникативных навыков,
- профилактика развития нарушений социальных отношений
- социализация путем усвоения конструктивных форм и норм поведения, а так же взаимодействия с внешним миром,
- ускорение процесса психологической адаптации, профилактика возникновения эмоционально-волевых расстройств,
- развитие эмоционально-волевой сферы (усидчивость, внимание, память, мотивация и т.д.),
- повышение эмоционального фона,
- развитие координированных движений, мелкой моторики,
- профилактика развития тревожности, стрессов, депрессии, изменение поведения,
- профилактика развития депривации личности,
- подъем активности, формирование из пассивного субъекта деятельности в активного, несущего ответственность за свои поступки, действия, желания, построение жизненных планов,
- выработка адекватной стратегии поведения.

Как следует из целей реабилитации, формирование полноценной личности у лиц с ограниченными возможностями предусматривает, развитие:

- личной потребности в усвоении новых форм взаимодействия с миром;
- личной активности;
- мотивации к занятию.

Основные преимущества комплексной психолого-педагогической программы «Феникс»:

- реализация индивидуально-ориентированной программы коррекции феномена одиночества с использованием конкретных способов и приемов, взятых из разных методов (арт-терапия, телесно-ориентированная терапия, гештальт-терапия, когнитивная терапия);
- дифференциация процесса психологической коррекции и реабилитации за счет использования средств и технологий выбора для разной категории людей;
- реализация индивидуальной или групповой траектории продвижения по данной комплексной программе за счет выбора уровня или степени развития отклонений;
- возможность научения разным формам взаимодействия на примере групповой динамики.

В комплексную психолого-педагогическую реабилитацию под названием «Феникс» входит:

1. Занятия в сенсорной комнате — комплексная групповая психологическая реабилитация:

- А) дыхательная терапия;
 - Б) телесно-ориентированная терапия;
 - В) Аутотренинг;
 - Г) Обратная связь.
2. Арт-терапия — рисование пластилином;
3. Танцевальная терапия.

В данной статье мы остановим свое внимание только

на некоторых формах психолого-педагогических методах реабилитации лиц с ограниченными возможностями под названием «Феникс».

Занятия в сенсорной комнате подразумевает проведение групповых психолого-педагогических методов реабилитации. Из опыта групповой терапии известно, что для повышения эффективности взаимодействия в группе, основную роль играют динамические процессы, связанные с моментом «присоединения» [2]. С целью более быстрого достижения результата следует использовать метод дыхательной терапии. Поскольку в процессе дыхания ключевую роль играет внутреннее общение между людьми, то есть вербальное общение сведено к минимуму, либо отсутствует полностью. Невербальное взаимодействие происходит как в личностном поле члена группы, так и в межличностном пространстве группы. При чем, выполняя определенно заданные дыхательные упражнения у членов группы снижается уровень тревожности, наступает чувство расслабления и т.д. Во время занятий, акцентируя внимание членов группы на диафрагмальном дыхании, способствует быстрому развитию групповой динамики (интеграции чувств в группе, развитию коммуникаций, действий), а так же более глубокому осознанию собственного тела и процессов, происходящих в нем (исцеление происходит между «сущностью» человека и его «существованием» т.е. формирование из «пассивного объекта» в «активного субъекта»).

Основу комплексной психолого-педагогической реабилитации «Феникс» составляет телесно-ориентированная терапия. В силу своей фундаментальности и охвата всех сфер жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями групповая телесно-ориентированная терапия, разработанная с учетом идей предложенных Райхом, исключительно эффективна в работе с состоянием одиночества, нарушения потребности в безопасности, нарушения коммуникативных процессов, повышения уровня тревожности. Основными нововведениями данной комплексной программы является применение расслабления и напряжения в сочетании с дыхательными упражнениями.

Правильное выполнение условий напряжения и расслабления позволяет осознанию возможности управления собственным телом, а так же профилактика и реабилитация затруднения в саморазвитии, личностном росте, проработке проблем невротического порядка, проработка проблем связанных с нарушениями здоровья в психосоматической сфере. Использование телесно-ориентированной терапии в группе наиболее эффективней по сравнению с индивидуальной работой, т.к. она наиболее сильно координирует единство всех жизненных изменений человека — его телесного существования, психологических переживаний и глубинной сущности.

Работа с телом фокусирует внимание на телесной значимости жизненных событий и направлена на способ саморегуляции путем напряжения и расслабления мышц, начиная от ног и заканчивая лицом. Во время занятий актуализация значимости данной формы реабилитацион-

ного процесса, концентрирует внимание каждого члена группы на процессе выздоровления (ведущий группы — психолог — раскрывает «полезность» для здоровья определенных движений).

Применение в комплексе с групповой телесно-ориентированной терапией метода танцевальной терапии (на базе египетского танца живота), способствует наиболее быстрому достижению желаемого результата: снижение мышечного напряжения, увеличения подвижности участников группы. Еще К.Юнг подчеркивал основную психологическую ценность артистических переживаний, выраженных в танце. Салливан, подчеркивал значимость социализации и человеческого взаимодействия, которое может быть достигнута в танце.

Основные цели танцевальной терапии в комплексной психолого-педагогической реабилитации:

- Расширение сферы сознания членами группы собственного тела (возможности)
- Повышение физического и эмоционального здоровья
- Повышение самооценки путем развития более положительного образа тела.
- Создание безопасного образа тела
- Создание группового опыта социальных умений
- Установление связи между чувствами и движениями
- Развитие уровня невербального общения.

Задачи:

*создание гармоничных отношений с собой и окружающим миром, осознанное

- * проработка мышечного панциря
- * развитие творческого потенциала
- * способствовать развитию позитивного состояния
- * расширить креативный и выразительный мир человека.
- * помочь выработке позитивных эмоций
- * снятие мышечных зажимов
- * формирование позитивного образа собственного тела.

Использование в танцевальной терапии движений из египетского танца живота, позволяет развитию пластичности движений, а руководитель группы танцевальной терапии выступает как режиссер событий, катализатор, облегчающий развитие через движения. Создание безопасной среды для группы позволяет расширению репертуара движений, улучшению исследования себя членами группы. В «танце живота» использование разнообразных пластических движений в сочетании с упражнениями на расслабление, дыханием, способствует более быстрому снятию мышечных зажимов.

Следовательно, можно сделать следующий вывод, основным показателем удачного проведения курса психолого-педагогической реабилитации является:

- улучшение самочувствия клиента как физического, так и психологического, выработка адекватной стратегии поведения,
- снижения уровня тревожности,
- формирование образа нового «Я»,
- повышение активности в построении жизненных планов, целей и их последующую реализацию.

Литература:

1. Александер Ф. Психосоматическая медицина. — М.: Эко-Пресс, 2002. -352 с.
2. Вачков И.В. Психология тренинговой работы. М., 2007. -416 с.
3. Долгалев Б.А., Ладикова В.Н. Социально-психологические проблемы инвалидов//Человек: его сущность, развитие и проблемы. Вып. 1/Под ред. В.С. Кукушина. Ростов н/Д., 2000
4. Корчагина С.Г. «Психология одиночества». М. 2008. — 228 ст.
5. Лабиринты одиночества / Пер. с англ.; составление, общая редакция и предисловие Н.Е. Покровского. — М.: Прогресс, 1989. —624 с.
6. Менделевич В.Д. «Клиническая и медицинская психология». М., 2008. — 432 ст.
7. Миускович Б. Одиночество; междисциплинарный подход\\ Лабиринты одиночества. — м., 2008.-224 ст.
8. Bernstein, P. Theory and methods in dance-movement therapy: A manual for therapists, students, and educators. Dubuque, Iowa: Kendall/Hunt, 1972.

Цикличная бюрократия и коррупция: человеческий фактор как связующее звено между «идеальной» и «неидеальной» бюрократией

Патокина Елизавета Александровна, студент
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Природа современной коррупции надлежало не исследована, ее проявления в основном описываются в терминах институциональной теории издержек, а теоре-

тические представления сводятся к признанию ее как отклонения от некой нормы жизни. По этой причине, на наш взгляд, коррупцию следует рассматривать в рамках ин-

ституционального подхода. Понятие институционализма включает в себя два аспекта: «институты» — нормы, обычаи поведения в обществе, и «институты» — закрепление норм и обычаев в виде законов, организаций, учреждений. Основоположниками теории классического институционализма являются Т. Веблен и Дж.К. Гелбрейт.

Смысл институционального подхода к изучению коррупции состоит в том, чтобы не ограничиваться анализом экономических категорий и процессов, служащих причинами и факторами возникновения коррупции и ее проявления в обществе, а включить в анализ институты, учитывать внеэкономические факторы. Для экономистов и социологов У. Гамильтона, Т. Веблена, Д. Белла и Дж.К. Гелбрейта институт — это «словесный символ для лучшего описания группы общественных обычаев», «способ мышления», ставший привычкой для группы людей или обычаем для народа» [4]. Таким образом, коррупцию можно рассматривать как отдельный социальный институт.

Всем известно, что коррупция это не просто особое социальное явление, а совокупность ряда факторов. К числу таких факторов можно отнести низкий уровень правового сознания граждан, восприятие коррупции как нормы, и другие факторы. На наш взгляд, одним из наиболее важных факторов проявления коррупции в обществе представляется процветание бюрократического аппарата.

Для начала, стоит определиться с тем, что именно нами понимается под терминами «коррупция» и «бюрократия». Чтобы охарактеризовать термин «коррупция», мы обратились к статье Е.В. Охотского «Коррупция. Сущность и меры противодействия». В данной статье коррупция характеризуется как многоаспектное, многоуровневое, системно организованное социальное явление, распространенное как на элитарном, так и на среднем, и на низовом уровнях; явление, проникающее во все сферы и подсистемы общественного бытия, затрагивающее интересы всех социальных групп, слоев и классов общества [5, с. 26].

Выше обозначено, что в числе факторов проявления коррупции в обществе значится фактор разветвленного бюрократического аппарата. Здесь так же требуется охарактеризовать термин «бюрократия». Понятие «бюрократия ввел в 1745 году француз де Гурне. Он добавил к слову «бюро», означавшему как учреждение, так и письменный стол, вторую часть «кратия», происходящую от греческого глагола со значением «управлять». Таким образом, с самого своего появления понятие «бюрократия» означало власть чиновников [3, с. 268]. Бюрократия во многом сама, своей собственной деятельностью, постоянно порождает злоупотребления властью. Эти злоупотребления уже стали проблемой государственного управления во многих странах, потому что препятствует решению стратегически важных государственных проблем, не обеспечивая ни разработку более или менее реальных программ их решений, ни реализацию уже при-

нятых решений с помощью действия единообразных норм для всех граждан или для всех субъектов экономической деятельности [6, с. 75].

В.А. Блюмкин так же указывает на негативные стороны бюрократии [2, с. 24–26]. Он говорит, что аморальная сторона данного явления проявляется в безответственности, халатном отношении бюрократа к порученному делу. Это начинается с подбора кадров, который осуществляется на основе, прежде всего, личных и групповых интересов, а не интересов дела, интересов народа, и завершается характерным для бюрократической системы разделением ответственности, когда решения принимают одни, а отвечают другие. Так же автор утверждает, что характерное для бюрократии корыстолюбие выражается в стремлении чиновника «выжать» как можно больше из своей должности. Таким образом, можно охарактеризовать бюрократию как специфическую форму социальных организаций в обществе, сущность которой заключается, во-первых, в отрыве центров исполнительной власти от воли и решений большинства членов этой организации, во-вторых, в главенстве формы над содержанием деятельности этой организации, в-третьих, в подчинении правил и задач функционирования организации целям её сохранения и укрепления [8].

Но бюрократия не всегда воспринималась в негативном ключе. Например, Макс Вебер считал бюрократию наиболее рациональной формой господства. Бюрократическое господство в веберовском понимании обобщенно можно представить в следующем положении: идеальный чиновник решает доверенные ему вопросы одинаково для каждого. Другими словами, в условиях обезличенности.

После рассмотрения «идеального» и «неидеального» типа бюрократии, логично будет задаться вопросом: когда и как происходит переход от «идеальной», веберовской бюрократии к неидеальной, которая является фактором возникновения коррупции. Для того, чтобы понять это, разберем следующий механизм. Государство, стремящееся к наивысшему благосостоянию своих граждан, создает нормы и нанимает компетентных управленцев в целях контроля за осуществлением этих норм, а так же — для более рационального распределения тех или иных благ. Компетентными чиновниками мы называем грамотных управленцев (не политиков, — они любители), призванных действовать во благо народа [1, с. 23–27]. В силу действия человеческого фактора, чиновники становятся некомпетентными, а именно — начинают действовать в своих интересах, а не в интересах граждан. Тогда государство создает дополнительные нормы, регулирующие поведение этих чиновников, а для контроля за исполнением норм назначают очередные чиновники и так далее. Таким образом, круг замыкается и возникает коррупционная ситуация.

Хотелось бы более подробно раскрыть упомянутый выше человеческий фактор. Для этого обратимся к примеру, который приводит С.Роуз-Аккерман в своей книге

«Коррупция. Исследование в политической экономике». Автор рассматривает ситуацию, когда бюрократ, поставленный во главе программы, предоставляющей субсидии всем желающим. Поскольку желающих много, а чиновник тратит много собственных сил и времени на обработку заявок, в итоге создается очередь. В этих условиях, чиновник устанавливает правила, в соответствии с которыми будет определяться порядок обслуживания. На первый взгляд, чиновнику следовало бы действовать по принципу «первым пришел — первым обслужен». Но и здесь чиновник в силах обеспечить приоритеты ожидающим. Это может происходить двумя способами: либо посредством торговли местами в «бесплатной» очереди, либо созданием отдельной очереди, в которой будут стоять те, кто не желает тратить свое время на длительное ожидание. Следовательно, можно увидеть, что идет разделение ожидающих на приоритетные очереди [8, с. 87–88]. Круг снова замыкается.

Представленная схема далеко не абстрактна. Она характерна для многих обществ и государств, когда чиновник делает все возможное, чтобы, например, его родственник или друг занял «теплое местечко». В итоге у власти и / или распределения благ оказываются некомпетентные, выражаясь языком Арона, политики и коррупция в этом смысле представляется в качестве дефекта институциональной системы.

В качестве одного из путей решения проблемы разветвленного бюрократического аппарата и проблемы коррупции в России можно назвать применяющуюся на данный момент систему электронных очередей, а также —

находящуюся на стадии внедрения систему электронного правительства. Под электронным правительством нами понимается система государственного управления, основанная на автоматизации всей совокупности управленческих процессов в масштабах страны и служащая цели существенного повышения эффективности государственного управления и снижения издержек социальных коммуникаций для каждого члена общества [7]. Создание электронного правительства предполагает построение общегосударственной распределенной системы общественного управления, реализующей решение полного спектра задач, связанных с управлением документами и процессами их обработки. В настоящее время электронное правительство активно внедряется в нашей стране. Наиболее ярким его примером является запуск портала госуслуг, на котором граждане могут получить должное обслуживание, при этом не тратя времени на очереди.

Таким образом, мы пришли к выводу, что бюрократия есть явление цикличное; а следовательно, и коррупция может считаться циклическим явлением, поскольку она легко приспосабливается к меняющимся условиям, что показано на примере с формированием платных и бесплатных очередей. Так же, в числе выводов, можно указать, что так называемый человеческий фактор и является причиной перехода от идеальной веберовской бюрократии к неидеальной модели, порождающей коррупцию. Для борьбы с человеческим фактором в России активно внедряются технологии электронного правительства.

Литература:

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. Перевод с французского Г.И.Семенова Москва: Текст 1993. с. 23–27
2. Блюмкина В.А. Бюрократизм: социально-нравственные аспекты. — М.: Знание, 1990. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Этика»; №2). — стр. 24–26
3. Гидденс Э. Социология. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — С. 268.
4. Мирзоев С. Институциональная коррупция. <http://www.gosbook.ru/node/26376>
5. Охотский Е.В.. Коррупция. Сущность и меры противодействия. Социологические исследования. 2009. № 9. С. 25–33., стр. 26
6. Римский В.Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // Общественные науки и современность. 2004. № 6. с. 68–79., стр. 75
7. Юрасов А.В. Постановка проблемы разработки научно-обоснованной концепции, алгоритмов работы и архитектуры инструментальных средств электронного правительства. <http://e-commerce.psati.ru/content/other/?ID=834>
8. Susan Rose-Ackerman. Corruption. Study in political economy. N.Y.: Academic Press, 1978. p.87–88
9. <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Бюрократия/>

Статья подготовлена в рамках проекта №01.02.11 «Разработка теоретических основ проведения мониторинга коррупционных проявлений в РФ» (тематический план Минобрнауки России от 2011 г.).

Копинг-стратегии и локус контроля у психически больных

Пономарева Людмила Геннадьевна, магистрант
Белорусский государственный университет (г. Минск)

Актуальность. Совладание с ситуацией болезни начинается уже с первых этапов конструирования болезни пациентом (В.В. Николаева, А.Ш. Тхостов, Г.А. Арина, В.А. Ташлыков и др.). Для нас представляет интерес, чем объясняется выбор человека с определенным психическим расстройством способа совладания и то, какую стратегию преодолевающего поведения он активно реализует.

Понятие «копинг» объединяет когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии, которые используются, чтобы справиться с трудной (стрессовой) ситуацией, которой также является и психическая болезнь. Копинг — поведение необходимо учитывать в психодиагностической работе с психически больными, так как копинг — поведение больных обнаруживает тесную связь с психопатологическими проявлениями заболевания. Локус контроля — это личностная характеристика, отражающая предрасположенность и склонность индивида атрибутировать ответственность за успехи и неудачи, а также воздействием болезни, либо своей активностью, либо внешним обстоятельствам. Исследования показывают, что у людей с экстернальным локусом контроля чаще бывают психические проблемы, чем у людей с интернальным локусом контроля. При совладании с болезнью, пациент реализует определенные копинг стратегии, которые могут быть опосредованы склонностью индивида атрибутировать ответственность за успехи и неудачи, в том числе и ввиду психического расстройства, либо своей активностью, либо внешним обстоятельствам. Однако, для того, чтобы больной смог конструктивно выстраивать свое поведение в ходе преодоления болезни необходимо, чтобы он имел четкие представления о причинах и последствиях болезни, а также о тех способах, которыми он может влиять на ход лечения. Большую роль в формировании такого целостного отражения болезни играет самосознание.

Методология исследования. Методологическим основанием данной работы явились представления о субъективной концепции болезни В.В.Николаевой («Психологические аспекты рассмотрения внутренней картины болезни» [1;2]); Ю.Г. Фроловой («Реакция личности на психическую болезнь: опыт качественного исследования» [4]), а также идеи R. Lazarus и S. Folkman о копинг — стратегиях («Stress, appraisal and coping: Personal and contextual determinants of coping strategies» [3]).

Для реализации исследования была сформирована выборка, состоящая из 150 человек. В нее входили испытуемые (разделены на пять групп), со следующими диагнозами класса № V по МКБ — 10 («Психические расстройства и расстройства поведения»): F06.3 — «Органические расстройства настроения (аффективные)» — 30

испытуемых; F10 — «Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя» — 30 испытуемых; «Рекуррентное депрессивное расстройство, текущий эпизод легкой степени» — 30 испытуемых; Невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства (F40) — 30 испытуемых; F.50.2 — «Нервная булимия» — 30 испытуемых.

Исследования проходило по методике «Опросник о способах копинга», «Way of Coping Questionnaire» (WCQ) (автор Р. Лазарус и С. Фолькман (1984), адаптирована Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтык, М.С. Замышляевой, 2004); Обработка полученных результатов осуществлялась посредством качественных (контент-анализ) и количественных методов (частотный и корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона)).

Результаты и обсуждения. На первом этапе исследования испытуемым был предложен Опросник о способах копинга. В результате частотного анализа были выделены копинг — стратегии, характерные для психически больных. Так, конфронтативный копинг составляет 50,37%, дистанцирование — 47,85%, самоконтроль — 56,38%, поиск социальной поддержки — 60,81%, принятие ответственности — 69,72%, избегание — 57,77%, планирование решения — 28,48%, положительная переоценка — 53,23%. Как видно из приведенной ниже диаграммы, у психически больных преобладают такие копинг-стратегии как принятие ответственности, поиск социальной поддержки, самоконтроль, а также бегство-избегание.

Между копинг-стратегиями были обнаружены следующие особенности. Так, конфронтативный копинг положительно коррелирует с копингом «Дистанцирование» ($r=0,417$ при $p<0,05$), с копингом «Принятие ответственности» ($r=0,362$ при $p<0,05$) и отрицательно связан с копингом «Положительная переоценка» ($r=-0,163$ при $p<0,05$). Это означает, что яркая агрессивность и враждебность при изменении неприятных ситуаций болезни сопровождают стремления отделиться от ситуации и уменьшить ее значимость, а также принимать определенные решения по ее регулированию. Однако, чем выше позитивная оценка ситуации, в том числе и для собственной личности, тем ниже проявление агрессии и враждебности.

Копинг-стратегия «Дистанцирование» имеет положительную корреляцию с копингом «Самоконтроль» ($r=0,264$ при $p<0,05$) и отрицательную копингом «Положительная переоценка» ($r=-0,384$ при $p<0,05$), что означает: попытки контролировать свои чувства и действия при решении трудностей сопровождается стремлением уменьшить их значимость или уйти от них. В то же время,

чем выше позитивное видение проблемы, тем ниже желание отделиться от ситуации.

Копинг-стратегия «Бегство — избегание» отрицательно коррелирует с копингом «Поиск социальной поддержки» ($r = -0,384$ при $p < 0,05$) и положительно с копингами «Самоконтроль» ($r = 0,255$ при $p < 0,05$) и «Принятие ответственности» ($r = 0,167$ при $p < 0,05$). Таким образом, чем выше стремление найти информационную, действенную и эмоциональную поддержку, тем ниже усилия, направленные к бегству или избеганию проблемы. В то же время, при попытках управлять собой в депривующих ситуациях болезни, а также принимать ответственность за их решение, больные склонны к избеганию данных трудностей, что может говорить о том, что не всегда активное совладание с болезнью приносит желаемого эффекта, в том числе ввиду угнетающего действия симптоматики.

Копинг-стратегия «Поиск социальной поддержки» положительно коррелирует с копингами «Самоконтроль» ($r = 0,575$ при $p < 0,05$), «Принятие ответственности» ($r = 0,221$ при $p < 0,05$), «Положительная переоценка» ($r = 0,520$ при $p < 0,05$), «Планирование решения проблемы» ($r = 0,499$ при $p < 0,05$), что говорит о важности участия социального окружения при желании больного осознавать свое участие в решении проблемы, искать способы ее решения и позитивно оценивать опыт болезни.

При анализе опросника о локусе контроля в области здоровья, мы получили данные, которые говорят о том, что в данной выборке преобладает интернальность (шкала «Самоуверенность») в области здоровья (57,30%). Т.е. больные уверены, что течение болезни и выздоровление во многом определяют их собственные действия и сами больные в состоянии самостоятельно принимать решения и влиять на лечебный процесс.

Высокий процент по шкале «Самоуверенность» может быть объяснен не только преморбидными особенностями испытуемых, но и длительностью госпитализации. Так, в число выборки вошла значительная часть опрошенных, находящихся перед выпиской и уже окончивших лечение.

В целом нужно сказать, что не всегда интернальность в области здоровья может указывать на высокую самостоятельную активность пациента. Так, выбирая ответы, описывающие интернальность, респонденты могли руководствоваться убеждениями, что «так нужно и так хорошо» (например, «Больной имеет право самостоятельно ре-

шать, как ему лечиться» «Главное, что оказывает влияние на мое здоровье — это мои собственные действия»), либо ожиданиями, что по окончании лечения они смогут сами справиться с проявлениями болезни. Таким образом, мы не согласны с Neumann и [5], что интернальный локус контроля способствует выздоровлению и наилучшей адаптации.

При корреляционном анализе мотиваций к лечению было отмечено, что при стремлении к постижению болезни при помощи самосознания, больные также ожидают симптоматическое улучшение ($r = 0,396$ при $p < 0,05$) и получения определенных навыков совладания с болезнью ($r = 0,535$ при $p < 0,05$). В то же время, стремление высокая мотивация изменить поведение в ходе лечения связано с высоким ожиданием вторичного «выигрыша» от данного поведения ($r = 0,262$ при $p < 0,05$), например, благожелательности со стороны лечебного персонала и близкого окружения.

При корреляционном анализе ответов по опросникам, определяющим копинг-стратегии и локус контроля, было отмечено следующее: больные с интернальным локусом контроля при совладании с болезнью стремятся к регулированию своих чувств и действий, к поиску информационной, действенной и эмоциональной поддержки, к созданию положительного значения ситуации болезни. Однако здесь же отмечается, что респонденты с выраженной интернальностью склонны к избеганию трудных ситуаций. Это указывает на то, что не всегда их знания и уверенность в представлениях о способах совладания являются эффективными и дают желаемый результат. Респонденты с экстернальным локусом контроля также используют копинг-стратегии «Самоконтроль» и «Положительная переоценка», однако, также имеют тенденцию проявлять агрессивные усилия по изменению ситуации или дистанцирования от нее. Проанализировав все вышесказанное о копинг-стратегиях и установках к лечению, можно, говорить о том, что интерналы действуют более активно в ситуации болезни. Однако не всегда уверенность с себе способна обеспечить адаптивное поведение и желаемый результат при совладании с болезнью (таблица 1).

Выводы. При совладании с болезнью психически больные делают попытки управлять своими эмоциями и поведением, в процессе лечения стремятся не только к устранению симптомов, но и активному изменению поведения и самопознанию. Также они прилагают усилия для

Таблица 1. Корреляционный анализ ЛК03 и копинг – стратегий (n=150, p<0,05)

Локус – контроля	Конфронтация	Дисанцирование	Самоконтроль	Поиск соц. поддержки	Принятие ответственности	Бегство – избегание	Планирование решения проблемы	Положительная переоценка
Самоконтроль	—	—	0,379	0,530	—	0,406	0,379	0,540
Рациональный контроль	0,246	—	0,188	—	—	—	—	0,230

поиска информационной, действенной и эмоциональной поддержки. При этом для психически больных крайне важна позитивная оценка своих усилий со стороны социального окружения. Отметим, что не правомерно говорить, что существуют такие стратегии преодоления, которые являются однозначно «плохими» для психически больных. Наши данные подтверждают, что использование активных стратегий совладания не всегда дает позитивный результат в лечении болезни и адаптации. Здесь стоит же отметить, что для эффективной реализации копинг-стратегий и установок к лечению необходимо иметь достаточные представления о болезни, в том числе и принимать роль психически больного.

Также отмечено, что больные, с интернальным локусом контроля при совладании с болезнью стремятся к

регулированию своих чувств и действий, к поиску информационной, действенной и эмоциональной поддержки, к созданию положительного значения ситуации болезни. Однако отмечается, что пациенты с выраженной интернальностью также склонны к избеганию трудных ситуаций. Это может указывать на знания больных о том, что «необходимо контролировать ситуацию самому», однако в течении болезни им это представляется невозможным: их знания и уверенность в представлениях о способах совладания являются эффективными и дают желаемый эффект. Здесь мы считаем, что когнитивные усилия отделиться от ситуации болезни и уменьшить ее значимость затрудняет конструирование картины болезни. Экстернальность соотносится, в основном, с пассивной позицией в лечении.

Литература:

1. Николаева, В.В. Влияние хронической болезни на психику / В.В. Николаева. — М., 1987. — 168 с.
2. Николаева, В.В. Психологические аспекты рассмотрения внутренней картины болезни / В.В. Николаева // Психологические проблемы психогигиены, психопрофилактики и медицинской деонтологии. — 1976. — №4. — с. 21–32.
3. Фролова, Ю.Г. Медицинская психология / Ю.Г. Фролова. — Минск: Высшая школа, 2009. — 384 с.
4. Lazarus, R.S. Psychological stress and the coping process // R.S. Lazarus, New York, 1984.
5. Малкина-Пых, И.Г. Терапия пищевого поведения / И.Г. Малкина-Пых. М., 2009. — 245 с.

Психологическая адаптация личности студента при компромиссном выборе профессии агронома

Радзиковская Екатерина Сергеевна, преподаватель
Анапский сельскохозяйственный техникум

Статья посвящена, изучению осознанности выбора студентами профессии агронома при поступлении в сельскохозяйственные техникумы (колледжи) Краснодарского края; помощь психолога и педагогов в адаптации развивающемуся студенту при компромиссном выборе профессии агронома.

Ключевые слова: адаптация, компромиссный выбор, профессия агронома, концептуальные уровни.

Агроном — специалист сельского хозяйства, создаёт сорта полевых, садовых, огородных культур. Планирует проведение основных сельскохозяйственных работ с учётом особенностей местности, наблюдает за ростом и развитием растений, обеспечивает их защиту, регулирует режимы произрастания. Агроном проводит много времени на свежем воздухе. От агронома зависит изобилие хлеба и сельхозпродукции на столе каждого россиянина. В России профессию агронома считают не престижной и низкооплачиваемой, её значимость недостаточно освещается СМИ. В техникумах (колледжах) слабый набор на эту профессию, что и вызвало необходимость проведения исследования этой проблемы.

Посетив ряд средних школ, в роли профориентаторов было отмечено, что на информационных стендах для школьников, где показаны характеристики профессий, о

сельскохозяйственных профессиях ничего не освещено. В каждом выпускном классе мы провели беседы и анкетирование школьников, с показом видеоролика о нашем учебном заведении и профессиях, которые можно получить после окончания (строитель, бухгалтер, агроном, винодел).

Проведённые нами психолого-социологические исследования студентов сельскохозяйственных техникумов и колледжей (2010–2011 гг.) Краснодарского края выпускающих агрономов показали, что далеко не все студенты вполне осознанно выбрали профессию агронома. Причём их количество, судя по посещаемости занятий и по собственным высказываниям студентов о желании учиться, преобладает на первом курсе. На втором курсе число нежелающих учиться конкретной специальности возрастает, происходит «отсев» совсем случайных людей, которые

вообще не знают, зачем они пришли в среднеспециальное учебное заведение. Потом количество студентов утверждающих, что они выбрали профессию агронома случайно или компромиссно, снижается. К концу третьего в начале четвертого курса остаётся 3–5 человек на студенческую группу, у которых просматривается явное эмоционально – отрицательное отношение к выбранной профессии и к будущей работе. Эти студенты ведут себя на собеседованиях в группе достаточно агрессивно: «Нам только надо получить диплом и в армию не пойти, а потом сами разберёмся, что делать дальше». 5–10 человек на студенческую группу уверенны в правильности своего выбора. Они читают дополнительную литературу, часто пишут рефераты и доклады, творчески выполняют курсовые работы, любознательны и активны на практических работах и практиках в учебных хозяйствах техникумов (колледжей). Такие студенты знают, где они будут работать, и внутренне готовят себя к этой работе с помощью преподавателей. Оставшаяся большая часть студенческой группы скромно отмалчивается или вяло высказывается о правильном выборе своей профессии. Их желание зарабатывать много денег, причём не обязательно агрономом, а там, где больше платят за меньший труд. Многие студенты утверждают, что после окончания среднеспециального учебного заведения пойдут учиться в ВУЗ по родственной специальности, некоторые из них и по новой, агрономом работать пока не собираются.

Есть определённый процент студентов, испытывающих серьёзные трудности в осознании себя в будущей профессиональной роли агронома. Трудности сознания чаще всего связаны не столько с ограниченными возможностями к осознанному выбору, сколько с эмоциональной перегруженностью, драматичностью содержания, которое необходимо осознать: травматогенные переживания ограничиваются и вытесняются в подсознание, ожидая развязки. Включается защитный механизм психики – рационализация. Человек пытается логически оправдать своё нерациональное поведение [1]. Многие студенты техникумов (колледжей) в школе учились слабо, средний балл их аттестата об окончании 9 классов 3,0–3,3. Некоторые были «трудными учениками класса», им нет смысла оканчивать 11 классов. Среди студентов есть и такие подростки, которые «провалились» на экзаменах или не прошли по конкурсу при поступлении в другие учебные заведения и на более престижные профессии. Расстроенные неудачей они соглашаются на компромисс. Поступают учиться в сельскохозяйственный техникумы (колледжи), где нет или небольшой конкурс на агронома (0,5–1 человек на место). Получив диплом агронома, обязательно вернутся к своей мечте, пойдут учиться в ВУЗ на юриста, экономиста, строителя и т.п. Пока им приходится выбирать не то, что хочется, а то, что доступно. Может быть, за годы учёбы в техникуме (колледже) они изменят своё отношение к деятельности агронома и с готовностью пойдут работать в сельскохозяйственные предприятия и это благодаря высококвалифицированным педагогам-новаторам.

Вероятнее они будут учиться как в тумане, не стремясь разобраться в том, что им кажется ненужным, воспринимая без интереса агрономические дисциплины.

Такой компромиссный выбор профессии осознаётся человеком как временный, вынужденный и чем сильнее переживание неудачи, тем больше отчуждение от «временной» учёбы, работы и неприязненное отношение к педагогам, требующим от него хорошую учёбу (хотя бы без двоек).

Студенты, сделавшие компромиссный выбор профессии, – это в будущем плохие работники. Такие студенты требуют к себе специального внимания и психологической помощи, так как сами, в силу эмоциональной остроты переживаний, связанных с компромиссным выбором профессии, не всегда осознают свои проблемы и их последствия [1]. Психологи и педагоги обязаны помочь считать студентам профессию агронома необходимой людям для жизнедеятельности и приносящей им моральное и материальное удовлетворение.

Главное здесь, чтобы выбранная профессия меньше была похожа на ту, от которой пришлось отказаться. У человека остаётся больше шансов адаптироваться, переориентироваться, избавиться от переживаний.

Необходимо дать студентам традиционные и в лучшем смысле слова консервативные, то есть «надёжные» проверенные жизнью представления о теории и практики психологии труда агронома, познакомить студентов хотя бы с некоторыми проблемными вопросами, связанные с поиском смысла о труде агронома и повышением чувства собственного достоинства через трудовую деятельность [2].

В психологии труда условно выделяют различные концептуальные уровни помощи развивающемуся субъекту труда (студенту) в профессиональном и личностном самоопределении.

1. Адаптационно-производственный (адаптационно-технологический) уровень. Главная цель помочь человеку «вписаться» в данную производственную структуру для повышения её эффективности.

2. Социально-адаптационный уровень. Цель – помочь человеку построить привлекательный образ жизни с помощью удачного выбора профессии или места работы.

3. Ценностно-смысловой уровень. Цель – помочь человеку приобрести смысл в профессиональном и личностном самоопределении. По сути, именно здесь учитываются самые важные, жизнеопределяющие усилия человека, этот уровень считают психологи личностно ориентированным [3].

Студент, поступивший в среднеспециальное учебное заведение – это вовсе не сосуд, который надо заполнить знаниями. Для начала следует выявить призвание каждого конкретного студента, а затем создавать условия для его развития. А совершенствование каждого человека должно протекать непрерывно в течение всей его жизни.

Психологи и педагоги среднеспециальных учебных заведений должны студента научить самообучению, самовоспитанию и самодисциплине, пробудить интерес к профессии и мотив к избеганию неудач. Надо убедить сту-

дента, что он не ошибся в выборе профессии и помочь ему освоить основы теории и практики избранного дела и почувствовать себя уже способным к выполнению основных трудовых функций специальности [4].

Для психологической профессиональной адаптации студента к специальности агронома необходимо младшекурсников (I, II, III курсов) приглашать на конференции проводимые старшекурсниками и студентами ВУЗов идентичной профессии. Больше возить студентов на экскурсии в передовые и опытно — производственные хозяйства, опытно — селекционные станции; сельскохозяйственные выставки (полевых, овощных, плодовых и ягодных культур, новой техники и оборудования); праздники сельскохозяйственных работников, дни сёл и посёлков. Постоянно проводить деловые игры на уроках основных агрономических дисциплин, психологические тренинги. Вовлекать студентов в научную работу с участием на конкурсах по специальности, участие в региональных Всероссийских олимпиадах по агрономии.

Темы курсовой работы по профилирующей дисциплине, которая даётся на IV курсе, за полгода до сдачи госэкзаменов, стоило бы выдавать на II курсе и в её основу положить разработку технологии производства сельскохозяйственной культуры с детальной разработкой технологической карты для одного из полей реального хозяйства. Затем в течение всех остальных лет обучения корректировать её содержание с учётом изучения новых дисциплин и появления в производстве условий (новых типов сельскохозяйственных машин, сортов культур, пестицидов и т.п.). Для этого надо разработать соответствующие компьютерные программы, которые позволят выполнить необходимые расчёты, как в процессе обучения, так и при работе на производстве.

Диплом об окончании техникума (колледжа) следует вручать вместе с носителем информации помогающей работать молодому специалисту с учётом веяний новых модернизующих приёмов и способов ведения агропроизводства.

Литература:

1. Буланова-Топоркова М.В. Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособие. — Ростов н/Д.: Феникс, 2002. — 427 с.
2. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. — М.: Издательский центр «Академия», 2010. — 304 с.
3. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства: учеб. пособие для студ. высш. Учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 384 с.
4. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: Прайм — ЕВРОЗНАК, 2006. — 279 с.

Характеристика специалистов с иноязычной компетентностью на современном российском рынке труда

Русанов Евгений Константинович, аспирант

Северо-Кавказский государственный технический университет (г. Ставрополь)

Рынок труда является индикатором востребованности работников, которые различаются профессионально, по квалификации, полу, возрасту, месту жительства, опыту работы и т.д., он определяет место, время и характер занятости работника, его доход и, следовательно, формирует решающие параметры качества жизни.

Еще в 1880-х годах А. Маршалл впервые выдвинул концепцию неконкурирующих групп на рынке труда. Он утверждал, что каждая разновидность труда, профессия, специальность имеет свой более или менее обособленный от других рынок [1].

Данную статью мы посвятим специалистам с иноязычной компетентностью и их положению на современном российском рынке труда. Они относятся к категории работников, конкурирующих между собой на рынке

труда, имеющих гарантии занятости и не подверженных массовой безработице. Главной отличительной чертой таких работников является знание иностранных языков или владение ими.

В целом, знания иностранных языков довольно востребовано в настоящее время. Конкуренция в сегменте рынка труда специальностей, требующих подобных знаний, в последнее время значительно возросла. Во многих крупных международных компаниях вся внутренняя документация и переписка ведется на иностранном (в основном, английском) языке, в российских офисах работают экспаты (иностранцы — прим. автора), часто не владеющие русским языком, поэтому держаться на уровне в такой среде без языка будет очень и очень сложно. Даже в российской компании подобные лингвистические на-

выки едва ли останутся не востребуемыми: крупные корпорации сотрудничают с зарубежными партнерами и выходят на новые рынки, не говоря уже о привлечении иностранных менеджеров. Знание иностранных языков дает специалисту ощутимые преимущества: позволяет успешно конкурировать на рынке труда и покорять высокие карьерные вершины. [2]

Каковы же причины повышенного интереса среди субъектов рынка труда к такой характеристике работника, как знание иностранных языков?

Причин довольно много, но подробно остановиться следует на самой основной — глобализации.

Современная Россия и мир в целом стремительно меняются на наших глазах. Благодаря развитию науки и техники исчезают понятия времени и пространства. Сейчас мы можем общаться с людьми, живущими на другом конце планеты и за считанные часы способны добраться до любой точки мира. Стираются границы, мир из замкнутых мирков отдельных государств, превращается в единый взаимосвязанный организм. По всем признакам мы вошли в эпоху глобализации.

Глобализация — процесс всемирной интеграции и унификации во всех сферах жизни общества. Общества становятся взаимозависимыми во всех аспектах — политическом, экономическом, культурном, и масштаб этих взаимозависимостей становится поистине глобальным. Основным следствием этого (среди прочих) является мировое разделение труда, миграция и концентрация человеческих и производственных ресурсов, а также сближение и слияние культур разных стран. [3]

Неотъемлемой чертой глобальных процессов является стремление к языковой (в числе прочих) унификации разнообразных культурно-исторических форм на основе некоей базовой модели.

Одной из наиболее явных и очевидных преград на пути всемирной интеграции и унификации — языковые барьеры, особенно на современном этапе, где проблема их существования вышла на первый план. Глобализация объединила множество в корне отличных друг от друга культур, которые до настоящего времени могли никогда не иметь никакого стремления к межкультурному взаимодействию. Первым и самым прямым проявлением такой встречи культур стал неожиданный рост потребности в переводчиках и переводческих услугах. Соответственно, возросла потребность в преподавателях переводческой науки и лингвистики. Однако нарастающие темпы глобализации явно продемонстрировали, что сил переводчиков не хватает для того, чтобы преодолеть языковой барьер. В связи с этим широкую популярность приобрело изучение иностранных языков на уровне специалистов в различных областях (помимо лингвистики) и обывателей, что повлекло за собой усовершенствование существующих и создание новых способов овладения ими (появление и развитие «машинного» перевода). Не остались в стороне и исследователи науки о языке, обросшей новыми неизведанными областями для анализа и препарирования.

Все упомянутые субъекты: переводчики, лингвисты, преподаватели иностранных языков и перевода, разработчики программ автоматизированного перевода, а также разномастные специалисты, которые сталкиваются с необходимостью применения языков в своей деятельности, составляют определенную категорию субъектов рынка труда — специалисты с иноязычной компетентностью.

В первую очередь необходимо отметить, что в соответствии с тенденцией увеличения спроса на подобных специалистов в соответствии со сложившимися условиями мировой унификации и интеграции такая характеристика работника, как «иноязычная компетентность», обрела статусное значение на общественном поле спроса-предложения рабочей силы.

С тех пор, как глобализация в сфере деловых отношений и коммерческой деятельности обрела поистине гигантские масштабы, потребность рынка труда в сотрудниках, владеющими английским, немецким, французским, китайским, финским, греческим, арабским, японским и др. языками возросла и продолжает устойчиво расти. Поэтому в настоящее время работодатель смотрит не только на профессиональные качества специалиста (что никоим образом не умаляет их значения), но и на его способность использовать иностранный язык в своей основной профессиональной деятельности, свободно говорить на языке клиента, делового партнера, начальника (в иностранных фирмах), понимать их менталитет, привычки, особенности ведения бизнеса. Поэтому уже нынешнее общество, не говоря о будущем, требует от нас знания иностранных языков.

Что же представляет собой столь часто упоминаемая в данной статье «иноязычная компетентность»?

Иноязычная компетентность — знания, умения и навыки в области применения знания иностранных языков, способность и готовность специалистов решать коммуникативные задачи в сфере профессиональной деятельности, выполнять поиск и анализ информации, необходимой для изучения зарубежного опыта, работать с специализированной литературой и документацией на иностранном языке в определенной отрасли.

Специалисты с иноязычной компетентностью сталкиваются с определенными трудностями на современном российском рынке труда, которые заключаются в отсутствии распространенного четкого определения уровней знания/владения иностранными языками и обязанностей, связанных с иностранными языками у будущих работников, а также неоднородность требований работодателей в данном аспекте.

Говоря об иноязычной компетентности как одном из непереносимых требований нынешних работодателями, следует также упомянуть о двух ее уровнях:

I уровень представляет собой обычное знание «языков», которое можно получить через курсы, репетиторов, школы и т.д.).

II уровень — владение иностранным языком — в совершенстве овладеть чужим языком и всеми его аспектами,

постичь переводческие приемы и стратегии или освоить методики преподавания иностранных языков, раскрыть особенности менталитета других народов, понять и принять их культуру можно только получив высшее лингвистическое образование.

Таким образом, знание иностранных языков, как специальное профессиональное требование при приеме на работу, получило широкое распространение, в то время как рынок труда работников, профессионально владеющих языками (для которых языки являются приоритетным направлением), является более обособленным и углубленным.

В большинстве случаев требования к уровню иноязычной компетентности напрямую зависят от особенностей той позиции на предприятии, которую намеревается занять кандидат, а также от индивидуальных предпочтений работодателя. Не вызывает сомнения то, что специалист, владеющий английским, стоит на рынке труда дороже, чем такой же, но «без языка». Насколько именно дороже, зависит от компании, должности, уровня задач, которые решает работник.

Итак, главный вопрос: каково положение специалиста с иноязычной компетентностью на современной российской рынке труда?

Коммерческая деятельность и деловая активность в нашей стране все больше интегрируется в мировую экономику, и знание языка становится важным фактором трудоустройства. Компании стараются отказываться от услуг переводчиков, обходиться собственными кадрами, что позволяет успешно строить свою карьеру большинству людей, обладающих подобными знаниями, на офисных и менеджерских позициях, а также для административных и секретарских должностей. Карьерные возможности и перспективы управленцев и специалистов «без языка» все же сравнительно ограничены [4]. Это в особенности касается тех сфер, где Россия начинает выходить на международный рынок, где важно знание международных стандартов, например, фармацевтика, медицинское оборудование, торговля, логистика, финансы, аудит, бухгалтерия, строительство.

Поскольку чем престижней работа, тем более важным оказывается иностранный язык (а то и несколько) для работодателя. И если найти хорошую работу без знания языков пока еще возможно, хотя и заметно труднее, чем

раньше, то продвижение по карьерной лестнице без этих уже вызывает некоторые сомнения. Работодатель всегда предпочтет специалиста, умеющего говорить на английском, а лучше на нескольких иностранных сразу. Естественно, что чем больше языков в активе у специалиста, тем большими конкурентными преимуществами он обладает на рынке труда, особенно в мультинациональных компаниях, в которых работают сотрудники из разных стран. При прочих равных условиях преимущества будут на стороне человека, знающего язык, которым владеет его потенциальный непосредственный руководитель и будущие коллеги.

Хотя знание иностранных языков (конечно же, в первую очередь, английского) по-прежнему является важнейшим конкурентным преимуществом, но все-таки в иерархии ценностей работодателей и менеджеров по персоналу занимает все же не первое, а второе место, уступая главенствующую позицию профессионализму и опыту работы, как уже говорилось выше. А опытный профессионал с хорошим английским языком (как минимум) — это и вовсе особый случай.

Конечно, неустойчивый характер рыночной экономики вносит свои коррективы в вопросы, связанные с востребованностью кадров, и специалистов с иноязычной компетентностью в том числе. Однако, как бы ни менялся рынок труда, у высококвалифицированного специалиста с хорошим опытом работы всегда будут хорошие шансы «оставаться на плаву», то есть востребованным, независимо от его профессиональной сферы. Для любого такого специалиста главное не останавливаться на достигнутом уровне, а постоянно совершенствоваться как профессионалу.

Кроме того, мы входим в эпоху экономики знаний и непрерывного образования. Современный мир и общество все больше и больше нуждаются в людях, умеющих творчески мыслить, анализировать и понимать окружающих. И иностранный язык, как мы и говорили, одно из лучших средств, позволяющих развивать эти навыки.

Но в целом, нынешнее положение специалиста с иноязычной компетентностью представляется довольно перспективным, поскольку позволяет не только «вписаться в глобализацию» (особенно на современном ее этапе), но получить весомые преимущества при трудоустройстве в родной стране и за ее пределами.

Литература:

1. Вечканов Г.С., Вечканова Г.Р. Микроэкономика: Учебное пособие [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.piter-press.ru/attachment.php?barcode=978594723009&at=exc&n=0>
2. Комолова Е. Знание иностранного языка: карт-бланш на рынке труда? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.studythere.ru/articles/znanie_inostranno_jazyka_kart.htmlx
3. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций — М.: ЗАО «Изд-во «Экономика»», 2001. — 441 с.
4. Мартынова С. Знание иностранного языка и карьера (14.12.2007) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.workoteka.ru/en/node/61>

Психолого-педагогические особенности подростков с особыми образовательными потребностями

Саратова Людмила Михайловна, соискатель, заведующая психолого-педагогическим отделением
Реабилитационный центр детей и подростков с ограниченными возможностями «Луч» (г. Воронеж)

Подростковый возраст (англ. Teenage period, adolescence) — период онтогенеза, переходный между детством и взрослостью. Был выделен в качестве особого периода развития в XIX в. Границы подросткового возраста совпадают с обучением детей в 5–8-х классах средней школы и охватывают возраст от 11–12 до 14–16 лет. Переход от детства к взрослости составляет основное содержание и специфическое отличие всех сторон развития в этот период: физического, умственного, нравственного, социального.

Важность подросткового возраста определяется и тем, что в нем закладываются основы и намечаются общие направления формирования моральных и социальных установок личности.

П.Я. Трошин, тщательно проанализировал различия в перцептивных, мнемических мыслительных процессах у детей с умственной отсталостью и здоровых детей, отмечает «между нормальными и ненормальными детьми нет разницы, те и другие люди, те и другие дети, у тех и у других развитие идет по одним законам. Разница заключается лишь в способах развития» [5].

Переход к периоду младшего подросткового возраста сопровождается резкой ломкой психики, получивший название «подросткового кризиса», когда учебная деятельность перестает оказывать то влияние на развитие, которое она имела в предыдущий период, а ведущей деятельностью становится общение со сверстниками (по Д.Б. Эльконину — интимно-личное общение), психологическое отдаление от взрослых, с частыми конфликтами.

Психическая деятельность человека носит опосредованный характер. Поэтому индивидуально-возрастные особенности младших подростков опосредованы культурно-исторической средой, в которой они живут и развиваются, с вытекающими из нее условиями обучения и воспитания, носят временно пространственный характер. Так, например, Пиаже считал, что логические операции развиваются у детей только к 11–12 годам. Исследования Л.А. Венгера, П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова показали, что при изменении условий обучения, меняются возрастные границы и формы психического развития детей [8].

Таким образом, индивидуально-возрастные особенности младших подростков обусловлены:

- особенностями биологического развития организма;
- культурно-исторической средой, как сферой их роста и развития;
- условиями обучения и воспитания;
- резервами индивидуального развития.

Причем процесс развития индивидуально-возрастных особенностей носит поступательный характер.

Общие закономерности подросткового возраста проявляют себя через индивидуальные вариации, зависящие, не только от окружающей подростка среды и условия воспитания, но и от особенностей организма или личности. Подростковый возраст занимает важную фазу в общем процессе становления человека как личности, когда на основе качественно нового характера, структуры и состава деятельности ребенка закладываются основы сознательного поведения, вырисовывается общая направленность в формировании нравственных представлений и социальных установок [1]. Главное, данный период отличается выходом ребенка на качественно новую социальную позицию, в которой формируется его сознательное отношение к себе как к члену общества. Важнейшей особенностью младших подростков является постепенный отход их от прямого копирования, оценок взрослых к самооценки, приобретает в ходе особой деятельности — самопознание. В младшем подростковом возрасте (11–12 лет) ведущую роль играет общение со сверстниками в контексте собственной учебной деятельности подростка. Присущая подросткам этого возраста деятельность включает в себя такие ее виды, как учебная, общественно-организационная, художественная, трудовая. При выполнении этих видов полезной деятельности у младших подростков возникает осознанное стремление участвовать в общественно необходимой работе, становиться общественно значимым [6]. Он учится строить общение в различных коллективах с учетом принятых в них норм взаимоотношений, рефлексии собственного поведения, умения оценивать возможности своего «Я». Один из ведущих исследователей подростничества Д.И. Фельдштейн подчеркивает, что социальное созревание человека, структурирование его самопознания и самоопределения как активно действующего субъекта определяется трансформацией общей позиции «Я по отношению к обществу» на две приходящие на смену друг другу позиции «Я в обществе» и «Я и общество» [7]. Подростковый возраст — это возраст «пытливого ума, жадного стремления к познанию, возраст кипучей энергии, бурной активности, инициативности, жажды деятельности». Поведение и деятельность подростка во многом определяются особенностями самооценки. В учебной деятельности подростка имеются свои трудности и противоречия, но есть и свои преимущества, на которые может и должен опираться педагог.

С общим ростом сознательного отношения к действительности заметно усиливается сознательное отношение

к учению. Существенные знания при отрицательном отношении подростков к учению имеет осознание и переживание или неуспехи в овладении теми или иными учебными предметами. Неуспех, как правило, вызывает у учащихся бурные отрицательные эмоции и нежелание выполнять трудные учебные задания. Наоборот, благоприятной ситуацией учение для подростков является ситуация успеха, которая обеспечивает им эмоциональное благополучие. «Желание хорошо учиться, — утверждал В.А. Сухомлинский, — приходит только вместе с успехом в учении. Интерес к учению появляется только тогда, когда есть вдохновение, рождающееся от успеха в овладении знаниями» [1]. «Активность младшего подростка не та, что у младших школьников. Его привлекает теперь не столько сам процесс деятельности, сколько цель и ее результат. Он уже не просто собирает макулатуру или приводит в порядок библиотечные книги, а стремится сделать это как можно лучше, не просто любит читать, а выбирает самые «героические» книги, те, в которых описаны подвиги, приключения. Он становится мечтателем, романтиком. Он углублен в свои переживания, интересы. Он то энергичен, деятелен, весел, то вдруг вял, пассивен, мрачен» — пишет кандидат педагогических наук В. Лапик.

Когнитивное развитие — развитие всех видов мыслительных процессов, таких как восприятие, память, формирование понятий, решение задач, воображение и логика. Когнитивные теории обучения в трудах Пиаже и его последователей, развивая апперцептивную теорию, предпосылали обучению возбуждение интереса, затем давали материал для предварительного усвоения условий задачи. В России эффективные методы образования выросли на почве когнитивной теории Выготского и его учеников (Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов и др.). В концепции подчёркивается значение дедукции в формировании понятий. Технологии проблемного обучения разработали М.Н. Скаткин, И.Я. Лернер и др.

В соответствии с теорией интеллекта Жана Пиаже интеллект человека проходит в своем развитии несколько основных стадий. От рождения до 2 лет продолжается период сенсо-моторного интеллекта; от 2 до 11 лет — период подготовки и организации конкретных операций, в котором выделены подпериоды дооперационных представлений (от 2 до 7 лет) и подпериод конкретных операций (от 7 до 11 лет); с 11 лет приблизительно до 15 длится период формальных операций.

С точки зрения периодизации Э. Эриксона, психическое развитие индивида, формирование «идентичности» проходит через ряд психосоциальных кризисов (5) На каждом из нормативных кризисных этапов происходит выбор позитивного либо негативного варианта развития определенных личностных черт, определяющих в дальнейшем жизненную позицию человека, его отношение в социуме.

Л.С. Выготский и его последователи доказали, что развитие человека на протяжении всей жизни происходит

постоянно и дискретно. Интенсивность познания мира, вхождение в него различна на разных этапах жизни человека. Процесс развития связан с сензитивными периодами. Наступление сензитивного периода определяется функциональным созреванием мозговых структур, внутренних связей, необходимых для реализации механизмов тех или иных функций. Каждая функция имеет ограниченное время для своего развития. Задача той или иной функции — помочь ребенку устанавливать связь со средой, обеспечивать себе жизнеспособность в ней, познавать окружающий мир. Функция развивается по мере ее привлечения и активизации. Функции входят в свои фазы развития в разное календарное время с индивидуальными различиями для каждого ребенка.

С.Л. Рубинштейн: «У каждого ребенка свой индивидуальный путь развития. Разные дети и развиваются не только разными темпами, но и проходят через индивидуально различные ступени развития» [4]. Возраст не определяет стандарты психического развития. Возрастные особенности существуют лишь внутри индивидуальных, в единстве с ними. При этом, чем ребенок старше и чем процессы сложнее, тем большую роль играют индивидуальные особенности, тем значительнее индивидуальные различия. Дети, имеющие одинаковый календарный возраст, могут находиться на разных этапах возрастного развития.

В целом развитие организма у детей протекает неодинаково и зависит от:

- воспитания и обучения,
- активности самого ребенка,
- среды,
- наследственности.

Роль и соотношение внутренних (наследственность) и внешних (среда, воспитание) факторов и становление личности человека, движущих сил его психического развития по-разному рассматривается представителями разных теорий. Жан Пиаже считает, что развитие совершается само собой (спонтанно) и в соответствии со своей внутренней логикой. А воспитание должно следовать за развитием. Как бы «идет в хвосте развития». (Пиаже Ж. Теория, эксперименты, дискуссии.). Учитель должен считаться с тем уровнем развития ребенка, которого он достиг. И приспосабливать методику обучения к достигнутому уровню развития.

Интересующий нас возраст условно можно разделить на два подпериода. Первый — собственно подростковый возраст (11—15 лет) и второй — юность (16—19 лет). Подобное деление в значительной степени объясняется особенностями не только физического, но и когнитивного развития. Развитие познавательных процессов, и особенно интеллекта, в подростковом возрасте имеет две стороны — количественную и качественную. Количественные изменения проявляются в том, что подросток решает интеллектуальные задачи значительно легче, быстрее и эффективнее, чем ребенок младшего школьного возраста. Качественные изменения прежде всего характеризуют

сдвиги в структуре мыслительных процессов: важно не то, какие задачи решает человек, а каким образом он это делает. Поэтому наиболее существенные изменения в структуре психических познавательных процессов у лиц, достигших подросткового возраста, наблюдаются именно в интеллектуальной сфере. [2]. Познавательный интерес, прежде всего, можно охарактеризовать как сложное отношение человека к предметам и явлениям окружающей действительности, в котором выражено его стремление к всестороннему, глубокому изучению, познанию их существенных свойств. Это сложное отношение, по выражению С.Л. Рубинштейна, носит двухсторонний характер. В нем в единстве выступает объект интереса, то есть явление, предмет, научная или учебная область, которая

несет в себе привлекающие стороны, и познавательная, избирательная направленность самой личности. «Интерес, — пишет С.Л. Рубинштейн, — принимает характер двухстороннего отношения. Если меня интересует какой-либо предмет, это значит, что этот предмет для меня интересен! [4].

В подростковом возрасте, сензитивном для целого ряда новообразований, активно формируется новый уровень самосознания, что делает возможным осмысленное конструирование своего мировоззрения, системы ценностей и Я-концепции, подростка с сохранным здоровьем и ограниченными возможностями. (Л.И. Божович, Т.В. Драгунова, И.С. Кон, В.С. Мухина, Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон).

Литература:

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности Воронеж, 1995.
2. Мир детства: Подросток/ По ред А.Г.Хрипковой. М., — 1982
3. Реан А.А. Психология подростка М. 2003
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М: Учпедгиз, 1940
5. Трошин П.Я. Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей. 1916.
6. Фельдштейн Д.И. Психологические особенности развития личности в подростковом возрасте/ Вопросы психологии. — 1988. №6, с. 32.
7. Фельдштейн Д.И. Социальное развитие в пространстве времени детства. М., 1997.
8. Эриксон Э. Детство и общество. СПб, 1996.

Театрализованная игра как инструмент социальной работы

Семенов Никита Борисович, аспирант
Саратовский государственный технический университет

Theatrical play as an instrument of social work

Semenov N.B.

В настоящей статье предлагается теоретические рамки и обоснование метода социальной работы с детьми, основанного на театрализованной игре.

Ключевые слова: игра, социализация, фрейм.

In this paper we propose a theoretical framework for justification of the method of social work with children, based on a theatrical play.

Keywords: game, socialization, frame.

В этой статье мы продемонстрируем разнообразие оснований использования метода театрализованной игры в работе с определенными категориями клиентов социальной работы. Признавая полезность этого подхода в практике социальной работы, мы оговоримся, что, на наш взгляд, он будет максимально эффективным именно для детей и подростков, которые постигают нормы общественной жизни, в том числе и в играх друг с другом. Даже поверхностный взгляд на последние исследования в области социологического анализа игр, процесса игры, тем

более новых направлений, связанных с компьютерными играми, говорит о смене фокуса таких исследований от формальных свойств игровых текстов к социальным контекстам и последствиям процессов, которые составляют саму игровую реальность. В каждой из возможных категорий игр существуют фундаментальные аспекты воздействия на процесс социализации индивидуумов в них участвующих. Благодаря широте и устойчивости определенных паттернов повседневного поведения, они воспроизводятся в играх и, в свою очередь, встраиваются в нормативные

комплексы участников игры. На эти стороны игровых практик, их социальной значение обращают внимание многие исследователи [1, с. 75–78]. Приобретенные в игре навыки общения, разрешения противоречий, достижения поставленных целей прямо включаются в повседневную жизнь, формируют отличительные особенности различных культур.

Эффективность игровых технологий при работе с детьми объясняется тем, что для ребенка, особенно дошкольного возраста, игра является естественной формой повседневной деятельности. Если же дети принадлежат к определенным группам с выявленным недоразвитием речи, с задержкой психического развития, игровая деятельность приобретает еще большее значение как необходимое условие развития интеллекта, психически, личности в целом, не говоря уже о достижении необходимых для жизни в обществе социальных статусов. Театрализованные игры в этом случае представляются нам одним из эффективных средств развития творческих способностей ребенка, в котором наиболее ярко реализуется принцип обучения в игре. В современной научном дискурсе, который имеет отношение как к социологическому анализу игровых практик, так и к анализу инструментов социальной работы, театрализованные игры представлены достаточно широко. Представим лишь некоторые направления анализа, которые позволяют говорить о широком использовании театрализованных игр, о признании их эффективным средством социальной работы специалистами. Далее мы приведем примеры анализа театрализованных игр именно для детской аудитории (сознвая, естественно, их полезность и для иных групп) и дадим короткие комментарии по этим примерам.

Разностороннее влияние театрализованных игр на личность ребенка позволяет использовать их как активное, но хорошо воспринимаемое самими детьми средство формирования необходимых навыков, норм, ценностей. Участвуя в театрализованных играх, дети глубже познают окружающий мир, становятся участниками событий из жизни животных, растений и людей, совершенствуют навык воплощать в игре определенные переживания. При этом тематика игр может быть самой разнообразной: она касается жизни детского сада и семьи, отражает сюжеты из жизни людей, животных и растений, в качестве персонажей игр используются игрушки, овощи и фрукты, предметы мебели, посуды [2]. Одновременно театрализованная игра прививает ребенку устойчивый интерес к родной культуре, литературе, театру как виду искусства.

С точки зрения формирования нормативных комплексов детей театрализованные игры эксплуатируют особенности их психического развития. Обычно использование такого инструмента направлено на формирование уважительного отношения детей друг к другу, развитие чувства коллективизма и партнерства [3]. Особенности метода в этом случае связаны с широким использованием материала сказок, сказкотерапии. В этом случае дети увлекаются из занятий нравственно-этические уроки, ко-

торые демонстрируются сказками, а совместное участие и взаимодействие в игре закрепляют паттерны взаимодействия, системы санкций и поощрений, навыки планирования деятельности, коллективного достижения целей.

Специалисты обращают внимание еще на одну особенность использования театрализованных игр именно при работе с детьми. Именно в игре ребенок чувствует себя более раскованно, свободно и естественно. Все дети обладают способностями, которые обнаруживаются в игре и проявляются и в наблюдательности, и в зорком схватывании ими сходства, характерных черт, и в развитии поведения, которое связано с подражанием другим персонажам, повторения его действий в иной обстановке. Указанные особенности ребенка — эмоциональность и подражание — являются основой развития творческих (сценических) способностей детей [4].

В системе социальной работы с детьми, особенно при необходимости коррекционной работы важно использование игровых упражнений, которые повышают умственную активность, совершенствуют речевые навыки, способствуют развитию психических процессов, повышают эмоциональную активность, и, как показывают практические наблюдения. Социализационная направленность игровых упражнений в планировании театрализованных игр должна подчеркиваться использованием принципа концентрического наращивания материала по всем разделам изучаемых ежегодно тем (например, времена года, из жизни животных; из жизни растений, мебель, посуда, транспорт). Практический материал для театрализованных игр распределяется так, что каждая тема пронизывает все этапы обычных повседневных задач — от развития понимания речи до умения связно рассказывать, чувствовать и передавать интонацию, пользоваться движениями, мимикой, жестами, контактировать с участниками игр [5].

При анализе обсуждаемого подхода важно учитывать не только структурные составляющие всего процесса, но и уделять внимание формулированию сюжетного замысла и ролевым действиям участников [6]. Одним из путей активизации игры с этой точки зрения является анализ фаз участия игроков. Для этого на первой фазе игры создаются условия «вхождения» в игру, чтобы в последующем включиться в творческий процесс. Дети наблюдают, за действиями специалиста, тем как он говорит, имитирует ролевые движения, стараются чувствовать интонации. Особое внимание при этом должно быть уделено анализу сюжета игры, разбору действий и поступков героев, уточнению знаний о предметах, явлениях, их назначении, сравнительным характеристикам героев, выявлению отличительных признаков предметов, которые «оживают» в театрализованных играх, различению их цвета, формы, величины. Вторая фаза связана уже с включением в игру, возрастом активности участников, они не только говорят, но и действуют как герои театрализованной игры (обычно это персонажи сказок), пытаются имитировать ролевые движения, наблюдают за другими участниками.

Дополнительное направление анализа игровых практик работы дает рассмотрение различных видов театрального представления, локализация обстоятельств, при которых осуществляется игра, оформления самого игрового пространства. Театрализованные игры могут базироваться на различных видах театрального представления, видах театров. Среди часто используемых форматов доступных без особых материальных затрат можно говорить о настольном театре, театре на фланелеграфе, би-ба-бо, пальчиковом театре. Главное, чтобы при всех этих форматах достигались поставленные цели активации участников игры, четко фиксировались различные ситуации и разыгрывались сценки, являющиеся паттернами при формировании поведенческих навыков [7]. Большое значение должно придаваться оформлению театрализованных игр, обсуждению вместе с участниками атрибутов игры, костюмов. Последнее важно для некоторых целевых групп социальной работы с детьми, поскольку позволяет развивать воображение, «входить в образ». Особая роль в перспективном планировании отводится играм-драматизациям, ведь именно в них особенно ярко проявляется детское творчество. В этом виде деятельности оно направлено на создание игровой ситуации, на более точное и эмоциональное воплощение взятой на себя роли, на умение ставить себя на место героев произведения, проникаться их чувствами и переживаниями [8].

Можно говорить и об обобщенном видении исследователями целей и задач театрализованной игры, которые связаны не только с задачами формирования определенных навыков жизнедеятельности, но и созданием определенной модели социального поведения, основанной на ценностях и нормах нашего общества [9]. Мы в данном случае будем говорить не о задачах индивидуального развития, а о развитии системы социального взаимодействия, встраивания в сложный комплекс социальных отношений:

- коррекция поведения;
- развитие чувства коллективизма, ответственности друг за друга, формирование опыта нравственного поведения;
- стимулирование развития творческой поисковой активности, самостоятельности;
- создание благоприятной атмосферы, вызывающей активный интерес к общению, совместному решению различных задач.

С точки зрения теоретического осмысления самого феномена игры, в том числе и театрализованной игры, на наш взгляд, полезным будет использование концепции фрейма, который был предложен И. Гофманом в его работе «Теория игры и фантазии». Для нас важными при работе с этим понятием являются контекстуальность любого действия при рассмотрении процесса игры и учет структурных особенностей повседневной коммуникации [10]. Контекстуальность в этом случае выступает социальным фоном, той формой повседневности, которая воспроизводится в игре или воссоздается в процессе те-

атрального действия. Коммуникация же, в свою очередь, является объектом социологического анализа с точки зрения тех сигналов, которые посылаются участникам игры, с учетом обстоятельств формирования сигналов, их восприятия.

Театрализованная игра при таком рассмотрении может рассматриваться как фрейм, определяющий некоторое социальное соглашение, состоящее из взаимных ожиданий, организующих наш опыт и поведение относительно определенного типа ситуации. Общее понимание этого соглашения предполагает достаточно стабильный характер самой ситуации игры при серьезных изменениях в ее контексте в том смысле, что обязательно выполняются следующие условия существования самого фрейма. Во-первых «граница» фрейма эффективно определена центром внимания всех участников игры, поддержанных метакоммуникационными командами, подаваемыми участникам. В процессе игры происходит перенос фокуса внимания с одного объекта на другой. Достаточно четко определены пространственные и временные пределы начала и конца ситуации, которая соответствует нашему пониманию фрейма. Во-вторых, все участники должны определенным образом интерпретировать происходящее и планировать свои дальнейшие действия. И, в-третьих, они должны действовать в соответствии с теми ролями, которые им отведены. При этом фрейм театрализованной игры ограничивает возможные варианты таких действий.

Подводя итог нашего анализа можно сделать следующие выводы. Театрализованная игра является эффективным и широко распространенным на практике методом работы с определенными категориями клиентов социальной работы. Особенно эффективны они в отношении детей. Теоретический анализ театрализованной игры позволяет выделить различные направления исследования театрализованной игры как по используемым при этом приемам, технологиям так и по вопросам более высокого порядка, поднимающим обсуждение на уровень выработки стратегий социализации, соответствия получаемых результатов ценностям и нормам нашего общества. Использование теоретических моделей, в частности теоретической концепции фрейма, предложенного И. Гофманом при анализе театрализованной игры, позволяет учитывать различные аспекты театрализованной игры не только как терапевтического или реабилитационного инструмента, но и как матрицы воспроизводства социальных отношений. Такая постановка вопроса дает возможность выделять сущностные характеристики объекта исследования, определяющего задачи, функции, игры, характеристики ее участников. При этом в руках у исследователя есть и дополнительные исследовательские инструменты, которые направлены на анализ коммуникационной модели игры, и, более того, на раскрытие структуры с точки зрения метауровня всего процесса, имея в виду метакоммуникацию и металингвистические характеристики сообщений.

Литература:

1. См. напр. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. — М.: ОГИ, 2007. — 304 с.
2. Акулова О. Театрализованные игры // Дошкольное воспитание, 2005, №4, с. 24
3. Петрова Т.И., Сергеева Е.Л., Петрова Е.С. Театрализованные игры в детском саду. — М.: «Школьная Пресса», 2000. — 128 с
4. <http://www.vospitanie-detey.ru/harakteristika-teatralizovannyih-igr/teatralizovannye-igryi-cto-takoe-dlya-chego-puzhnyi-klassifika.html> Театрализованные игры: что такое, для чего нужны, классификация Дата обращения к ресурсу: 25.04.2010
5. Антипина Е.А. Театрализованная деятельность в детском саду: Игры, упражнения, сценарии. — М.: ТЦ Сфера, 2003. — 128 с. (Серия «Вместе с детьми»).
6. Коретникова И.В. Влияние театрализованной игры на формирование личностных компетенций ребенка-дошкольника <http://doshvozrast.ru/metodich/konsultac18.htm> Дата обращения к ресурсу: 18.05.2010
7. Петрова Т.И., Сергеева Е.Л., Петрова Е.С. Театрализованные игры в детском саду: Разработки занятий для всех возрастных групп. — М.: Школьная Пресса, 2000, с. 56—58
8. Артемова Л.В. Театрализованные игры дошкольников. — М.: Просвещение, 1991. — с. 118
9. «Театрализованные игры. Значения их в коррекционном обучении детей с задержкой психического развития» // «Дошкольное воспитание». Выпуск 4, 2001, С 48.
10. Вахштайн В.С. Памяти Ирвина Гофмана // Мониторинг общественного мнения. № 3 (83), 2007, с. 140—151

Исследования нарушений познавательных процессов при шизофрении в клинической психологии

Скрипка Елена Юрьевна, магистрант
Белорусский государственный университет (г. Минск)

В настоящее время в клинической психологии проведено значительное количество исследований нарушений познавательных процессов при шизофрении, однако при этом исследователи так и не пришли к единому мнению о месте комплекса нарушений познавательных функций в шизофреническом процессе. Результаты зарубежных и отечественных исследований поднимают ряд вопросов — насколько одни познавательные процессы страдают больше чем другие, что является причиной этому; какие нарушения первичны, какие вторичны; почему в некоторых случаях когнитивные нарушения прогрессируют, а в некоторых состоянии больного не усугубляется, какую роль они играют в шизофреническом синдроме. В исследованиях М.Магомедовой (2002); Nuechterlein, Dawson, (1984), Green (1994) высказывались мнения о том, что шизофрения и расстройства шизофренического спектра относятся к «нейрокогнитивным заболеваниям», поскольку нарушения познавательных процессов у больных шизофренией являются «сердцевиной» болезни, ключевым дефектом. Эта точка зрения аргументировалась сведениями о том, что нейрокогнитивная сфера больных страдает уже на начальных этапах заболевания, а также о существовании генетической предрасположенности к шизофрении.

Значительное количество исследований было посвящено изучению нарушений отдельных познавательных

процессов при шизофрении, однако, несмотря на то, что к настоящему моменту накоплено значительно количество сведений, изучение данной проблематики по-прежнему не теряет своей актуальности. В результате теоретического анализа проблемы, нами был отмечен ряд наиболее значимых исследований в данной области.

Так, в работах Ю.Ф. Полякова, В.П. Критской, Т.К. Мелешко было сделано важное наблюдение, согласно которому познавательная деятельность субъекта определяется двумя основными факторами: личностным (потребности, мотивация, социальная направленность) и процессуальным (навыки, умения, исполнительские характеристики). Как показали результаты исследования, наиболее нарушенным у больных шизофренией является личностный аспект мотивации, в то время как нарушения ситуационного аспекта мотивации выражены в меньшей степени, проявляются не во всех видах деятельности, легче компенсируются. В целом, нарушения исполнительских компонентов регуляции познавательной деятельности существенно зависят от ситуационной мотивации [3].

В рамках советской психологии основой для исследования **мышления** становится деятельностный подход (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), который рассматривает мышление как одну из форм человеческой деятельности, формиру-

ющеся в практике, когда перед человеком встает задача решить какую-нибудь задачу. Психологическое исследование мышления состоит в раскрытии его закономерностей как аналитико-синтетической деятельности.

Хотя различных клиницистов объединяет подчеркивание необычности и причудливости расстройств мышления при шизофрении, многие сходятся на том, что интеллектуально-мнестические нарушения не выходят на первый план, что качественно отличает распад мышления при шизофрении от такового при органических поражениях мозга [6].

А.Б. Холмогорова полагала, что такие нарушения динамики мышления, как расплывчатость, нецеленаправленность являются следствием нарушения саморегуляции мышления, точнее, ее рефлексивного аспекта, связанного с процессом осознания, проверки, перестройки и выработки субъектом средств и способов деятельности. А.Б. Холмогорова выделила две функции саморегуляции познавательной деятельности — мобилизующую (продуктивную с точки зрения регуляции мышления) и защитную (непродуктивную). На материале решения задач на соображение больными шизофренией было показано, что у больных происходит ослабление процесса саморегуляции мышления, выражающееся в нарушении конструктивной и мобилизующей функций при относительной сохранности контрольной и активизации защитной, иными словами больные способны к контролю своих действий в условиях сформированности эталона действия, а при необходимости самостоятельной выработки нового способа действия и перестройки прежнего у больных не происходит осознания неадекватности своих действий [5].

М.О. Гуревич и М.Я. Серейский полагали, что у больных шизофренией нарушается мышление при сохранности «предпосылок интеллекта», страдают не столько интеллектуальные способности, сколько умение пользоваться ими, а также что слабоумие больных шизофренией отличается от типичного органического. Исследователи исходили из принятого в функциональной психологии противопоставления интеллекта как совокупности изолированных способностей и мышления, сущность которого заключается в специальной интерпсихической активности, интегрирующей и регулирующей интеллектуальные функции.

О потенциальной сохранности интеллекта при шизофрении и снижении активности мышления как следствии снижения общей психической активности утверждали в своих работах И. Берце, Х. Груле.

Ю.Ф. Поляковым было проведено обширное исследование мозговой целого круга различных видов мыслительной деятельности, в результате которого была выявлена связь между изменением мышления у больных шизофренией и особенностями актуализации знаний. О наличии подобной связи упоминал Е. Bleuler, который считал, что отрыв мышления от опыта у больных шизофренией является следствием разрыхления ассоциаций, и

это ведет к установлению ложных, не соответствующих опыту связей. Результатом такого «отрыва» является также и то, что эти больные лучше, чем здоровые, воспринимают отклонения от обычного и могут проводить идеи, которые здоровым представляются немыслимыми.

Б.В. Зейгарник предложила свою классификацию нарушений мышления, которая является наиболее используемой в патопсихологическом обследовании в настоящее время. Б.В. Зейгарник выделила такие виды нарушений мышления, как нарушения операциональной стороны мышления, нарушения логического хода мышления, нарушения мотивационного (личностного) компонента мышления. По данным Б.В. Зейгарник, у больных шизофренией отмечаются нарушения мышления по типу искажений процесса обобщения: больные могут усвоить задания, требовавшие обобщения, они способны выделить общий признак, отвлечься от конкретных значений слов, но тот временный «отлет» от конкретных значений, который присущ всякому обобщению, приобретает у них утрированный, и даже гротескный, вычурный характер. Используемые ими признаки, как правило, описываются как «латентные, формальные, бессодержательные» и т.д. У больных шизофренией в состоянии ремиссии были выявлены откликаемость; соскальзывания (на фоне правильного, адекватного хода мыслей — неожиданные уходы на неадекватные ассоциации, которые сменяются таким же верным и последовательным рассуждением) [1].

Нарушения личностного компонента мышления проявляются в виде разноплановости, разорванности мышления, а также резонёрства, тенденции к непродуктивным многоречивым рассуждениям. Т.И. Тепеницына пишет, что «резонерство выражается в претенциозно-оценочной позиции больного и склонности к большому обобщению по отношению к мелкому объекту суждений». Аффективность проявляется в самой форме высказывания: многозначительной, с неуместным пафосом [4].

Кроме того, нарушенное мышление проявляется в виде бредовых идей, явлений «эхо» мыслей, вкладывания или отнятия мыслей, открытости мыслей или трансляции.

Отличительной особенностью человеческого мышления является его неразрывная связь с речью. Речь есть высшая форма передачи информации с помощью акустических сигналов, письменных или пантомимических знаков. В интеллектуальном аспекте речь представляет собой механизм абстрагирования и обобщения, создающий основу категорий мышления.

Так, анализ явления резонёрства, произведённый Т.И. Тепеницыной (1965), позволил установить в структуре данного явления наличие таких компонентов, как слабость суждений, аффективные реакции, склонность к большим обобщениям, которые являются следствиями нарушений в аффективной и мыслительной сферах [4].

У больных шизофренией страдает как экспрессивный, так и импрессивный компоненты речи. Для них может составлять определённую трудность постигать смысл

прочитанного, понимать речь других людей. Логическая непоследовательность при попытке сформулировать определённое высказывание приводит к тому, что речь больных шизофренией становится абсурдной и абсолютно непонятной. Нарушения проявляются в виде разорванной речи, нарушениях смыслового содержания речи (неологизмах), резонёрской речи (малосодержательных рассуждениях, построенных зачастую на поверхностных аналогиях, мнимых софизмах), соскальзывающей речи (внезапные высказывания, не имеющие отношения к основному содержанию), стереотипной речи (проявляющейся в виде вербигераций, представляющих собой многократно повторяемые компоненты высказываний).

У больных с далеко зашедшими болезненными изменениями проявляются крайние формы нарушения речи — словесная окрошка, при которой высказывания состоят из отдельных слов, лишенных грамматического строя и не связанных между собой по смыслу; шизофазия — форма разорванной речи, при которой высказываемые фразы при сохранном грамматическом строе лишены всякого смысла, а содержание отражает бредовые расстройства.

Существуют многочисленные зарубежные исследования, посвящённые изучению особенностям формирования неологизмов у больных шизофренией (Chaika, 2005), особенностям понимания интонаций и эмоционального содержания речи (Leitmana et al., 2005), сохранности синтаксиса при шизофазии (Andreasen, 1979, Moriel and McNicol, 1986), а также другим аспектам речи больных шизофренией.

По данным литературы, у больных шизофренией не отмечается *значительных* нарушений оперативной, кратковременной, отсроченной и опосредованной **памяти**, по крайней мере, при условии жестко структурированных заданий. В частности, было показано, что при выполнении субтеста Векслера «повторение цифр» не было найдено достоверных различий между показателями у больных шизофренией и неврозами.

Однако зачастую снижение памяти может иметь вторичный характер и быть обусловлено такими факторами, как нарушения в мотивационно-волевой сфере, органический компонент в структуре заболевания, побочные эффекты от медикаментов. Ухудшение, обусловленное нарушениями в мотивационно-волевой сфере, выявляются в тех случаях, когда больные делают ошибки при выполнении лёгких заданий, более правильно выполняя тяжёлые, к примеру, при лучшем запоминании цифр в обратном, чем в прямом порядке. Также были выявлены отличия у больных шизофренией сравнительно со здоровыми в воспроизведении семантически организованного материала, где результаты были значительно хуже, чем у здоровых испытуемых.

Исследования Зейгарник демонстрируют значительность роли, которую играет мотивационный компонент в структуре памяти. Используя «феномен воспроизведения незавершенных действий», она показала, что незавер-

шенные действия воспроизводились значительно лучше, чем завершённые, однако в то же время у больных шизофренией, в психическом статусе которых отмечались эмоциональная вялость, искажение мотивов, не было лучшего воспроизведения незавершённых действий [1].

Согласно данным М. Green, вербальная память в значительной мере определяла характер и уровень социального функционирования больных шизофренией. Способность к концентрации внимания выступала, по его мнению, предиктором состоятельности в решении проблем и приобретении навыков. В работе J.Addington и D.Addington (1991 г.) доказывается, что определенные аспекты памяти (вербальная память) и исполнительные функции (когнитивная гибкость) достоверно предсказывают способность к проблемно-решающему поведению в обществе, поэтому могут служить прогностическими факторами, выводы подтверждаются в исследовании Velligan [6; 8].

Характеристики **внимания** при шизофрении исследовались во многих работах.

Е. Краепелин отмечал относительную сохранность пассивного и глубокие нарушения активного внимания. Значительный вклад в исследования внимания внёс Е. Bleuler, согласно которому сужается круг объектов активного внимания, а число объектов пассивного безмерно увеличивается, за счёт нарушения способности к фильтрации впечатлений, что в дальнейшем получило определение «нарушения селективности внимания».

Существуют данные об аномалиях устойчивости внимания (определяемой разными психологическими методами) у больных шизофренией и в группах высокого риска ее развития.

В работе Т.Д. Савиной (1980) был представлен анализ таких нарушений, как снижение активного произвольного внимания, в частности — его динамических характеристик, устойчивости и переключаемости. Было установлено, что данные расстройства нарастают по мере течения шизофренического процесса и отражали общее снижение психической активности [3].

Исследования с применением цветового теста Stroop показали увеличение латентного периода выполнения задания и более высокую частоту ошибок у больных шизофренией. В другие клинических испытаниях были получены схожие результаты (Servan-Schreiber, Elvevaag et al).

Что касается **нарушений восприятия**, то первые попытки предпринять экспериментальное изучение перцептивных процессов принадлежали школе Е. Краепелин, где предметом исследования стали пороги, скорость, объёмы восприятия, однако значимых результатов в ходе исследований получено не было, в итоге чего традиционным стал тезис об относительной сохранности восприятия при шизофрении, за исключением столь грубых и потому очевидных нарушений, как галлюцинации, псевдогаллюцинации, синестопатии, иллюзии. Современные исследования расширили представление о нарушениях восприятия у больных шизофренией.

Ю.Ф. Поляков для изучения зрительного восприятия провёл серию опытов, установив некоторые закономерности изменения порогов опознания у больных шизофренией по сравнению со здоровыми людьми: при предъявлении обычных, шаблонных изображений регистрировалось повышение порога, при необычных и маловероятных — значительное понижение. При тахистоскопическом предъявлении больные шизофренией также значительно легче распознавали необычные и маловероятные изображения. Эти результаты получили своё объяснение в свете гипотезы о том, что у больных шизофренией актуализация ожидаемых зрительных образов существенно детерминирована факторами предшествующего опыта, избирательность этой актуализации ухудшается и сглаживается. Аналогичные закономерности распространяются и на распознавание звуковых стимулов, что может свидетельствовать об особом типе нарушений восприятия у больных шизофренией при отсутствии клинической симптоматики и сохранности ощущений.

Исследования G. Kohler, J.B. Walker, E.A. Martin (2010) показали, что медикаментозное лечение оказывает своё влияние на особенности восприятия у больных, в частности, на способность распознавать эмоции других людей; другие результаты исследований свидетельствуют об ухудшении пространственного восприятия по сравнению со здоровыми лицами (M.C. Hardoy, M.G. Carta, 2004), что всё же позволяет сделать вывод о наличии специфики нарушений восприятия при шизофрении.

Таким образом, многочисленные экспериментальные исследования изучают как отдельные феномены, свиде-

тельствующие о нарушениях познавательных процессов при шизофрении, так и более общие категории. Изучение аналитических обзоров и специализированных источников показало, что у больных шизофренией присутствуют нарушения протекания большинства познавательных процессов, характеризующиеся особой спецификой, обусловленной шизофреническим дефектом.

Следует отметить, что одной из особенностей проведения пато- и нейропсихологической диагностики в рамках клинической психологии является тенденция учитывать не только непосредственно наблюдаемые симптомы и феномены, классифицируя их в рамках психопатологии, но и анализировать при этом личностные особенности больных шизофренией (дисгармонию личностного склада, нарушения мотивационных процессов, нарушения аффективной регуляции) принимая во внимание тот фон, на котором возникают те или иные нарушения познавательных процессов. Другая точка зрения, при которой аффективные, интеллектуальные и личностные изменения полагаются вторичными, а причиной большинства нарушений выступает редукция энергетического потенциала, представляется не столь перспективной, поскольку не единичны случаи, в которых нарушения познавательных функций отнюдь не обусловлены такого рода редукцией. В этом отношении приоритетными являются скорее разработки интегративных концепций шизофренического дефекта, где нарушения познавательных процессов следует рассматривать в качестве целого комплекса взаимосвязанных факторов, как обуславливающих клиническую картину заболевания, так и являющихся следствием первично возникших нарушений.

Литература:

1. Зейгарник, Б.В. Патология мышления / Б.В. Зейгарник. — М. : Издательство Московского университета, 1962. — 380 с.
2. Критская, В.П., Мелешко, Т.К., Поляков, Ю.Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание / В.П. Критская, Т.К. Мелешко, Ю.Ф. Поляков. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
3. Савина, Т.Д. Об особенностях внимания у больных шизофренией с разной степенью выраженности дефекта / Т.Д. Савина // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, 1980. — № 12. — С. 18—26.
4. Тепеницина, Т.И. Психологическая структура резонерства / Т.И. Тепеницина // В сб.: Вопросы экспериментальной патопсихологии. — М. : Просвещение, 1965. — 310 с.
5. Холмогорова, А.Б. Нарушение рефлексивной регуляции познавательной деятельности (при шизофрении) : автореф. дисс. .канд. психол. наук : 19.00.04 / А.Б. Холмогорова. — М., 1983. — 17 с.
6. Addington, J. Positive and negative symptoms of schizophrenia / J. Addington, D. Addington // Schizophrenia Research, 1991. — Vol. 5. — P. 51—59.
7. Green, M.F. Neurocognitive deficits and functional outcome in schizophrenia / M.F. Green, R.S. Kern, D.L. Braff, J. Mintz // Schizophrenia Bull, 2000. — №26. — P. 119—136.
8. Velligan, D.I. Executive function in schizophrenia / D.I. Velligan, C.C. Bow-Thomas // Sem Clin Neuropsychiatry, 1999. — №4. — P.24—33.

Особенности ассоциативного процесса у больных простой и параноидной формами шизофрении

Скрипка Елена Юрьевна, магистрант
Белорусский государственный университет (г. Минск)

Патопсихология как прикладная наука использует значительное количество методик для реализации психодиагностических задач. Психологическое исследование направлено не столько на количественный, сколько на *качественный* анализ различных форм распада психики, на раскрытие механизмов психических нарушений. В том случае, когда речь идёт о нарушениях познавательных процессов, которые имеют место при шизофрении, особый интерес вызывает понимание того, как именно распадаются те или иные мыслительные операции больного, в какой форме искажается возможность использования существующей системы связей.

Система связей между различными психическими явлениями, при которой актуализация одного из них (через образы восприятия или представления) приводит к актуализации одного или целого ряда других, определяется как ассоциативный процесс. Существуют различные точки зрения на то, чем по сути являются ассоциации. Например, согласно З. Фрейду, ассоциации выступают скорее как отражение мотивационных установок личности, чем как проекции объективных связей вещей по представлению традиционной ассоциативной школы [3].

Издавна внимание исследователей приковывало обилие и многообразие симптомов, которыми сопровождается шизофрения. Что касается изучения ассоциативного процесса, то здесь следует особо отметить выводы, сделанные относительно шизофрении К.Г. Юнгом, который выявил характерные особенности — бессистемность, бессвязность ассоциаций у больных шизофренией, объясняя их возникновение дезинтеграцией, распадом апперцепции, а также глубинными процессами в области бессознательного. Его наставник, известный психиатр Е. Блейлер, свободные, хаотические ассоциации выделил наравне с другими ключевыми, по его мнению, признаками шизофренического процесса — аутизмом, уплощением аффекта, амбивалентностью [1; 4].

Поскольку многочисленные психологические и психиатрические исследования шизофрении, как правило, сравнивают это заболевание с рядом других, то довольно редко можно обнаружить сопоставление синдромов при различных формах шизофрении, несмотря на то, что различия между ними наблюдаются весьма существенные.

В проведённом нами исследовании мы попытались выяснить, существуют ли различия в нарушениях ассоциативного процесса у больных простой и параноидной формами шизофрении, выявить характерные для каждой из форм особенности и сравнить полученные результаты с данными исследования психически здоровых испытуемых.

Шизофрения представляет собой хроническое психическое заболевание, которое характеризуется диссоциацией психических функций с утратой единства между мышлением, чувствами и волей, нарастающими психическими изменениями и развитием специфического слабоумия. Наиболее распространёнными являются простая и параноидная форма шизофрении. При *параноидной форме* (дебют — 20–23 года) шизофрении как правило можно наблюдать параноидный синдром, где основным содержанием являются бредовые идеи, сопровождающиеся галлюцинаторными переживаниями, разнообразными явлениями психического автоматизма. Нарушения мышления находят своё отражение в речи больных — в виде атаксических замыканий, шизофазии, неологизмов, проявлений резонёрства. При параноидной шизофрении ремиссии могут наступать спонтанно.

Простая форма шизофрении начинается, как правило, в пубертатном периоде (14–20 лет). Для неё характерно медленное, «крадущееся» (по О.В. Кербикову) течение. Совокупность симптомов при данной форме обозначают как апато-абулический синдром (или simplex-синдром): больной обнаруживает вялость, пассивность, утрату интересов, появляется холодность и равнодушие по отношению к близким людям. Продуктивная симптоматика не выходит на первый план, проявляясь изредка в виде кратковременных галлюцинаций, нестойких бредовых идей.

В экспериментальном исследовании участие приняли люди с данными формами заболевания: в первую вошли 12 пациентов обоих полов с диагнозом F 20.0 — параноидная форма шизофрении по МКБ-10 (7 мужчин, 5 женщин), во вторую — 7 пациентов обоих полов с диагнозом F 20.6 — простая форма шизофрении (4 мужчины, 3 женщины). Контрольная группа была представлена 9 психически здоровыми респондентами обоих полов (6 мужчин, 3 женщины). Средний возраст испытуемых в первой группе составил $34,25 \pm 6,92$ лет, во второй — $29,14 \pm 9,77$ лет, в контрольной группе — $28,44 \pm 8,47$ лет.

Критериями для отбора респондентов служили: 1) наличие установленного шизофренического процесса по МКБ-10 (вторичные посещения учреждений здравоохранения), 2) отсутствие острого состояния декомпенсации (оценка состояния при помощи шкалы PANSS), 3) согласие на участие в экспериментальном исследовании, 4) доступность для обследования. Исследование проводилось на базе ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья», УЗ «Минский областной психоневрологический диспансер».

Оценить особенности ассоциативного процесса позволяло использование методики «60 слов». Данная ме-

тодика представляет собой модификацию ассоциативного эксперимента К.Г. Юнга. Испытуемым она предлагалась под видом проверки скорости речи, при этом давалась следующая инструкция: «Назовите как можно быстрее любые 60 слов, которые приходят вам в голову». Запрещалось перечислять предметы, находящиеся в поле непосредственного восприятия испытуемого. Методика направлена на изучение характера продуктивности, связности ассоциаций, а также на исследование речи и словарного запаса больного [2].

Помимо этого предполагается, что в свободном потоке ассоциаций могут раскрываться личные переживания испытуемого, его подсознательные либо осознанные стремления и опасения. Поэтому для верификации данных после проведения эксперимента проводилась небольшая беседа с испытуемыми, целью которой было выяснение их мыслей во время эксперимента в связи с определённым рядом элементов.

В контрольной группе респонденты называли слова группами, описывая вначале одно представление, затем переходя к другому, опирались на воспоминания о недавних событиях или местах (респондент описывает предметы, виденные им в театре накануне, некоторые описывают свои дома, квартиры, как бы переходя от комнаты к комнате), либо используя для называния слов привычные сферы — связанные с профессиональной деятельностью термины или целые классы предметов.

Так, у испытуемой в числе других появляется ряд элементов, описывающих её переживания во время посещения стоматолога — «помада, губы, боль, страх, опасения, деньги, ужас»; у другого испытуемого возникает ряд слов, связанных со случаем на работе: «верёвка, кран, падение, высота» и т.д. Данные фразы можно было бы интерпретировать иначе, если бы не комментарии испытуемых после эксперимента. У испытуемых контрольной группы было отмечено 2 случая нестандартного выполнения методики (из 9): около 3 минут на называние слов понадобилось испытуемой, которая отмечала сниженный темп психической деятельности, жаловалась на утомляемость, нарушения сна. Данные нарушения можно отнести на счёт отдалённых последствий черепно-мозговой травмы, полученной ею около месяца назад. Другой испытуемый называл крайне длинные ряды слов-ассоциаций, описывающих одно его представление, что может свидетельствовать о трудностях переключения, некоторой инертности, возможно, об определённом складе личности, включающем обстоятельность, педантичность. Так, ряд его ассоциаций, описывающих одну комнату в доме, составлял порядка 16 слов, в то время как в среднем на описание одного образа-представления затрачивается около 4–7 слов, после чего происходит переход к смежным образам.

У больных шизофренией было отмечено большее количество выполнений методики, отличных от стандартного (9 случаев из 12 при параноидной шизофрении, 5 из 7 у больных простой формой). При этом качественный

анализ показал интересные особенности протекания ассоциативного процесса в каждой из экспериментальных групп.

Так, особенности ассоциативного процесса больных параноидной шизофренией характеризовались быстрыми и внезапными переходами от одного содержания представлений к другому, при этом образ-представление мог быть описан 2–3 словами, следующий образ — одним; в некоторых случаях было невозможно отследить цепочку логических переходов, как в следующем примере: «чай-водопровод-искатель-марионетка-колонна-эффективность». Здесь мы можем наблюдать разорванность ассоциаций, хаотичность; больной называет слова крайне быстро, не задумываясь. В нескольких случаях встречались ассоциации по созвучию в ряду слов («кошка-мошка-ножка», «кратер-экватор-Эквадор-коридор»). Один больной параноидной шизофренией без запинки назвал 60 слов на букву Ф: «...февраль, флажок, финал, флагшток, флотилия, ферромон, фамилия...», что говорит о совершенно спонтанном возникновении ассоциаций, о моментально возникающих образах, которые последовательно сменяются безо всякой логической цепочки. Другой больной отказался выполнять методику, что было связано с особенностями его бредовых переживаний, с негативизмом и нежеланием идти на контакт. Однако спустя некоторое время, он всё же согласился на проведение исследования, и при выполнении методики мы имели возможность наблюдать значительное количество терминов из всевозможных областей с преобладанием абстрактных понятий.

Заслуживают внимания комментарии больных после выполнения методики: на вопрос, с чем может быть связано называние того или иного слова или ряда слов, часто следовал ответ типа «Я не знаю, просто называл. Вы же сказали называть слова, я перечислял, что приходит мне в голову», «Я просто вспомнил про это, а потом вспомнил другое, вот так и получилось». Больной, перечисливший слова на «ф», отреагировал на вопросы негативно, с раздражением: «Зачем вы задаёте вопрос вообще? Что-то не так? Я назвал и всё, сделал, что просили, и нечего тут выискивать более. Я достаточно произвёл».

У больных простой формой шизофрении на первый план выступала непродуктивность мышления, аспонтанность (называние предметов, находящихся в поле зрения, что запрещено инструкцией). Можно привести примеры того, как отвечали больные простой формой шизофрении, начиная выполнение задания: «Сложно слова вытягивать, они как то не идут, может сначала или не будем?», «Стол... больше ничего в голову не идёт, только то, что здесь, а так нельзя». Другой больной начинает описывать предметы вокруг себя, после замечания исследователя называет слова крайне медленно, переспрашивая «Может уже есть 60 слов? Больше не надо называть?». Больные простой формой шизофрении при ответах использовали меньшее количество абстрактных понятий, в 3 случаях отмечалась истощаемость по гипостеническому типу, характер-

ному для патологии органического генеза (ближе к концу выполнения методики темп речи замедлялся, возникали персеверации, которые также выявлялись и по данным других методик). У больных простой формой шизофрении чаще описываемые образы были связаны с реальностью. Так, больной, у которого дядя и дедушка недавно погибли от рака, перечисляет ряд элементов, связанных с его страхом перед заболеванием, в беседе поясняет ситуацию, с которой связан ассоциативный ряд.

Таким образом, ассоциации больных шизофренией характеризуется хаотичностью, случайностью, замедлением оттормаживания, либо наоборот, инертностью, эффектом «закупорки мыслей». Всё это свидетельствует о нарушениях динамики мышления, причём у больных различными формами шизофрении мы можем наблюдать специфический характер нарушений такого рода: если у больных параноидной формой особенности ассоциативного процесса в большей степени характеризовались хаотичностью, несвязностью, лабильностью, то у больных простой формой характер ассоциативного процесса был отражён бедностью речевой продукции, аспонтанностью, непродук-

тивностью мышления, инертностью и истощаемостью. У больных параноидной шизофренией реже возникали ассоциации, связанные с актуальной действительностью, чем у больных простой формой шизофрении, помимо этого, некоторые ассоциативные ряды были связаны с содержанием бредовых идей. Больные простой формой шизофрении называли меньшее количество слов, обозначающих абстрактные понятия.

Изучение ассоциаций у больных различными формами шизофрении выявило некоторые интересные закономерности, которые могут быть использованы в качестве дополнительной информации для наиболее полного понимания того, каким образом нарушаются психические процессы у больных, для проведения дифференциальной диагностики. Помимо этого, изучение нарушений психических функций при заболевании позволяет прийти к более глубокому пониманию нормального функционирования психики. Результаты данного исследования очередной раз подчёркивают важность качественного психологического анализа для более глубокого понимания нарушений психических функций.

Литература:

1. Блейлер, Е. Руководство по психиатрии / Е. Блейлер. — М.: Изд-во Независим. психиатр. ассоциации, 1993. — 544 с.
2. Рубинштейн, С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения в клинике / С.Я. Рубинштейн. — М.: Апрель-пресс: Изд-во Ин-та психотерапии, 2004. — 220 с.
3. Фрейд, З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения / З. Фрейд. — М.: Наука, 1991. — 288 с.
4. Юнг, К.Г. Работы по психиатрии / К.Г. Юнг. — СПб.: Академический проект, 2000.

О методах и результатах исследования педагогических профессиональных установок

Скрипкина Надежда Витальевна, преподаватель
Челябинский государственный университет

Вопрос об установке с самого начала разрабатывался в трудах представителей Вюрцбургской школы (Мессер, Ах, Кульпе) как психическое состояние, находящееся на грани сознания и бессознательного [12]. Томас У. и Знанецкий Ф. (1918) рассматривали установку применительно в отношениях к социальному миру и детерминруемую социальными ценностями, которые являются объективной стороной установки. Авторы предложили понятие «аттитюд», где установка представлена как психологическое переживание человеком значения или ценности социального объекта [13]. Олпорт Г. (1935) подчёркивал важность изучения установки, определяя ее как состояние душевной и нервной готовности, которое создается в процессе накопления опыта, оказывает влияние на активность человека и дает направление его поведению

[10]. Смит М. вводит трехкомпонентную структуру аттитюда и понимает социальную установку как тенденцию чувствовать, думать и вести себя определенным образом по отношению к людям, организациям, объектам и символам [11].

Термин «установка», соответствующий английскому понятию attitude, в отечественную психологическую науку ввел представитель грузинской (советской) школы Д.Н. Узнадзе (1961). Согласно его теории, установка представляет собой целостно-личностное состояние готовности, настроенности на поведение в данной ситуации и для удовлетворения определенной потребности. Сама теория установки, согласно Д.Н. Узнадзе, возникла, как попытка понять активность психического, проблемы его развития и взаимодействия с окружающим миром.

В теории Д.Н. Узнадзе базовым является понятие активности индивида, а сама установка считается ступенью развития психического и введена им в психологию именно с целью «обоснования факта наличия развития в психике». Установка относится к той категории фактов действительности, которая находит возможность проявления в самых разных условиях, где только имеют место отношения [9, с. 156].

Узнадзе Д.Н. указывает на наличие двух основных условий, без которых акты поведения были бы невозможны. Это, прежде всего, наличие какой-либо потребности у субъекта поведения, и ситуации, в которой эта потребность могла бы быть удовлетворена. Это основное условие возникновения всякого поведения и прежде всего установки к нему [9, с. 164].

Автор утверждал, что реакция человека на ситуацию обусловлена не только самой ситуацией, но и его внутренней, неосознаваемой им самим предрасположенностью реагировать определенным образом. Благодаря установке человеку не нужно каждый раз заново определять, в чем состоят его потребности в данный конкретный момент, и выбирать лучшие способы их удовлетворения. Все это на основании прошлого опыта уже зафиксировано в установке. По Узнадзе Д.Н., каждый человек носит в себе бесчисленное множество фиксированных в течение жизни установок, которые, активизируясь при всяком удобном случае, направляют работу нашей психики в соответствующую сторону [9].

Педагогическая деятельность предполагает наличие определенных групп характеристик личности, способствующих её успешному выполнению. Связующее звено в цепи свойств личности, по утверждению Д.Н. Узнадзе, представляет установка, указывающая на готовность личности к деятельности в данных условиях.

В психолого-педагогической литературе понятие «педагогические профессиональные установки» представлено большим разнообразием определений. Под ними понимают: «профессиональные педагогические позиции» (Маркова А.К., Юдина Е.Г.); «отношение к педагогической деятельности» (Жалгаева А.К.); «отношение к деятельности учителя» (Митрошенко С.В., Петрова Т.И.); «педагогические центрации» (Орлов А.Б.); «ролевые установки» (Блинов В.И.); «готовность к деятельности» (Руденко Т.Б., Каткова Л.В.); «ценностно-целевые установки» (Степаненко О.В.); «признак-показатель, характеризующий профессиональные ориентиры учителей» (Руднева Т.И.); «профессиональные установки, ориентирами формирования которых, являются духовные ценности» (Дистервег А.); «педагогическую технологию» (Лихачев Б.Т.); «целевые установки» (Бегидова С.Н.).

Следует отметить, что для всех отечественных психологов, занимающихся проблемой установки, исследования Д.Н. Узнадзе явились базовыми, несмотря на то, что сами их концепции вполне могли противоречить основным положениям теории установки.

Предлагаемые авторами исследовательские программы по изучению педагогических профессиональных установок отличаются разнообразием методов и методик, отбор которых осуществляется с учетом определенных целей и задач.

Так, Иванова Е.Ю., Зеленова М.Е., Алимова М.А. для проведения исследования педагогических профессиональных установок использовали методики семантического дифференциала (СД) и личностного семантического дифференциала (ЛСД) [1,3,4].

Митина Л.М. применяла наблюдательные методы исследования (наблюдение, опосредованное самонаблюдение, отчет) и методы опроса (беседа, интервью, анкета) [7].

Кузьменкова О.В., Скрыбченко М.А. для получения эмпирических данных (исследования «педагогических» и «родительских» установок у учителей, которые имеют собственных детей) использовали модифицированный вариант стандартизированной анкеты Л.А. Григоровича. Анкета позволила авторам получить информацию о доминирующей установке на стиль воспитания: установка на опеку, установка на диктат, установка на сотрудничество и установка на невмешательство [5].

Лузянина Л.Л. исследовала ценностное отношение к обучаемому методом неоконченных предложений [6].

Шептенко О.Б. в исследовании установки на восприятие ученика использовала модифицированную методику Ф.Фидлера в варианте П.Волковой, Н. Хрящевой, А. Шапыто. Педагогу предлагали дать оценку 20 личностным и деловым качествам наиболее и наименее предпочитаемых учеников. Степень выраженности каждого качества оценивалась от 0 до 9 баллов [8].

Алимова М.А. в исследовании использовала следующие методики: методика диагностики профессиональных установок на восприятие учеников, модифицированная методика Ф.Фидлера в варианте П.Волковой, Н. Хрящевой, А. Шапыто; Томский опросник ригидности (ТОР) Г.И. Залевского; Опросник терминальных ценностей И.Г.Сенина; тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева; методика изучения профессиональной ориентации педагогов на ценности директивного и недирективного подходов в современном образовании В.Е. Клочко, О.М. Краснорядцевой [1].

Как правило, большинство авторов прямо или косвенно полагают, что педагогическая профессиональная установка на учащегося зависит от его академической успеваемости и дисциплины. Иначе говоря, позитивное или негативное отношение педагога к ребенку определяется его успеваемостью. Этот вывод подтверждается результатами многих исследований, некоторые из которых нами представлены ниже.

Так исследование Ивановой Е.Ю. показало, что при восприятии учителем ученика-двоечника преобладает негативная оценка его личностных характеристик, а ученика-отличника учителя наделяют положительными чертами [4].

Митина Л.М. выявила факт наличия избирательного отношения к ученикам. Так наблюдается положительное отношение к ученикам-отличникам и отрицательные проявления к проблемным ученикам [7].

По результатам исследования Гаганова Н.С. сделала следующие выводы: у учителя существуют образы ученика, в которых все психические качества ребенка занимают свое место по значимости. Для каждой группы учащихся учитель строит свою модель. Так, описывая образ отличника, учителя используют только положительные, а двоечника — только отрицательные характеристики. Автор делает вывод о том, что у учителя существуют стереотипы в восприятии ученика, когда ученик может быть «записан» в ту или иную группу [2].

Зеленова М.Е. и Самофал Р.А. в исследованиях сделали акцент на тип ориентации учителя вообще. Зеленова М.Е. доказала, что учителя личностно-ориентированного типа относятся к своим ученикам лучше, чем учителя учебно-дисциплинарного типа. Самофал Р.А. по результатам исследования установил, что учителя, ориентированные на личностную модель взаимодействия, в большей мере расположены (позитивно) к детям в целом и к мальчикам в отдельности. У учителей с учебно-дисциплинарной ориентацией резко отличается отношение к мальчикам (они хуже) и девочкам (они лучше), к ребенку, который нравится и не нравится [3].

Алимова М.А. выявила взаимосвязь ценностного отношения к детям со стажем педагогической деятельности. Она установила, что более позитивное отношение к ребенку наблюдается у учителей, имеющих педагогический стаж работы от 11 до 15 лет. А высокие показатели личностной ригидности обеспечивают устойчивость первоначально сложившихся типов профессиональной установки. Выявлено влияние особенностей образовательной среды (в которой происходит усвоение профессиональных норм, обретение системы профессиональных смыслов и ценностей) на становление профессиональных установок будущих специалистов с разными характеристиками личностной ригидности. На основании полученных данных Алимова М.А. полагает, что становление профессиональных установок связано с формированием ценностно-смысловых координат профессионального образа мира [1].

Brouffy & Good обнаружили, что негативное оценочное

отношение учителей к детям создаёт барьеры в общении с ними. Так, дети с объективно хорошими стартовыми возможностями, но изначально оцененные учителем, как «бесперспективные» имели устойчиво худшие условия контакта с учителем. Учитель бессознательно выбирал негативный тип в общении с этими детьми, чаще ругал, реже хвалил, чаще контролировал.

Исследования Шептенко О.Б. и Ключко В.Е. показали, что только 16,7% испытуемых (учителей) имеют активно-положительные установки на восприятие детей (здесь восприятие авторы рассматривают как сенсорно-перцептивный механизм); 46,7% — функциональные установки на восприятие детей; 6,7% — ситуативные установки на восприятие детей; 8,6% — нейтральные и безразличные установки на восприятие детей; 21,3% — скрытно-отрицательные установки на восприятие детей. Наиболее значимые различия наблюдаются в группах учителей в возрасте до 30 лет [8].

Итак, имеется немало экспериментальных данных, свидетельствующих о наличии избирательного установочного отношения учителей к детям: положительного — к «хорошим» ученикам и негативного — к «плохим».

Учитель строит модель своего поведения в зависимости от того, отличник перед ним или двоечник. Соответственно, успеваемость или неуспеваемость является ведущим фактором в оценочном отношении учителей к детям. Это функциональная оценка, которая зависит от того, как ученик выполняет свою основную функцию, т.е. как он учится. Знак установки педагогов на детей, по мнению других авторов, зависит от типа ориентации учителя вообще: личностно-ориентированного или учебно-дисциплинарного. Кроме этого, доказана взаимосвязь ценностного отношения к детям со стажем педагогической деятельности. Отмечается также роль образовательной среды на становление педагогических профессиональных установок.

Таким образом, в психологии для изучения психолого-педагогических установок используется множество методов, многие из которых, к сожалению, не позволяют выявить истинного положения дел, поскольку не рассматривают установку как целостное образование, как феномен, детерминированный не только сферой сознания, но и сферой подсознания человека.

Литература:

1. Алимова М.А. Проявление личностной ригидности в динамике становления профессиональных установок. Автореферат дисс. На соискание уч. степени к. псих. наук, специальность 19.00.01. Барнаул, 2002.
2. Гаганова Н.В. Образ ученика как основа восприятия учителями учащихся. — Сб. статей. Бурятский гос. Универ., 1999.
3. Зеленова М.Е. Особенности самовосприятия и восприятия своих учеников учителями начальных классов с разным типом педагогического взаимодействия/ Интернет журнал СахГУ «Наука, образование, общество».
4. Иванова Е.Ю. Межличностное восприятие в педагогическом общении. Материалы VII съезда общ. Психологов в СССР. Психология учителя. М., 1989.
5. Кузьменкова О.В. Скрыбченко М.А. Сравнительный анализ «родительских» и «педагогических» установок у учителей. Тезисы второй всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной рос-

- сийской семьи» (25–27 октября 2005 г.). В 3-х частях. — 2 часть/Под общей редакцией доктора психологических наук В.К. Шабельникова и кандидата психологических наук А.Г. Лидерса. — М., 2005. — 560
6. Л.Л. Лузянина. Ценностное отношение к обучаемому как компонент коммуникативной культуры учителя. — Сб. статей. Бурятский гос. Универ., 1999.
 7. Митина Л.М. Индивидуальный подход и схематическая типизация учащихся // Вопросы психологии, № 3, 1991.
 8. Шептенко О.Б. Системная детерминация профессиональных установок в реальной жизнедеятельности (на материале педагогического труда). Автореферат дисс: канд. психол. наук. Барнаул, 1998.
 9. Узнадзе Д.Н. Теория установки / Под ред. Ш.А. Надирашвили и В.К. Цаава. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 448 с.
 10. Allport G.W. Attitudes. In: C.M. Murchison (ed.), The Handbook of Social Psychology. — Worcester, Clark Univ. Press, 1935.
 11. Katz D. The Functional Approach to the Study of Attitudes. — Public Opinion Quarterly, 1960.
 12. Osgood Ch. Studies on generality of affective meaning system // Amer. Psychol. — 1962.
 13. Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. I. — Boston. — 1918–1920.

Архетипические паттерны материнского поведения в период взросления ребенка

Сытько Тамара Ивановна, преподаватель
Восточно-Европейский институт психоанализа (г. Санкт-Петербург)

За последнее двадцатилетие значительно возрос интерес психологов и психоаналитиков к древнегреческой и древнеримской мифологии. К.Г. Юнг глубоко духовный и образованный человек, одним из первых в психологии обратил внимание на значение мифологии и религии в жизни человечества. «В отличие от личной природы сознательной психики существует какая-то вторая психическая система, по характеру своему какая-то неличностная» [9, с. 52]. К. Юнг полагал, что именно в мифах заложена информация о коллективном бессознательном.

Коллективное бессознательное имеет всеобщую природу, оно идентично для всех людей и образует тем самым всеобщее (сверхличное) основание душевной жизни каждого человека. Оно проявляется в изначальных формах и образах, одинаково присущих целым народам и эпохам, состоит из предвечных форм — архетипов — которые становятся сознательными вторично. Архетипы — содержание коллективного бессознательного. К.Г.Юнг писал: «поверхностный слой личностного бессознательного покоится на другом, более глубоком, ведущем свое происхождение и приобретаемом уже не из личного опыта» [9]. Древнегреческое слово «archetypos», употреблялось античными философами и средневековыми богословами, где «arche» означает «начало», а «typos» — «печать», «отпечаток» [3, с. 98]. Древнейшие изначальные типы или всеобщие образы, постоянно воспроизводятся в мифологии, легендах, снах, сказках. З.Фрейд признавал архаико-мифологический характер бессознательного способа мышления, и называл их филогенетическими «схемами» или «прототипами».

Выражение «архетипы» встречается и у других авторов. У Филона Иудея и Иринейя, говоривших об осно-

вании всего сущего Творцом из посторонних ему архетипов. У Августина он вместо слова «архетип» использует слово «идея». Эти идеи же «сами не созданы,... содержатся в божественном уме». У Вигнеруса мир «создан по подобию со своим архетипом» [5]. У Платона встречается схожее понятие — «эйдос». Леви-Брюль обозначал символические фигуры в первобытном мировоззрении как «representations collectives» (зел и лав) [3].

Структура простейших форм социальной жизни, по Леви-Стросу [4, с. 128], представляет собой проекцию бессознательных законов на уровень сознательного поведения и деятельности, а элементами структуры мифа являются мифемы — простейшие описания событий, героев, их состояния. Дж. Ш. Болен, Р.Джонсон, в своих работах указывают на удивительную схожесть жизненных линий многих их клиентов с сюжетами греческих мифов [1,2]. Психотерапевты также постоянно обнаруживают у пациентов повторяющиеся элементы жизненного опыта, которые они не осознавали, но все же постоянно воспроизводили.

Рассмотрим паттерны поведения богинь в отношении со своими взрослеющими детьми, чтобы выявить универсальные для человечества сюжеты. Мифы создаются на протяжении целой культурной эпохи, впитывая в себя все богатство воображения и деятельности человека, представляя собой экстракт духа и опыта, относящихся к данной культуре. Весьма вероятно, что основное содержание мифа порождается определенным мотивом; потом сюжет многократно уточняется и распространяется, подобно кругам на воде. Таким образом, сохраняют свою жизнь характерные и универсальные темы. Мифы — это отражение коллективного образа; они содержат в себе и доводят до нас общечеловеческие истины.

Но, как утверждает Джонсон, «миф может быть фантазией или продуктом воображения, оставаясь при этом истинным и адекватным отражением реальности. Он воплощает в себе множество граней и уровней бытия, включающего как внешний мир, так и менее постижимый мир внутренний» [1, с. 12]. Древнегреческие богини являются персонификацией архетипов, могучих внутренних сил, которым подчиняются женщины. По мнению Калиной и Тимошук, «имена греческих богов, указывающие на тот или иной аспект божественного покровительства, сохранили свою нуминозность в величественном звучании» [2, с. 218]. «Богини определяют поведение и чувства, поэтому если помочь это влияние осознать, то знание станет силой. Осознание архетипа может помочь попыткам воплотить с его помощью свой потенциал» [1]. В работах Д.Ш. Болен предлагается следующая классификация богинь. Все богини разделяются на три группы: богини-девственницы, уязвимые богини и алхимическая богиня.

Богини — девственницы выделяются как отдельная группа еще в Древней Греции: Артемида, Афина и Гестия.

Богини — девственницы — воплощение женской независимости. Эмоциональные привязанности не отвлекают их от того, что они считают важным. Они не страдают от неразделенной любви. Они отражают потребности женщин в автономии и сосредоточенности на значимых для них целях. Артемида и Афина олицетворяют целеустремленность и логическое мышление, они ориентированы на достижения. Гестия — архетип интроверсии, внимания, направленного в глубины, в духовный центр женской личности. Эти архетипы отражают такие качества как компетентность, самодостаточность, стремление женщин к собственным целям.

Артемида. Артемида очень привязана к отцу (Зевсу), особенно если он оказывает ей внимание, сопереживает или их объединяют общие интересы. Для ее личностного развития важно, чтобы отец принял ее способности и честолюбивые устремления. Артемида не уважает свою мать (Лето), а считает ее пассивной и слабой, и потому нередко занимает «родительскую» позицию по отношению к ней. Однако практически всегда попытки изменить и «спасти» свою мать не приносят успеха.

Стараясь быть не похожей на мать, она всеми силами старается избавиться от дочерней привязанности, скрывает свою эмоциональность и ранимость и стремится к независимости. Отвергая идентификацию с матерью, она отвергает тем самым свое женское начало. Если она не соответствует представлениям родителей, и подвергается критике с их стороны, она активная и отвергающая любые ограничения, в тайне переживает, что ее не принимают. Критика со стороны родителей снижает ее уверенность в себе. Сомнение в себе становятся ее худшим врагом. Из-за страха несоответствия идеалам отца, ей трудно принять решение, когда жизнь предоставляет новые возможности. Ее также травмирует непонимание со стороны родителей. В этом случае даже в ситуации успеха, она чувствует свою неполноценность. Негативное

отношение со стороны матери наносит меньше вреда, чем неприятие отца. Отец для нее обладает абсолютным авторитетом. Становясь матерью взрослых детей, Артемида смотрит в будущее, мечтает об их самостоятельности. Но желая привить личностную автономию ребенку, она получает противоположный результат — он цепляется за нее изо всех сил.

Отличаясь категоричностью в оценках и используя черно-белую логику, она добивается только того, что ее ребенок начинает чувствовать себя отверженным и неспособным жить в соответствии с материнскими нормами. Эмоциональная дистанция в отношениях увеличивается.

Афина Паллада. Афина (вышедшая из головы Зевсе) дочь своего отца-патриарха и хозяина. Мудрая, много-сильная, с мужским духом, по легенде Афина — горячая папина заступница. Арахну она превратила в паука, за то, что та выткала на ковре рисунки с любовными папиными похождениями.

Сторонница патриархальных ценностей и легитимной власти, она поддерживает существующее положение в обществе, и руководствуется общепринятыми нормами, консервативна и сопротивляется переменам. Если отец достиг успеха, она гордится им, и получая от него отцовское благословение, растет уверенной в себе, спокойной. Если отец не совсем успешен или не оказывает ей нужного внимания, она быстро теряет уверенность в себе. Если отец неудачник, она может даже отказаться от достижения важных для нее целей. В отношениях с матерью присутствует непонимание. Мать не видит своего сходства с дочерью. Дочь, в свою очередь, считает мать некомпетентной.

После замужества, она ждет, чтобы дети подросли, особенно благосклонна она к сыновьям. Она склонна давать советы, планировать, вдохновлять на достижения. От дочерей, которые не проявляют независимости, она дистанцируется, что еще больше снижает их самооценку, так как они считают себя чрезмерно чувствительными.

Гестия считается богиней домашнего очага. Она любит приводить в порядок себя и свой дом. Домашняя работа для нее сродни медитации. Ее отец отличался деспотичностью, мать была покорной и смиренной. В семье она ощущала себя изолированной и чужой от родителей и других детей. Внешне незаметная, она обладает чувством внутренней уверенности, любит уединение. Она может легко развить социально адаптированную маску и не казаться застенчивой. Но это лишь внешнее — для нее характерны: независимость, отчужденность, эмоциональная уравновешенность. Она ценит свободу. Как мать она также сохраняет свою обособленность, погружается в себя и ее любовь отличается сдержанностью. Она не питает честолюбивых замыслов в отношении детей и потому они растут свободными. Она просто создает в семье теплую домашнюю атмосферу. Обычно проблемы детей не связаны с матерью. Она им не мешает развиваться, но и не помогает в жизненных вопросах. Потеря роли матери не приводит ее к депрессии.

Вторую группу составляют *уязвимые богини — Гера, Деметра, Персефона*. Эти три богини представляют традиционные три роли — жены, матери и дочери. Как архетипы они ориентированы на взаимоотношения, на поддержание и сохранение значимой связи. Эти три богини подстраиваются к другим людям и потому уязвимы. Они страдают. Их насиловали. Похищали, унижали боги-мужчины. Когда разрушались их привязанности, у них проявлялись психологические симптомы психических расстройств. Но каждая из них, в конце концов, преодолевает свои страдания. Их реакции — отражение психоэмоциональных реакций женщин на потерю и поиска сил справиться с душевной болью.

Гера — царственная супруга Зевса. Зевс часто изменял ей с богинями, и даже смертными. Ей важно быть замужем. Мужчина для нее — прекрасный принц. Она склонна конкурировать с остальными дамами за предмет своего интереса. Гера способна устроить проверку верности своему партнеру. К сожалению, часто такие проверки заканчиваются разрывом отношений. Для Геры важен статус и престиж, это относится ко всему, с чем она сталкивается. Она умеет соблюдать приличия, прекрасно соответствует своему статусному супругу. Она с первого взгляда способна оценить всех, кто его окружает. Только присутствие супруга делает ее жизнь осмысленной. В одиночестве она теряет смысл жизни.

В могущественных мужчинах она способна увидеть слабость и рассматривает ее как свидетельство доверия к ней. В трудные минуты она способна помогать супругу. Муж — объект ее гордости. У нее ревнивый характер. Для нее его измена невыносима. Если она узнает об измене, то ее ярость направлена не на супруга, а на соперницу. Дети рассматриваются ею как необходимое условие брака. В случае конфликта, она всегда выбирает сторону мужа.

Деметра — материнский образ, принцип и сценарий. Олицетворяет материнский инстинкт, желание родить ребенка. Смысл жизни — быть матерью, нянькой, кормилицей. Она знает опыт насилия, и потому отказывается от любовных отношений и сосредоточена на детях. Она покорно выполняет долг супруги — удовлетворять животную страсть мужа. Ей нравится угощать яствами свою семью и гостей. Она не сдаётся и становится очень устойчивой, когда затрагивается благополучие детей. Семья для нее важнее всего. Дом — это место где собирается семья. Она очень эффективна, опекая других, поэтому члены семьи и муж, в том числе могут быть несамостоятельны. Перегруженная сверх-меры заботами, она никому не может отказать. Протестует в пассивно-агрессивной манере (забывает что-то, тянет время и пр.) / Склонна впадать в депрессию, когда ее лишают материнских функций.

Персефона (дева или кора). Кора — обычная девушка. Она не знает себя и, потому часто руководствуется мнениями других людей. Все свои дела, она исполняет как бы понарошку. Она сомневается, ждет подсказок. Очень чувствительна, и восприимчива к миру. Девочкой остается в любом возрасте. Она любит и умеет мечтать и фантазировать.

Часто чувствуют зависимость от чужой щедрости, и быстро научаются манипулировать. Склонна к самолюбанию. Убедлена в том, что с хорошими девочками ничего плохого не случится. Она не выражает вовне свои отрицательные эмоции, и потому в плохие минуты жизни испытывает одиночество, ненужность, погружается в грусть. Чутко относится к наказаниям предков. «Маменькина» дочка, прикрепленная к матери. С мужчинами и женщинами, она всегда остается женщиной-ребенком не всегда уверенной в себе. Часто оказывается между конфликтующими мужем и матерью (Персефону похитил Гадес, а Деметра возвращает себе дочь).

Афродита — богиня любви и красоты. Прекрасная и неотразимая алхимическая богиня. Афродита — родилась от семени отца Урана с морской водой. Она вышла из пены у острова Кипр. Где ступала ее нога — вырастали цветы. У нее была задача — созидать красоту и любовь. Всю свою жизнь она предавалась любви. Родила двух сыновей Аресу богу войны (постоянному любовнику) и дочь — Гармонию. Муж Гефест — поймал любовников и опозорил перед олимпийцами.

Гермес, Посейдон, Дионис, Адонис и т.д. — ее любовники. У нее был волшебный пояс, который внушал страсть. Ее необычайная красота мужчинам дарила вдохновение. Афродита живет своей любовью. С удовольствием рождает детей от любимых мужчин. Она в совершенстве владеет искусством флирта и любовной игры. Получает удовольствие от страданий влюбленных мужчин. И постоянно хочет, чтобы за ней ухаживали. Легкомысленна. Любит получать подарки. Любит, чтобы все было «по высшему разряду». У нее есть склонность к авантюризму. В любви, она прежде всего любит саму себя и любовь.

Афродита сочетает автономность богинь девственниц и близость в отношениях, свойственных уязвимым богиням. Ее сознание одновременно и сосредоточенно и восприимчиво. Ее архетип побуждает женщин искать во взаимоотношениях с партнерами скорее интенсивность, чем постоянство, ценит творческий процесс и быть открытой для изменений и вдохновения.

Чтение или слушание мифов можно рассматривать как вид особой, священно-духовной психотерапии для любого человека и могут помочь там, где другие виды психологической помощи бессильны. Их преимущества в глубоко бессознательном, архаическом языке, наполненном символами и смыслом (жизни и смерти, настоящего и прошлого). Психотерапевтическая функция мифов выделена и описана Р. Бартом, К. Леви-Стросом, М. Элиаде, В. Тернером и другими мифологами, показавшими, что мифическое время является особым сакральным периодом создания всеобщего изобилия и блага. Ассимиляция бессознательного содержания мифологическими мотивами и сюжетами в доступной и красочной форме делает это содержание доступным и понятным каждому.

Архетипическая символика мифа обогащает и развивает бессознательные содержания, актуализирует их ком-

пенсаторные отношения с сознанием, облегчая человеку целостное взаимодействие с окружающим миром. Но, в современном обществе, которое культивирует сплошь рационализм и сознательность, сотериологическая, то есть спасительная, функция мифа обесценена и потому осла-

блена. То, что раньше воспринималось людьми как жизненные сценарии, как способ мышления, самовыражения Миф — это реальная система мышления и опыта, опирающаяся на психологическое равноправие сознательных и бессознательных содержаний.

Литература:

1. Болен Дж.Ш. Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь / Пер. с англ. — М.: ООО Издательский дом «София», 2005. — 272 с.
2. Зеленский В.В. Базовый курс аналитической психологии, или Юнгианский бревиарий. — М.: «Когито-Центр», 2004. — 256 с. (Серия «Юнгианская психология»).
3. Кэмпбелл Дж. Мифический образ / Пер. с англ. К.Е.Семенова. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 683 с., ил. (Серия «Phylosophy»).
4. Леви-Стросс К. Структурная антропология. — М.: «Наука», 1983. — 536 с.
5. Хиллман Дж. Архетипическая психология. / Пер. с англ. под ред. В.В.Зеленского. — СПб.: Б.С.К., 1996. — 157 с.
6. Эдингер Э.Ф. Эго и архетип / Пер. с англ., под ред. В.В.Зеленского. — М.: ООО «Пента График», 2000. — 264 с., ил.
7. Элиаде М. Аспекты мифа. — М.: «Инвест-ППП», 1996. — 240 с.
8. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. — К.: «Ваклер», 1996. — 288 с.
9. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. — К.: «Port-Royal», 1996. — 384 с.

Эмоциональная привязанность в структуре значимых отношений личности

Сытько Марина Владимировна, преподаватель
Восточно-Европейский институт психоанализа (г. Санкт-Петербург)

С развитием психологии и психоанализа появилось много концепций касающихся формирования личности и факторов на это влияющих. Центральное место на сегодняшний день занимает вопрос влияния опыта ранних детских отношений на дальнейшую судьбу развития личности. Основоположники теории привязанности Дж. Боулби и (Bowlby J.) М. Эйнсворт (Ainsworth M.D.) были клиническими психологами, и их ранние исследования направлены на практическую работу с пациентами. Впоследствии это направление приобрело статус целой психологической концепции, выходящей далеко за пределы психологии младенчества.

Рассматривая теорию привязанности, следует отметить, что она возникла на пересечении психоаналитического и этологического подхода. Как и в психоанализе, центральное место в ней занимают ранние отношения ребенка с близким взрослым (главным образом с матерью). Именно опыт отношений с матерью на первом году жизни порождает привязанность к ней, которая и определяет во многом дальнейший ход психического и личностного развития ребёнка. Однако, привязанность ребенка определяется не как стремление к удовольствию (например, пищевому), а как в первую очередь необходимость в защите и безопасности.

Функция привязанности, как отмечают авторы, доста-

точно утилитарна — привязанность обеспечивает защиту от неблагоприятных воздействий среды и гарантирует физическую безопасность. Характерно, что главным доказательством потребности младенца в безопасности для Дж. Боулби служили известные опыты Л. Харлоу с детенышами макак, которые предпочитали теплую пушистую маму-манекена холодной и проволочной [1,2]. Особенности материнского поведения, которые определяют качество привязанности ребенка, во многом имеют социально обусловленный характер и зависят не только от характера самой матери, но и от культурных стереотипов, принятых в обществе. Кросскультурные исследования, проводимые в рамках этой теории, показывают зависимость отношений матери и ребенка от общественных установок и особенностей культуры.

Итак, эмоциональная привязанность, определяемая Дж. Боулби как «привлекательность одного индивида для другого», складывается на самых ранних ступенях развития ребёнка [2]. У ребёнка складывается определённая система образом и представлений о внешнем, окружающем мире и о его собственной внутренней среде. Такая система, называемая «рабочей моделью», обуславливает дальнейшие отношения субъекта. С помощью скопированных в процессе взаимодействия с матерью рабочих моделей, человеком интерпретируются происходящие с ним

события. Сквозь рабочую модель воспринимается и понимается окружающий мир, а также происходит самосознание.

Идея о том, что личность, субъективность или собственное «Я» ребенка возникают в отношениях с близкими людьми, известна для отечественной и зарубежной детской психологии. Стоит отметить, что в первых исследованиях, акцент делался на совместной деятельности ребенка и взрослого или на общении, понимаемом как деятельность, где взрослый рассматривался как фактор становления самосознания ребенка. В настоящее время в фокусе теории привязанности находится не содержание деятельности (общения), а «чистое» отношение взрослого к ребенку, которое интериоризуется и формирует детское самосознание. В самом начале развития «Я» (ребёнок) и «Другой» (взрослый) существуют в неразрывном единстве и не могут быть разделены, даже условно, на две независимые части [2].

Отношение взрослого рассматривается не только как фактор формирования «Я» ребенка, но и как условие внутреннего диалога. Главное здесь не то, что делает взрослый для ребенка, а как он «живет в нем». Отношение взрослого является не средством, а сущностью и содержанием самосознания ребенка. Эта мысль во многом перекликается с идеями о диалогизме сознания и с положениями гуманитарного подхода в отечественной психологии. Теория привязанности в этом контексте помогает сделать шаг к пониманию невербального «языка» внутреннего, глубинного слоя сознания. Л.С. Выготский называл элементы глубинной структуры сознания «знаками без значения», т.е. без конкретного семантического содержания, которые структурно обеспечивают возможность и необходимость функции «означивания», поскольку по своей структуре и своему происхождению они диалогичны, направлены на другого [4].

Центральным понятием для характеристики, как рабочей модели, так и для описания привязанности в целом является — качество привязанности. В основе качества привязанности лежит безопасность (или небезопасность), которую обеспечивает (или не обеспечивает) объект привязанности. Авторами теории было выделено несколько типов эмоциональной привязанности, каждый из которых формируется под воздействием определённых факторов и отличается своими особенностями. В частности, выделяют: «надёжный», «избегающий», «тревожно-амбивалентный» и «дезорганизованный» типы эмоциональной привязанности [6].

Следует отметить сложность и трудоёмкость эмпирического выделения типов привязанности у взрослых людей. Для их выявления применяется полуструктурированное интервью, состоящее из ряда вопросов адресованных к детским переживаниям и описанию семейной ситуации респондентов. «Интервью о привязанностях для взрослых» (Adult Attachment Interview, AAI), разработанное М. Мэйн, адаптированное Калмыковой Е.С.), содержит вопросы, касающиеся детского опыта привязанности к значимым другим и того значения, которое

испытываемые в настоящее время приписывают этому детскому опыту [10]. Обработка данных полученных в ходе интервьюирования проводится качественно, с применением метода экспертной оценки, для получения точности результатов.

На основании проведённого исследования можно описать специфику представленных типов. Респонденты, которые были классифицированы на основе интервью как «автономные» (надёжные), характеризуются сбалансированным представлением о своих ранних отношениях, ценят привязанность и придают большое значение отношениям привязанности в формировании их личности. В ходе интервью они ведут себя достаточно открыто и прямо, независимо от того, насколько тяжело было обсуждать тот или иной материал. В интервью излагаются правдоподобные сообщения о поведении родителей респондентов. Хотя их сообщения о детстве не обязательно включают нарративы только о любящем поведении родителей, в целом оно воспринимается как позитивное и подтверждается конкретными воспоминаниями.

Два ненадежных паттерна репрезентаций привязанности коррелируют с некогерентным способом изложения: оценка, которую дают респонденты своим отношениям с родителями, не соответствует тем конкретным эпизодам, которые они сообщают. Отсутствуют или почти отсутствуют подтверждения того, что родители выполняли функцию «надежной гавани»; в написанных рассказах заметны проявления ограниченной готовности к исследованию и ощущается определенная ригидность респондентов.

«Дистанцированные» («избегающий» тип) респонденты демонстрируют дискомфорт в связи с темой интервью, отрицают влияние ранних отношений на свое развитие, испытывают значительные сложности в припоминании конкретных ситуаций и часто идеализируют свой детский опыт.

«Тревожные» респонденты демонстрируют спутанность или существенные колебания в отношении раннего опыта, описания взаимоотношений с родителями отмечены пассивностью или агрессией, родители предстают как не любящие, но интенсивно вовлеченные в отношения вплоть до обращения ролей, когда ребенок был вынужден отдавать предпочтение потребностям родителей в ущерб своим собственным. Изложение детских воспоминаний у таких респондентов часто перемежается с сообщениями о событиях недавнего прошлого, об актуальных отношениях с родителями, наполненными, как правило, агрессией и обидами.

Четвертый тип репрезентаций — «дезорганизованный», — выявленный М. Мэйн, связан с неспособностью респондентов в ходе интервью адекватно обсуждать смерть и утрату близких людей: например, они могут серьезно высказывать убеждение, что умерший продолжает жить, или что его убили детские фантазии респондента.

В обсуждении остальных тем такие респонденты демонстрируют второй или третий тип репрезентаций привязанности. В проведенном исследовании подобного типа привязанности обнаружено не было.

Теория привязанности и научные исследования показали, что характер привязанности может изменяться. Процессом, изменяющим этот характер, является процесс переживания межличностных отношений.

Противоположностью привязанности является одиночество (или переживание утраты). Парадокс привязанности в том, что человек должен привязываться к тому, кого неизбежно потеряет. Поэтому страхи утраты и оставления — это всегда присутствующая тень привязанности. Быть привязанным — значит подвергать себя риску боли утраты. Одно из худших переживаний в жизни — это быть покинутым, брошенным. У оставшегося без поддержки человека, возникает чувство полного одиночества в этом мире.

Сформировавшийся в детстве стиль привязанности, оказывает влияние на взаимоотношения взрослого человека с другими людьми, а также на его самооценку. Стили привязанности оказались связанными с выбором партнера и стабильностью любовных отношений, с развитием депрессий, а также со способностью преодолевать жизненные кризисы.

Стиль привязанности, по-видимому, также связан с отношением к работе. Те, кто обладают безопасным стилем привязанности, на работе чувствуют себя уверенно; они относительно свободны от страха совершить ошибку и не позволяют, чтобы личные отношения мешали их деятельности. Люди с тревожно-амбивалентным стилем привязанности очень сильно зависят от похвалы и страха отвержения, и, кроме того, они допускают ситуации, когда личные отношения и работа начинают входить в противоречие друг с другом. Те же, кто обладают избегающим стилем привязанности, используют работу, чтобы избегать социальных взаимодействий, и хотя в финансовом отношении дела у них могут идти хорошо, они часто не удовлетворены своей работой.

Взрослые, лишенные заботы в детстве, стремятся заботиться о других в своей профессиональной жизни. Одним из проявлений незащищающей привязанности в детстве, описанным Дж. Боулби, является стиль установления связи, называемый «компульсивным оказанием помощи», когда человек внимателен к нуждам других, а собственные игнорирует. Боулби утверждал, что у детей, которые развивают такую привязанность складывается ложная взрослая жизнь — понятие сходное с понятием ложного «Я» Д. Винникотта [3].

Безопасный стиль привязанности оказался связан с переживанием счастья, дружбы и доверия; избегающий стиль — со страхом близости, эмоциональными взлетами и падениями, а также с ревностью; тревожно-амбивалентный стиль — с навязчивой поглощенностью любимым человеком, желанием тесной связи, сексуальной страстью, эмоциональными крайностями и ревностью.

Проведенное эмпирическое исследование, целью которого являлось определение роли характера эмоциональной привязанности в формировании значимых отношений личности взрослого человека, было построено на трёх психодиагностических методиках и полуструктурированном интервью привязанности для взрослых (AAI). В исследовании приняли участие мужчины и женщины, в количестве 59 человек, в возрасте от 25 до 35 лет.

Для исследования особенностей и структуры самоотношения применялась методика МИС (Р.С. Пантилеев), для измерения отношения к другим — методика МДМО (Т. Лири), для измерения ориентаций в межличностных отношениях использовалась методика ОМО (В. Шульц) и для выявления базовых убеждений личности — ШБУ (Р. Янов — Бульман). Для выявления типа эмоциональной привязанности использовалось интервью привязанности для взрослых AAI (разработка М.Мэйн, адаптация Е.С. Калмыкова).

После проведенного анализа результатов интервью, и выделения трёх групп испытуемых, в соответствии с типом эмоциональной привязанности (методом экспертной оценки), проводился сравнительный и корреляционный анализ исследуемых показателей. В результате было доказано, что характер эмоциональной привязанности связан с некоторыми особенностями самоотношения личности:

- у людей с «надёжным» типом эмоциональной привязанности отмечается более высокое и устойчивое самоотношение, они достаточно уверены в своих силах, ценят себя и свой внутренний мир;
- у людей с «избегающим» типом привязанности в структуре самоотношения присутствует выраженная внутренняя конфликтность и самообвинение;
- люди с «тревно-амбивалентным» типом привязанности отличаются несколько большим сомнением в своих возможностях (сниженной самоуверенностью), и недостаточностью в управлении эмоциями (сниженное саморегулирование).

Было доказано, что тип сформированной эмоциональной привязанности определяет специфику построения межличностных отношений:

- у людей с «надёжным» типом эмоциональной привязанности более выражены авторитарный и дружелюбный типы межличностных отношений;
- у людей с «избегающим» типом привязанности присутствует подозрительный и подчиняемый тип межличностных отношений;
- у людей с «тревно-амбивалентным» типом привязанности выражен показатель дружелюбия, они более ориентированы на принятие и социальное одобрение.

Как оказалось, по показателям ориентации в межличностных отношениях, испытуемые с разным типом эмоциональной привязанности не различаются.

Было доказано, что испытуемые с разным типом привязанности отличаются базовыми убеждениями:

- у людей с «надёжным» типом привязанности по сравнению с остальными двумя, отношение к миру более

положительное;

- у людей с «избегающим» типом привязанности, на первое место выходит степень контроля над ситуацией;
- люди с «тревожно-амбивалентным» типом привязанности в большей степени чем «избегающие» ориентированы на собственную личность (Ценность собственного «Я»).

В результате проведённого корреляционного анализа было установлено, что структура взаимосвязей между исследуемыми показателями у людей с разными типами эмоциональной привязанности существенно различается.

- Люди с «надёжным» типом привязанности больше уважают себя и ценят, считают себя во многом удачливыми, хорошо управляют своими эмоциями и чувствами, а также способны упорно добиваться поставленных целей;
- У людей с «избегающим» типом привязанности имеются два контура управления поведением: поверхностный — который зависит от того как складываются отношения с другими людьми и глубинный — который, может разворачиваться по двум направлениям: при хорошем самоотношении он протекает по «надёжному» типу, в противоположном случае — характеризуется повышенной внутренней конфликтностью. Отношения к другим людям и базовые убеждения личности в большей степени зависят от того как складывается актуальная жизненная ситуация.
- Для людей с «тревожно-амбивалентным» типом привязанности важнейшим фактором является мнение о том, как к человеку относятся окружающие. Представление об отношении других людей является определя-

ющим способом поведения. В случае если это представление положительное человек проявляет дружелюбие и альтруистичность, а если оно отрицательное — человек теряет уверенность в себе, точку опоры в мире, ценность своего «Я» и замыкается в себе самом.

Практическая значимость проведённой работы видится в применении полученного материала в психологической и психоаналитической практике, а также в возможности дальнейшей разработки теории привязанности, и проведении дальнейших исследований в контексте данной темы.

Следует отметить, что в последнее время понимание привязанности в рамках глубинной и этологической психологии сближается с поведенческой концепцией социального научения. Привязанности все реже характеризуются со стороны переживания и все более сводятся к перечню наблюдаемых действий (приближение, следование, подача и прием сигналов в виде улыбки, плача и пр.). При этом привязанность становится не только предметом исследования, но и всеобщим принципом, объясняющим самые разные стороны психики человека. Обычно такое объяснение происходит путем установления корреляционной зависимости между качеством привязанности в раннем детстве и чертами личности в старших возрастах. Понимание более глубоких психологических пластов развития личности и сознания ребенка, как правило, не является задачей исследования. Все это снижает ценность данного направления для психологии. Вместе с тем теория привязанности, имеет достаточно мощный понятийный потенциал, который мог бы приблизить к исследованию именно глубинных слоев сознания.

Литература:

1. Боулби Джон. Привязанность. М., 2003
2. Боулби Джон. Создание и разрушение эмоциональных связей. М., 2004
3. Винникот Д.В. Маленькие дети и их матери. М., Класс, 1998.
4. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. М., Союз, 2004 г.
5. Искольдский Н.В. Исследование привязанности ребенка к матери // журнал «Вопросы психологии» №6, 1985
6. Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии, №3, 1995
7. Ягнюк К. Влияние стилей привязанности на поведение супругов в ситуации развода Журнал практической психологии и психоанализа №3, 2003
8. Attachment and the development of social relationships. In «Scientific Foundations of Developmental Psychiatry (ed. M. Rutter), pp. 267–279. Washington, DC: American Psychiatric Press).

Влияние личностных особенностей на склонность к коррупционной деятельности

Терехова Татьяна Александровна, доктор психологических наук, профессор
Байкальский государственный университет экономики и права (г. Иркутск)

Коррупция, по справедливому замечанию большинства политических и общественных деятелей, захлестнула современную власть на всех ее уровнях. Такое пристальное внимание обусловлено, прежде всего, общест-

венной опасностью этого феномена. Коррупция разлагает демократические институты общества и ставит под угрозу их существование. Это проблема является *актуальной* для современной России, пытающейся, пока бесплодно,

привить на своей почве демократические традиции. Коррупция делает неравным доступ людей к материальным и общественным благам, что само по себе является признаком недемократичности существующего строя. Безусловно, не одним лишь отсутствием демократии страшна коррупция. Она разлагает и моральные устои общества: у людей, далеких от политики, складывается впечатление продажности и нечестности высшего эшелона власти.

Одно из наиболее кратких, но достаточно емких определений коррупции дает Словарь иностранных слов: это «подкуп, продажность должностных лиц, политических деятелей» [3].

Немецкий криминолог В. Хетзер полагает, что «во многих странах продажность стала уже основным принципом общественного устройства», «важным элементом в борьбе за политическую власть». На этом основании высказываются понятные сомнения в самой возможности выработки государственной стратегии борьбы с коррупцией. Правоохранительные органы становятся бессильными в рамках политических и экономических систем, связанных, по существу, круговой коррупционной порукой [2].

Коррупция в понимании простого обывателя — это взяточничество.

Взятка — деньги или другие ценности, незаконно даваемые должностному лицу в обмен на совершение каких-либо действий по должности в интересах дающего [7].

Принято различать два типа взяток, одинаково наказуемых, но по-разному воспринимаемых моральным сознанием: взятка-подкуп и взятка-благодарность. Иногда взятку воспринимают как оплату за услуги, как компенсация низкой зарплаты [9].

Взятка представляет собой любопытный предмет для психологического анализа. В каком-то смысле она напоминает «бессознательное» З. Фрейда, которое по сходным причинам также недоступно для непосредственного изучения.

Эта аналогия при всей ее кажущейся неожиданности оказывается достаточно близкой. Как и бессознательное, взятка окружена огромным количеством домыслов, слухов, сплетен. Реально существует целая мифология социального мира, где все продается и все покупается, в котором взятка и блат оказываются основными рычагами совершения поступков, решения спорных вопросов, одобрения или наказания действий конкретного человека. Так же как и содержания бессознательного, замешанные на страхе, агрессии, сексуальности, взятка вызывает весьма насыщенное эмоциональное отношение, причем оно, скорее, несет в себе негативный оттенок. Ведь гласно и публично взятка и блат (обмен услугами) всячески осуждаются. Звучат призывы «обуздать» эти явления, «положить конец позорной практике», «выкорчевать с корнем коррупцию» и т.п. Время от времени даже мелькают сообщения о судебных процессах над пойманными «за руку» взяточниками. Таким образом, на уровне деклараций (которыми полны средства массовой инфор-

мации и выступления крупных отечественных государственных чиновников и политиков) взятка описывается в терминах осуждения, запрета и вытеснения на периферию социальной жизни. Все это, конечно, лишь подогревает интерес к этому предмету.

Известно, что в основе термина «коррупция» лежит латинское слово «*corruptio*», означающее в буквальном переводе «порчу, подкуп» (однокоренным в этом смысле является и слово «коррозия»). В целом этот перевод дает общее представление о сущности коррупции — порче или коррозии власти путем ее подкупа — с точки зрения рассмотрения ее в качестве социального явления, коим она, безусловно, является.

Г.К. Мишин, вопреки утверждениям большинства пишущих по этим вопросам авторов, утверждает, что латинский термин «*corruptio*» происходит от двух корневых слов *cor* (сердце; душа, дух; рассудок) и *ruptum* (портить, разрушать, развращать). Поэтому суть коррупции не в подкупе, продажности публичных и иных служащих, а в нарушении единства (дезинтеграции, разложении, распаде) того или иного объекта, в том числе государственной власти [6].

Что касается населения, то большинство людей чаще всего рассматривает коррупцию с точки зрения компенсации низкой оплаты чиновника, а также неизбежного условия за беспрепятственное прохождение в инстанциях интересующего их вопроса и получение необходимого им конкретного решения государственного органа. При этом характерно, что многие граждане даже в случаях публичного осуждения ими этого явления, так или иначе, сами способствуют его сохранению, поскольку вынужденно или по собственной инициативе участвуют в коррупционных сделках. Логика подсказывает, что существование коррупции в обществе было бы невозможно по определению без подобного участия. Более того, справедливо осуждая коррупцию, они одновременно рассматривают ее как неотъемлемую часть их жизни или определенные правила игры, которые ими из-за отсутствия выбора должны безоговорочно приниматься.

Взяточничество в чистом виде встречается, как показывает практика, сравнительно редко. Как правило, оно сопровождается (или, точнее, сопровождается) хищениями, другими должностными преступлениями, так или иначе направленными на извлечение наживы и достижение корыстных целей. Поэтому взяточникам, и в первую очередь взяткополучателям, присущи многие из тех личностных свойств, которые характеризуют психологические особенности личности расхитителей [5].

Диапазон психологических качеств личности взяткополучателей достаточно широк, и во многом именно они определяют формы и методы, продолжительность, масштабы и другие характеристики их преступного поведения. Общими здесь являются в первую очередь негативное отношение к закону и жажда наживы, пренебрежение к моральным и нравственным нормам, сознательное культивирование безнравственных коллизий и игнорирование

таких негативных последствий, как дискредитация деятельности государственного аппарата, разложение подчиненных, подрыв принципа социальной справедливости. Для взяточполучателей характерен синдром круговой поруки, протекционизм, психология потребительства, которая чаще всего превалирует над всем остальным.

Рассматривая взятку не только как источник наживы, но и как средство обеспечения или прикрытия своей преступной деятельности, они зачастую сами становятся взяточдателями, подстрекателями или посредниками во взяточничестве. По-разному относясь к совершаемому преступлению, взяточполучатели по-разному строят свои отношения со взяточдателями и посредниками, по-разному ищут способы получения взятки. Наиболее беззащитные нагледят и становятся вымогателями. Однако отношения, построенные на психическом понуждении взяточдателя, крайне непрочны и прекращаются, как только исчезает угроза законным интересам взяточдателя. Это заставляет взяточполучателя искать новых лиц, готовых оплатить взяткой его услуги. Взяточполучателя в этом случае уже не останавливает требование противозаконных действий. Когда же он сам не может удовлетворить интересы, то, чтобы не упустить источник наживы, обращается к другим должностным лицам, которые могут принять необходимое решение. Понятно, что такие обращения вовлекают во взяточничество все более широкий круг лиц, образующих преступные группы взяточников.

Целью настоящей работы является исследование влияния личностных особенностей на склонность к коррупционной деятельности.

Мы предположили, что в зависимости от некоторых личностных особенностей можно выделить три группы людей, по-разному относящихся к коррупционной деятельности: те, которые принципиально не берут взятки; сомневающиеся; и, те, которые берут взятки

В нашем исследовании участвовали 32 респондента (мужчины и женщины) в возрасте от 21 года до 70 лет, работающие в сфере медицины, образования, предпринимательства и т.д. При этом некоторые из них занимают высокие руководящие посты на крупных предприятиях. Такая выборка не случайна, ведь именно в этих сферах и на таких должностях люди чаще всего сталкиваются с соблазном получения взятки. Кроме того, широкий возрастной спектр позволяет в миниатюре рассмотреть практически весь социум, для того, чтобы результаты исследования были более полными.

Психодиагностический инструментарий исследования:

- «Методика оценки коммуникативных и организаторских склонностей» (КОС);
- Диагностика уровня личностной готовности к риску («PSK» Шуберта);
- Частный специализированный семантический дифференциал по оценке личностных качеств коррупционеров;
- Авторская анкета, которая включает в себя закрытые вопросы и вопросы-фильтры, затрагивающие основные

проблемы нашего исследования (отношение респондента к коррупции; склонность испытуемого к присвоению взятки; возможность соотнесения респондента к одной из предложенных групп).

С помощью составленной нами анкеты, направленной на выявление отношения респондентов к коррупции, мы разделили всю выборку на три группы. А именно: люди, принципиально не берущие взятки (28% — 9 чел.); люди, сомневающиеся в своем отношении к «взяточничеству», но все же взятки не берущие из-за боязни понести наказание (41% — 13 чел.) и люди, принимающие взятки в любой форме (31% — 10 чел.).

Если останавливаться на результатах анкеты и получившихся группах более подробно, то стоит отметить, что большинство людей, берущие взятки, отвечали на вопросы анкеты, не задумываясь, и не проявляя признаков стыдливости или раскаяния. Но, тем не менее, они не повторяли свои ответы вслух и практически не оглашали свои мысли по поводу вопросов.

Люди, сомневающиеся, на некоторые вопросы отвечали быстро, а на отдельные тратили достаточное количество времени или вообще предпочитали не отвечать. При этом они могли отметить варианты ответов, начать отвечать дальше, но через некоторое время вернуться к уже пройденному вопросу и ответить на него по-другому.

И наконец, большинство людей, которые проявили себя как принципиально не берущие взятки, отвечали на вопросы быстро, практически не задумываясь. При этом они произносили вопросы вслух и вслух же на них отвечали, высказывая свое мнение по тому или иному вопросу. Такое поведение может быть детерминировано влиянием эффекта социальной желательности у людей, не берущих взятки и в связи с этим ждущих общественного одобрения. А так же тем, что они гордятся своей позицией и им нечего скрывать от окружающих.

Люди, взятки берущие, хоть и не афишируют своего отношения к коррупции (скорее всего из-за устоявшихся моральных принципов в обществе, согласно которым взятка является порочащим путем «зарабатывания» денег), но также не сомневаются в своей позиции, так как она у них четко сформирована и определена.

А респондентов, относящихся к группе «сомневающийся» можно охарактеризовать известной поговоркой «И можно было бы, да БЫ мешает». То есть эти люди, в силу неких обстоятельств не могут себе позволить брать взятки, но они хотели бы этого или во всяком случае не отрицают мысли о возможности получения, если бы не страх понести наказание.

В группе респондентов, характеризующихся принципиальным неприятием коррупции (9 человек) с помощью методики КОС, выяснилось, что 22,5% (2 человека) обладают высоким уровнем коммуникативных умений (КУ), 11,5% (1 человек) — средним и 66% (6 человек) — низким уровнем коммуникативных умений. По фактору организаторские умения (ОУ), 11,5% респондентов (1 человек) имеет высокий уровень организаторских умений, 22,5%

(2 человека) — средний уровень и 66% (6 человек) характеризуются низким уровнем организаторских умений.

В этой группе по методике готовности к риску получилось, что 44,5% (4 человека) имеют низкий уровень готовности к риску, 11% (1 человек) — высокий уровень и 44,5% — средний уровень готовности к риску.

Таким образом, респонденты, принципиально не берущие взятки, несколько ограничены в коммуникативных и организаторских способностях и не относятся к рискованным людям.

Испытуемые, относящиеся к группе «сомневающихся» согласно методике КОС, распределились следующим образом: из 100% (13 человек), 23% (3 человека) характеризуются высоким уровнем коммуникативных умений, 23% (3 человека) — средним и 54% (7 человек) — низким уровнем коммуникативных умений. Из них же, по шкале организаторских умений — 23% (3 человека) обладают высоким уровнем организаторских умений, 38,5% (5 человек) — средним уровнем и 38,5% (5 человек) — низким уровнем организаторских умений.

По методике готовности к риску выяснялось, что 23% (3 человека) имеют высокий уровень готовности к риску, 38,5% (5 человек) — средний уровень и 38,5% (5 человек) — низкий уровень готовности к риску.

Люди, сомневающиеся в своём отношении к коррупции также не достаточно рискованны и преимущественно обладают низкими уровнями коммуникативных и организаторских умений. Это детерминировано тем, что люди, не умеющие наладить взаимодействие с другими людьми, как правило, не принимаются на руководящие должности, где шансы получить взятку достаточно велики. Кроме того, низкий уровень риска и, как следствие, боязнь понести наказание за содеянное, не даёт им возможности принять взятку, в случае если им её предложат.

И, наконец, группа людей, которые берут взятки, по методике КОС характеризуется следующими показателями. Из 100% (10 человек), 70% (7 человек) обладают высоким уровнем коммуникативных умений, 10% (1 человек) — средним уровнем и 20% (2 человека) — низким уровнем коммуникативных умений. При этом из этих же 100%, 50% (5 человек) характеризуются высоким уровнем организаторских умений, 40% (4 человека) — средним уровнем и 10% (1 человек) — низким уровнем организаторских способностей.

У респондентов, берущих взятки, по методике готовности к риску выделились следующие показатели. Из 100%, 70% (7 человек) имеют высокий уровень готовности к риску, 20% (2 человека) — средний и 10% (1 человек) — низкий уровень готовности к риску.

Мы видим, что испытуемые, относящиеся к группе коррупционеров, характеризуются высокими уровнями коммуникативных и организаторских умений, а так же высоким уровнем готовности к риску. Это детерминировано тем, что люди, обладающие способностью к эффективным коммуникациям, как правило, занимают высокие должности на местах работы и становятся управляющим

звеном предприятия, соответственно повышая и без того достаточно высокий уровень организаторских способностей. В соответствии со спецификой их должности у таких людей возникает больше возможностей для получения или даже требования взятки, а поскольку уровень риска у них высокий, то они, не опасаясь за последствия, могут прибегнуть к коррупционным действиям.

Тем не менее, мы всё же предполагаем, что не все люди, имеющие высокие организаторские и коммуникативные способности, а так же высокий уровень готовности к риску будут принадлежать к коррупционерам. Так как некоторые могут обладать высокими коммуникативными и организаторскими умениями, а так же высоким уровнем риска и при этом не брать взятки. Например в силу воспитания или за ненадобностью (если человек и без того обеспечен и «серый» заработок ему не нужен), или если у человека подчеркнутое чувство справедливости и т.д.

Для уточнения результатов исследования мы разработали частный специализированный семантический дифференциал для оценки личностных качеств коррупционеров.

С помощью свободного ассоциативного эксперимента, мы выявили 18 слов, которые у большинства людей ассоциируются с личностью коррупционера: нигилист; корыстный; действующий; организованный; влияющий; расчетливый; недальновидный; авторитарный; циничный; рискованный; общительный; целеустремленный; расточительный; скрытный; эгоистичный; быстро адаптирующийся; руководящий; инициативный. И подобрали к этим словам 18 антонимов: конформист; бескорыстный; пассивный; рассеянный; зависящий; безрассудный; планирующий; демократичный; скромный; осторожный; замкнутый; безвольный; бережливый; открытый; альтруистический; ригидный; исполняющий; бездействующий. Таким образом, получили 18-ти шкальный специализированный семантический дифференциал для оценки личностных качеств коррупционеров. С помощью этого дифференциала мы уточнили личностные качества респондентов исследуемых трех групп.

Затем определили значимые различия по личностным качествам в каждой из групп. При сравнении группы принципиально не берущих взятки с «сомневающимися» мы определили значимые различия только в двух случаях (табл. 1).

При сравнении группы «сомневающихся» и группы берущих взятки, мы выявили, что значимые различия у данных испытуемых наблюдаются в таких качествах как: расчетливость и быстрая адаптация (Табл. 2).

Кроме того, мы отметили, что для коррупционеров, в сравнении с «сомневающимися», важно такое качество, как организованность (0,046).

Между группой принципиально не берущих взятки и коррупционерами было выявлено, что наиболее значимые различия наблюдаются в качествах: корыстный, расчетливый, авторитарный, рискованный и расточительный (табл. 3).

Таблица 1. Значимые различия по личностным качествам для группы принципиально не берущих взятки и для группы «сомневающих» (t-критерий Стьюдента)

Качества / Группы	Принципиально не берущие	«Сомневающиеся»
Расточительный	0,030	0,003
Авторитарный	0,039	0,025

Таблица 2. Значимые различия по личностным качествам для группы «сомневающих» и группы берущих взятки (t-критерий Стьюдента)

Качества / Группы	«Сомневающиеся»	Берущие взятки
Расчетливый	0,002	0,001
Быстро адаптирующийся	0,011	0,011

Таблица 3. Значимые различия по личностным качествам для группы принципиально не берущих взятки и для группы коррупционеров (t-критерий Стьюдента)

Качества / Группы	Принципиально не берущие	Берущие взятки
Корыстный	0,039	0,039
Расчетливый	0,033	0,047
Авторитарный	0,007	0,003
Рискованный	0,002	0,006
Расточительный	0,007	0,000

Таблица 4. Значимые различия по коммуникативным, организационным умениям, уровню риска между группами принципиально не берущих взятки и коррупционеров (t-критерий Стьюдента)

Качества / Группы	Принципиально не берущие	Берущие взятки
Коммуникативные умения	0,023	0,030
Организаторские умения	0,015	0,015
Риск	0,017	0,021

У групп принципиально не берущих и коррупционеров между собой больше всего личностных качеств с значимыми различиями. Это подтверждает правильность разделения по группам. Так же можно сказать, что данные качества в полной мере характеризуют личность коррупционера.

Но, помимо этого мы обнаружили ещё одну закономерность (табл. 4).

Значимость различий по данным личностным качествам подтвердилась и совпала с результатами, полученными в ходе проведения методик КОС и диагностики уровня личностной готовности к риску («PSK» Шуберта).

Кроме того, мы четко проследили, что группа «сомневающих» не имеет достаточного количества различий ни с коррупционерами, ни с принципиально не берущими. Это может быть детерминировано тем, что люди, относящиеся к этой группе, не могут четко определить свою позицию, у них недостаточный уровень таких личностных

качеств, как организаторские и коммуникативные умения, готовность к риску, расчетливость, быстрота адаптации и т.д. для того, чтобы брать взятки. Но в то же время, они сделали бы это, если бы за этим не последовало наказания.

Таким образом, в ходе нашего исследования, нам удалось выделить группы людей, по-разному относящихся к коррупции, а также определить личностные качества, по которым эти группы наиболее различаются.

Респонденты, принципиально не берущие взятки, несколько ограничены в коммуникативных и организаторских способностях и не относятся к рискующим людям.

Люди, сомневающиеся в своём отношении к коррупции так же не достаточно рискованны и преимущественно обладают низкими уровнями коммуникативных и организаторских умений. Это детерминировано тем, что люди, не умеющие наладить взаимодействие с другими людьми, как правило, не принимаются на руководящие должности, где шансы получить взятку достаточно велики. Кроме того,

низкий уровень риска и, как следствие, боязнь понести наказание за содеянное, не даёт им возможности принять взятку, в случае если им её предложат.

Испытуемые, относящиеся к группе коррупционеров, характеризуются высокими уровнями коммуникативных и организаторских умений, а так же высоким уровнем готовности к риску (что соответствует результатам исследований Цагикян С.Ш. [8]). Это связано с тем, что люди, обладающие способностью к эффективным коммуникациям, как правило, занимают высокие должности на ме-

стах работы и становятся управляющим звеном предприятия. В соответствии со спецификой их должности у таких людей возникает больше возможностей для получения или даже требования взятки, а поскольку уровень риска у них высокий, то они, не опасаясь за последствия, могут прибегнуть к коррупционным действиям.

Наиболее значимые различия в группах принципиально не берущих взятки и коррупционеров наблюдаются в качествах: корыстный, расчетливый, авторитарный, рискованный и расточительный.

Литература:

1. Богданов И.Я., Калинин А.П. Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты. — М., 2001 г.
2. Голиков Г.А. Коррупция: легализация или борьба // Борьба с преступностью за рубежом. 2006. № 1. С. 36—37.
3. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. — М., 2006
4. Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. — Москва, 2000
5. Медицинский вестник. № 18 (403). 30 мая. 2007 [Электронный ресурс]. URL: www.medvestnik.ru/archive/2007/18/731.html.
6. Мишин Г.К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. М., 1991.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка/ перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. — 2-е, стереотипное. — М.: Прогресс, 1986.
8. Цагикян С.Ш. Коррупция, причины, последствия. — Ереван, 2003 г.
9. <http://ru.wikipedia.org/wiki>

Изучение особенностей корпоративной культуры дошкольного образовательного учреждения (ДОУ)

Фильченко Ольга Юрьевна, соискатель

Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова

Понятие «корпоративная культура» в последние годы все шире используется педагогическим сообществом. Это обусловлено тем, что в условиях рынка, когда значительная часть социальных и профессиональных объединений строит свою деятельность на основе корпоративных отношений, система образования обязана формировать у специалистов/профессионалов готовность к деятельности, направленной на достижение корпоративных целей, корпоративных интересов. Кроме того, сами образовательные учреждения, получившие немалые права и относительную экономическую самостоятельность, являются субъектами конкуренции, т.е. вынуждены отстаивать свои «частные» интересы на рынке образовательных услуг. Приходится согласиться с мыслью, что «невозможно представить себе ситуацию, когда общество строит свои структуры по принципу корпоративных интересов, а образовательные учреждения остаются вне поля гражданских отношений» [1, с. 11].

Понятие «корпорация» (от лат. *corporatio* — объединение, сообщество) в советский период наполнялось в значительной степени отрицательным, в отличие от по-

нятия «коллектив», смыслом. Так, в «Психологическом словаре» корпорация представлена как «организованная группа, характеризующаяся замкнутостью, максимальной централизацией и авторитарностью руководства, противопоставляющая себя другим социальным общностям на основе своих узко индивидуалистических интересов. Межличностные отношения в корпорации опосредствуются асоциальными, зачастую антисоциальными ценностными ориентациями. Персонализация индивида в корпорации осуществляется за счет деперсонализации других индивидов» [2, с. 177—178].

В современных условиях хозяйствования, когда характер экономической деятельности в значительной степени определяется конкуренцией, именно с укреплением корпоративизма связано процветание хозяйствующих субъектов. При этом корпорация как субъект права не исключает целесообразности понятия «коллектив» (от лат. *collectivus* — собирательный). Коллектив как «социальная общность людей, объединенная на основе общественно значимых целей, общих ценностных ориентаций, совместной деятельности и общения» [3, с. 112] — это

ячейка корпорации, деятельность которой определяется правилами конкуренции.

Важнейшей функцией образования является бескорыстное воспроизводство духовных ценностей, обеспечение трансляции культурного опыта, воспитание и развитие человеческой личности. Это предопределяет гуманный, демократический характер достижения корпоративных целей, необходимость следования культурным образцам педагогической деятельности. Без традиционной культуры не может быть конкурентоспособного образовательного учреждения.

Корпоративная культура образовательного учреждения имеет, таким образом, двойственную природу: с одной стороны, это культура достижения интересов на рынке образовательных услуг — культура конкурентной борьбы; с другой — это традиционная академическая культура, основанная на сохранении и приращении педагогических ценностей.

Насколько необходима образовательному учреждению как конкурентоспособной организации корпоративная культура?

Значимость ее состоит в том, что она позволяет без административного нажима, естественным путем отбирать наиболее эффективные для достижения цели внутрикорпоративные межличностные отношения, соответствующие модели поведения персонала. Культивируя такие ценности, как компетентность, творческая устремленность, готовность к внешней и внутренней образовательной конкуренции (соревнованию), к работе в команде, коллективизм, гордость за своё ДОО, корпоративная культура повышает сплоченность сотрудников, согласованность их поведения, наиболее соответствующего целям организации. «Когда люди имеют единые ценности и нормы поведения, нет необходимости указывать им, как они должны поступить в каждой конкретной ситуации: организация может быть «уверена», что ее члены примут правильное решение, руководствуясь своими культурными нормами и ценностями» [4, с. 77].

Усиливая конкурентоспособность ДОО, корпоративная культура способствует повышению его имиджа, приобретению им хорошей репутации. Следует заметить, что, выбирая ДОО для своих детей, родители руководствуются не столько его имиджем, сколько репутацией. Престиж дошкольного образовательного учреждения имеет общий характер, а репутация относится к конкретным аспектам его деятельности. [5, с. 25]. Достаточный уровень корпоративной культуры позволяет каждому члену педагогического коллектива самостоятельно определять возможность достижения им наибольшего успеха в повышении и своей собственной репутации (как исследователя и как преподавателя), и вуза в целом.

Стратегия формирования корпоративной культуры разворачивается в двух планах: внешнем и внутреннем. Внешний план — применение комплекса мер, направленных на обеспечение конкурентоспособности ДОО, то

есть достижение социального статуса. Внутренний план — становление корпоративных педагогических ценностей, высокой образовательной культуры, норм педагогических отношений, обеспечивающих благоприятный морально/психологический климат, творческую атмосферу в среде педагогов, что формирует достоинство личности, профессиональную гордость и, в конечном счете, обеспечивает репутацию ДОО и коллектива.

Целью нашего исследования явилось изучение особенностей корпоративной культуры дошкольного образовательного учреждения (ДОО). В сентябре 2010 года респондентам были предложены 3 методики: 1) методика построения профилей организационной культуры — ОСАИ (Авторы: Камерон К.С., Куинн Р.Э), 2) опросник Д.Дэнисона для оценки корпоративной культуры, 3) методика по определению типа организационной культуры С. Ханди. В исследовании принимали участие воспитатели массовых и специализированных групп (логопедия и задержка психического развития), а также специалисты: воспитатель по ФИЗО, музыкальный руководитель, методист, дефектологи, логопеды, — ГОУ детский сад комбинированного вида города Москвы в количестве 25 человек.

Интересен тот факт, что и воспитатели, и специалисты давали схожие ответы по всем методикам, хотя причастность специалистов к образовательному процессу значительно больше: участие в психолого-медико-педагогических комиссиях (ПМПК), рекомендации.

Эти факты свидетельствуют о том, что в данном ДОО сотрудники скорее приспосабливаются в условиях иерархического стиля корпоративной культуры, культуры власти, чем, например, чувствуют свою причастность к происходящему образовательному процессу или умение добиваться собственных целей, а не только целей, поставленных руководством. Это действительно важно не только для педагога ДОО, но и для любого другого сотрудника той или иной организации.

Изучение корпоративной культуры этого ДОО позволило сделать вывод: сотрудники зависят от центрального источника власти — заведующей. Решения принимаются быстро в результате баланса влияний. Централизованный контроль по результатам через контролера (с помощью методиста). Руководство привлекает людей, любящих риск, уверенных в себе, способных быстро адаптироваться к изменяющимся условиям. Критерий продвижения по службе — личная преданность руководству. Присутствует ориентация на власть и на результат.

Полученные результаты исследования также свидетельствуют о том, что респонденты предпочли бы снизить культуру власти в 3 раза и значительно повысить культуру задачи, а именно: командный дух, а не индивидуальный результат, принятие решений на групповом уровне, оценивание результатов работы и регулирование взаимоотношений.

Для достижения высокого уровня корпоративной культуры необходимо решить ряд задач. Среди них:

— придать образованию профессиональную направленность, ориентацию на личность ребёнка, его интересы, склонности, способности;

— поиск новых подходов к организации совместной деятельности членов профессионального сообщества по обеспечению конкурентоспособности организации, укреплению духа сплоченности, единения, гармонизации индивидуальных интересов и интересов группы;

— приобщение воспитанников к нормам и ценностям корпоративной культуры, их адаптация к условиям дошкольной жизни, к традициям ДОО, к особенностям взаимоотношений; предотвращение возможных негативных явлений в детских коллективах, вызванных межличностным непониманием;

— укрепление духа корпорации ДОО (организация и проведение праздников, создание ритуалов; культивирование символики и атрибутики; участие в общих делах, способствующих общению детей разных возрастных групп, усилению взаимодействия воспитателей и воспитанников).

Перечисленные задачи реализуются посредством проведения следующих конкретных мероприятий: социальные игры, тренинги демократического поведения, тренинги управления конфликтом. К ним примыкает создание символики, атрибутики, логотипов, девизов, сценариев корпоративных мероприятий ДОО.

Проектирование системы корпоративных коммуни-

каций:

- организация педагогического клуба ДОО;
- выпуск внутрикорпоративных изданий;
- организация профессиональных конкурсов как средства формирования конкурентной среды;
- организация сайта ДОО, который освещает его традиции, мероприятия, достижения.

Для оценки степени формирования корпоративной культуры необходима система показателей, среди которых выделяются следующие:

- кодекс корпоративного поведения;
- стратегия формирования корпоративной культуры;
- готовность педагогов к инновационной деятельности, инициативность, творческая целеустремленность на достижение успеха;
- система управленческой поддержки, гибкость форм стимулирования;
- гордость за своё ДОО, готовность к саморазвитию, повышению квалификации.

Эффективным средством предупреждения негативных последствий иерархического стиля корпоративной культуры, культуры власти является развитие педагогического самоуправления. Талантливые педагоги — наиболее активные и принципиальные — источник соблюдения и развития традиций, высоких норм образовательно-педагогической среды.

Литература:

1. Сергеева Т.Б., Горбатько О.И. Особенности корпоративной культуры образовательного учреждения // Педагогика. — 2006. — № 10.
2. Психологический словарь / Под ред. А.В.Петровского, М.Г. Ярошевского. — М., 1990.
3. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим/Бад. — М., 2003.
4. Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. — М., 2006.

Содержание этнических представлений современной российской молодежи

Фомина Юлия Игоревна, ассистент
Тульский государственный университет

Общества транзитивного типа, к которым относится и современная Россия, характеризуются этнотрансформационными и этноэволюционными процессами. В современном мире наблюдается возрастание интереса к этническим корням через обращение к традиционным ценностно-мировоззренческим началам предков, которые можно найти в межпоколенных стабильных общностях — этносах. Прогрессирующую этнизацию сегодня предлагают рассматривать в рамках общественных явлений (безработица, конфликты распределения, страх перед конкуренцией) [1,6].

Изучение этномолодежных проблем чрезвычайно важно и потому, что в период резкой смены социальных

и ценностных ориентиров основными молодежными проблемами становятся центральные проблемы всего общества и, как правило, молодежь их острее ощущает и свободней выражает, то есть выступает как своеобразный индикатор социальной и национальной напряженности. Проблема формирования этноидентичности у студенческой молодежи становится особенно актуальной для тех регионов России, где исторически сложилась мультикультурная, полиэтническая среда [7,11].

Молодость охватывает период жизни от окончания юности от 18—20 лет до примерно 30 лет. Молодость — время создания семьи, время освоения выбранной профессии, определения отношения к общественной жизни и

своей роли в ней. В молодости наиболее доступны самые сложные виды профессиональной деятельности, наиболее полно и интенсивно происходит общение, наиболее легко устанавливаются и наиболее полно развиваются отношения дружбы и любви. Молодость считается оптимальным временем для самореализации. Для нее характерно оптимальное сочетание психологических, физиологических, социальных и других факторов, благоприятствующих выбору спутника жизни и созданию семьи [5,9]. Существенные изменения происходят и в этническом развитии молодого человека. Данный возрастной этап рассматривается как решающий период развития этнического самосознания, его упрочения и закрепления. В данный период этническое самосознание молодого человека расширяет систему его представлений о мире, укрепляет его место в нем. Этническая самоидентификация в этом возрасте формируется по принципу: «Мы» «Они» [10, 14].

Этнические представления в данном возрасте будут сформированы четырьмя ведущими факторами [8,12,14,15]. Эти факторы когнитивно очерчивают окружающее пространство — материальное, социальное, психологическое — любого этноса:

1) культурно-исторический фактор включает определенные комплексы особенностей хозяйства и культуры, которые складываются исторически;

2) антропологический фактор основан на биологическом и генетическом родстве. Сюда можно отнести особенности физического строения людей, передаваемые по наследству и характерные для больших групп людей;

3) географический фактор учитывает факт географического соседства народов, отражающий совместный характер их проживания в пределах какой-либо определенной, чаще всего обширной территории;

4) национальный характер и психология объединяют специфические психологические черты, особенности восприятия мира и формы реакций на него, ставшие свойственными той или иной социально-этнической общности.

Наше исследование посвящено изучению содержательного наполнения образа своей национальной группы у российской молодежи. В проведенном исследовании приняли участие 90 молодых людей в возрасте от 18 до 23 лет. Выборку составили молодые люди, имеющие определенный опыт непосредственного инокультурного взаимодействия — это необходимо для того, чтобы можно было в наибольшей степени актуализировать различия самого разнообразного плана при выделении специфики образа представителя своей национальной группы. Были использованы следующие методики [13]: 1) шкальный опросник О.Л. Романовой для исследования этнической идентичности (модифицированный вариант); 2) методика Дж. Финни, измеряющая выраженность этнической идентичности; 3) методика изучения представлений о признаках родства со своим народом; 4) авторская методика «Этнические аттитуды».

Первоначально проанализируем шкалу значимости национальности для современной российской молодежи. Необходимо отметить, что в анализе ответов можно выделить две группы лиц по типу восприятия национальных особенностей:

1) лица, отличающиеся высоким уровнем значимости национальности и национальных вопросов (68%). Люди, относящиеся к данной группе, оценивают национальность как чрезвычайно важную категорию для оценки своего окружения; многие события, отношения и ситуации они рассматривают часто именно через призму национальных процессов. Нужно отметить, что представители данной группы далеко не всегда проявляют этническую нетерпимость, хотя в отношении некоторых национальных групп ее проявления можно увидеть довольно отчетливо;

2) лица, достаточно равнодушно или нейтрально воспринимающие национальные особенности (32%). Что касается лиц данной подгруппы, то они не уделяют национальной принадлежности как своей, так и чужой, особого внимания. Они уверены, что сегодня в мире все национальные группы размыты и перемешаны, вследствие этого национальная принадлежность не может рассматриваться как важный и необходимый признак оценки человека.

Первый вопрос, предлагаемый для анализа, — это вопрос о сохранении и развитии национальной культуры. Испытуемые первой подгруппы считают, что развитие и сохранение должно распространяться как на развитие культуры в целом, так и ее национальных вариантов, при этом необходимо сохранять национальные культурные компоненты всех национальных групп. Они отмечают, что национальные культурные традиции и ценности заслуживают особого внимания, поскольку являются важным фактором, определяющим национальную самобытность и помогающим группе объединиться. Однако, при этом молодые люди считают, что, несмотря на значение сохранности национальных культурных компонентов, национальные меньшинства должны сохранять ее только в пределах своей национальности и не выносить на всеобщее обозрение. Это можно объяснить тем, что в условиях многонационального развития русский этнос оказывается достаточно «размытым» по многим национальным составляющим, вследствие чего на данном этапе необходимо сохранять и развивать именно национально окрашенные компоненты своей этнической группы. Кроме того, миграционный поток с каждым годом становится все сильнее, что также «этническому оформлению» своего этноса не способствует. Что касается второй подгруппы, то она также уверена, что необходимо развивать культуру в целом, не разделяя ее на национальные компоненты. Они уверены, что культура не может иметь национальной принадлежности; те особенности и компоненты, которые становятся культурным достоянием, являются общечеловеческой ценностью и не могут быть отнесены ни к какой этнической группе.

Следующий вопрос — это вопрос о необходимости ориентироваться в дружбе или браке на этническую принадлежность человека. Испытуемые первой подгруппы уверены, что национальная принадлежность не может определять какие-либо настроения человека, но полностью сбрасывать ее со счетов в процессе выбора друзей или брачных партнеров они не готовы. Как правило, молодые люди не демонстрируют готовности дружить или вступать в брак только с представителем русского этноса, хотя и отмечают, что оказывается не нужна этническая адаптация к партнеру. При этом, также нет этнической группы, представители которой ни в коем случае не рассматриваются как партнеры по браку или дружбе. Необходимо отметить, что дружба допускает больше этнической свободы, нежели брак. Смешанный брак в целом воспринимается позитивно, однако, испытуемые уверены, что в таком браке больше конфликтов и непонимания в силу разной этнической принадлежности супругов. Кроме того, в таком браке могут возникнуть проблемы, связанные с процессом воспитания детей, поскольку им придется приспосабливаться к различным этническим особенностям родителей. Однако, при этом испытуемые уверены, что сильное чувство и доверие партнеров друг к другу могут перечеркнуть все этнические различия и сделать брак прочным и счастливым. Представители второй подгруппы уверены, что национальная принадлежность не может определять как дружеские, так и брачные отношения; только личные качества человека могут считаться важными и необходимыми для учета в такой ситуации. Любые национальные различия всегда можно преодолеть, кроме того, часто они создаются искусственно самими людьми и не имеют под собой реальных оснований. Смешанный брак также воспринимается положительно, личные качества человека и здесь выходят на первый план.

С точки зрения большинства представителей выборки национальная принадлежность не может и не должна являться тем фактором, который разъединяет людей. Они уверены, что в современном многонациональном мире различные межнациональные контакты неизбежны, и людям необходимо учиться находить общий язык независимо от того, к какой этнической группе они принадлежат. Современное общество, как правило, единым в национальном плане образованием не является, что позволяет практически каждому человеку сталкиваться с представителями разных национальностей. Сегодня практически нет стран и регионов мононациональных со своему составу, следовательно, национальность не должна являться краеугольным камнем человеческих отношений. Однако, в этом, случае важное значение приобретают специфические особенности поведения человека. Испытуемые отмечают, что часто представители других этносов ведут себя недостаточно этично с их точки зрения (как правило, к таким группам относятся национальности Кавказа и Средней Азии, поскольку именно они составляют основной миграционный поток). Для вы-

борки оказалось свойственно переносить поведение отдельных членов группы на конкретную национальность в целом, однако, при этом они отмечают, что представители своей национальной группы также далеко не всегда демонстрируют «правильное» поведение, в силу чего возможны недоразумения и конфликты. Однако, испытуемые уверены, что если конфликт не раздувать и не акцентировать на нем внимание постоянно, то договориться люди разных национальностей все равно смогут. А наличие серьезных этнических разногласий говорит о том, что у людей цель договориться не стоит. При этом, абсолютно все национальным группам необходимо проявлять уважение друг к другу, учитывая, что все действуют по разным правилам. Необходимо отметить, что данный вопрос единственный, в ответе на который испытуемые проявили единодушие.

Что касается влияния национальной принадлежности на общение, то испытуемые первой подгруппы будут учитывать ее, но не будут ориентироваться на нее. Только личные качества человека могут определять возможность общения с ним, хотя они часто могут зависеть от национальной принадлежности. Испытуемые отмечают, что не имеют близких и долговременных отношений с представителями других национальных групп, в силу чего часто ориентируются на установки и стереотипы, существующие в обществе относительно поведения. Хотя, они указывают, что в отношении русских подобные стереотипы довольно размыты и сохраняют свою активность только в отношении ряда негативных характеристик. Что касается второй подгруппы, то они полностью сориентированы на человеческие качества, а не национальную принадлежность. Здесь наблюдается традиционная представленность этнического стереотипа: представители других этнических групп воспринимаются только в условиях этнического стереотипа, а представители своего этноса рассматриваются как не соответствующие стереотипу, особенно в его отрицательной части.

Что касается воспитания национальной гордости, то мнения также разделились. Испытуемые первой подгруппы считают, что это необходимо делать с раннего возраста. Каждая национальная группа имеет те особенности, которыми можно гордиться, следовательно, их надо обязательно знать. С другой стороны, испытуемые отмечают, что детей необходимо учить и просвещать относительно национально ориентированных компонентов: дети должны знать свою историю, культуру, правила и особенности поведения и др., то есть ребенку обязательно надо транслировать знания о своей этнической группе. Поэтому, необходимо не столько воспитывать национальную гордость, сколько осуществлять этническую информатизацию детей. Испытуемые утверждают, что для русских подобная информированность не очень характерна в отличие от других этносов. Что касается испытуемых второй подгруппы, то они уверены, что национальная гордость не должна воспитываться с детства, если родители не считают это необходимым. У ребенка необходимо развивать

разные качества, но определять их должны родители — будет достаточно, если ребенок будет знать, к какой национальной группе он принадлежит. При этом, чувство национальной гордости часто ребенку может ничем в жизни не помочь. Такая позиция также может быть связана с современным состоянием русского этноса: многие его особенности сегодня не знакомы даже его взрослым членам, а в условиях миграционного потока подобные тенденции только усиливаются. Многие люди начинают воспринимать себя космополитами, без ярко выраженной этнической отнесенности, что передается и подрастающему поколению.

Вопрос о межнациональных спорах также вызывает разногласия. Испытуемые первой подгруппы уверены, что в межнациональных спорах желательно следовать интересам своей национальной группы. Если уже подобный спор имеет место быть, и его предмет действительно затрагивает интересы конкретного народа, то не имеет смысла отдавать позицию другой стороне. Однако, испытуемые второй подгруппы уверены, что любые споры в том числе и межнациональные, нужно решать, исходя из позиции справедливости, даже если в данном случае интересы своего народа могут быть и не учтены — только в такой ситуации есть шанс разрешить спор и сделать так, чтобы он не перешел в долговременный конфликт. Многие испытуемые уверены, что межнациональный спор часто раздувается специально, на самом деле он имеет совсем другое основание, нежели этническое; таким образом, межнациональный спор становится попыткой решить проблемы совсем другого характера. Поэтому, в данном случае необходимо решить другие проблемы, тогда межнациональный спор исчезнет сам собой.

В целом, необходимо отметить, что для современной молодежи характерно довольно высокая значимость оценки национальности и национальных категорий. Многие компоненты русского этноса оказались довольно размыты сегодня (например, внешние особенности) или забыты и не распространены посредством социализации (например, многочисленные культурные компоненты), что не позволяет оценивать себя в рамках данной национальности. Но даже при этом испытуемые воспринимают себя членами русского этноса, а самоопределение обязательно включает в себя осознание национально ориентированных особенностей. Таким образом, можно говорить о том, что для современной русской молодежи национальность входит в число категорий для оценки окружения. Возможно, такая ситуация связана с тем, что современная молодежь не попала в то время, когда различные социализирующие организации уделяли особое внимание именно этническому развитию в различных его аспектах, что не позволяет сформировать устойчивый интерес к данным особенностям. Сегодня эти процессы развиты гораздо сильнее, однако, распространяются в основном на представителей младших возрастных групп. Таким образом, мо-

лодежь в целом оказывается не охвачена «этническим развитием» в полном объеме, что часто приводит к недооценке роли национального компонента для жизни и адаптации в современном обществе.

Это подтверждается и следующей методикой о признаках родства со своим народом. Необходимо отметить, что для русской молодежи можно выделить не так много признаков родства со своей этнической группой. Однако, даже в этом случае в группе не оказалось испытуемых, которые не смогли бы выделить хотя бы один такой признак. Условно все признаки родства можно объединить в 4 основных фактора, которые составляют структуру этнических представлений: антропологический, культурно-исторический, географический, национально-психологический. Только 12% испытуемых уверены, что внешность является важным этническим признаком; они уверены, что не вполне соответствуют стандартному внешнему типу своей национальной группы. Согласно мнению испытуемых. Внешность — это один из наиболее ярких признаков, наиболее иллюстративная особенность, но это распространяется только на представителей других этносов. Внешние особенности русских довольно расплывчаты сегодня, чем и можно объяснить подобные оценки данного компонента. Кроме того, большинство русских имеют различные «этнические примеси», что также существенно меняет внешний тип. Можно также отметить, что специфика этнического самосознания в молодом возрасте заключается в том, что оно ориентировано на более глубокие компоненты в оценке этнических признаков, нежели внешние особенности. При этом, типичный русский описывается как фольклорно закреплённый образ. Можно также отметить, что в образе русского человека нет никаких запоминающихся деталей (например, цвет кожи или разрез глаз), что также несколько вытесняет внешность из этнических признаков.

Несколько больший процент испытуемых уверены, что их роднит со своим народом местожительство и особенности природы (42%). С точки зрения большинства испытуемых именно средняя полоса РФ — это основная «ассоциативная» зона проживания русских. Особенности климата, рельефа, животного и растительного мира, традиционно закрепляемые за русским этносом, иллюстрируют именно среднюю полосу, подтверждения чего можно найти также в различных фольклорных источниках. Многие испытуемые отмечают, что современная окружающая действительность значительно изменена по сравнению с традиционными взглядами, а русские — это этнос, который распространен довольно широко, что также не позволяет зафиксировать в сознании единую территорию проживания. Таким образом, в данном случае также можно проследить ситуацию, как и с компонентом внешности. Однако, у молодых людей есть больше возможностей столкнуться с компонентами географического характера, что повышает значимость в сознании молодых людей.

Следующий признак, который анализируют испытуемые, — это историческое прошлое и судьба — его значение для молодых людей значительно выше (78%). Для многих молодых людей исторические события представляют в какой-то степени события его личной истории. В отличие от внешности и географии история в меньшей степени подвержена изменениям со временем, они остаются статичным компонентом в сознании субъекта. Необходимо отметить, что, как правило, роднят со своим народом крупные и наиболее значимые исторические события, но, чаще всего, молодые люди оперируют событиями двух последних веков, а также всего лишь некоторыми крупными событиями более далекого времени. Необходимо отметить, что именно в данном компоненте появляется дополнительный признак, которого нет в предложенном списке, — это известные исторические деятели. Как правило, испытуемые выделяют деятелей самых различных областей — это политика, искусство, культура, образование, спорт, экономика, образование и др. Именно в данном случае испытуемые гордятся не только тем, что данные исторические деятели принадлежат к русскому этносу, но и тем, что сами молодые люди относятся к этой национальной группе. Необходимо отметить, что испытуемые выделяют и современных деятелей различных сфер, которые способствуют процветанию РФ. Процент испытуемых, которых со своим народом роднят исторические деятели даже выше (88%), чем историческое прошлое. Многие молодые люди возмущены, что сегодня часто можно наблюдать процесс «переписывания» истории только потому, что это выгодно некоторым странам — именно национальные группы этих стран вызывают резко отрицательное отношение со стороны большинства испытуемых. Однако, в этом, они выделяют не столько этническую, сколько политическую подоплеку; все уверены, что история может быть одна, и она не может содержательно меняться во времени.

Большинство испытуемых роднят со своим этносом многочисленные культурные признаки (92%). Единственный признак, который был выделен всей выборкой, — это язык. Все испытуемые уверены, что русским может считаться только тот человек, который знает русский язык. Необходимо отметить, что для молодых людей важным значением обладает не столько знание языка как такового сколько умение его контекстно использовать (например, большинство выборки уверено, что кроме русских никто не понимает и не охотится использовать русский юмор). Таким образом, можно обратить внимание на то, что для русских молодых людей важным значением обладают не указанные признаки в процессе их присутствия/отсутствия, а в опосредованной «ассоциативной» форме. Также достаточно большое количество испытуемых (88%) указывают на то, что со своим народом их роднит фольклор — это предания, сказки, пословицы, поговорки и др. — практически все они присутствуют в опыте маленького ребенка. Даже при небольшом объеме присутствия в сознании молодых людей

они запоминаются довольно хорошо; кроме того, именно фольклор является основным компонентом для анализа этнически окрашенных особенностей. Достаточно мало испытуемых указывают на то, что важным компонентом являются песни и танцы (32%) — данный компонент сравнительно редко оказывается в опыте субъекта, что и не позволяет оценить его довольно высоко. Сегодня довольно часто можно встретиться с подобным компонентом, но для массового зрителя он представлен уже в измененной форме, что не позволяет оценить его именно как признак своей национальной группы. Отдельно необходимо обратить внимание на компонент искусства (литература, живопись, скульптура, архитектура и др.) — он также выделяется достаточно большим количеством испытуемых (90%). Многие произведения искусства воспринимаются как достижения именно своей национальной группы или как достопримечательности. Ориентируются в них испытуемые довольно хорошо, а список основных примеров достаточно многочисленный. Из дополнительных культурных компонентов, которые также выделили сами испытуемые, можно выделить праздники (72%) — практически все указывают на особую любовь к им русских людей, а также на умение их отмечать. Некоторая часть выборки, довольно небольшая (40%) указала на кухню как значимый роднящий компонент — сегодня русская кухня, как и другие именно национальные кухни, является достаточно модной, с ней можно столкнуться довольно часто, а многочисленные ее составляющие являются устойчивыми семейными традициями. Также довольно большой объем испытуемых (64%) указали на разнообразную символику — они могут носить как официальный, государственный характер (например, флаг или гимн), а также может носить неофициальный, но ассоциативный характер (например, береза). Это также подтверждает тот факт, что в молодом возрасте именно символика своей национальной группы связана с ней гораздо больше, чем конкретные отдельные признаки в своем прямом значении. Только небольшой процент испытуемых (40%) указали на то, что роднящим фактором являются обряды и традиции — возможно, это связано с тем, что многие национальные традиции сегодня ушли в прошлое, они редко сохраняются и в современном мире распространены слабо. Сегодня РФ развивается в западно-ориентированном ключе, в силу этого, национальные традиции оказываются просто не знакомы молодым людям. Кроме того, на современном этапе развития, даже при том, что многие компоненты начинают возрождаться, но пока они не затрагивают сугубо национально ориентированные традиции, а касаются, чаще всего, других указанных этнических признаков.

Что же касается последнего признака — черт характера и психологии — то достаточно большое количество испытуемых (90%) указывают на его важность для себя. Большинство уверены, что русские являются носителями достаточно значительного количества позитивных

характеристик, которые помогают выжить сегодня. Однако, что касается недостатков, они или признаются довольно несущественными или достаточно «раздутыми». При этом, большинство недостатков не признаются относимыми к своей личности, а многие достоинства рассматриваются как и собственные психологические особенности тоже, или, по крайней мере, испытуемые хотели бы иметь в структуре своего характера некоторые характеристики. Однако, имеют место некоторые особенности негативного свойства (например, лень), которые испытуемые ни при каких условиях не хотели бы видеть у себя. В анализе национальных особенностей проявляется основной закон автостереотипа: он всегда в большей степени наполнен положительными особенностями, чем отрицательными, даже возможные недостатки обыгрываются в положительном ключе.

Таким образом, для современной российской молодежи ведущим значением обладают компоненты культурного и исторического характера, а также национальные особенности, чуть меньшим значением обладают географические признаки и последними по значению представлены особенности внешности. При этом, основным значением обладают те компоненты, которые подразумевают контекстное, а не прямое понимание, что также отражено в тех признаках, которые занимают высокие позиции.

Что касается ситуаций ощущения себя русским человеком, то их можно выделить несколько: Что касается ситуаций ощущения себя русским человеком, то их можно выделить несколько:

1) ситуации пребывания за границей (90%); 2) какие либо крупные победы и достижения (86%); 3) праздники (84%); 4) любые ситуации, связанные с документами (82%); 5) звучание русского гимна (98%); 6) церковные обряды (64%); 7) ситуации бумажной бюрократии (72%); 8) восприятие составляющих русского искусства (68%); 9) когда машина с мигалкой не пропускает машину «Скорая помощь» (70%); 10) использование русского языка (92%); 11) отдых на природе (72%); 12) употребление национальных блюд (54%); 13) выступление президента (60%); 14) ситуации нелестных отзывов о РФ (86%); 15) соблюдение национальных традиций (48%); 16) нахождение в общественном транспорте (62%); 17) столкновение с пьяным людьми (70%); 18) слушание национальных песен или танцы под национальную музыку (52%); 19) прослушивание криминальных новостей (40%); 20) прием гостей (56%); 21) когда старшие родственники рассказывают о семейном прошлом (78%); 22) русские дороги и автомобили (72%); 23) очереди (50%); 24) внешние особенности (44%); 25) финансовые пирамиды (40%); 26) любые ситуации, когда приходится демонстрировать черты характера, присущие русским (82%).

Таким образом, можно увидеть, что приведенные испытуемыми ситуации охватывают все основные 4 компонента этнических представлений, а их отражение в со-

знании русской молодежи соответствует тому, что было выделено в предыдущей методике.

Следующая методика, предлагаемая испытуемым, это методика выраженности этнической идентичности Дж. Финни. Вся выборка 100% причисляет себя к русским, также к данной национальной группе молодые люди относят и своих родителей. Необходимо отметить, что аффективный компонент этнической идентичности выражен значительно сильнее, чем когнитивный. Сама информация об особенностях своей национальной группы в сознании молодых людей представлена довольно незначительно; при этом, они отмечают, что в целом не заинтересованы в ее поиске, их вполне устраивает тот объем знаний, которым они владеют. При этом, необходимо отметить, что в целом отношение к своей национальной группе всеми испытуемыми оценивается положительно. Рассмотрим конкретные ответы испытуемых более подробно.

Для большинства испытуемых не характерно уделять много времени поиску информации о своей национальной группе (80%) — их вполне устраивает тот объем информации, который может быть доступен благодаря социализирующим программам. Испытуемые вполне довольны теми знаниями, которые они получают в рамках системы образования и семейной социализации. Многие испытуемые уверены, что особенности своего этноса меняются достаточно быстро, так что фиксированное «ядро» русского этноса в информационном плане довольно небольшое. Только 20% выборки обратили внимание на то, что специально уделяли время для поиска информации о своей национальной группе. В данном возрасте основным средством получения информации является самостоятельный активный поиск (основную роль в этом процессе играет Интернет — он позволяет найти любую информацию по любой теме). Однако, необходимо отметить, что такой информационный поиск, как правило, не носит систематического характера, в основном он имеет место только том случае, если молодые люди оказываются заинтересованными чем-либо или кем-либо — так происходит со многими национальными компонентами (молодые люди слышали песни какой-либо фольклорной группы, они начинают искать о ней и ее музыке информацию; они оказались в русском ресторане — они начинают интересоваться русской кухней и т.д.).

Как правило, для испытуемых не характерна особая активность в группах, состоящих только из членов своего этноса. Для молодых людей социальная активность рассматривается как довольно нормативное состояние, однако, при этом, не происходит разделения на своих и чужих в группах, где происходит общение. Испытуемые уверены, что проявлять социальную активность нужно независимо от того, каков национальный состав группы, все должно зависеть от цели, которая стоит перед группой, а также от интересов всех ее участников. Молодые люди уверены, что договориться можно с любым человеком, какой бы национальности он ни был, если это действительно необходимо. Единственное условие, при котором испыту-

емые будут ориентироваться на национальную принадлежность — это какие-либо нелестные высказывания или обвинения в адрес русского этноса. При этом 20% выборки отметили, что они могут простить подобное поведение русским, но не простят представителям других национальностей; остальная же часть считает, что уважать свою нацию необходимо, ее можно не любить, не проявлять по отношению к ней особого интереса или заботы, но уважать ее нужно обязательно.

Большинство испытуемых не могут точно объяснить, что для них значит собственная этническая принадлежность: они хорошо ее знают, но ее влияние на собственную жизнь представляется и описывается с трудом. Нужно сказать, что хотя этническая принадлежность и важна для молодых людей, через подобную призму они воспринимают себя далеко не на первых позициях: это можно объяснить тем, что русские являются национальным большинством для конкретного региона, хотя вокруг русских можно увидеть огромное количество представителей разных этнических групп, что позволяет непосредственно обнаруживать собственные отличия. Необходимо отметить, что для поколения современной молодежи не было характерно специально создавать систему этнических знаний или специально создавать систему определенного отношения к своему этносу. Во многом именно этим можно объяснить довольно нейтральное отношение к национальности и национальным категориям; современная молодежь также практически не задета специальной этнической социализацией, что также делает данную позицию вполне объяснимо и закономерной. Современные программы по этническому развитию в основном направлены на более младшие возрастные группы, а молодежь оказывается в зависимости только от собственной активности в этом плане.

В связи с подобной точкой зрения для молодых людей не характерно специально общаться с людьми для того, чтобы узнавать больше о своем этносе. Как правило, к таким людям молодежь относит родителей и учителей. Поскольку отношения с родителями в данном возрасте становятся несколько дистанцированными, а система образования заканчивает свое влияние практически в начале молодости, то у испытуемых практически нет возможности для такого общения. Часто молодые люди даже не знают, с кем они могли бы побеседовать о своей национальности, таким образом, они могут воспользоваться только доступными им информационными источниками — это различные информационные ресурсы. Часто существующие клубы с этнокультурным уклоном предназначены для детей более младшего возраста или о них необходимо узнавать специально, поскольку они редко известны широким массам. Таким образом, необходимо отметить, что одной из задач этнического развития — это создание специальных программ именно по информационному развитию представителей старших возрастных групп, благодаря которым у них есть возможность знакомиться с особенностями именно своего этноса. Это

поможет, в свою очередь, и семье полноценно и разнообразно выполнять свои этнически ориентированные функции, поскольку именно семья в первую очередь задает определенные нормы и правила восприятия этнического окружения.

Практически все испытуемые в той или иной степени соблюдать национальные традиции — они могут в большей или меньшей степени распространены, могут быть в большей или меньшей степени этнически ориентированы, однако, нет таких представителей выборки, для которых национальные традиции не существенны. В целом, молодые люди склонны говорить о том, что хотели бы узнать больше об исконно русских национальных традициях, поскольку многие из них сегодня оказываются забытыми или существенно изменены. Однако, нужно отметить, что это единственный пункт по которому оценка когнитивного компонента этнической идентичности в 92% случаев оказывается самой высокой. Культурные признаки занимают одно из центральных мест в сознании молодого человека в оценке этнической принадлежности, чем также и можно объяснить подобное распределение ответов.

Необходимо отметить, что максимальный балл в оценке когнитивного компонента — это 4, в данной выборке он равен 2,5. Существенно выше оказывается показатель аффективного компонента этнической идентичности — максимальный балл здесь также равен 4, однако в выборке он равен 3,5.

Необходимо отметить, что большинство испытуемых не очень хорошо знают свое этническое происхождение: как правило, они знают свое этническое происхождение, а также происхождение своих родителей и довольно приблизительно могут определить происхождение бабушек и дедушек — это предел знаний молодых людей. При этом, необходимо отметить, что такая ситуация характерна только для той части молодежи, которая имела контакты с пра-родительским поколением; те же молодые люди, которые жили от него отдельно и встречались лишь эпизодически, часто затрудняются с определением национальной принадлежности. При этом, большинство испытуемых указывает на то, что, как правило, не интересуются особенно национальной принадлежностью родственников, если она не отличается от большинства. Кроме этого, необходимо отметить, что достаточно явно для испытуемых выступает понимание собственной национальной принадлежности — это определяет традиции, нормы, правила, место проживания, историю и другие особенности; то есть даже при нейтральном отношении к своей национальной принадлежности, она все равно создает для молодых людей определенные жизненные рамки. Даже при возможности изменения некоторых компонентов (например, может поменяться место жительства), все равно останутся некоторые признаки, которые характерны только для конкретной национальной группы и будут подвергаться изменениям с течением времени (например, со временем не меняются исторические события или национальные

традиции). Они будут составлять определенный жизненный план для каждого человека, принадлежащего к конкретному этносу.

Все испытуемые указали, что рады принадлежать к своей этнической группе — они уверены, что национальная принадлежность получается человеком с рождения, поэтому он должен существовать в тех национальных пределах, которые изначально ему даны. Молодые люди уверены, что в каждой национальной группе есть свои плюсы и минусы, поэтому каждому этносу есть, чем гордиться и есть, что скрывать, как и русским. Поэтому у русских есть свои положительные и отрицательные стороны, которые нужно принимать и понимать, что человека данной национальной принадлежности будут воспринимать именно в этих категориях. Однако, независимо от того, к какой группе принадлежит личность, она должна обязательно проявлять уважение к своему этносу. Каждый представитель этнической группы должен владеть хотя бы минимальными знаниями о ней, а также у любого представителя конкретной национальности должно быть сформировано положительное отношение к ней. Также необходимо отметить, что испытуемые, в большинстве своем, четко ощущают связь со своим этносом. Она может выражаться по-разному, но, чаще всего, основные линии связи — это культурные традиции, или история, или национальные особенности поведения. С точки зрения молодежи, связь со своим довольно не разрывная — она будет сохраняться независимо от возраста, социального положения, места жительства и других изменений, происходящих с человеком, но только в том случае, если сам человек этого хочет. Испытуемые отмечали, что хотели бы передать определенные этнические знания своим детям, чтобы связь со своим этносом укреплялась и передавалась следующим поколениям. При этом, молодым людям кажется достаточным тот объем знаний, который есть у них для передачи детям. При этом, процесс сохранения связи со своим этносом необходим особенно тем, кто живет в каком-либо другом месте, вне своего национального окружения, поэтому испытуемые в целом не против сохранения национальных традиций у национальных меньшинств.

Как уже отмечалось, у испытуемых довольно высокий уровень понимания значимости своей национальной принадлежности — для них национальность связана с конкретными признаками, которые или их окружают, или определяет некий жизненный стиль. Испытуемые уверены, что довольно большое количество вещей определяет национальная принадлежность; однако, возможно, что проживание внутри определенной этнической среды делает это не таким заметным, как в случае проживания вне ее, в силу этого приспособливаться к чужой национальной группе всегда довольно сложно. Испытуемые уверены, что даже если национальным особенностям большого значения не придавать, они все равно оказывают достаточно сильное влияние на человека, поэтому избавиться от них невозможно. Многие молодые люди

считают, что современное общество воспринимает национальность как довольно значимый компонент, в силу чего, во многих сферах подчеркивается значимость национально-ориентированных признаков. Таким образом, национальность незримо присутствует практически во всех сферах жизни человека, и отрицать это или не принимать это во внимание не имеет для человека смысла.

Все испытуемые гордятся своей этнической группой — в основе этого могут лежать какие-либо известные события, известные личности, произведения искусства, достопримечательности, черты характера и др. Гордость своей национальной группой для современной молодежи очень важна — именно это чувство подчеркивает единение со своим этносом и позволяет ощутить себя частью большого целого. Так же, как и в предыдущей методике, поводом для гордости в основном являются культурные компоненты или исторические признаки, или особенности национальной психологии. Испытуемые уверены, что гордость — это единственно из национальных чувств, которое должно присутствовать у любого члена любого этноса. Гордость связана с достаточно сильной привязанностью к своему этносу — молодые люди уверены, что в пределах своего национального окружения она может ощущаться недостаточно, но при попадании в другую страну или при общении с лицами иной национальной принадлежности испытуемые довольно быстро ощущают, что они другие. Необходимо отметить, что часто это не связано с ощущением дискомфорта или недовольства при общении с иностранцами. Но, при этом, привязанность к своей национальной группе может ярко проявляться и в пределах своего этноса — многие типичные ситуации, в которых испытуемые чувствуют себя русскими, показывают, что большинство ситуаций воспринимается в целом достаточно нормативно, даже с некоторой долей иронии и самоиронии. Таким образом, в повседневном поведении, молодые люди ощущают включенность в собственное этническое окружение, воспринимая это в положительном ключе.

Все эти особенности указывают и на отношение испытуемых к своему этническому происхождению — оно положительно у всей выборки. При этом, они отмечают, что у русских есть не всегда достойные черты характера, к которым невозможно относиться позитивно, но в целом на общее восприятие своей национальной группы данный фактор не распространяется. Большинство испытуемых уверены, что не стали бы менять этническую принадлежность, хотя указывают на то, что недостатки своего этноса часто мешают адекватно воспринимать их лицам иной национальной принадлежности. Но даже в этом случае, у испытуемых отсутствует неприятие собственной национальной группы, хотя чувство стыда, иногда, она вызывает.

Необходимо отметить, что общий показатель этнической идентичности довольно высок: при максимуме в 4, он оставляет 3. Это можно объяснить довольно развитым уровнем этнического самосознания в молодом

возрасте. Все компоненты, составляющие этнические представления, уже полностью присутствуют в сознании молодежи; имеет место четкое представление значимости национальной принадлежности и хорошая ориентация в национально-окрашенных категориях. В целом, можно отметить некоторый перекося в сторону аффективного компонента национальной идентичности — молодым людям проще и понятнее воспринимать данное явление в эмоциональных оценках, при этом необходимо отметить, что национальная принадлежность не вызывает у испытуемых никакого эмоционального негатива, а часто сопровождается чувством гордости за свой этнос. Когнитивный компонент выражен сравнительно слабее даже у выборки рассматриваемого возраста — знаний о своей национальной группе у молодежи сравнительно немного. Необходимо отметить, что подобная ситуация воспринимается испытуемыми нормально, только сравнительно редко они указывали на то, что этнической информации явно недостаточно. Молодые люди ориентированы на собственную активность в попытке найти необходимые сведения, однако, подобные меры, как правило, эпизодичны в их опыте. Многие испытуемые довольно плохо ориентированы в этническом происхождении собственной семьи, часто догадываются о ней или просто считают ее идентичной своей. Таким образом, можно обратить внимание на явно недостаточную информационную представленность собственного этноса в доступной для молодежи форме, а также на недостаточно высокий уровень заинтересованности самих молодых людей в создании образа своего этноса. Многие молодые люди отмечали, что этнически ориентированные клубы, кружки, факультативы были бы довольно полезными и интересными в просветительских целях.

Последняя методика, предлагаемая для анализа испытуемым, это методика «Этнические аттитюды». Она представляет собой перечень этнических анекдотов про русских, на материале которых испытуемым предлагается выделить те характеристики, которые они считают относящимися именно к данной национальной группе. Сама методика состоит из трех блоков:

1) испытуемым самим предлагается составить портрет русского человека на материале анекдота;

2) испытуемым предлагается сделать тоже самое, но с использованием списка фиксированных характеристик (всего им предлагается 375 качеств);

3) испытуемым предлагается указать те особенности, которые они могут выделить в своем характере, совпадающие с образом типичного русского.

Анализ первого блока позволяет выделить в структуре характера русского следующие характеристики: Анализ первого блока позволяет выделить в структуре характера русского следующие характеристики: 1) непредсказуемость; 2) творческий подход к любому делу; 3) веселье; 4) храбрость; 5) общительность; 6) доброта; 7) патриотизм; 8) находчивость; 9) умение полагаться на «авось»; 10) доверчивость; 11) прямолинейность; 12) отзывчивость; 13)

духовность; 14) нерасчетливость; 15) внешняя красота; 16) умение отдыхать; 17) особое чувство юмора; 18) честность; 19) авантюризм; 20) разгильдяйство; 21) лень; 22) склонность к вредным привычкам (особенно к алкоголю); 23) коллективизм; 24) гостеприимство; 25) независимость от чужого мнения.

Необходимо отметить, что отмечается высокая степень совпадения между теми характеристиками, которые выделили испытуемые, и теми особенностями, которые традиционно закрепляются за русским этносом (степень совпадения определялась с помощью критерия согласия χ^2 при $p < 0,01$) [2,3,4].

Второй блок предлагает испытуемым выбрать из предложенного списка основные особенности русских. В целом можно также отметить высокую степень совпадения как со списком характеристик, выделенных в первом блоке, так и с образом типичного русского (степень совпадения доказывалась также с помощью критерия согласия χ^2 и t — критерия Стьюдента при $p < 0,01$). Список характеристик, выделенный с помощью фиксированных особенностей, оказался значительно шире. Выделенные качества можно объединить в следующие кластеры: авантюризм — балаболизм — безалаберность — беззлобность — безответственность — веселье — гордость — гостеприимство — доброжелательность — доверчивость — дурашливость — жизнерадостность — легкомыслие — лень — милосердие — мудрость — надежность — находчивость — непобедимость — одухотворенность — противоречивость — расхлябанность — самомнение — смекалка — соображение — справедливость — талант — мужество — человечность — энергичность — юмор. Таким образом, можно говорить о том, что для современной молодежи не представляет сложности описать традиционный образ русского человека; необходимо отметить, что он в представлениях выборки достаточно разнообразен и разносторонен. Это также доказывает и подтверждает представленность в сознании молодых людей компонента национальной психологии и характера. Необходимо отметить, что образ русского человека подчинен в сознании молодых людей основному закону автостереотипа: он гораздо в большей степени наполнен положительными характеристиками. Даже при выделении недостатков своей национальной группы, испытуемые обыгрывают их, рассматривая именно как национальные варианты положительных особенностей или как особую изюминку своего этноса. При этом необходимо отметить, что в представлениях молодых людей такой набор характеристик, которыми они описывают русский этнос, присутствует только у представителей именно этой национальной группы. Даже если в структуре характера представителей других национальностей можно встретить идентичные качества, они все равно проявляются несколько иначе, не позволяя реализовывать ту программу поведения, которая характерна именно для русских.

Данные, полученные в результате анализа третьего блока методики, позволяют отметить, что опре-

деленный набор типичных русских национальных особенностей испытуемые относят и к своей личности, однако он не так многочислен, как образы, описываемые в предыдущих блоках методики. Испытуемые выделяют следующие особенности: авантюризм — безалаберность — безответственность — веселье — гордость — доброжелательность — жизнерадостность — лень — находчивость — расхлябанность — самомнение — смекалка — энергичность — юмор. Как видно из анализируемых особенностей, испытуемые включают в структуру своего характера, в целом, положительные характеристики, отрицательные же или не включаются вовсе, или включаются в незначительном количестве, но даже в этом случае, негативные особенности обыгрываются через положительные моменты. При этом, совпадение образов отмечается в 50% случаев (соответствие собственного национального образа и образа типичного русского также доказывается с помощью критерия согласия χ^2 при $p < 0,01$).

Таким образом, проанализировав этнические представления современной российской молодежи, можно сделать следующие выводы:

1) вся обследуемая выборка относит себя к русскому этносу, рассматривая себя, таким образом, как часть национального большинства региона;

2) национальность выступает одной из важных категорий, которые использует молодежь для оценки своего окружения;

3) у молодых людей отмечается довольно высокий уровень значимости национальности, хотя некоторая часть выборки демонстрирует нейтральное отношение к подобным особенностям;

4) основными признаками, роднящими современную молодежь со своим этносом, группируются в 4 компонента структуры этнических представлений: антропологический, географический, культурно-исторический, национальная психология и характер. При этом, необходимо отметить, что культурно-исторический компонент и компонент национальной психологии и характера занимают самые высокие позиции в структуре представлений молодежи; именно к ним относятся большинство признаков родства со своим этносом для данной возрастной группы;

5) молодые люди могут выделить достаточно большое

количество разнообразных ситуаций, в которых они ощущают себя русскими, что говорит о высокой степени идентификации именно с данным этносом;

6) испытуемые демонстрируют довольно высокий уровень этнической идентичности. При этом, когнитивный компонент идентичности выражен у молодежи сравнительно ниже, нежели аффективный;

7) с точки зрения современной русской молодежи, образ русского человека полностью соответствует стереотипно закрепленным за данной национальной группой характеристикам. Образ наполняется в большей степени положительными особенностями, как и любой автостереотип. Однако испытуемые выделяют и недостатки своей национальной группы, которые также рассматриваются сквозь положительную призму;

8) стандартные характеристики находят свое отражение и в структуре характера современной русской молодежи — испытуемые уверены, что являются носителями данных характеристик, даже живя в современном обществе. Несмотря на то, что совпадение обнаруживает себя только в 50% случаев, к себе молодые люди относят наиболее часто указываемые особенности русского человека. При этом, чаще всего, в структуру своего характера молодые люди включают положительные особенности;

9) у современных молодых людей обнаруживается довольно терпимое отношение к представителям других национальных групп, как проживающих на территории их региона, так и проживающих на своей исконной территории. Однако, испытуемые уверены, что каждая национальная группа обязана проявлять уважение к другим этносам, особенно если она является национальным меньшинством, проживающим на чужой территории. Поэтому негативное и нетерпимое отношение к другим этносам связано с каким-либо нелюбезным высказыванием или поступком в адрес своего народа;

10) необходимо отметить, что молодые люди воспринимают этнические группы в соответствии с доминирующими в обществе стереотипами, при этом, основные национально-ориентированные особенности характера конкретной национальной группы распространяются на каждого входящего в нее человека. Единственным исключением является своя этническая группа.

Литература:

1. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. М.: Изд-во МГУ, 1983. — 144 с.
2. Касьянова К. Национальный характер и социальный архетип // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня. Хрестоматия / Сост. К.В.Сельченко. — Мн.: Харвест, 2004. — с. 351–362.
3. Крысько В.Г. Этническая психология. М.: Академия, 2004. — 320 с.
4. Лосский Н.О. Характер русского народа. — М.: Ключ, 1990. — 44 с.
5. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. — М. Педагогическое общество России, 2004. — 442 с.
6. Панькин А.Б. Формирование этнокультурной личности. — М.: МПСИ; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. — 280 с.
7. Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты) / Под ред. А.А. Бодалева, Н.В. Васиной. — СПб.: Речь, 2005. — 324 с.
8. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. — СПб.: Питер, 2003. — 718 с.

9. Сапогова Е.Е. Психология развития. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 460 с.
10. Складорова Д.В. Особенности этнической идентичности студенческой молодежи кабардинской, балкарской и русской этногрупп: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Д.В. Складорова. — Ростов н/Д, 2008. — 25 с.
11. Современная этнопсихология. Хрестоматия / Под общ. ред. А.Е. Тараса. — МН.: Харвест, 2003. — 368 с.
12. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 368 с.
13. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум. — М.: Аспект Пресс, 2006. — 208 с.
14. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. — СПб.: Алетейя, 2000. — 240 с.
15. Этнические стереотипы поведения / Под ред. А.К. Байбурина. Ленинград, Издательство «Наука», 1985. — 328 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Этнические представления современной российской молодежи»), проект № 11–16–71012 а/Ц.

Научные подходы к изучению социального интеллекта в психологии

Хлебодарова Ольга Борисовна, руководитель
Центр социально-психологической помощи «Доверие»
Современная гуманитарная академия (г. Москва)

Для успешного развития, становления и реализации личности необходима одна из важнейших способностей — способность эффективно взаимодействовать с окружающим миром. Социальный интеллект (СИ) — понятие современной психологии, которое находится в процессе развития и изучения.

При попытке дать точное определение интеллекта ученые-психологи сталкиваются с различными и значительными трудностями.

Слово «интеллект» происходит от латинского *intellectus*, в переводе означающего «познание», «понимание», «рассудок». Первоначально этот термин относился исключительно к рациональным мыслительным функциям человеческой психики; сегодня это родовый термин, охватывающий познавательные процессы в целом [4, с. 143].

Первые упоминания психологии интеллекта можно обнаружить в философских школах древнего мира. Само понятие интеллект ввел Цицерон, (от лат. «*intelligentia*» — способность понимать).

В трудах Платона и Аристотеля интеллекту отводится особое место, где разграничивались такие понятия, как «здравый смысл», «рассудок», «разум». По мнению Платона «...интеллект — способность мышления, разумного познания, в отличие от таких душевных качеств как чувства, интуиция и воображение...» [2]. Проблема разума, рассудка занимает не последнее место в философском учении, где познание посредством интеллекта выдвигается на первый план.

Единого понимания данного термина до сих пор не существует.

В нашей работе, исходя из темы, мы выстроили в хронологическом порядке «эволюцию представлений об интеллекте», определение понятия «интеллект», для того чтобы показать всю сложность и противоречивость задачи:

Платон — интеллект — способность мышления, рационального мышления в отличие от таких, например, душевных способностей, как чувства, интуиция, воображение.

В. Штерн — интеллект — это общая способность индивидуума осознанно настраивать свое мышление на возникающие требования; это общая умственная приспособляемость к новым задачам и условиям действительности.

Д. Векслер — интеллект — это комбинированная глобальная способность индивидуума к адекватным поступкам, здравому мышлению и эффективному взаимодействию с окружающей действительностью.

Дж. Гилфорд — интеллект — способность обрабатывать информацию; при этом под информацией следует понимать весь спектр восприятия человека.

М.А. Холодная — интеллект — форма организации индивидуального опыта в виде наличных ментальных структур, порождаемого ими ментального пространства ментальных репрезентаций происходящего.

Достаточно распространенной точкой зрения, которая впоследствии нашла своих последователей, считается мнение Ж.Пиаже о том, что интеллект — это то, что обеспечивает адаптацию [3, с. 309].

Г. Олпорт утверждал «...социальный интеллект — особый «социальный дар», обеспечивающий гладкость в отношениях с людьми, продуктом, которого является социальное приспособление, а не глубина понимания...».

Концепция Айзенка позволяет сделать вывод о том, что социальный интеллект — результат развития общего интеллекта под влиянием внешних социокультурных условий. По его словам социальный интеллект гораздо шире, чем биологический и психометрические интеллекты. «...Социальный интеллект — это тип интеллекта,

на формирование которого существенное влияние оказывает социальная среда...» [1, с. 11–131].

В истории изучения социального интеллекта наблюдается два периода, раскрывающих содержание его исследования.

1 — Интеллект (человека):

— способность обрабатывать информацию: анализировать, классифицировать, сравнивать, обобщать, формулировать выводы и прогнозировать развитие событий, процессов, умение находить различные варианты решения проблем.

2 — Социальный интеллект:

— способность понимать другого человека, учитывать интересы других людей, умение сопереживать, устанавливать контакты, прогнозировать развитие коммуникативных процессов, умение оценить социальную ситуацию и правильно понять свою роль в ней, понимание своих прав и обязанностей, морального долга. Социальный интеллект является основой социализации (усвоения общественных норм, правил, законов).

Рассматривая интеллект как индивидуальное, личностное свойство человека, мы можем отметить, что в содержании функций отражается двойная обусловленность социального интеллекта, т.е. внутренний мир и внешний.

Когда в психологии впервые была выдвинута концепция социального интеллекта, то к данному понятию интерес изменился. Ученые-исследователи стремились понять и объяснить специфику данного феномена, предлагали отличные друг от друга пути его изучения, выделяли различные формы интеллекта. Изучение социального интеллекта проходило в несколько этапов.

1 этап (1920 — 1924 гг.) — впервые в научный психологический лексикон был введен термин «социальный интеллект».

В 1920 г. американским журналом «Психология и образование» («Psychology and education») был организован круглый стол, с целью выяснения понятия «интеллект».

2 этап (1925–1938 гг.) — психометрическое изучение социального интеллекта. Определение социального интеллекта были в соответствии с психометрическим подходом переведены в стандартные измерения индивидуальных различий.

3 этап (кон.30-х — 1965 гг.) — социальный интеллект исчезает из предметного поля психологии. И дальнейшую

работу в этой области признали бесперспективной. Все исследования были прекращены.

4 этап (1965–1969 гг.) — социальный интеллект рассматривается в структуре модели интеллекта [2].

Принято выделять несколько общих научных подходов к изучению интеллекта:

Структурно-генетический подход, который базируется на идеях

Ж.Пиаже и рассматривает интеллект, как высший универсальный способ уравнивания субъекта со средой.

2. Когнитивный подход основывается на понимании интеллекта, как когнитивной структуры, спецификой, которой определяется опытом индивида. Основоположниками данного подхода являются Дж. Брунер, О.К. Тихомиров.

3. Факторно-аналитический подход, наиболее распространен в современной психологии. Его основоположником является Чарльз Спирмен. Он рассматривает интеллект, как общую «умственную энергию», уровень которой определяется успешностью выполнения любых тестов.

4. Иерархические модели интеллекта, где интеллектуальные качества выстраиваются в иерархию по уровню обобщенности. Одна из распространенных концепций принадлежит Р.Кэттелу.

Разнообразие подходов к определению СИ демонстрирует неоднозначность его структуры. В тоже время в определениях СИ можно отметить ряд общих моментов:

— Большинство подходов СИ трактуется как способность, следовательно, он связан с определённой деятельностью и является личностным образованием.

— Учёные признают СИ независимым от общего интеллекта.

— Социальный интеллект описывается как сложное структурное образование, состоящее из нескольких способностей.

— Предметом этих способностей выступает установление отношений между событиями, в которых действующими лицами являются сам человек и его социальное окружение.

Имеющиеся в психологии эмпирические исследования затрагивают проблему СИ преимущественно в таких аспектах, как изучение особенностей СИ и психологических качеств личности, его взаимосвязи с общим интеллектом и его компонентами.

Литература:

1. Айзенк Г.Ю. Интеллект: новый взгляд «Вопросы психологии» 1995 г. №1 с. 160.
2. Лужбина, Н.А. Социальный интеллект как системообразующий фактор психологической культуры личности: Дис... канд. псих.: Барнаул, 2002. — 192 с.
3. Маклаков А.Г. Общая психология: Учебник для вузов — СПб. — 2000—592 с.
4. Шапарь В.Б. Рабочий словарь психолога-консультанта — Ростов н/ Д.:
5. Феникс, 2005. — 496 с. — (Словари) ISBN 5–222–07133–2

Смех как компонент межличностного взаимодействия в группах детей трех и пяти лет

Хонский Сергей Игоревич, студент
Белорусский государственный университет (г. Минск)

В настоящее время смех в различных его проявлениях является весьма распространенной формой поведения. Несмотря на то, что «детское сообщество» так же, как и семья, является одной из важнейших социальных групп, в контексте которых в онто- и социогенезе происходит развитие отношений ребенка [1], смех в рамках детских групп, в которых ребенок проходит социализацию, изучался довольно редко как в лабораторных условиях [2; 3], так и в их естественных условиях развития [4]. В связи с этим остается неясным, когда смех из составляющей «комплекса оживления» [5] превращается у ребенка в инструмент, с помощью которого он демонстрирует определенную позицию относительно того или иного спектра ситуаций, и как эти ситуации меняются с возрастом.

В рамках межличностного взаимодействия смех в раннем возрасте изучался в основном в диадах «мать-ребенок», либо же в группах сверстников, однако в последнем случае испытуемым предъявлялись различные «юмористические» стимулы (карикатуры, видеоклипы, записи смеха и т.п.), с которыми они знакомились вместе либо по одному. В связи с этим в исследованиях второго типа из поля зрения выпадала социальная детерминированность смеха.

Таким образом, практически не изученным остается вопрос о смехе как компоненте межличностного взаимодействия в группах детей, а также в целом не исследованной — проблема возрастной динамики данного феномена.

Проведенное исследование посвящено проблеме смехового поведения и его динамики в группах детей трех и пяти лет. Кроме того, были рассмотрены половые различия в использовании смеха детьми данного возраста.

Методологическую основу исследования составили социально-интеракционистский подход Ф. Гленна, в рамках которого люди выступают как социально-ориентированные существа, активно осуществляющие «смеховую деятельность» в конкретные моменты времени для достижения определенных эффектов [6]. В качестве организационного метода исследования использовался метод поперечных срезов. Для сбора эмпирических данных использовались метод неформализованного и формализованного наблюдения, программа которого была разработана автором. Применялись методы статистической обработки данных (U-критерий Манна-Уитни). Интерпретационные методы были представлены структурным методом В.Я. Проппа [7], экстраполированным на психологическую реальность.

В исследовании, проводившемся на базе одного из детских дошкольных учреждений города Минска с 17 по

30 марта 2011 года, участвовало 54 ребенка в возрасте трех (28 человек) и пяти (26 человек) лет. Из них 29 детей были женского пола, 25 — мужского. Испытуемые были воспитанниками двух групп. В каждой группе дети были практически равномерно распределены по полу. В ходе исследования было собрано и оценено 214 смеховых эпизодов.

В результате проведенного структурного анализа данных неформализованного наблюдения была построена гипотетическая модель протекания смеховой ситуации и описаны основные ее элементы. Так, смеховая ситуация включает в себя три блока — ситуацию, предшествующую смеховому эпизоду; смеховой эпизод, состоящий из события, непосредственно вызвавшего смех, и собственно смехового реагирования; а также ситуации, следующей после смехового эпизода. Смеховая ситуация может быть дефинирована как *фрагмент социальной жизни, который определяется вовлеченными в него людьми и совокупностью их ролей, вызвавшими смех событиями и эффектом, который оказывает смех на участников взаимодействия*. К основным участникам смеховой ситуации в группах детей можно отнести «шутника», «клоуна», «жертву», «высмеивателя», «смеющегося», «публику». Кроме того, в любой момент в ситуации может появиться участник, берущий на себя одну из ролей («со-шутник», «со-высмеиватель» и т.п.).

Статистический анализ данных формализованного наблюдения позволил установить следующие закономерности смехового поведения в зависимости от пола:

- В ситуациях, где дети сами активно участвуют в генерации смеха, мальчики и девочки смеются одинаково часто. Над действиями же других чаще смеются девочки ($p \leq 0,01$).
- Мальчики и девочки также отличаются тем, что для первых с большей вероятностью причиной смеха послужит моторное действие (гримаса, неуклюжесть другого) ($p \leq 0,01$), а для вторых — вербальное (нелепый комментарий, звукоподражание) ($p \leq 0,01$).
- Мальчики обоих возрастов более склонны к употреблению враждебного смеха ($p \leq 0,001$), нежели девочки.
- Для девочек наиболее характерным типом смеха является реактивный ($p \leq 0,001$) (ребенок не предпринимает специальных попыток, для того чтобы вызвать смех у себя или других [8]; ситуация сама «предоставляет» ему определенный стимул).

Анализ данных неформализованного наблюдения показал, что все формы смеха, характерные для детей 3-х лет (смех над гримасой, состроенной собой или другим;

смех после неожиданного события; смех в результате «игры слов»; смех в процессе тактильного взаимодействия; смех после присоединения к группе смеющихся), присутствуют и в поведении 5-летних детей. Такая разновидность смеха, как смех в результате «игры слов», у детей постарше встретила уже в шести случаях, по сравнению с тремя случаями у детей из младшей группы. Однако были выявлены и следующие «новообразования», которые присутствуют в смеховом поведении детей 5-ти лет и пока не представлены в поведении детей 3-х лет (в круглых скобках указано число случаев, в которых они встречались):

- Смех над кем-нибудь с указанием имени высмеиваемого / «адресность» смеха (6).

Такого рода именные оскорбления и поддразнивания В.В. Абраменкова называет «дразнилками» и относит к «детскому фольклору». Благодаря этим дразнилкам, как считает автор, детское сообщество осуществляет воспитательную функцию. Поэтому в них есть и позитивное начало, поскольку они «тренируют эмоциональную устойчивость и самообладание, умение отстаивать себя при напаках сверстников в адекватной форме словесной самозащиты» [1].

- Форма смеха, выражающая отношения неповиновения, неподчинения (4);

- Смех после угрожающего сообщения (4);

- Смех в результате отказа, неприятия ребенка в игру (смех над лишением) (3).

Данная смеховая ситуация отражает дифференциационную функцию смеха (деление на «своих» и «чужих») [6].

Смех в результате акцентирования отсутствия чего-либо / наличия какого-либо «дефекта» (7).

У детей обоих возрастов «неполноценность» других провоцирует смех. Однако если в 3 года эта неполноценность заключается в неумении ребёнка что-либо сделать, неуклюжести, ошибках, то в 5 лет она уже может быть связана с акцентированием отсутствия какого-либо качества («Ты — трус» — отсутствие храбрости), предмета; «дефектом» внешности или принадлежащей ребёнку вещи. Таким образом, у детей 5 лет отмечается расширение концепта «неполноценность» по сравнению с трехлетними детьми.

Также были выявлены следующие закономерности смехового поведения детей 5-ти лет:

- Доминирующая форма смеха — «смех над кем-то» (поскольку наиболее часто в пятилетнем возрасте встречаются диады «высмеиватель»-«жертва», «клоун»-«публика»). У детей 3-х лет «смех над кем-то» и «смех с кем-то» встречался одинаково часто. Это может сви-

детельствовать о том, что с возрастом смех как способ выражения отношения к другому становится мощным «орудием», с помощью которого один ребёнок не просто может обидеть другого, но и подорвать его авторитет, понизить социальный статус в группе через публичное высмеивание. Также с возрастом может появиться настоящий культ «клоунады», когда ребёнок, возможно, не обладая другими способами поддержания взаимодействия или привлечения к себе внимания других, постоянно будет пытаться рассмешить кого-либо. Однако те, кто постоянно будут играть роль «высмеивателя» рискуют тем, что их социальный статус может быть понижен. Так, Я.Л. Коломинский, рассматривая взаимосвязь статуса и качеств личности, выделил фактор, понижающий социальный статус — «неуживчивость из-за аффективности» [9]. Автор отмечает, что это свойство может проявляться в драчливости, вспыльчивости, грубости, упрямстве и т.п. Можно предположить, что круг действий «высмеивателя» также подразумевает под собой схожие поведенческие паттерны. Вполне возможно, что те дети, которые будут играть роль «высмеивателя» долгое время, могут постепенно начать изолироваться.

- В группах пятилетних чаще (16 эпизодов), чем в группах трехлетних детей (7 эпизодов), отмечаются роли содействующих, что может свидетельствовать о том, что смех по мере развития ребенка начинает отражать все большую его аффилиативную направленность в ситуации взаимодействия.

- «Жертва» становится активна в предприятии попыток ответного высмеивания, либо используя физическую агрессию (6 случаев), либо провоцируя смех других детей над ее обидчиком (5 случаев). В группах детей трех лет встречаемость данных ответных действий — 3 и 2 соответственно.

- У пятилетних детей отмечаются проявления такого эффекта смеха, как снижение степени напряженности конфликта (2 эпизода). Также для них смех начинает играть роль средства борьбы за статус в группе.

Таким образом, по сравнению с детьми трех лет, детьми пяти лет смех начинает использоваться в отношении большего числа ситуаций межличностного взаимодействия, что влечет за собой расширение круга действий, выполняемых участником в рамках той роли, которую он играет в той или иной смеховой ситуации. Функциональная нагрузка смеха с возрастом также увеличивается. Все это в целом указывает на то, что у детей 5-ти лет смех становится более дифференцированным, по сравнению с детьми трех лет.

Литература:

1. Абраменкова, В.В. Генезис отношений ребенка в социальной психологии детства : автореф. дис. ... докт. психол. наук : 19.00.13 / В.В. Абраменкова ; Росс. акад. образ. психол. ин-т. — Москва, 2000. — 57 с.
2. Chapman, A.J. Humor and laughter: theory, research, and applications / A.J. Chapman, H.C. Foot. — 2nd edn. — New Jersey : Transaction, 1996. — 348 p.

3. Kenderdine, M. Laughter in the preschool child / M. Kenderdine // Child Development. — 1931. — Vol. 2, № 3. — P. 128—130.
4. Bainum, C.K. The development of laughing and smiling in nursery school children / C.K. Bainum [et al.] // Child Development. — 1984. — Vol. 55, № 5. — P. 1946—1957.
5. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард ; пер. А.Татлыбаева. — СПб. : Питер, 1999. — 460 с.
6. Glenn, P. Laughter in interaction / P. Glenn. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 190 p.
7. Пропп, В.Я. Морфология сказки / В.Я. Пропп. — М. : Наука, 1969. — 168 с.
8. Groch, A.S. Joking and appreciation of humor in nursery school children / A.S. Groch // Child Development. — 1974. — Vol. 45, № 4. — P. 1098—1102.
9. Коломинский, Я.Л. Социально-психологические проблемы взаимоотношений в малых группах и коллективах / Я.Л. Коломинский // Вопросы психологии. — 1971. — № 6. — С. 45—52.

ПЕДАГОГИКА

Teaching English in Mixed Ability Classes

Айкина Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент
Томский политехнический университет

Mixed ability as used in ELT usually refers to the differences that exist in a group in terms of different levels of language proficiency. The differences which cause problems in heterogeneous classes are in language learning ability, learning experience, mother tongue, cultural background, preferred learning style, motivation and others. Even though students are grouped according to their placement test scores, their progress rates are bound to be at different levels. Due to the mentioned differences students react to the teaching material and teaching methods individually. It is difficult to find activities that involve all the students without some getting bored and others being confused, insecure or discouraged. Weaker students not being able to follow the pace, to understand information or to express their ideas and stronger students not being tolerant to them may result in classroom management problems. Thus, teachers need to have a range of strategies for managing mixed ability classes.

There is a temptation for the educator to focus on the more advanced students. Actually, whole-class instructions and standards as well as a single interpretation of ideas are common in a traditional classroom. On the contrary, in differentiated teaching we need to offer multi-level approach by adjusting the amount or type of input, by altering timing and type of teacher's help, by varying support materials and by adapting the expected outcomes. In a differentiated class, the teacher uses a variety of ways for students to explore curriculum content, a variety of sense-making activities or processes through which students can come to understand and «own» information and ideas, and a variety of options through which students can demonstrate what they have learned.

Teaching the students separately is not a way out as far as we intend to build the sense of community in the classroom. Putting learners of different linguistic levels together for some activities, and apart for others is a possible strategy as it is assumed that heterogeneous grouping provides pupils access to more learning opportunities. Both weaker and stronger students benefit from cooperation in pair/group activities. When a strong student works with weaker students, the student can be a source of language knowledge in the group as well as peer-correction. So, learners of higher linguistic ability benefit from providing explanations enhancing their fluency while lower ability students are guided to reach higher levels of performance. Dealing with the same challenges, high and low ability students are supposed to work at the highest pos-

sible level. The participants are sharing and producing richer work than they might have done on their own such as: brainstorming (making sure that everybody's contributed ideas are valued), prediction, completing sentences. Within collaboration students are supported by the variation of skills and abilities of their peers throughout the learning process.

Pairs or groups can be formed in different ways:

- by matching questions and answers,
- pictures and titles,
- categories of the currently studied vocabulary (learners/educators, countries/capitals, authors/works, devices/inventors, etc.).

Ability grouping, on the other hand, is a possible way to differentiate activities. Groups of weaker and stronger students separated from each other are given different tasks. So the stronger and quicker students work with more complicated tasks, whereas the weaker students deal with a simpler task or work with the teacher as a group member supporting them and providing additional instruction and guidance. The teacher would then give each group a series of questions, based on each group's appropriate level of linguistic readiness, related to the objectives of the lesson. Another way to group the students could be based on the students' learning styles. The technique of working through group assignments, therefore, becomes a very important weapon in the armory of the teacher of a mixed ability class.

The ways to help weaker students are:

- to give clear instructions using gestures,
- to make sure they understand the task, otherwise ask stronger students explain it in their mother tongue,
- to allow thinking time and making notes before speaking activities,
- to reduce the word limit in productive activities,
- to give examples as model before writing activities,
- to pre-teach vocabulary using visual aids,
- to provide a rich variety of language and visual stimulants,
- to allow using dictionaries within reading comprehension tasks,
- to give a tape script while completing listening comprehension task,
- not to overcorrect their mistakes to avoid discourage.

It is essential for teachers to monitor students by observing/conducting surveys/talking to them to reach their

needs in a variety of ways and consequently to achieve effective teaching. Students' involvement in the process of the establishing whole-class and individual goals makes these goals more attractive. It is important to give students the opportunity to express their ideas, feelings and experiences by personalizing the tasks. Though they may lack confidence or enough language knowledge, students have an area of strong interest that can be made the focus of their program. Making interest-based learning choice obviously promotes the comfort and confidence of the students and enables a learner to explore some area in depth and in ways that uniquely interest him/her. Actually, such a comprehensive discovery oriented project can be a useful option when any student wants to learn a great deal more about a topic. Knowing students' personalities helps the teacher to prepare and adapt materials based on a meaningful context for all learners in order to make them relevant to students as individuals, which adds variety to the classroom environment and establishes a positive atmosphere.

A mixed ability class should offer all the students an appropriate challenge to help them to progress in their own terms. It is usually necessary for the educator to evaluate and adapt the materials providing activities to respond to the diverse student needs. The intent in doing so during some parts of a lesson is to make a task more achievable. Activities applying to different levels can be assigned at the beginning of a lesson, during group activities, or during individual assessment. Adapting activities to two or three different levels of linguistic difficulty enables the student to choose a more or less challenging version at which he/she can function so that they perform to their maximum potential. These are some ideas how we can differentiate assignments:

(stronger students – weaker students)

- Filling gaps – multiple choice
- Writing a letter – filling missing words into a letter
- Describing pictures – pictures accompanied by a wordlist
- Guessing the word according to its transcription – matching the word to its transcription
- Persuasive writing – Informative writing
- Unprepared speaking – prepared speaking
- Spelling words – filling missing letters
- Free writing – modeled writing,
- Sentence transformation – word ordering, etc.

In order to solve the problems of mixed ability, teaching should appeal to all senses, all learning styles and all intelligences (linguistic, logical, visual, kinesthetic, rhythmic, intra-personal, interpersonal and natural), developed by an American psychologist, Howard Gardner. To examine the cognitive styles in order to choose teaching methods and learning material it is advisable to fulfill a test (the one of those suitable is provided on-line: www.edutopia.org/multiple-intelligence-learning-styles-quiz). The variety and mixture of learning styles require the teacher to make use of a multi-sensory approach to choosing tasks in the classroom so the needs of each learner are met. Most of the assignments can be prepared appealing to all kinds of intelligences. The same activity might

suppose multiple intelligences including creating with words, classifying, manipulating objects, listening, expressing feelings, discussing and referring to the surroundings. To exemplify, an academic investigation in the Internet to find answers to the set problem might involve sorting the material, debating as a process and an illustrated poster, a written work or an oral presentation as well as a movie or drama as a possible final product. It is commonplace that visuals are useful for all age and proficiency levels since learners are often interested in realia and visual aids like colorful images which can be used to stimulate speaking and writing. Thus, adjusting assignments to those specific needs will take into account students' certain strengths and weaknesses.

Open-ended tasks or questions happen to be a powerful language learning tool. In contrast with traditional comprehension exercises they have a variety of possible correct responses instead of a single answer predetermined as being correct by the teacher. Unlike closed exercises such as Yes/No questions, these tasks allow each learner to perform at his/her own level and give them the chance to express themselves.

ESL teachers can choose from a wide range of open-ended activities:

- writing a letter,
- ending a story,
- response to a picture,
- prediction from titles,
- finishing sentences with a certain grammatical base,
- brainstorming, etc.

Games, talk shows, quizzes, competitions, debates, drama hold an important role in ensuring learners' interest in the lesson. Regardless of the differences among the students in terms of language level, they are motivated to use the target language while they are playing a game or participating in a role-play. While playing/debating/competing, attention is focused on the message and fluency instead of the language accuracy, correctness of linguistic forms, so the fear of failure is minimized. Besides, quizzes involving general knowledge might prove useful in mixed ability classes as they are based on learners' general experience and personality rather than linguistic knowledge therefore participation is encouraged to a greater extent. A certain amount of questions need to involve simple vocabulary and structures in order to ensure fluent language production. This can offer students different ways to learn new content as well as help enhance a student's motivation and skills.

It is also beneficial to encourage students to reflect on their own abilities by self-assessment. Portfolios/»can-do« record sheets/diaries/self-check pages are efficient way of dealing with mixed ability groups. The teacher may ask students to keep all the things they have done during the term including the extracurricular work and self-study. This record also shows the needs of the student for further progress. As a result, each student has a record of his/her progress during the term. Portfolios follow the student's success rather than his failure and therefore add to the learning motivation. It means appreciating their good points, while helping them to improve on their

weaker points. These papers based on syllabus criteria help learners record their achievements, reflect on difficulties and find ways of overcoming them. It might also make them improve their time management. This flexible learning tool supports their long-term efforts, increases their confidence about their abilities to learn language and the ways they learn it so they develop strategies to become more competent learners.

Thus, modifying the content, the process, and the product

of the basic curriculum is supposed to respond to the diversity of academic needs within mixed ability classes. Variety in the type of working groups, taking into consideration a learner's intelligence preference, leveled materials, choice in presentation formats are differentiated teaching strategies that will make a classroom a welcoming and encouraging place to motivate English language learners, involve all students in the lesson and ensure their progress.

References:

1. Guignon, A. (1998) Multiple Intelligences: A Theory for Everyone. Retrieved March 8, 2009. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.education-world.com/a_curr/curr054.shtml
2. Kelly, A.V. (1978) Mixed Ability Grouping. London: Harper & Row Publishers.
3. Kluth, P. (2005) Differentiating Instruction: 5 Easy Strategies for Inclusive Classrooms. Retrieved March 16, 2009. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.paulakluth.com/articles/diffstrategies.html>
4. Montgomery County Public Schools. (2005) Instructional and Management Strategies. Retrieved March 16, 2009. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.montgomeryschoolsmd.org/curriculum/enriched/giftedprograms/instructionalstrategy.shtm>
5. Prodromou L. (1989) The mixed-ability class and the bad language learner. English Teaching Forum, 27/4, 2-8.
6. Tomlinson, C. (1995) Differentiating Instruction For Advanced Learners In the Mixed-Ability Middle School Classroom. Retrieved March 19, 2009. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.kidsource.com/kid-source/content/diff_instruction.html

Информационно-технологическая подготовка учителей трудового обучения

Балтабаев Жаксылык Оразбаевич, магистр

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами (Узбекистан)

Одной из основных проблем современной системы образования является противоречие между быстрыми темпами приращения знаний в современном мире и ограниченными возможностями их усвоения индивидом. Решение этой проблемы требует пересмотра парадигмы образования, нацеленной на достижение абсолютного образовательного идеала — воспитание развитой личности, и перехода к максимальному развитию способностей человека к саморегуляции и самообразованию через развитие способов деятельности.

Современная педагогическая наука переживает период переосмысления подходов к подготовке человека к профессиональной деятельности. Возросший темп внедрения инновационных разработок и их разнообразие — наиболее характерная черта современного производства, поэтому сегодня от системы образования требуется увеличение темпов включения новых идей и технологий в педагогический процесс.

Педагогическая технология характеризуется рядом признаков, В.П. Беспалько выделяет следующие [1]:

- четкая, последовательная педагогическая, дидактическая разработка целей обучения, воспитания;
- структурирование, упорядочение, уплотнение информации, подлежащей усвоению;

- комплексное применение дидактических, технических, в том числе и компьютерных, средств обучения и контроля;
- усиление, насколько это возможно, диагностических функций обучения и воспитания;
- гарантированность достаточно высокого уровня качества обучения.

Педагогическая технология взаимосвязана с педагогическим мастерством. Совершенное владение педагогической технологией и есть педагогическое мастерство.

При определении места и роли информационных и коммуникационных технологий современных направлений преподавательской деятельности в структуре подготовки будущих учителей трудового обучения и формирования их информационной культуры необходимо:

1. Рассмотреть структуру подготовки будущих учителей трудового обучения, политехническую подготовку школьников и преподавателей трудового обучения.
2. Рассмотреть содержание общего понятия информационной культуры, проанализировать особенности информационной культуры педагога, вопросы развития информационной культуры специалиста в вузе и в условиях профессиональной деятельности.
3. Сделать обзор использования информационно-коммуникационных технологий в сфере высшего об-

разования и в образовательной области «трудового обучения».

Единство содержательной и процессуальной сторон обучения достигалось включением в содержание курса тем, связанных с общими педагогическими и методическими задачами изучения компьютерной техники в школе и вузе. Подробно рассматриваются ресурсы Интернет, дается их классификация, использование предпринимательства, тем самым достигается систематизация понятий, и закрепляются навыки пользования Интернетом в различных сферах деятельности.

В формы обучения по курсу заложена система лекционных, семинарских, практических занятий, на которых предусмотрено вовлечение студентов в самостоятельную творческую работу по реализации собственных проектов в области применения компьютерной техники.

При составлении программы учитывался принцип гуманитаризации образования, который соблюдался в отборе материала для формирования у студентов высокого уровня информационной культуры, составляющими которой являются:

- умение формулировать свою потребность в информации;

Литература:

1. Беспалько В.П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. М. 1995.
2. Волохов А.В. Информационно-технологическая подготовка будущих учителей технологии при изучении современного информационного обеспечения предпринимательской деятельности. Дисс. ... канд. пед. наук: — М:2004.
3. Стародубова Г.А. Подготовка специалиста по формированию информационной культуры личности: опыт, проблемы // Современные проблемы взаимодействия культуры, искусства, образования: Сб. науч. трудов СГИИ. — Смоленск, 2002. вып. III

- осуществлять поиск нужной информации;
- перерабатывать информацию и создавать новую;
- адекватно отбирать и оценивать информацию;
- эффективно использовать средства информационных технологий при решении конкретных учебных задач и в проектной деятельности [2].

Критериями информационной культуры человека являются его умение адекватно формулировать свою потребность в информации, эффективно осуществлять поиск нужной информации во всей совокупности информационных ресурсов, адекватно отбирать и оценивать информацию, перерабатывать ее и создавать качественно новую, вести индивидуальные информационно-поисковые системы, а также способность к информационному общению и компьютерную грамотность [3].

В заключении отметим, что информационное обеспечение преподавателей трудового обучения может создать условия для формирования у обучающегося системы устойчивых профессиональных знаний и умений пользования компьютерной техникой в учебной и трудовой деятельности, повышения качества подготовки будущих специалистов и активизации учебно-воспитательного процесса в вузе.

Формирование социокультурной компетенции на начальной ступени обучения (на примере английских пословиц и поговорок)

Бекаревич Татьяна Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент
Московский городской педагогический университет

Термин «компетентность» все чаще стал появляться в понятийном аппарате отечественной педагогики. Компетентность, являясь производной от компетентности, понимается как определенная сфера приложения знаний, навыков, умений и качеств, которые в комплексе помогают человеку действовать в различных, в том числе и в новых для него ситуациях.

Одним из важных достижений языковой педагогики явилось положение о том, что успешность речевого общения в полной мере зависит от коммуникативной компетенции — способности общающихся воздействовать друг на друга адекватно задачам общения и в соответствии с этим употреблять речевые высказывания. Основой для

развития социокультурного подхода в языковой педагогике послужило положение о необходимости соизучения языка и культуры, которое в конце 20 столетия приобрело абсолютно аксиоматическое звучание. В то же время при разработке практики соизучения языков и культур появляется ряд проблем, требующих конкретного разрешения, что и определило актуальность моей работы.

Попытки изменения содержания школьного образования до сих пор касались включения тех или иных тем в существующие учебные предметы или их исключения. Эта тенденция не затрагивала основ содержания образования, не преодолевала отставания от принципиально новых условий жизни современного человека.

Стремление, не меняя основы содержания, ответить на вызов современности, привело к пониманию необходимости последовательного перехода к личностно-ориентированному, деятельностному ядру содержания, основанному на выращивании и формировании универсальных способов освоения мира. Это согласуется с поисками средств формирования компетентностей и компетенций [10, 1998].

Компетентность — психологическое новообразование личности, обусловленное интериоризацией теоретического и практического опыта [15, 248 с.].

Компетенция является производной от компетентности и понимается как определенная сфера приложения знаний, навыков, умений и качеств, которые в комплексе помогают человеку действовать в различных, в том числе и в новых для него ситуациях [13, 5 с.], [15, 1997].

Модифицируя отмеченные понятия в педагогическом контексте, выстраивают специальную терминологическую конструкцию «образовательная компетенция» — уровень развития личности учащегося, связанный с качественным освоением содержания образования.

Прогрессирующее развитие международных контактов и связей в политике, экономике, культуре и других областях обуславливает ориентацию современной методики обучения иностранным языкам на реальные условия коммуникации. В качестве цели обучения выдвигается межкультурная (социальная) компетенция, а процесс обучения иностранному языку должен быть направлен на преодоление ксенофобии и существующих стереотипов, воспитание толерантности в отношении представителей других культур [7, 42–47 с.].

Согласно новым государственным стандартам по иностранному языку, в обязательный минимум содержания основных образовательных программ, помимо речевых умений и языковых знаний и навыков, компенсаторных умений и учебно-познавательных умений, входят социокультурные знания и умения. Формирование социокультурных знаний и умений означает расширение объема лингвострановедческих и страноведческих знаний за счет новой тематики и проблематики речевого общения с учетом специфики выбранного профиля; углубление знаний о стране или странах изучаемого языка, их науке и культуре, исторических и современных реалиях, общественных деятелях, месте этих стран в мировом обществе, мировой культуре, взаимоотношениях с нашей страной; расширение объема лингвистических и культуроведческих знаний, навыков и умений, связанных с адекватным использованием языковых средств и правил речевого и неречевого поведения в соответствии с нормами, принятыми в стране изучаемого языка [9, 38–39 с.].

Давно известно, что особое познание мира, обычаи, нашедшие отражения в культуре, передаются в языке и могут стать препятствием при общении с представителями разных народов. И трудности заключаются в различии не столько предметов и явлений, сколько культурных понятий об этих явлениях и предметах, так как

последние живут и функционируют в разных, иных мирах. За языковой и культурной эквивалентностью лежит понятийная эквивалентность, эквивалентность культурных представлений. Поэтому общепризнанным стал вывод о необходимости глубоко знать специфику страны изучаемого языка и, тем самым, о необходимости лингвострановедческого подхода как одного из главных принципов обучения иностранным языкам. [11, 1989.].

Использование страноведческой информации в процессе обучения обеспечивает повышение познавательной активности учащихся, рассматривает их коммуникативные возможности, положительно сказывается на формировании их коммуникативных навыков и умений, а также положительной мотивации, дает стимул к самостоятельной работе над языком и способствует решению воспитательных задач [2, 1981], [6, 2003], [14, 1999].

Наиболее широко лингвострановедческий материал представлен у Р.К. Миньяр-Белоручева, который включает в знания и лексический фон, и национальную культуру, и национальные реалии. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров утверждают, что все уровни языка «культураносны», то есть имеют страноведческий план, поэтому изучение культурного компонента слов является важным условием успешного овладения иностранным языком [5, 1999].

Не вызывает сомнения тот факт, что при включении национально-культурного компонента в содержание обучения иностранному языку нужны адекватные средства для его усвоения. Одними из них являются пословицы и поговорки, использование которых помогает педагогу эффективно решать практические, общеобразовательные, развивающие и воспитательные задачи. Включение такого материала создает также дополнительные возможности для вызова и поддержания мотивации изучения иностранного языка, расширения кругозора учащихся [3, с. 7–14].

Е.Н. Соловова отмечает, что социокультурная компетенция является инструментом воспитания межкультурно-ориентированной личности и предполагает усвоение учащимися социального опыта, традиций (не только страны изучаемого языка, но и своих родных), их учет в процессе взаимодействия, а также преодоление страха и недоверия (ксенофобии) по отношению к другим культурам. Также, продолжает она, социокультурная компетенция тесно связана с процессом обучения самому языку (то есть с формированием лингвистической компетенции). Сюда относится освоение фоновой и безэквивалентной лексики [12, с. 8–9]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что пословицы и поговорки могут служить хорошим средством формирования социокультурной компетенции, поскольку являются по сути фразеологизмами, часто содержат фоновую и безэквивалентную лексику, а также большой пласт представлений о культуре, традициях и обычаях. Кроме того, они предоставляют намного больший интерес для учащихся и могут служить средством повышения мотивации к изучению иностранного языка, что немаловажно, так как анализ используемых в школьной программе учебников показывает, что инфор-

мация, которая зачастую доминирует в учебных текстах, не находит эмоционального отклика у учеников, не апеллирует к их чувствам, личному опыту, не побуждает к выражению собственного мнения. Гораздо важнее, чтобы ученики умели общаться и понимали, что для представителя другой культуры приемлемо, а что нет, чтобы умели объяснить, чем мы отличаемся от них, какие у нас культурные особенности.

Конечно, изучающий иностранный язык остается носителем культуры родного языка, однако лингвострановедческий материал обогащает его фоновые знания, он познает элементы иноязычной культуры, что позволит ему включиться в интегративные процессы, происходящие в мире [4, 1997].

Итак, на основании изложенного следует еще раз подчеркнуть тот факт, что овладение иностранным языком без ознакомления с культурой страны изучаемого языка, с менталитетом людей, говорящих на этом языке, не может быть полноценным.

Под пословицами понимают «афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме» [8, 2000].

Определение, которое дают пословице с учетом всех её структурно-смысловых типов, следующее: пословица — краткое, устойчивое в речевом обиходе, ритмически организованное изречение либо с общим прямым, либо с переносным, многозначным смыслом, основанное на аналогии. К признакам, которые названы, необходимо присоединить важнейший — функциональное назначение пословиц как утверждение или отрицания, подкрепляющие речь говорящего отсылкой к общему порядку вещей и явлений [1, с. 246].

Пословицы с буквальным значением всех компонентов (**all is well that ends well** — всё хорошо, что хорошо кончается; **better late than never** — лучше поздно, чем никогда и др.) относятся к устойчивым образованиям фразеоматического характера [8, с. 301].

Английские пословицы очень разнообразны по своему содержанию и охватывают все стороны жизни английского народа: в пословицах дается нелестная оценка богачам (**one law for the rich, and another for the poor** — для бедных один закон, для богатых другой); осуждается война (**war is the sport of kings** — «война — забава королей»); высмеиваются дураки (**he who was born a fool is never cured** дураком родился, дураком и помрешь); критикуются лентяи, лодыри (**idleness is the root of all evil** — праздность — мать всех пороков); пословицы учат бережливости, трудолюбию (**a penny saved is penny gained** — не истратил пенни — значит, заработал).

Характерной чертой пословиц является однозначность, что объясняется высокой степенью обобщенности их значения и их немобильностью в тексте [8, с. 303].

С грамматической точки зрения пословицы представлены повествовательными, побудительными и вопросительными предложениями. Восклицательные предложения среди них не встречаются.

В повествовательных предложениях утверждается или отрицается что-либо, таким образом, пословицы подразделяются на утвердительные и отрицательные предложения. Число первых преобладает. Подлежащим в большинстве случаев выступает существительное как без определения (**appetite comes with eating** — аппетит приходит во время еды; **pride goes before a fall** — гордыня до добра не доводит); так и с различными определениями (**hungry bellies have no ears** — у голодного брюха нет уха; **too many cooks spoil the broth** много нянек да дитя без глазу).

Пословицы английского языка в простых отрицательных предложениях имеют только отрицательные формы **don't** и редко **can't** (**you can't eat your cake and have it/ you can't have your cake and eat it** один пирог два раза не съешь) [8, с. 304–305].

Среди пословиц, являющихся сложными предложениями, в английском языке наиболее распространены сложноподчиненные (**he laughs best who laughs last** — хорошо смеётся тот, кто последним; **it is a good horse that never stumbles** — конь о четырёх ногах, да и тот спотыкается) [8, с. 305–307].

Сложносочиненные предложения встречаются достаточно редко (**it never rains, but it pours** беда одна не ходит, пришла беда — отворяй ворота) [8, с. 307–308].

Также иногда встречаются бессоюзные сложные предложения (**no cross, no crown** несчастья бояться — счастья не видать; **out of sight, out of mind** — с глаз долой, из сердца вон).

Многие пословицы являются побудительными предложениями: 1) простые предложения (**cut your coat according to your clothes** по одежке протягивай ножки; **don't put all your eggs in one basket** — на один гвоздь всего не вешают); 2) сложноподчинённые предложения (**do in Rome as the Romans do** в чужой монастырь со своим уставом не ходят; **make hay while the sun shines** коси коса, пока роса; **don't count your chickens before they are hatched** цыплят по осени считают) [8, с. 308].

Вопросительные предложения среди английских пословиц встречаются крайне редко (**Can the leopard change his spots?** — может ли леопард изменить пятна свои?). Вопросительные по форме, по значению они являются повествовательными предложениями, т.е. риторическими вопросами.

Основными лексическими изобразительными средствами считают повторы и сопоставления [8, с. 313–316].

Различные виды повторов выполняют функцию усиления (**first come, first served** — «первого первым и обслуживают»; **he laughs best who laughs last** — хорошо смеётся тот, кто последним; **so many men so many minds** — сколько голов, столько умов; **don't trouble trouble until trouble troubles you** не буди лиха, пока оно тихо).

Сопоставление разделяют на две группы: а) сопоставления лексем, являющихся антонимами и вне данной пословицы (**he that is full of himself is very empty** — «тот пуст, кто полон сам собой»); б) сопоставления сочетаний лексем, не являющихся антонимами вне данных пословиц

(**a bird in the hand is worth two in the bush** не сули журавля в небе, а дай синицу в руки).

Эвфонические средства (рифмованные созвучия, аллитерация и ассонанс) являются важнейшими выразительными средствами, способствующими устойчивости и запоминаемости пословиц и тесно взаимодействующими с их значением.

Рифмованные созвучия широко распространены в английских пословицах (**little pot is soon hot** — только спичку зажег — вскипел котелок; **birds of a feather flock together** рыбак рыбака видит издалека).

Аллитерация в английских пословицах представлена следующими типами: (**barking dogs seldom bite** — не бойся собаки, которая лает; **a creaking door hangs long in its hinges** скрипучее дерево долго стоит).

Ассонанс, т.е. повторение гласных, в английских пословицах встречается редко (**small rain lays great dust** мал золотник, да дорог). Иногда аллитерация сочетается с ассонансом (**time and tide wait for no man** — время не ждет).

Понятие «поговорки» в современной фольклористике является неопределённым и включает в себя разные структурно-семантические типы устойчивых образных сочетаний слов. Единственное, что объединяет эти различные сочетания слов, — это то, что они не являются пословицами, хотя близость тех и других в отдельных случаях отрицать не приходится. Так же как и пословицы, поговорки могут быть предложениями. Но у этих разрядов фразеологизмов имеются существенные различия в функциональном плане, так как поговоркам не свойственна директивная, назидательно оценочная функция. Пословицы являются выражением народной мудрости, и для них характерна более высокая степень абстракции, чем для поговорок. Поговорка — это «коммуникативная фразеологическая единица непословичного характера». Большинство поговорок носит разговорный характер. В английском языке поговорок во много раз меньше, чем пословиц [8, с. 317].

В своем большинстве поговорки являются оценочными оборотами, выражающими положительную (**may your shadow never grow less** желаю вам здравствовать долгие годы!; **more power to your elbow!** — желаю удачи/успеха), оценку. Безоценочные поговорки единичны: **What's up?** — что происходит/случилось?; **Where do you hail from?** — откуда вы родом?. Для поговорок, так же как и для пословиц, характерна однозначность.

Поговорки бывают повествовательными, побудительными, восклицательными и вопросительными предложениями. Поговорки могут быть простыми утвердительными предложениями (**the coast is clear** — путь свободен). В ряде поговорок местоимение *one's/smb.'s* является первым компонентом: **one's/smb.'s days are numbered** — его (ее и т.д.) дни сочтены; **one's/smb.'s number is up** — дело плохо, жаргонизмы; некоторые из этих поговорок являются компаративными оборотами: **one's/smb.'s bark is worse than his bite** — от него (от нее и т.д.) больше шума, чем вреда; **one's/smb.'s word is as good as his**

bond на его (ее и т.д.) слово можно положиться. Единственным примером поговорки, являющейся сложноподчиненным предложением, является оборот **all is fish that comes to his net** — он ничем не брезгует, он из всего привлекает пользу.

Некоторые обороты являются «оборотами с открытой структурой» (Н.Н. Амосова), т.е. дополняемыми подчиненной предикативной единицей: **all the world knows that...** — весь мир знает, что...; **it/that goes without saying that...** — само собой разумеется.

Поговорки со структурой простого отрицательного предложения встречаются значительно реже, чем поговорки со структурой простого утвердительного предложения (**our withers are unwrung** — хула, обвинение нас не волнует («Гамлет»)).

Число побудительных предложений среди поговорок невелико (**may your shadow never grow less** — желаю вам здравствовать долгие годы!).

Структура значения вопросительных предложений до настоящего времени является спорной. Но близость вопросов и утверждений или отрицаний видна хотя бы из того, что многие вопросы являются по существу утверждениями или отрицаниями, т.е. риторическими вопросами, не требующими ответа (**Do you see any green in my eye?** — неужели я кажусь вам таким легковверным, неопытным?). Вопросительные поговорки являются разговорными оборотами (**What's the good word?** — что хорошенького слышно? как дела?; **What's up?** — что происходит/случилось?) и употребляются обычно как самостоятельные предложения или в составе сложной синтаксической структуры.

Из эвфонических изобразительных средств в поговорках встречается только аллитерация (**doctors differ/disagree** — мнения авторитетов расходятся; **smb.'s face fell** — у него (нее и т.д.) физиономия вытянулась).

Социокультурная компетенция — комплекс знаний о ценностях, верованиях, поведенческих образцах, обычаях, традициях, языке, достижениях культуры, свойственных определенному обществу и характеризующих его, происходит в процессах социокультурного воспитания и обучения.

Богатый материал для формирования социокультурной компетенции представляет собой неотъемлемый элемент культуры — пословицы и поговорки.

Английские пословицы и поговорки очень разнообразны по своему содержанию и охватывают все стороны жизни. Значение пословиц и поговорок может быть как полностью, так и частично переосмысленным. Для поговорок, так же как и для пословиц, характерна однозначность.

Пословица — краткое, устойчивое в речевом обиходе, ритмически организованное изречение либо с общим прямым, либо с переносным, многозначным основанным на аналогии смыслом. Поговорки могут выражать как положительную, так и отрицательную оценку. Бывают повествовательными, побудительными и вопросительными

предложениями. Восклицательные предложения среди них не встречаются. Пословицы со структурой сложно-подчиненного предложения наиболее распространены в английском языке, также встречаются сложносочинённые и бессоюзные предложения. Основными лексическими изобразительными средствами считают повторы и сопоставления. Эвфонические средства (рифмованные созвучия, аллитерация и ассонанс) являются важнейшими выразительными средствами, способствующими устойчивости и запоминаемости пословиц и тесно взаимодействующими с их значением.

Поговорки — это коммуникативные фразеологические единицы непословичного характера, включающие в себя разные структурно-семантические типы устойчивых образных сочетаний слов. Поговорки бывают повествовательными, побудительными, восклицательными и вопросительными предложениями. В функциональном плане им не свойственна директивная, назидательно оценочная функция и для поговорок характерна менее высокая степень абстракции. Большинство поговорок носит разговорный характер. Из эвфонических изобразительных средств в них встречается только аллитерация.

Литература:

1. Аникин В.П. Теория фольклора: курс лекций/ В.П.Аникин. — М.: Университет, 2009. — 428 с.
2. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны в лингвострановедческом аспекте. — М.: Русский язык, 1981. — 213 с.
3. Веденина Л.Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова//Иностранные языки в школе. — 2000. — №5. — с. 7–14.
4. Вежибицкая А.А. Язык. Культура. Познание./Под ред. Кронгауз М.А. — М.: Русские словари, 1997. — 368 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. — М.: Русский язык, 1990. — 254 с.
6. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М.: Гнозис, 2003. — 317 с.
7. Дахин А.Н. Компетенция и компетентность: сколько их у российского школьника?//Стандарты и мониторинг в образовании. — 2004. — №2. — с. 42–47.
8. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь/ А.В.Кунин. — М.: Русский язык, 2005. — 994 с.
9. Нефедова М.А. Отбор материалов лингвострановедческого содержания для чтения//Иностранные языки в школе. — 1994. — №4. — с. 38–39.
10. Ощепкова В.В. Страноведческий материал на уроках английского языка//Иностранные языки в школе. — 1998. — №1. — с. 77–79.
11. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. — М.: Русский язык, 1989. — 276 с.
12. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. — М.: Просвещение, 2002. — 239 с.
13. Татарницева С.Н. Методическая компетенция учителя и ее формирование в процессе самостоятельной работы студентов: Автореф. дис...канд. пед. наук. -Тольятти, 2003. — 22 с.
14. Тимановская Н.А. Взгляд на англоговорящие страны — Spotlight on English-speaking countries: Учеб. Пособие по страноведению для 8–9 кл. ср. шк.. — Тула: Автограф, 1999. — 238 с.
15. Толковый словарь русского языка/ Сост. С.И.Ожегов. — М.: Русский язык. — 1997.—797 с.

Развитие критического мышления через пространственное представление и техническое рисование

Абдурахманов Ш., кандидат педагогических наук, доцент
Наманганский инженерно-педагогический институт

Бутаев Ахмадали, соискатель
Кокандский государственный педагогический институт им. Мукиими (Узбекистан)

Учебной программой 9-классов девятилетних средних общеобразовательных школ Узбекистана по предмету «Черчение», являющемуся продолжением 35-и часового курса с таким же названием, пройденного в 8-м классе, в 19-м и 20-м уроках тоже из 35-и, предусмотрено прохо-

ждение темы под названием «Решение творческих графических задач с элементами проектирования». В учебнике и учебных пособиях по данному предмету приведены примеры задач, предлагаемых учащимся по данной теме. В то же время там подчеркивается, что учитель по своему ус-

моторению может заменить эти задачи, если они удовлетворяют требованиям государственных образовательных стандартов больше, чем предлагаемые.

Подчеркивая огромную заслугу представителей предыдущих поколений учителей черчения (А.Д. Ботвинников, В.А. Буткевич, Е.А. Василенко, В.Н. Виноградов, И.А. Воротников, В.А. Гервер, С.И. Дембинский, В.Ф. Канев, Ю.Ф. Катханова, Л.Н. Коваленко, Е.И. Корзинова, В.И. Кузьменко, М.Н. Макарова, М.Н. Марченко, Е.М. Ольховников, А.А. Павлова, Н.Г. Преображенская, А.С. Пугачев, Н.О. Севастопольский, А. Умронходжаев, Л.М. Эйделс и др.) по составлению творческих графических задач, все же следует отметить, что считавшийся для учащихся предыдущих поколений весьма привлекательным учебный материал, для учащегося сегодняшнего дня, который растет в окружении развитых информационно-коммуникационных технологий, перестает представлять собой особый интерес.

Исходя из такого факта, при поиске сырьевого материала, стоящего преобразовывать в учебный материал для занятий по черчению на тему «Решение творческих графических задач с элементами проектирования», мы обратились к арсеналу изображений, называемых «Невозможные фигуры».

Ниже приводим несколько примеров из «невозможных фигур», взятых из сайтов Интернет.

1. **«Куб Эшера»** (Рис. 1, а). Название фигуры связано с именем голландского художника Мориса Эшера, жившего в 1898–1972 гг.

2. **«Трезубец»** (Рис. 1, б). Появление этой фигуры в одних местах связывают с именем турецкого физика Хусейна Вилмда, а в других местах художника Нормана Минго (1965 г.).

3. **«Треугольник Рейтсварда»** (Рис. 1, в). Такое название придано этой фигуре, в честь названия журнала, публиковавшего ее впервые в 1934 г.

4. **«Треугольник Пенроуза»** (Рис. 1, г). Фигура эта опубликована впервые в 1954 г. и названа в честь придумавшего ее известного английского физика и математика Роджера Пенроуза, родившегося в 1931 г.

5. **«Объемная трапеция»** (Рис. 1, д). Автор не выявлен.

6. **«Объемный прямоугольник»** (Рис. 1, е). Автор не выявлен.

7. **«Невозможное колесо»** (Рис. 1, ж). Автор не выявлен.

8. **«Невозможный крест адмирала Макарова»** (Рис. 1, з). Придумана Митсумасой Анно.

9. **«Бесконечная лестница»** (Рис. 1, и). Авторство принадлежит Л.С. и Р. Пенроузам (1958 г.) и т.д.

Многие художники умело пользуются свойствами, присущими изображениям невозможных фигур с целью повышения впечатлительности своих произведений. К их числу можно отнести, например, выше упомянутого голландского художника М. Эшера, художников Роджера Шепарда, Сандро дел Прайта и др. В Интернетовских коллекциях «невозможных фигур» можно увидеть весьма

заманчивые композиции, выполненные В. Алексеевым, Д.М. Раковым и др.

Чтобы и учителя черчения эффективно использовали свойства, присущие «невозможным фигурам» при составлении графических задач для 2-х часового занятия на тему «Решение творческих графических задач с элементами проектирования», им необходимо будет выполнить некоторую подготовительную педагогическую работу над изображениями этих «фигур».

Для примера возьмем «бесконечную лестницу» (Рис. 1, и).

Изображение этой фигуры там, откуда мы его взяли, представляет собой перспективный рисунок. Однако, учащиеся 9-го класса, за исключением наличия у них представления о таком виде изображений, формировавшихся на уроках рисования, проводившихся в предыдущих классах, не обладают достаточными знаниями, навыками и умениями, необходимыми для геометрического построения перспективных изображений. Значит, данную разновидность изображений надо будет преобразовывать в разновидность изображений, знакомую учащимся. Такой разновидностью изображений для учащихся 9-х классов, является стандартная изометрия. Данные виды изображений как с помощью чертежных инструментов, так и «от руки», легко создать на специально разграфированных листах, приводимых на рис. 2. Эти листы нетрудно изготовить и распространять среди учащихся, предварительным их размножением средствами современных информационных технологий. При этом следует также отметить, что кабинеты черчения большинства школ имеют классные доски, части которых имеют такие разграфировки.

На нашем опыте стороны как треугольных, так и квадратных клеток (рис. 2, б), расчерченных на бумагах, имеют длину, равную 2,5 мм.

Далее учитель на разграфированном листе для выполнения изометрий, создаёт изображение «бесконечной лестницы» допуская, что количество ступенек в том или ином направлении, может быть каким угодно. Затем он получившееся изометрическое изображение копирует на большой лист, не имеющий разграфировки для представления учащимся в классе (Рис. 3).

В начале занятия учитель, обращая внимание учащихся на данное изображение, спрашивает, что они в нем видят. После некоторого кратковременного наблюдения, устного размышления, и в некоторых местах под влиянием учительского вмешательства, ученики приходят к общему мнению, что на этом рисунке изображена «бесконечная лестница».

Под сильным впечатлением увиденного, класс заметно оживает.

В то же время учитель спрашивает у учащихся: действительно ли на этом рисунке изображена бесконечная лестница?

Пока учащиеся заняты поиском подходящего ответа, учитель показывает им изометрическое изображение той

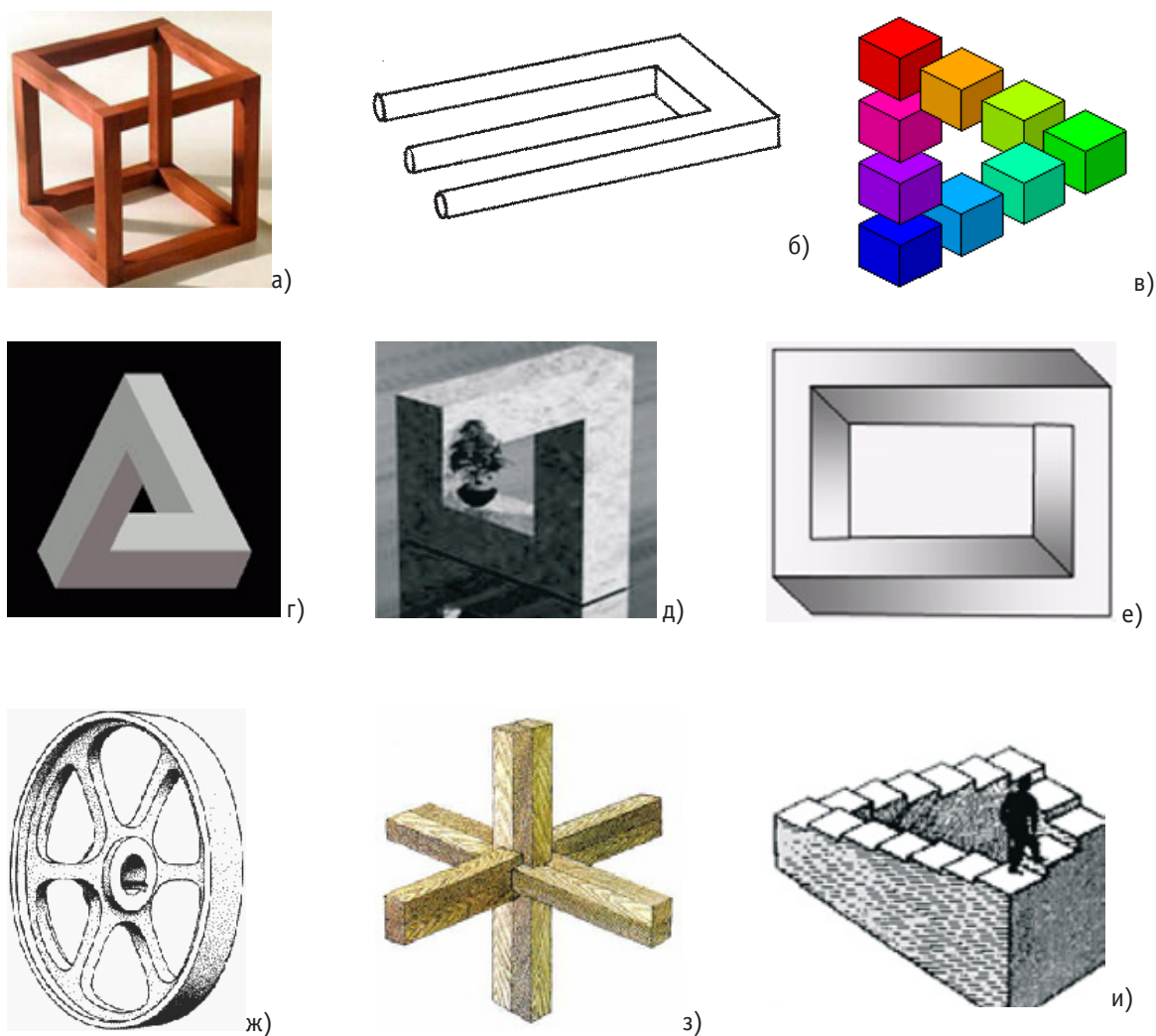

Рис. 1. Невозможные фигуры:

а – «куб Эшера», б – «трезубец», в – «треугольник Рейтсварда», г – «треугольник Пенроуза»,
 д – «объемная трапеция», е – «объемный прямоугольник», ж – невозможное колесо,
 з – невозможный крест адмирала Макарова, и – бесконечная лестница.

же «бесконечной лестницы», лишь с той разницей, что оно здесь нарисовано на разграфленном листе (Рис. 4).

Задание. Начертить план (горизонтальную проекцию) «бесконечной лестницы» на разграфленном квадрате листа (Рис. 2, б), приняв в качестве размеров элементов размеры квадратов, использовавшихся при выполнении ее изометрии (Рис. 4).

Решение задачи будет представлять собой, план (горизонтальную проекцию) объекта, приводимый на рис. 5.

Секрет выглядывания изображенной на рис. 3 лестницы как бесконечной, раскрыт. Для того, чтобы четырехмаршевая лестница в изометрии выглядела как бесконечная, необходимо расположение ребра *BC* самой нижней ступеньки, находящейся на заднем плане — над ребром *AD* самой верхней ступеньки, находящегося на переднем плане. Причем прямые, проходящие через вершины *A* и *B*, и *C* и *D* этих ребер должны составлять с горизонтальной линией угол, равный 60° (Рис. 5).

На следующем этапе 1-го занятия, учащиеся «разбивают» изометрию лестницы (Рис. 4) на составные части, и еще глубже осознают причину выглядывания изображения обычной лестницы как бесконечной (Рис 6).

На 2-м занятии, проводимом на тему «Решение творческих графических задач с элементами проектирования» учащиеся займутся проектированием лестниц, изометрические проекции (технические рисунки) которых изображают «бесконечную лестницу», взяв по-разному, количество ступенек и их ширину.

На всем протяжении 2-х часового экспериментального занятия, проведенного нами на выше изложенном учебном материале, почти у всех учащихся класса наблюдалась заметная активность. Это требовало от нас более внимательного анализа моментов, специфичных к таким типам занятий, с целью дальнейшего их совершенствования.

В результате такого анализа выяснилось, что описанные нами выше экспериментальные занятия, целиком

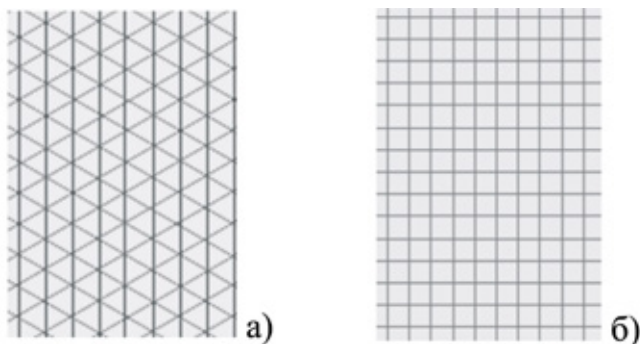

Рис. 2. Фрагменты специально разграфированных листов для выполнения: а – изометрических и б – прямоугольных изображений

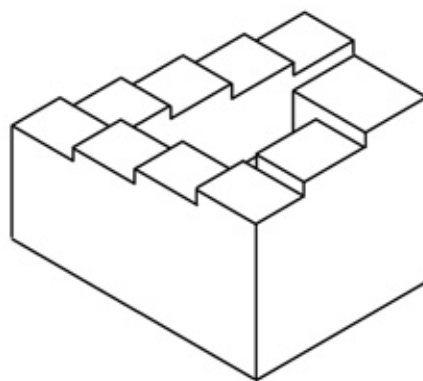

Рис. 3. «Бесконечная лестница», изображенная в изометрии

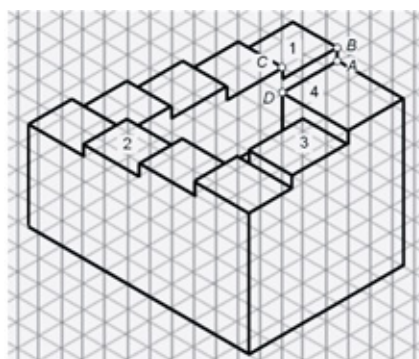

Рис. 4. Изометрия «бесконечной лестницы», выполненная на специально разграфированном листе

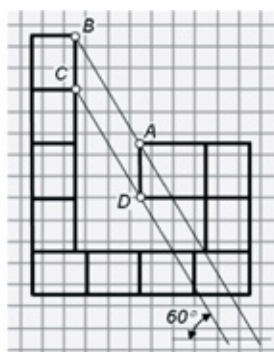

Рис. 5. План (горизонтальная проекция) «бесконечной лестницы»

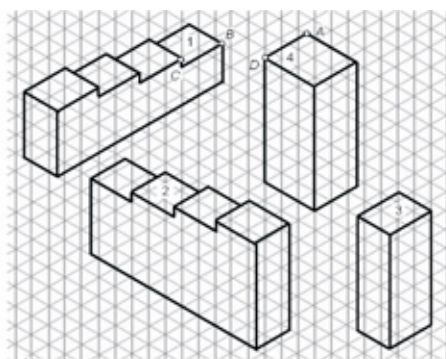

Рис. 6. Изображения блоков, из которых можно собрать изометрию «бесконечной лестницы»

сходятся с занятиями, проведение которых рекомендуется педагогической технологией, называемой «Развитие критического мышления» [1] лишь с той разницей, что в этой

технологии развитие критического мышления достигается через чтение и письмо, а у нас — через пространственное представление и техническое рисование.

Литература:

1. Стил, Ж., Мередис, К., Темпл, Ч. Основы развития критического мышления. Пособия: 1–8. — Бишкек, 1998.

Организация самостоятельной работы студентов (из опыта работы со студентами неязыковых факультетов)

Власова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Томский политехнический университет

Принципиальное изменение организации образовательного процесса с учетом условий современного информационного общества требует кардинального переосмысления роли самостоятельной работы студентов

(СРС). Оптимизация организации СРС определяется как одна из приоритетных задач в рамках модернизации российского образования, в ситуации, когда «высокими темпами идет информатизация процесса обучения» [1, с.

360], «укрепляется тенденция к формированию системы непрерывного образования» [1, с. 361]. Необходимость совершенствования содержания СРС диктуется и общемировыми тенденциями в области образования.

В рамках перехода вузов на государственные образовательные стандарты третьего поколения самостоятельная познавательная деятельность приобретает особую значимость. В то же время отсутствует универсальная эффективная модель планирования, организационных форм и методов, оценивания результатов СРС. В этой связи значимым является учет положительного опыта организации СРС, о чем и пойдет речь в данной статье.

В современном обществе весомость дисциплины «Иностранный язык» возрастает. Уже никто не ставит под сомнение тот факт, что успешность выпускника во многом определяется его коммуникативными способностями, умением находить эффективные коммуникативные стратегии. Молодой специалист должен демонстрировать готовность работать в интернациональной команде, аргументировать собственные выводы, уметь презентовать результаты своей работы на иностранном языке, заниматься организационно-управленческой деятельностью, ориентироваться в стремительном потоке информации. Однако одновременно происходит сокращение часов аудиторной нагрузки. Эта тенденция подчеркивает необходимость эффективной организации СРС, применения технологий активации обучения.

Реализация учебной дисциплины в логике компетентного подхода влечет индивидуализацию процесса обучения. «Современная модернизация образования, предполагая трансформацию ЗУНов в компетентности, связана не с их отрицанием и изгнанием из обучающего процесса, но с приобретением ими иного качества» [2, с. 126]. Необходимо научить студента самостоятельно добывать знания, решать профессиональные задачи, проявлять инициативу, работать с научной литературой, реферировать и аннотировать прочитанное. В процессе освоения дисциплины студент должен осознать необходимость самообучения и постоянного профессионального самосовершенствования. Компетенции невозможно просто передать, а необходимо наработать самому в результате социально-профессиональной жизнедеятельности. Это требует большую самостоятельность студента, его активное участие в деятельности учебного заведения, участие в олимпиадах, оформление грантов, самостоятельную, внеаудиторную, профсоюзную работу.

Критическое осмысление традиционных педагогических технологий показало необходимость переориентировать СРС на активный подход в получении знаний. Компетентный подход означает модификацию форм и методов педагогической деятельности. Это предполагает отказ обучающихся от позиции «ученичества». Задача преподавателя не только передать глубокие фундаментальные знания, а, прежде всего, развить навыки самостоятельного приобретения и применения знаний, т.е. научить студента успешно учиться.

Однако, как показывает практика, большинство студентов испытывают серьезные затруднения в организации своей самостоятельной работы в силу разных причин: низкого уровня самостоятельности и инициативности, ответственности за собственное образование, отсутствия навыков творческой деятельности и саморегуляции.

Для успешной организации СРС целесообразным видится знакомить студентов в начале семестра с рейтингом планом, графиком СРС и банком творческих заданий. Для этого можно разработать «Памятку для самостоятельной работы студентов», где будут приведены все виды заданий, выносимых на самостоятельную работу, сроки их выполнения и предоставления результатов, рейтинговая система оценки и формы контроля. Важно также ознакомить студентов с критериями оценки выполнения заданий. Памятка может предоставляться студентам в распечатанном и электронном варианте, так, чтобы у студентов была возможность обратиться к ней при определении алгоритма выполнения самостоятельной работы.

Из всего многообразия типов самостоятельной работы наиболее эффективными представляются эвристическая и творческая работа. Поэтому можно предложить студентам самостоятельно выбрать тип задания из многообразия предложенных, назовем это «Банком творческих заданий для СРС». Приведем несколько примеров заданий по различным темам: создание личной Интернет-страницы, подготовка и проведение викторины «Я знаю свой город», разработка маршрута для иностранных гостей по городу, составление списка научных журналов, тематически связанных со специальностью, их презентация, подготовка доклада об инновациях, разработках, патентах факультета или кафедры.

В «Банке» должны быть представлены задания разной степени сложности, направленные на развитие творческой активности учащихся. При этом студенты могут проявлять собственную инициативу, выбирать индивидуальную траекторию самостоятельной деятельности, исходя из своих целей, умения их реализовывать, интересов и возможностей. Самостоятельный подход к выбору заданий позволяет реализовать дифференцированное обучение и индивидуальный подход. Преподаватель должен выступать в роли эксперта, помощника по обучению, наставника, который пробуждает стремление к обучению, заложенное в каждом человеке. Он должен активизировать познавательную деятельность студентов.

Специфика творческих заданий заключается в том, что выполнение многих из них предполагает презентацию результатов в аудиторные часы. Такая коммуникативная направленность данного вида СРС очень результативна с точки зрения формирования у студентов коммуникативной компетенции, навыков творческой деятельности. Некоторые задания включают элементы исследования, подразумевают работу в команде, в процессе подготовки студенты учатся находить наиболее эффективные методы межличностного общения и поиска информации.

Особо должно отмечается участие студентов в научных и научно-практических конференциях и семинарах, где студенты имеют возможность выступить с докладом на круглых столах и опубликовать статью. Кроме того, особое внимание необходимо уделить подготовке студентов к участию в конкурсах на лучшую научно-исследовательскую работу, ежегодно проводимых в университетах.

Представляется важным предусмотреть наличие межпредметных и междисциплинарных связей в заданиях, выносимых на СРС, особенно это значимо для студентов старших курсов. Обучающиеся должны видеть возможности применения знаний в процессе профессионального роста по иностранному языку и техническим специальностям в совокупности. Необходимо апеллировать к личностным целям будущих специалистов-инженеров. Это будет являться значимым стимулирующим и мотивационным фактором.

Говоря об организации СРС, нельзя обойти вопрос об использовании компьютерного инструментария, средств информационных технологий при обучении иностранному языку. Традиционно студенты 1–2 курсов выполняют лабораторные работы по изученным темам с помощью программ компьютерной поддержки. В условиях развития информационного образовательного пространства возможности использования ИТ при обучении иностранному языку настолько многообразны и широки, что выбор остается за преподавателем, который должен учесть уровень подготовки обучающихся и техническую оснащенность.

Очень продуктивным, как показывает опыт, является использование обучающих видеоуроков для самостоятельной работы. Разнообразные видеоуроки можно подобрать на различных сайтах, например *engvid.com*, где представлены обучающие видеоуроки разного уровня сложности от Elementary до Advanced по разным лексико-грамматическим темам. После просмотра урока студентам предлагается проверить себя, выполнив тест в интерактивной форме. В случае неуспешного выполнения студенты могут повторно просмотреть материал.

Для удобства обмена информацией можно предложить каждой группе студентов создать свой электронный ящик, куда преподаватель будет направлять домашние задания для самостоятельной работы и рекомендации по ее выполнению. Очень богатым ресурсом заданий на ауди-

рование являются сайты *breakingnewsenglish.com*, *bbc.com*, *www.voa.com*, преимущество использования которых состоит в том, что материалы, представленные на сайтах, постоянно обновляются и тем самым не теряют своей актуальности. Преподаватель подбирает темы близкие студентам по различным актуальным вопросам жизни современного общества. Работа с подобным аудиоматериалом дает студенту необходимый современный вокабуляр и расширяет тематику общения и познавательные интересы.

На сегодняшний день существует возможность скачать электронные варианты различных учебных пособий с аудио- и видеоматериалами. Преподаватель формирует для студентов папку с необходимыми учебными пособиями, которые используются как на занятиях, так и для самостоятельного изучения. Тем самым у студентов появляется возможность проработать и повторить материал, пройденный на занятии, дома.

Работа с видео всегда является большим эмоциональным стимулом для студентов с разным уровнем языковой подготовки. Использование аудио- и видеоматериалов для СРС стимулирует усвоение и отработку лексико-грамматических и фонетических явлений современного иностранного языка.

Задача преподавателя при организации СРС — научить студентов ориентироваться в потоке информации. Эффективным способом формирования и развития познавательной активности студентов является задание «treasurehunt». Студентам предлагается несколько вопросов, обычно объединенных одной тематикой, ответы на которые можно найти, ознакомившись с различными сайтами, которые указаны напротив каждого вопроса. Выполняя такие задания, студенты учатся самостоятельно добывать знания и правильно их использовать в процессе подготовки ответа.

Таким образом, можно констатировать, что включение в содержание СРС аутентичных аудио- и видеоматериалов, ресурсов сети Интернет способствует достижению более качественного уровня языковой подготовки студентов неязыковых специальностей. Возможность проявить инициативу при выборе заданий для СРС вызывает осознанный интерес к изучению предмета.

Организация СРС должна быть направлена на то, чтобы обучающийся стал не просто потребителем образовательных услуг, а субъектом процесса обучения.

Литература:

1. Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века / М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2004. — 444 с.
2. Петрова Г.И. Открытое образовательное пространство в контексте коммуникативной рациональности: методические подходы и практика управленческой деятельности в образовании: Монография. — Томск: Томский ЦНТИ, 2008. 136 с.

Вопросы информатизации процесса обучения и воспитания в академических лицеях

Гафурова Нодира, аспирант

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами (Узбекистан)

*В новом тысячелетии судьбы государств,
народов решают не материальные,
а интеллектуальные, т.е.
духовно-нравственные ценности.*

Каримов И.А.

Независимый Узбекистан уделяет особое внимание образовательной системе. Созданы новые типы средних специальных образовательных учреждений — академические лицеи и профессиональные колледжи, деятельность которых интенсивно совершенствуется.

Современная молодежь обучается в среде, богатой современными информационными технологиями. Растет потребность информатизации процессов обучения, воспитания и управления академическими лицеями.

Использование современных информационных технологий в образовании, различные методологические подходы, в свою очередь, создают широкие возможности для более легкого и прочного формирования множества фундаментальных понятий.

Внедрение в образовательный процесс современных информационных технологий приобретает большое значение в связи с тем, что способствует:

- усвоению обучающимися профессиональных знаний;
- глубокому усвоению отрасли науки посредством моделирования изучаемых явлений и процессов;
- совершенствованию самостоятельной деятельности учащегося за счет разнообразных форм учебной деятельности;
- индивидуализации и дифференциации процесса обучения на основе интерактивного общения;
- овладению учащимися стратегии усвоения учебного материала за счет использования широких возможностей искусственного интеллекта;
- формированию информационной культуры учащегося как члена информационного общества;
- повышению познавательного интереса и активности учащихся за счет презентации изучаемых явлений и процессов средствами компьютерных технологий.

С учетом вышеизложенного, можно прийти к выводу, что информатизация процесса обучения в академических

лицеях приводит к совершенствованию содержания и сущности образования. Актуальной на сегодня является потребность в информатизации, как процесса обучения, так и воспитания. Современная молодежь активно пользуется всемирной «паутиной» — глобальной сетью интернет. К сожалению, в ней размещена информация различного рода, как созидательного, так и разрушительного плана.

Размещение в данной сети сайтов, отражающих общечеловеческие и национальные ценности; разделов искусства, этики, эстетики, нравственности, имеющих огромное воспитательное значение, активное использование их в системе воспитательной, духовно-нравственной работы, несомненно, послужит воспитанию гармонично развитого поколения. Ибо слова одного из ярких представителей узбекских просветителей начала XX века Абдулла Авлони: «Воспитание для нас вопрос жизни или смерти, вопрос спасения, счастья или трагедии...» обретают сегодня особую актуальность.

Одной из форм воспитательной работы в академических лицеях являются «воспитательные часы». Повышению эффективности данных «часов» могут служить наглядные материалы, созданные с использованием компьютерных технологий. Слайды, презентации «Узбекистан — Родина моя», «Мир — бесценное богатство», «Национальные ценности», «Алишер Навои — основоположник тюркского языка», «Наследие Абдуллы Кадыри», «Курение — зло» разработанные в ходе исследования способствуют более яркому представлению учащимися предмета беседы, повышают их интерес к изучению нравственного наследия своего народа.

Информатизация процесса обучения и воспитания в академических лицеях актуальнейшая проблема современности. Её решение послужит успешному претворению в жизнь идеи воспитания гармонично развитого поколения.

Литература:

1. Каримов И.А. Озод ва обод Ватан, эркин ва фаровон ҳаёт пировард мақсадимиз. — Т.8. — Т.: Узбекистон. 2000. С. 525.
2. Авлоний А. Туркий гулистон ёхуд ахлоқ. — Т.: Маънавият. 1998.

Система дидактических условий развития продуктивного мышления учащихся

Глебова Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, профессор РАЕ,
заместитель начальника управления образования Администрации г. Прокопьевска (Кемеровская обл.)

На современном этапе развития педагогической науки и практики возрастает актуальность проблемы развития творческой познавательной деятельности учащихся с различными способностями в рамках единого учебного процесса. С решением данной проблемы связана разработка методологических основ развития продуктивного мышления как основной составляющей творческой деятельности школьников.

Надежным методологическим ориентиром в развитии продуктивного мышления учащихся в процессе обучения выступает системный подход. Он в большей мере позволяет выявить закономерные связи и отношения продуктивного мышления с компонентами целостного процесса обучения.

Исходя из стратегической цели современного образования, заключающейся в развитии творческого потенциала личности и продуктивного мышления как основы для его реализации, возможно создание эффективной системы дидактических условий совершенствования школьного обучения. Они должны включать в себя как действия, направленные как на развитие продуктивного мышления школьников, так на совершенствование самого педагогического процесса.

Под дидактическими условиями мы понимаем обстоятельства процесса обучения, которые представляют собой результат организационных форм обучения для достижения определенных дидактических целей, результат отбора, конструирования и применения элементов содержания и методов.

Процесс обучения как система имеет структуру, состоящую из двух компонентов — подсистемы преподавания и подсистемы учения, которые находятся во взаимодействии. В этом контексте понятие «система» трактуется В.В. Беспалько: «Под педагогической системой мы понимаем определенную совокупность взаимосвязанных средств, методов и процессов, необходимых для создания организованного, целенаправленного и преднамеренного педагогического влияния на формирование личности с заданными качествами» [2]. Считаем, что такое определение соответствует успешной компоновке элементов, входящих в систему организации продуктивной умственной деятельности школьников в процессе обучения.

С точки зрения целостной характеристики построения обучения, направленного на умственное развитие, важную мысль высказал И.Я. Лернер в плане построения в рамках учебного процесса структур творческой деятельности. Представляет интерес сопоставление структур творческой деятельности с актами обучения и рассмотрение их с точки зрения логики учебного процесса. С процессуальной точки зрения И.Я. Лернер дает следу-

ющее определение: «Процесс обучения можно определить как происходящую по объективным законам смену актов обучения, в ходе которой изменяются деятельность учителя и учащихся, а также свойства учащихся в результате их деятельности» [5, с. 9].

В обучении можно выделить два основных объекта: изучаемый (познаваемый) объект и процесс мышления изучающего. Поэтому, рассматривая в качестве первого объекта реальный педагогический процесс, а в качестве второго — продуктивное мышление учащегося, можно говорить об уровнях организации познавательной деятельности школьников. На первом уровне происходит непосредственное получение знаний об объективной реальности. На втором — взаимодействие объектов с использованием средств обучения. Третий уровень — это уровень взаимодействия субъектов — личностей, являющихся носителями знаний об объективной реальности, т.е. учителей и учащихся. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что и система дидактических условий должна, соответственно, включать три уровня: первый уровень — уровень познавательного процесса; второй уровень — уровень методической системы; третий уровень — уровень взаимодействия участников учебного процесса (учителя и учащиеся).

Реализация такого рода структуры дидактических условий развития продуктивного мышления учащихся в процессе обучения возможна при условии целостного системного подхода. Характерными признаками структуры являются устойчивые и существенные взаимосвязи элементов системы. Система дидактических условий состоит из взаимосвязанных и взаимообусловленных средств и методов, что позволяет при ее разработке применять системно-структурный анализ.

Продуктивное мышление — единый целостный процесс, не расчлененный механически на отдельные явления, опосредуется в учебно-познавательной деятельности учащихся. Познавательная деятельность является сущностью процесса обучения. Поэтому вполне правомерно сделать вывод о том, что содержательная сторона способов умственной деятельности определяется целью познавательной деятельности.

Получение различных видов знания требует применения различных приемов и способов мышления. Более того, в зависимости от того, куда направлено познание: на осознание результата или процесса деятельности, — формируются разные приемы и способы умственной деятельности.

Содержание определяет уровень мышления, который влияет на процесс осуществления умственной деятельности. Отсюда следует, что дидактическим условием организации продуктивной умственной деятельности,

которая в психологии рассматривается как сформированная познавательная деятельность, является учет первичной и определяющей роли содержания учебного предмета.

В процессе организации познавательной деятельности важно, чтобы учитель не только видел и оценивал содержание, на котором эта деятельность осуществляется, но и предусмотрел осознание учащимися объектов деятельности — компонентов (целостных составляющих) конкретного содержания как элементов деятельности всех видов понятий. Это первое и необходимое условие осознания учащимся собственной познавательной деятельности.

Следующим шагом в методологии обоснования разработки системы дидактических условий развития продуктивного мышления является рассмотрение целостной модели учебного процесса, взаимосвязи и взаимообусловленности всех его компонентов.

В классической структуре компоненты педагогического процесса расположены в линейном порядке: цель обучения, принципы обучения, содержание обучения, методы обучения, средства обучения, формы обучения [1].

С целью более полного учета особенностей мыслительной деятельности целесообразно выделить в качестве самостоятельного компонента методы учения и методы преподавания.

Основной ведущей целью метода продуктивной умственной деятельности является решение проблемы, познавательной задачи, которая в содержательном плане ориентирована на конкретные методические приемы. Изменение целей обучения должно предусматривать развитие продуктивного мышления учащихся.

В процессе нахождения метода обнаруживается характер содержания, на котором будет определяться решение проблемы. Содержание знаний и метод их освоения формируют у школьников соответствующий тип мышления. Таким образом, содержание должно изменяться в направлении повышения уровня научности изложения, сближения учебного материала с содержанием научного знания.

Исходя из общей цели реализации способа учебно-познавательной деятельности, вытекает цель описания связи между объектом и полученным знанием. Содержанием здесь будет объект и полученное знание о нем. Методом учения здесь может быть моделирование, конструирование определения. Изменение методов учения должно быть ориентировано на овладение учащимися методами и законами научного познания.

Изменение средств обучения должно происходить в направлении повышения уровня абстракции используемых моделей. Формы обучения должны быть ориентированы на повышение уровня проблемности, сближения форм учебной деятельности с формами научного познания.

Изменение методов преподавания должно происходить в направлении уменьшения опосредованности деятельности учащихся, увеличения доли самостоятельности в их мыслительной деятельности.

Важно подчеркнуть, что в организации продуктивной умственной деятельности ведущая роль принадлежит методу познания, который является и средством освоения знаний и средством развития продуктивного мышления учащихся. Отсюда вытекает главная задача умственного воспитания школьников — выработка метода научного познания, который в структуре процесса обучения, направленного на развитие продуктивного мышления, занимает центральное положение.

Используемый для получения конкретных знаний метод должен быть включен в качестве составляющей новых знаний и должен быть усвоен обучающимися. Иными словами, в состав способа познавательной деятельности, ориентированного на продуктивную умственную деятельность, должен входить элемент осознания получаемого знания и метода его получения. Осознание знаний осуществляется в процессе рефлексии. Критическая оценка является неотъемлемой составной частью продуктивного мышления.

Таким образом, наряду с методологичностью важной особенностью организации продуктивной умственной деятельности учащихся является рефлексивность. Именно методологичность и рефлексивность обуславливают системность и динамичность продуктивной умственной деятельности в процессе многократного подключения итогов мышления к его процессу, соотносением этих результатов между собой на последовательно усложняющихся этапах.

Выявление и анализ взаимосвязи и взаимообусловленности компонентов целостного педагогического процесса позволяет научно обосновать разработку управления познавательной деятельностью школьников, включающего в себя действия, направленные как на развитие продуктивного мышления учащихся, так и на совершенствование всего процесса обучения. Эффективность функционирования педагогической системы в значительной мере зависит от взаимодействия учителя и учащихся, их взаимного соразвития. Учитель своей деятельностью приводит учащегося к самореализации, побуждая его развивать в себе свои собственные задатки к творческому мышлению. В свою очередь учитель самореализуется и совершенствуется профессионально в процессе педагогической деятельности [3].

Развитие продуктивного мышления учащихся в процессе обучения может эффективно осуществляться при наличии определенной системы дидактических условий. В качестве таких условий мы считаем целесообразным выделить следующие:

1. Своевременная диагностика интеллектуальных и творческих способностей учащихся.
2. Содержание образования, адекватно отражающее систему знаний о мире, природу и сущность личности, полноту и системность видов деятельности, необходимых для развития ее способностей.
3. Ориентация познавательной деятельности учащихся в направлении овладения методами и законами научного познания.

4. Совместная творческая деятельность учителя и учащегося, реализующаяся в активных формах обучения: диалог, полилог, дискуссия.

5. Применение учителем собственных умственных приемов, учитывающих индивидуальные личностные качества и стиль умственной деятельности учащихся.

6. Психологическое обеспечение педагогического процесса.

7. Побудительно-интенсифицирующая деятельность учителя.

В системе дидактических условий развития продуктивного мышления учащихся ведущее место занимает побудительно — интенсифицирующая деятельность учителя, от которой в целом зависит эффективность фун-

кционирования целостной педагогической системы. Чем выше профессионализм учителя, его психологическая компетентность, тем выше результаты педагогического воздействия на развитие продуктивного мышления учащегося.

Реализация в педагогической практике перечисленных дидактических условий развития продуктивного мышления учащихся позволяет, с одной стороны, более успешно решать проблему интеллектуального развития школьников, с другой стороны, — способствует рационализации процесса обучения, взаимореализации и соразвитию учителя и учащегося; определяет общедидактические пути совершенствования обучения в современной школе.

Литература:

1. Бабанский Ю.К. Избранные педагогические труды. — М.: Педагогика, 1989. — 560 с.
2. Беспалько В.П. Интенсификация процесса обучения. — М.: Знание, 1987. — 78 с.
3. Глебова М.В. Психологический аспект профессиональной деятельности учителя в контексте задач интеллектуального воспитания школьников // Управление профессиональным развитием педагога: материалы Международной научно-практической конференции, г. Кемерово, 21 декабря 2010 года: в 2 ч. Ч.1. — Кемерово: Изд-во КРИПК и ПРО, 2010. — С. 282–288.
4. Доровской А.И. Дидактические основы развития одаренности учащихся. — М.: Российское педагогическое агентство, 1998. — 210 с.
5. Лернер И.Я. Процесс обучения и его закономерности. — М.: Педагогика, 1980. — 106 с.

Из опыта работы спецкурса «Технологии преподавания трудового обучения» для студентов ИПФ

Каримов Исмаил, кандидат педагогических наук, доцент, аспирант ИОО МО РФ
Кокандский государственный педагогический институт им. Мукимии (Узбекистан)

В данной статье даются методические рекомендации по организации работы преподавания спецкурса «Технологии преподавания трудового обучения» для студентов направления трудового обучения и индустриально-педагогических специальностей.

Как известно, при подготовке будущих педагогов — учителей и воспитателей — большое значение имеет обучать их к использованию различными методами и формами обучения. Поэтому мы разработали специальный курс для студентов направления трудового обучения «Технологии преподавания трудового обучения» и ведем занятия по этому курсу в течение последних 3-х лет. На этот курс выделено 34 часа, из которых 18 часов — лекция, 16 часов — практические занятия. В этом курсе объединены и систематизированы некоторые вопросы по использованию новейших технологиях обучения на уроках труда.

Прежде всего, была разработана рабочая программа, а затем были сделаны методические разработки — курс лекций и дидактические материалы для практических занятий.

С целью оптимального использования педагогических технологий на уроках трудового обучения, т.е. на каких занятиях использование каких педагогических технологий более эффективно — для решения такой проблемы авторы разделили уроки трудового обучения на 4 типа (вводные занятия, подача новых знаний или нового материала, а также формирование трудовых навыков, уроки повторения и закрепления, зачетные уроки) и выбрали подходящие методы. Например, на вводном занятии можно использовать мини-лекции, диспут, интервью и другие методы. При подаче аудитории нового учебного материала преподаватель работает над формированием трудовых навыков, используется «мозговой штурм», семинар, диспут, мозаика, тренинг, эстафета, даются творческие упражнения, морфологическая таблица и т.д. На занятиях повторения и закрепления мы рекомендуем небольшие ин-

сценировки, диспуты, КВН, игра предпринимателей. На зачетных занятиях рекомендуется игра «Что, где, когда?», тестовые задания, соревновательные упражнения и т.д.

Рабочая программа этого курса составлена следующим образом:

Лекционные занятия. Введение. Цели и задачи данного курса. Общее понятие о данном курсе, возникновение и общие понятия о педагогической технологии. Обзор литературы по педагогической технологии. Основные виды и направления, принципы и критерии педагогической технологии.

Проблемы использования педагогических технологий на уроках трудового обучения. Использование педагогических технологий на вводных занятиях, при подаче нового материала и формировании трудовых навыков, на за-

нятиях повторения и закрепления, на зачетных занятиях.

Практические занятия. Знакомство с возникновением и этапами развития понятия педагогической технологии. Изучение использования методов педагогических технологий при организации уроков трудового обучения. Изучение использования методов педагогических технологий в организации вводных занятиях, на занятиях при подаче новых материалов и формировании трудовых навыков, на занятиях повторения и закрепления, на зачетных занятиях.

С целью эффективности данного курса мы провели педагогический эксперимент. Для этого выбрали 2 группы студентов III курса («А», «Б») направлений трудового обучения. Результаты эксперимента по проведению данного курса отражены в следующей таблице:

Группы	Число студентов	Оценки				Успеваемость, %	Качество знаний, %
		Отл.	Хорошо	Удов.	Неудов.		
Опытная III «А»	20 (100%)	12 (60%)	6 (30%)	2 (10%)	—	100	90
Контрольная III «Б»	22 (100%)	6 (27%)	8 (36,5%)	7 (32%)	1 (4,5%)	95	63,6

Из таблицы видно, что опыт преподавания спецкурса «Технологии преподавания трудового обучения» дает положительные результаты. Мы считаем, что данную работу необходимо расширить и ввести этот курс в 4-й блок рабочего плана и считать этот курс одним из специальных дисциплин.

Вышеуказанные сведения приводят к выводу: педагог должен привлекать каждого студента в качестве субъекта, использовать разнообразные формы и методы, использовать при этом проблемные методы обучения, индивидуальную форму обучения, а также использовать информационные и новые педагогические технологии. Такое обучение формирует не только глубокие знания, но и способствует выявлению способностей каждого студента, способствует подготовке будущих педагогов и высококвалифицированных специалистов.

В данном случае мы считаем, что работу нужно вести в двух направлениях:

студенты должны четко знать цели и задачи использования педагогических технологий;

на всех видах занятий — лекциях, практических, семинарских и лабораторных — должны быть использованы новейшие педагогические технологии.

Для достижения цели при использовании на занятиях нетрадиционных методов обучения мы предлагаем взять за основу следующие принципы:

- стремление студента к получению новых знаний;
- наличие у каждого студента собственного мнения;
- организация на занятиях сотрудничества педагога и студента;

— использование полученных знаний на практике, уважительное отношение к мнению других студентов;

— умение обмениваться своими мыслями и опытом с другими;

— умение свободно мыслить и стремиться к расширению своего кругозора.

На основе вышеизложенного мы предлагаем чаще использовать следующие нетрадиционные методы обучения при подготовке студентов к будущей профессии:

Использование метода «мозгового штурма». Этот метод предполагает умение студента глубоко понимать поставленную перед ним проблему, умение выражать свои мысли, защищать их, правильно излагать их, умение слушать чужие мысли и уважительно относиться к ним.

Деление студентов на малые группы (подгруппы). Формирование навыков совместного мышления, выполнение работы, умение защищать интересы своей группы.

Использование методов инсценировок и предпринимательства. Этот метод предполагает самостоятельную творческую работу студентов, а также обогащение знаний студентов новыми ситуациями и возможностями.

Разбор и анализ проблемных ситуаций. Этот метод способствует развитию творческого и логического мышления, а также формированию способностей культурного диспутирования с окружающими.

Вышеизложенные методы способствуют творческому и сознательному мышлению студентов, способствуют раскрытию их способностей и возможностей, помогают при выполнении практических заданий, поэтому считаются особенно эффективными в процессе обучения.

Сущность компетентностного подхода в формировании личностных качеств будущего учителя

Муслимов Нарзулла Алиханович, доктор педагогических наук, профессор;

Каримова Нозима Нурмухаммадовна, магистр

Ташкентский государственный педагогический университет (Узбекистан)

Данная статья посвящена описанию компетентного подхода обучения в подготовке будущего учителя к профессиональной деятельности, предлагаются новые методы обучения и воспитания, способствующие формированию компетенций будущего учителя.

Ключевые понятия: социальные и персональные компетенции, воспитывающее обучение в плоскости компетентностного подхода, диалоговые технологии, учебная дискуссия.

The essence of skilled approach in shaping future teacher's quality

Given article is dedicated to description of the competent approach of the education in preparing the future teacher to professional activity, are offered new methods of the education and education, promoting shaping competency beside them.

Key notions: social and personal competencies, bring up education in planes approach, dialogue technologies, scholastic debate.

Современный этап развития образования Узбекистана характеризуется новыми подходами к обучению, которые требуют новых методов организации учебно-воспитательного процесса, современных условий образовательных сред, новых педагогических технологий, позволяющих повысить интенсивность и эффективность учебного процесса, создающих условия и средства индивидуальной и коллективной учебной деятельности. Закон «Об образовании» Республики Узбекистан акцентирует внимание на необходимости создания образовательной среды, обеспечивающей эффективное использование научно-педагогического потенциала, создание условий для поэтапного перехода к новому уровню и качеству образования на основе педагогических технологий. В «Национальной программе по подготовке кадров» Республики Узбекистан обоснованно подчеркивается, что качественные перемены в образовании находятся в прямой зависимости от кадрового обеспечения. Задача совершенствования подготовки педагогических кадров в условиях становления рыночной экономики заключается в коррекции и дополнении их профессионального образования, оснащенной современной методологией и реализующей гибкие формы обучения. Система подготовки квалифицированных педагогических кадров во многом определяется состоянием профессионально-методической подготовки будущих учителей в вузе. Тенденции развития современного общества обуславливают необходимость формирования **педагога нового типа**, обладающего творческим потенциалом, стремящегося к профессиональному самосовершенствованию. Принципиальная особенность такого подхода заключается в изменении позиции учителя в координатах образовательной среды, предполагающем превращение его из объекта обучения и воспитания **в субъект, формирующий сам себя**. Сказанное ставит высшую школу перед задачей подготовить будущего учителя к профессионализму. Большая роль в этом,

на наш взгляд, принадлежит компетентностному подходу. Компетентностный подход в воспитании акцентирует внимание на формировании у будущего учителя компетенций обеспечивающих им возможность успешной социализации. Содержательная характеристика личностного развития, данная Б.Ф. Ломовым и Дж. Равен, позволяет заключить, что студенты должны обладать качествами, способствующими выполнению ими в будущем многообразных видов социально-профессиональной деятельности. Именно эти качества обуславливают формирование компетентной личности в современном мире. Универсальные компетентности широкого спектра (радиуса) использования называют ключевыми или базовыми. Базовые компетентности многофункциональны, надпредметны и междисциплинальны. Авторы стратегии модернизации содержания общего образования, основываясь на зарубежном опыте, приводят следующие базовые компетентности:

1) компетентность в сфере самостоятельной познавательной деятельности, основанная на усвоении способов приобретения знаний из различных источников информации, в том числе внешкольных;

2) компетентность в сфере гражданско-общественной деятельности (выполнение ролей гражданина, избирателя, потребителя);

3) компетентность в сфере социально-трудовой деятельности (в том числе умение анализировать ситуацию на рынке труда, оценивать собственные возможности, ориентироваться в нормах и этике трудовых взаимоотношений, навыки самоорганизации);

4) компетентность в бытовой сфере (включая аспекты собственного здоровья, семейного бытия и проч.);

5) компетентность в сфере культурно-досуговой деятельности (включая выбор путей и способов использования свободного времени, культурно и духовно обогащающих личность).

Компетенции — это интегративная целостность знаний, умений и навыков, обеспечивающих профессиональную деятельность, это способность человека реализовывать на практике свою компетентность. Поскольку реализация компетенций происходит в процессе выполнения разнообразных видов деятельности для решения теоретических и практических задач, то в структуру компетенций, помимо деятельностных (процедурных) знаний, умений и навыков, входят также мотивационная и эмоционально-волевая сферы. Важным компонентом компетенций является опыт — интеграция в единое целое усвоенных человеком отдельных действий, способов и приемов решения задач.

Современная научная литература определила следующие виды компетенций:

1) **политические и социальные компетенции** — способность взять на себя ответственность, совместно с другими вырабатывать решения и участвовать в их реализации, толерантность к разным этнокультурам и религиям, проявление сопряженности личных интересов с потребностями предприятия и общества, участие в функционировании демократических институтов;

2) **межкультурные компетенции**, способствующие положительным взаимоотношениям людей разных национальностей, культур и религий, пониманию и уважению друг друга;

3) **коммуникативная компетенция**, определяющая владение технологиями устного и письменного общения на разных языках, в том числе и компьютерного программирования, включая общение через Internet ;

4) **социально-информационная компетенция**, характеризующая владение информационными технологиями и критическое отношение к социальной информации, распространяемой СМИ;

5) **персональная компетенция** — готовность к постоянному повышению образовательного уровня, потребность в актуализации и реализации своего личностного потенциала, способность самостоятельно приобретать новые знания и умения, способность к саморазвитию [11]

Общие компетенции иногда называют инструментальными, безличными, систематическими [18].

Переносимые компетенции выражаются в способности рассуждать в абстрактных терминах, осуществлять анализ и синтез, решать задачи (принимать решения), адаптироваться, быть лидером, работать как в команде, так и самостоятельно [19].

Персональные компетенции охватывают личностные качества, такие, как самостоятельность, самоуважение, надежность, осознанная ответственность, чувство долга, развитие самоосознанной ориентации на ценности. Приведенный обзор дефиниций компетенций представляет только малую часть их фактического изобилия, отражающего авторские понимания сущности этого феномена, многообразие нюансов и акцентов. Во всех упомянутых определениях отражается (предчувствуется) спонтанно происходящий общесистемный (парадигмальный) сдвиг образования от содержательно-знаниево-предметной

(дисциплинарной) парадигмы к новой ориентации на вооружение личности готовностью жить в современном мире.

Компетенции суть контекстная целесообразность, контекстное творчество, контекстно-ролевая самоорганизация, самоуправление, самооценивание, саморегулирование, самокоррекция, самопозиционирование. Воспитательный потенциал технологий обучения и развития способствует формированию у будущего учителя в учебном процессе, в предметной деятельности, следующих компетенций:

Ценностно-смысловые компетенции. Умеют адекватно оценивать свои способности и возможности. Сформирована внутренняя мотивация приобретения знаний для дальнейшего образования. Понимают необходимость личностного роста для успешного самоопределения в будущем. Выбирают приоритетными не материальные ценности, а здоровье, семью и интересную работу. При выборе будущей профессии большинство выпускников ориентируются на интерес к конкретной области деятельности, не пренебрегая и материальной стороной. Общекультурные компетенции. Проявляют личностные качества — гражданские, нравственные, интеллектуальные, общей культуры. Сформированы представления о необходимости соблюдать в мире людей общечеловеческие, гуманные, нравственные законы и нормы. Стремятся жить в гармонии с окружающим миром.

Учебно-познавательные компетенции. Умеют самостоятельно планировать свою деятельность. Способны к самореализации, активны в выборе деятельности. Способны к самообразованию. Благодаря участию в проектно-исследовательской деятельности овладели навыками продуктивной деятельности.

Информационные компетенции. При помощи реальных объектов (телевизор, компьютер, принтер, модем) и информационных технологий (аудио- и видеозапись, электронная почта, СМИ, Интернет) способны самостоятельно искать, анализировать и отбирать необходимую информацию. Коммуникативные компетенции. Умеют жить и работать в коллективе, имеют понятия о социальных ролях (лидер-организатор, лидер — генератор идей, исполнитель, зритель). Имеют представления о способах выхода из конфликтных ситуаций. Недостаточно сформированы навыки взаимодействия с различными социокультурными объектами коммуникации (умение корректно и правильно задать вопрос, представить себя, написать заявление и т.д.).

Формирование ключевых компетенций будущего учителя обусловлено развитием их способностей, которые являются интегративной характеристикой деятельной личности. Они обуславливают производительность, реализацию творческого потенциала личности, качество и надежность выполнения психических функций. Педагог может способствовать развитию способностей будущего учителя, если в воспитательной деятельности будет использовать методы педагогической поддержки. Они составляют одно из важнейших педагогических средств, ориентированных на процесс саморазвития будущего учителя.

Методы поддержки развития аналитико-рефлексивных способностей, с помощью которых воспитатель и воспитанник получают возможность осмыслить свою деятельность, соответствие способов работы целям и полученному результату: метод наблюдения; метод коллективного анализа деятельности, размышления; метод рефлексии — самопознание своей роли и отношения к произошедшим событиям, делам; метод тестирования и анкетирования.

Методы поддержки развития интеллектуальных способностей:

- метод «мозгового штурма» — при снижении самокритичности студента в процессе обсуждения, повышается уверенность в себе, пробуждается творческий потенциал, создаётся позитивная установка личности к своим способностям;

- метод «сократовской беседы» — развитие диалогического мышления, творческих способностей;

- метод синектики — смещение на уровень подсознательной активности, направлен на развитие ассоциативного, абстрактного, образного мышления;

- метод «заданной формы организации учебно-воспитательного процесса»;

- создание учебно-воспитательной ситуации, когда ребёнок сам должен выйти на решение новой задачи путём использования новых способов её решения.

Методы поддержки развития организаторских способностей:

- метод «творческого выполнения задач»;

- метод игры — творческое действие в воображаемых, условных обстоятельствах с целью развития самостоятельности и творчества;

- метод поручения — регулярное выполнение определённых действий в целях превращения их в привычные формы поведения (положительные привычки);

- метод упражнения — повторение, закрепление, упрощение и совершенствование ценных способов действий;

Таким образом, реализация компетентностного подхода в рассматриваемом контексте предусматривает интеграцию процессов воспитания и обучения, что при «фасилитирующей» роли педагога, будет способствовать формированию компетентной личности будущего педагога, способной к успешной социализации в обществе, конкурентоспособной на рынке труда, но в то же время духовной, культурной и толерантной.

Литература:

1. Андреев А.Л. Компетентностная парадигма в образовании: опыт философско-методологического анализа // Педагогика. — 2005. — №4. — С. 19–27
2. Вербицкий А. Гуманизация, компетентность, контекст — поиски оснований интеграции // Вестник высшей школы. — 2006. — №5. — С. 19–25
3. Гавриленко Т. Обучение через желание // Учитель. — 2005. — №6. — С. 12–13
4. Иванов Д.А., Митрофанов К.Г., Соколова О.В. Компетентностный подход в образовании. Проблемы, понятия, инструментарий. Учебно-методическое пособие. — М.: АПК и ПРО, 2003. — 101 с.
5. Идатчиков Н. Интерактивный урок: авторское видение // Учитель, №6—2005. — С. 7–11

Формирование социальной активности студентов специальности «Туризм» в рамках культуротворческой среды

Кузнецова Нина Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент
Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева

Одним из главных приоритетов образования в настоящий момент, наряду с новыми стандартами, является его социокультурная модернизация. По мнению А. Асмолова сегодня стоит задача сделать образование институтом социального развития общества. Во-первых, это самая крупная социальная сеть, связанная с семьей, религией, наукой, культурой, бизнесом. Во-вторых, сегодняшняя молодежь уже совсем не та, что была 15–20 лет назад, она имеет свои, другие ценности и приоритеты.

В связи с быстрой информатизацией общества происходит ускорение темпов социализации. Надо принимать во внимание тот факт, что нынешние студенты в своей ра-

боте будут использовать технологии, которые еще не родились, решать проблемы, о которых мы, сегодняшние, не имеем представления.

В этой ситуации образование — как институт социализации не может отгородиться от других институтов социализации: экономики, бизнеса. При этом важно, чтобы каждый студент, каждый гражданин, будучи носителем определенной культуры, был открыт всему лучшему в мировой культуре, ощущая себя гражданином мира. Поэтому ради сохранения идеалов и традиций культуры следует формировать аудиторию, способную оценить историко-культурное наследие, сохранить и приумножить его. Это

в свою очередь предполагает формирование такого качества, как *социальная активность*.

Можно выделить достаточно большое количество подходов к данному понятию; суть которых сводится к общей тенденции: активность есть качество личности как субъекта деятельности, социальная активность — сложное интегрированное качество личности, проявляющееся в инициативной, направленной, социально значимой деятельности и готовности действовать в интересах социальной общности.

Одним из компонентов нашей образовательной политики по формированию социальной активности студентов в рамках культуротворческой среды является *персонификация*, в основе которой заложено детальное изучение персоналий (введение историко-биографического материала; отражение черт личности автора в созданном им произведении, раскрытие отношения говорящего к чему-либо и т.п.). При этом классики науки или исторические личности становятся предметом подражания. Так, в содержании предметов учебного плана образовательного учреждения могут оказаться «задействованными» русские и иностранные ученые, писатели и другие деятели культуры, побывавшие в нашем городе.

Использование персонифицированного подхода позволяет, во-первых, обогатить дисциплины учебного плана конкретным региональным содержанием, и, во-вторых, придать ему личностный смысл, помочь студентам сформировать собственную систему ценностей. Регионализация содержания позволяет при этом учесть психологические особенности восприятия студентами этого материала, их адаптацию (психологическая, социальная и учебная) и активно включиться в репродуктивную, а затем и творческую деятельность.

Не останавливаясь подробно на дискуссионных сторонах содержания понятий «регионализация образования», «принцип региональности», сущность которых достаточно проработана рядом исследователей, в том числе и в Тюменском регионе (В.И. Загвязинский, Г.Ф. Куцев, А.А. Макареня и др.), мы рассматриваем с этих позиций процесс подготовки менеджеров гостиничной индустрии в контексте реализации персонифицированного подхода.

Персонифицированный подход позволяет включать в образовательный процесс педагогические реалии, использовать принцип региональности.

Если мы примем за основу идею педагогических реалий и учтём хорошо известное положение о том, что «личность воспитывает личность», то не трудно будет убедиться, что живший когда-то известный человек тоже может влиять на формирование личности современного студента, стоящего перед теми же проблемами, что и наш герой, нашешедший когда-то решение возникших перед ним задач эффективно и быстро.

Под персонификацией понимают олицетворение, наделение предметов, явлений и отвлеченных понятий окружающего мира человеческими свойствами. Понятие, трактуемое как «персонификация учебного текста», уже вошло в педагогику и частные методики.

Мы разделяем положение о том, что субъекты образовательного процесса находятся в определенном культурно-образовательном пространстве, характеризующемся наличием определенных центров культуры, интеллектуальным потенциалом и условиями реализации каждого из них.

Персонифицированный подход как средство регионализации образовательного процесса реализуется в содержании и организации деятельности обучаемых в разнообразных формах:

- включение авторских, учебных, популярных текстов и их конкретизация при обсуждении какой-либо задачи;
- введение персонажей в дидактическую игру;
- организация поисковой деятельности студентов и преподавателей (создание именных кабинетов, подготовка дидактического материала, экскурсии по историческим местам, разработка спецкурсов, семинаров и т.п., работа в архивах и библиотеках, выступления с докладами на именных гостиницах, семинарах, конференциях, реализации персонифицированного подхода на практике в дальнейшей производственной деятельности).

Таким образом, с помощью персонификации реальным становится процесс погружения в эпоху, в фактический материал, позволяющий ощутить «эффект присутствия» в микросреде.

Коллектив факультета СПО Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева уже более 20 лет работает над формированием культуротворческой среды на базе учебных кабинетов имени Д.И. Менделеева, П.П. Ершова, М.С. Знаменского, А.А. Алябьева и многих других «персон грата», когда-то живших в нашем в городе и оставивших заметный след в его судьбе. В своих дипломных работах студенты пытаются найти взаимосвязь исторического наследия и индустрии гостеприимства.

Реализовать персонифицированный подход в этой работе помогает проектная деятельность. Вовлеченные в такую деятельность студенты представляют самые неожиданные и смелые проекты. Так, вслед за макетом учебного кабинета имени Д.И. Менделеева, появился проект гостиницы-усадьбы «Менделеевская» по типу дома-усадьбы великого ученого в Боблово, где в содержании оформления номеров отражена жизнь и деятельность Д.И. Менделеева.

Актуальность проекта обусловлена с одной стороны потребностью осуществления на практике процесса создания имиджа гостиницы, а с другой — отсутствием опыта его формирования. Среди компонентов имиджа гостиницы «Менделеевская»:

- внедрение единой формы;
- привлечение квалифицированных кадров;
- мотивация персонала: материальная, трудовая, психологическая;
- работа Интернет-сайта;
- благотворительность.

Предполагается, что гостиница будет состоять из 5 номеров, 2 из которых будут стандартные номера, 2 — «се-

мейные» и один — класса «люкс», стилизованный под личный кабинет Дмитрия Ивановича Менделеева.

В интерьере каждой комнаты видны детали, связанные с жизнью и деятельностью Д.И.Менделеева: для ванн комнат предполагается заказать кусочки мыла в виде разных химических приборов, а гели и шампуни налиты в колбочки и пробирки. На постельных принадлежностях, халатах и тапочках будут вышиты логотипы с разными портретами Менделеева. На входной двери номера изображен Дмитрий Иванович с золотой медалью на груди (научная награда, учрежденная Академией наук. На стене каждого номера — большая, сделанная в стиле мозаики, периодическая таблица химических элементов и многое другое. Аналогичная работа проделана в плане оформления как учебных кабинетов, так и рекреаций, носящих имена наших земляков.

Будущие работники гостиничного и туристского сервиса являются активистами в подборе материалов, поиске информации о людях, которые жили в то время и оказывали влияние на становление личности окружающих их людей, а также тех, кто на них оказывал влияние.

Наши студенты — активные участники всех мероприятий событийного плана: городской праздник «День мурзеев», «Абалакское поле» и многие другие. Сейчас студенты трудятся над созданием электронной версии культуротворческой среды факультета, собирая материал о людях, делавших историю города, образовательных учреждений, нашего факультета, который недавно отпраздновал свое 90-летие.

Литература:

1. Арканова, В.Н. Педагогические параллели Семьи Менделеевых / В.Н. Арканова // Персонификация в образовательном процессе: содержание и развитие. — Тобольск: ТГСПА, 2009. — С. 28—29
2. Кузнецова, Н.И. Культурологическая среда в образовательном учреждении: содержание и развитие / Н.И. Кузнецова // Персонификация в образовательном процессе: содержание и развитие. — Тобольск: ТГСПА, 2009. — С. 5—18
3. Литвинова, А.В. Персонификация обучения и воспитания интеллектуально одарённых учащихся [Текст]: психолого-педагогическая технология / А.В. Литвинова // Одарённый ребёнок. — 2011. — № 1. — с. 32—37

Применение активных методов обучения как одно из средств повышения эффективности учебного процесса

Малинина Ирина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики (г. Нижний Новгород)

Проблема удовлетворения потребностей общества в высококвалифицированных специалистах сегодня очень актуальна для нашей страны. Высокие темпы развития мировой экономики, интеграция отечественной высшей школы в мировое образовательное пространство, стремительно растущий объем информации приводят к постоянно меняющимся требованиям подготовки специалистов, не

Листая страницы истории педучилища, являешься свидетелем связи времен: заведующая педагогической практикой в 30-е годы Александра Ивановна Ксенофопова, награжденная за свою трудовую деятельность орденом Ленина, встречалась, в свое время, с такими великими личностями, как Д.И.Менделеевым, имя которого носит наша академия, П.Грабовским и многими другими. Трудно поверить!

Еще одна яркая личность нашей культуротворческой среды — Галина Трофимовна Бонифатьева, основатель и руководитель музея народного образования Тюменской области, отличник просвещения СССР, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почетный гражданин города Тобольска. Наши активисты постоянно общаются с ней, организуя встречи со студентами факультета.

Собранный об известных личностях материал оформляется в виде электронной версии, являясь достоянием всех, желающих прикоснуться к великим землякам и живой истории.

Современные технологии позволяют накапливать и сохранять уникальный материал, не требуя много места и особых средств для оформления. При этом формируется новое поколение молодых людей, владеющих этими технологиями, обладающих инновационным сознанием, способных заниматься поиском, устанавливая связь времен.

Это поможет нам в дальнейшем глубже проникнуть в процесс взаимодействия историко-культурного наследия и индустрии гостеприимства.

только обладающих качественными знаниями, способных самостоятельно решать сложные профессионально-производственные и научные проблемы, но и готовых к непрерывному личностному и профессиональному развитию.

Поставленные в настоящее время перед высшей школой цели можно достигнуть лишь путем творческого подхода к организации учебного процесса, сочетанию тра-

диционных и новых методов обучения, поскольку именно методы обучения оказывают значительное влияние на результаты подготовки специалистов.

Общезвестно, что методы реализации педагогического процесса выступают в сложном и противоречивом единстве, и разнообразие методов не означает предпочтительного применения какого-либо из них, поскольку каждый метод реализуется совместно с другими методами обучения, и только их совместное применение в процессе профессиональной подготовки способствует успешности и результативности педагогического процесса. Кроме того, использование того или иного метода определяется исходя из цели и задач обучения.

Выбирая метод обучения, преподаватель учитывает время, отведенное на изучение данной темы, а также значимость учебного материала для дальнейшей профессиональной или учебной деятельности студента. Но необходимо помнить, что обучение — это не только усвоение знаний и умений, но и развитие, воспитание студентов.

Решению данных задач способствует активное обучение, которое знаменует собой переход от преимущественно регламентирующих, алгоритмизированных, программированных форм и методов организации дидактического процесса к развивающим, проблемным, исследовательским, поисковым, обеспечивающим рождение познавательных мотивов и интересов, условий для творчества в обучении [1].

Технология активного обучения предполагает использование активных методов обучения (метод проектов, моделирование профессиональных ситуаций, ролевые и деловые игры, проведение «круглых столов» и т.д.), ориентированных на личность обучающегося, на его активное участие в саморазвитии, получение качественных знаний, профессиональных умений, творческое решение конкретных проблем.

Метод проектов является одним из активных методов обучения. В основе метода проектов лежит развитие познавательных, творческих навыков обучающихся и критического мышления, умения самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве. Говоря о методе проектов, следует иметь в виду способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы, которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным тем или иным образом. Метод проектов основан на идее взаимодействия и сотрудничества учащихся в ходе учебного процесса, он создает условия для развития у них различных необходимых качеств и как автономной, и как социально-активной личности, способной взаимодействовать в учебной группе и принимать на себя ответственность как личную, так и за учебную группу. Это создает условия для социализации личности, развивает её профессиональную и деловую активность. Именно такие качества необходимы студентам, чтобы стать квалифицированными специалистами. Те социальные роли, которые принимают и выполняют студенты в ходе работы над проектами (организатора, лидера,

исполнителя и др.), приучают и готовят их к выполнению и решению сложных проблемных профессиональных задач в ситуациях реального взаимодействия.

Метод моделирования конкретных ситуаций является сильным мотивирующим фактором, так как позволяет обсуждать проблемы, связанные с будущей специальностью. Таким образом, данный метод обеспечивает реализацию следующих целей:

- применение полученных студентами на занятиях знаний и умений (при этом языковые умения студентов коррелирует с теоретическими знаниями по специальным дисциплинам и интегрируется в целостную систему знаний, умений и навыков);
- развитие личных и профессиональных качеств (умение общаться, слушать собеседника, аргументировано и корректно высказывать свою точку зрения, владеть эмоциями в ходе обсуждения, уметь организовать и провести собрание и т.д.);
- формирование умений профессиональной деятельности будущих специалистов, способных адекватно принимать решения в различных ситуациях профессиональной деятельности.

Деловые беседы и ролевые игры — метод имитации принятия управленческих решений в различных производственных ситуациях — относят к активным методам обучения, так как деятельность обучающегося носит продуктивный, творческий, поисковый характер. Эти методы стимулируют познавательные интересы, повышают мотивацию и способствуют активизации учебного процесса. Игровой момент на занятиях способствует снятию напряжения в отношениях, созданию положительного эмоционального климата, позитивного характера общения и атмосферы взаимодействия. Положительным моментом ролевых игр является также то, что обучающиеся сами создают проект, обосновывают его и защищают, при этом, не только отстаивая свою точку зрения, но и понимая и принимая мнения других.

Работая над заданиями, составленными в форме деловой игры, студенты имеют возможность применить накопленные знания и умения, проверить свои способности анализировать сложившуюся производственную ситуацию, делать обобщения и выводы. Таким образом, задача игры — достижение указанных целей путем «погружения» в среду, приближенную к реальным условиям профессиональной деятельности.

Новой формой речевых игр является решение проблемы, с которой столкнулись фирмы или учреждения — *dilemma decision*. Студенты предлагают свои конструктивные методы и способы выхода из сложившейся затруднительной ситуации, отождествляя себя с сотрудниками компании и действуя от ее лица. После проведения мозгового штурма и коллективного выбора способа решения проблемы студентам предлагается ознакомиться с путем решения данной задачи, который реально имел место. Таким образом, данный метод обучения способствует повышению мотивации к обучению, поскольку осознание студентами того, что они не только анализируют

проблемы, связанные с будущей специальностью, но и обсуждают реальные события, позволяет им поверить в собственные силы и дает дополнительный стимул к обучению. Кроме того, игровой момент на занятиях способствует снятию напряжения, созданию положительного эмоционального климата, позитивного характера общения и атмосферы взаимодействия. Студенты учатся работе в команде и созданию ситуации сотрудничества, приобретают навыки ведения дискуссии: логично структурировать собственное высказывание, уметь слушать собеседника, тактично реагировать на его сообщения, аргументировано доказывать свою точку зрения, корректно приводить контраргументы, делать выводы; и, что немаловажно, проявляют творческий подход к решению задачи.

«Круглый стол» — это одна из организационных форм познавательной деятельности обучающихся, позволяющая закрепить полученные ранее знания, восполнить недостающую информацию, сформировать умения решать проблемы, укрепить позиции, научиться культуре ведения дискуссии. Характерной чертой «круглого стола» является сочетание *тематической дискуссии с групповой консультацией*. Наряду с активным обменом знаниями, у обучающихся вырабатываются профессиональные умения излагать мысли, аргументировать свои соображения, обосновывать предлагаемые решения и отстаивать свои убеждения.

Важное условие при организации «круглого стола»: нужно, чтобы он был действительно круглым, т.е. процесс коммуникации, общения, происходил «глаза в глаза». Расположение участников лицом друг к другу приводит к возрастанию активности, увеличению числа высказываний, возможности личного включения каждого обуча-

ющегося в обсуждение, повышает мотивацию, включает невербальные средства общения, такие как мимика, жесты, эмоциональные проявления [2].

Активные методы обучения позволяют развивать мышление обучающихся; способствуют их вовлечению в решение проблем, максимально приближенных к реальным производственным ситуациям; расширяют и углубляют профессиональные знания, развивают практические навыки и умения. Кроме того, они способствуют активизации учебного процесса, побуждают обучающихся к творческому участию в нем и обеспечивают развитие и саморазвитие личности обучающегося на основе выявления его индивидуальных особенностей и способностей.

Кроме того, активные методы обучения способствуют развитию умения рефлексировать, что помогает обучающемуся найти индивидуальный стиль профессиональной деятельности, позволяет достигнуть адекватной профессионально-личностной самооценки, прогнозировать и анализировать результаты своей деятельности, повышает уровень самоорганизации.

Обучение, являясь двусторонним процессом, представляет собой взаимодействие обучающего и обучающихся, следовательно, оно может быть эффективно только тогда, когда усилия прилагают обе стороны. Задачами обучения в современных условиях является не столько овладение знаниями, умениями и навыками по выбранной специальности, как подготовка студентов к самообразованию, развитие у них интереса к учению и формирование познавательных потребностей. Активные методы обучения позволяют достичь поставленных задач и способствуют личностному и профессиональному росту.

Литература:

1. Вербицкий, А.А. Активное обучение в высшей школе: Контекстный подход / А.А. Вербицкий — М.: Высшая школа, 1991. — 205 с.
2. Даричева, М.В. Обучение профессионально-иноязычному общению будущих специалистов в области дизайна в вузе / Дис. ... канд. пед. наук / 13.00.08 / М.В. Даричева. — Н.Новгород, 2008. — 214 с.

Преподаватель иностранного языка неязыкового вуза: вчера и сегодня

Малинина Ирина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики (г. Нижний Новгород)

Происходящие социально-экономические преобразования в обществе, науке, экономике, производстве, связанные с появлением новых видов профессиональной деятельности актуализируют российскую образовательную политику, определяют новое видение роли образования, требуют подготовки компетентных специалистов, способных творчески подходить к решению нестандартных профессиональных задач. В связи с этим во многих учебных

заведениях стали приходить к пониманию того, что необходимо создавать условия и организовывать образовательное пространство таким образом, чтобы обеспечить требуемый уровень подготовки кадров, а также научиться эффективно управлять этими процессами. Поэтому вопрос качества подготовки специалистов выходит на первый план и становится одним из наиболее важных аспектов дальнейших преобразований деятельности высших учебных заведений.

В связи с этими задачами существенно возрастают и принципиально меняются требования к содержанию образования и, как следствие, — к профессиональному уровню педагогов, от которых во многом зависит качество образования на каждой ступени обучения. Главным в характеристике личности педагога выступают глубокое знание предмета, эрудиция и педагогическое мастерство, профессиональная компетентность, коммуникативная культура, его готовность и способность внедрять в учебный процесс технологии, обеспечивающие развитие творческих задатков студентов, их самостоятельности, инициативности.

Таким образом, овладение профессией «преподаватель высшей школы» требует не только определенных природных способностей, таланта, но и огромных умственных, физических, эмоциональных и временных затрат. [1]

Для студентов вузов неязыковых специальностей предмет «Иностранный язык» является непрофилирующим, следовательно, для того, чтобы сделать процесс обучения более эффективным и результативным, преподаватель должен четко представлять себе роль и место иностранного языка в жизни и деятельности будущего профессионала.

Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку признается в настоящее время приоритетным направлением в обновлении образования. Появилась настоятельная необходимость по-новому взглянуть на процесс обучения вообще и на обучение иностранному языку в частности. Иноязычное общение становится существенным компонентом профессиональной деятельности специалистов, а роль дисциплины «Иностранный язык» в неязыковых вузах значительно возрастает в их профессиональной деятельности. В настоящее время ставится задача не только овладения навыками общения на иностранном языке, но и приобретения специальных знаний по выбранной специальности. К сожалению, обучение языку с учетом профессиональной направленности студентов до сих пор остается неудовлетворительным. Об этом свидетельствует острый дефицит специалистов, владеющих определенным регистром иноязычных знаний, необходимых для профессионального общения.

Чтобы научить студентов иностранному языку в объеме, необходимом им в их будущей профессиональной деятельности, следует отказаться от традиционного подхода к организации учебного процесса, переосмыслить его цели и содержание.

В связи с этим, меняется и роль преподавателя неязыкового вуза: ему необходимо не только дать студентам языковую подготовку, но и сориентировать их на практическое использование иностранного языка за пределами аудитории: в профессиональной, научной и информационной деятельности.

Еще вчера в качестве нормативного требования к своей деятельности преподаватель мог расценивать требование передать знания студентам по той дисциплине, которая закреплена за ним кафедрой, и этого было достаточно. Нынешняя эпоха настоятельно требует замены «знаниевого» подхода в обучении на «компетентностный» подход, т.е.

необходимость сформировать у студентов компетенции и помочь им стать компетентными является обязательным условием деятельности преподавателя. Чтобы процесс формирования компетенций был успешным, нужно владеть методикой обучения, педагогическими технологиями, дидактикой, то есть преподаватель должен быть не только специалистом в своем предмете, но и специалистом в обучении этому предмету.

В новейших документах по модернизации высшего профессионального образования зафиксированы следующие положения, которые необходимо учитывать при разработке рабочих программ, УМК и учебных пособий по иностранному языку:

- *Владение иностранным языком является неотъемлемой частью профессиональной подготовки всех специалистов в вузе.*

- *Курс иностранного языка является многоуровневым и разрабатывается в контексте непрерывного образования.*

- *Изучение иностранного языка строится на междисциплинарной интегративной основе.*

- *Обучение иностранному языку направлено на комплексное развитие коммуникативной, когнитивной, информационной, социокультурной, профессиональной и общекультурной компетенций студентов.* [3].

Таким образом, предстоящая нам в недалеком будущем перспектива работать в соответствии с новыми образовательными стандартами требует внести коррективы в профессиональную программу преподавателя иностранного языка неязыкового вуза. Умение убедить студентов в несомненной пользе изучения иностранных языков, повысить мотивацию уже можно с уверенностью относить к числу обязательных компетенций преподавателя. Кроме того, преподаватель должен научить студента учиться и приучить его к систематическому обучению, поскольку в обществе, основанном на знаниях, способность выпускника к постоянному и непрерывному пополнению знаний и компетенций более важна, чем те конкретные знания и компетенции, которые приобретаются им в каждый данный момент времени. Список профессиональных умений преподавателя иностранного языка должен также включать в себя:

- умение проектировать собственные технологии обучения студентов;

- умение самостоятельно и эффективно разрешать постоянно возникающие трудности и проблемы;

- умение разрабатывать и использовать нестандартные приемы решения педагогических задач;

- умение рационально оценивать собственную профессиональную деятельность и ставить реально достижимые цели [2].

Анализ собственной педагогической деятельности с целью коррекции и совершенствования признается ведущими исследователями в области педагогики и психологии обязательным, поскольку позволяет познать себя как личность и как профессионала, ориентирован на раз-

витие общей культуры преподавателя, позволяет установить соответствие собственной деятельности современным требованиям, выявить собственные достоинства, недостатки и возможности, выработать стратегию повышения качества профессиональной деятельности. [5].

Помочь преподавателям вузов в организации образования могут новые технологии, которые позволяют специалисту успешно адаптироваться к изменяющимся условиям, а также найти собственную траекторию совершенствования. Преподаватель, владеющий такими педагогическими технологиями, не только способствует развитию свободной творческой личности обучающегося, но и повышает собственный профессионализм. [4].

Основное содержание деятельности преподавателя включает в себя выполнение нескольких функций — обучающей, воспитывающей, организующей и исследовательской. Профессиональная деятельность педагога будет неэффективной, если она строится только как воспроизводство однажды усвоенных методов работы. Такая деятельность не-

полноценна не только потому, что в ней не используются объективно существующие возможности для достижения более высоких результатов образования, но и потому, что она не способствует развитию личности самого педагога.

Наиболее благоприятным условием для профессионального роста, как в научной, так и в педагогической деятельности является их сочетание. Педагоги тем успешнее справляются с решением педагогических задач, чем выше их научная компетентность.

Таким образом, для современного преподавателя, стремящегося к мастерству, повышению качества образовательного процесса, профессиональному совершенствованию, традиционного педагогического образования уже недостаточно, преподаватель должен постоянно повышать свою профессиональную компетентность, коммуникативную культуру, педагогическую квалификацию, осуществлять непрерывное личностное развитие. Поскольку, только в этом случае он сможет обеспечить требуемый уровень подготовки кадров.

Литература:

1. Алексеева, Л.П. Болонский процесс: роль вузовского преподавателя // Содержание, формы и методы обучения в высшей школе. Обзорная информация, Вып. 10. / Алексеева Л.П., Шаблыгина Н.С. — НИИВО, 2004. — 40 с.
2. Нарочная, Е.Б. Профессиональная компетентность преподавателя иностранного языка в контексте новой образовательной политики / Преподаватель Высшей школы в XI веке: материалы научно-практической интернет конференции. [Электронный ресурс] / Е.Б. Нарочная // — Электрон. ст. — Режим доступа к ст.: <http://www.t21.rgups.ru/s1.php>
3. Примерная программа для преподавания иностранных языков (английского, немецкого, французского, испанского) студентам естественных / гуманитарных / технических вузов и факультетов по дисциплине «Иностранный язык» блока гуманитарно-социально-экономических дисциплин (федеральный компонент ГОС ВПО). 2009. — 24 с.
4. Скок, Г.Б. Как проанализировать собственную педагогическую деятельность: Учебное пособие для преподавателей. / Отв. Ред. Ю.А. Кудрявцев. — М.: Российское педагогическое агентство, 1998. — 102 с.
5. Чернова, Е.Ю. Самоанализ инвариантной части педагогической деятельности: учебное пособие для преподавателей всех дисциплин. Управление качеством деятельности преподавателя: Сб. трудов / под ред. Г.Б. Скок: Новосибир. гос. техн. ун-т. — Новосибирск, Изд-во НГТУ, 2008. — С. 190—273.

Компонент «Ресурсоэффективность» и его место в образовательной парадигме зарубежных и российских ВУЗов

Болсуновская Людмила Михайловна, кандидат филологических наук;

Найдина Дарья Сергеевна, преподаватель

Томский политехнический университет

В последнее десятилетие проблема экономии ресурсов относится к задачам, требующим незамедлительного решения. Обострению этой проблемы способствовало поднятие цен на нефть и газ международными не-

фтяными концернами, что позволило им резко увеличить свои прибыли. Разразился так называемый энергетический кризис. Сегодня как никогда встает вопрос об экономии энергоресурсов и рациональном их использовании

во всех областях человеческой жизни. «Национальный масштаб этой проблемы обусловлен несовершенством технологических и управленческих процессов, износом материально-технической базы, отсутствием традиций ресурсосбережения, укоренившимися представлениями о «неисчерпаемости» ресурсов». Именно высшее образование может обеспечить «производство, концентрацию и распространение культуры, знаний и технологий ресурсосбережения» [1]. Руководство современных высших учебных заведений, входящих в мировое образовательное пространство, готовят не просто специалистов в определенной области, но будущее нашего общества, от которого будет зависеть, каким будут развиваться технологии. Крайне важно выстроить образовательную линию таким образом, чтобы студенты еще обучаясь в ВУЗе были вовлечены в создание и разработку ресурсоэффективных технологий.

Поэтому целью настоящей статьи является изучение места компонента «Ресурсоэффективность» в образовательных программах зарубежных и российских высших школ. Необходимо разъяснить следующее: в данной статье мы употребляем термин «компонент», однако, в различных учебных заведениях «Ресурсоэффективность» изучается в различной степени. Так в некоторых университетах обнаруживаем включение данного компонента в программу обучения только в качестве курса лекций, например в Университете Манчестер. С другой стороны существуют образовательные программы, в которых данный предмет занимает ведущее место в системе обучения, поэтому представляется возможным употреблять термин «модуль».

Рассмотрим степень включения компонента «Ресурсоэффективность» в образовательные программы зарубежных ВУЗов.

В университете в Манчестере, Великобритания, на факультете Наука о Земле, Атмосфере и Окружающей среде, в рамках специальности EART 10262, «Ресурсы Земли», изучение компонента «Ресурсоэффективность» не предусмотрено в качестве отдельного предмета, однако в процессе обучения видим, что на 1 курсе у студентов проходят лекции на следующие темы: «Типы ресурсов» (1-я неделя обучения), «Основные причины роста потребления» (2-я неделя обучения), «Ресурсы Земли и их история» (3-я неделя обучения), «Атомная энергия и альтернативные источники энергии» (7-я неделя обучения), (1-я неделя обучения), «Водные ресурсы» (11-я неделя обучения), «Будущее ресурсов» (13-я неделя обучения). На 3-м курсе в течение двух недель студенты изучают курс, под названием «Ресурсы Атомной энергии» [2]. Можно заключить, что студентам Манчестерского университета предоставляется обширная теоретическая информация о ресурсах Земли, их видах и о существующих альтернативных типах энергии, способствующих экономии невозобновляемых ресурсов. Однако, отсутствуют курсы дающие навыки эффективного использования ресурсов и предоставляющие информацию об уже существующих технологиях ресурсосбережения. Кроме того, не ясно как студенты применяют полученные

теоретические знания на практике, проводятся ли у них лабораторные занятия, участвуют ли они в научно-практических экспериментах.

Студенты Imperial College, Великобритания, обучаясь по специальности «Наука о Земле и окружающей среде», изучают различные виды опасностей представляемых антропогенной деятельностью человека, методы борьбы с последствиями воздействия человека на окружающую среду, а также на третьем и четвертом курсе изучают такие курсы, как «Управление энергией», «Минеральные ресурсы» [3]. Студентам предлагается на выбор подготовить курсовые проекты и провести лабораторные испытания на различные темы, например «Уменьшение отходов в производстве энергии», «Экономичное использование ресурсов». Исследовательские проекты студенты готовят основываясь на данных и опыте крупных компаний, сотрудничающих с университетом. Данные проекты составляют индивидуальное портфолио, которое способствует будущему трудоустройству студента.

Анализируя место компонента «Ресурсоэффективность» в учебной программе Imperial College можно сделать вывод, что студентам предоставляют сравнительно поверхностные знания, однако возможность проводить лабораторные исследования вместе с сотрудниками крупных компаний компенсируют недостаток теоретической подготовки. Считаем, что термин «компонент» не уместен в данном случае, так как студенты знакомятся с проблемой ресурсоэффективности лишь обзорно, поэтому следует говорить об ознакомительных лекциях на тему «Ресурсоэффективность» в программе обучения студентов Imperial College. Тем не менее, практическое применение полученных знаний дает студентам возможность познакомиться с методами и принципами ресурсоэффективных технологий, а также может стать началом их профессиональной деятельности.

В российских высших учебных заведениях компонент «Ресурсоэффективность» представлен следующим образом. В Московском институте стали и сплавов (МИСиС) в одном из подразделений, Институте металлургии, экологии и качества на Кафедре металлургии стали и ферросплавов существуют следующие направления обучения: «Ресурсосбережение и экология в металлургии», «Вторичная металлургия черных и цветных металлов», а также «Защита окружающей среды и ресурсосбережение в металлургии» [4]. К сожалению, не представляется возможным проанализировать глубину изучения вопроса.

В Международном институте логистики ресурсосбережения и технологической инноватике основанном в 2006 г. на базе кафедры Логистики и экономической информатики, под патронатом ректора РХТУ, среди прочих была поставлена задача подготовить высококвалифицированных специалистов в области логистики ресурсосбережения, менеджмента высоких технологий и управления инновациями [5].

В РФ существует ряд научно исследовательских институтов, занимающихся вопросами ресурсоэффективности,

например Институт Ресурсосбережения в Нижнем Новгороде, которые разрабатывают научно-практические рекомендации по рациональному использованию топливно-энергетических ресурсов и энергосбережению, активно взаимодействует с ведущими НИИ и КБ области, вузами, по широкому кругу вопросов ресурсопользования [6]. Считаем, что взаимодействие с организациями занимающимися практической деятельностью необходимо для высшей школы, так как только соединение теоретических знаний и практических навыков способно подготовить молодых специалистов к будущей работе.

В 2009 году Томский политехнический университет получил статус научно исследовательского, вошел в число двенадцати победителей и стал единственным томским вузом, получившим категорию «НИУ», и стал называться Национальным исследовательским университетом ресурсоэффективных технологий «ТПУ».

Основная цель ТПУ, стало и разработку технологий для ресурсоэффективной экономики и ориентированное на это кадровое обеспечение. В основу стратегии развития легли результаты инновационной деятельности вуза за последние три года. В число приоритетных направлений, активно развиваемых на базе университета входят: рациональное природопользование и глубокая переработка природных ресурсов, традиционная и атомная энергетика, альтернативные технологии получения энергии, нанотехнологии и пучково-плазменные технологии получения материалов

с заданными свойствами [7]. В настоящее время компонент «Ресурсоэффективность» не входит в учебный план в чистом виде, однако студенты изучают темы, касающиеся экономного ресурсопользования в виде курса лекций.

В заключении отметим, что в современном мире рыночных отношений, требования предъявляемые к специалистам постоянно меняются в связи с непрекращающимся развитием технологий, научным прогрессом. Качество образования и профессиональной подготовки молодых специалистов зависит от многих факторов. Однако главным фактором является организация учебного процесса в высшей школе. «Университеты должны адекватно реагировать на вызовы внешней среды, переходить на инновационный путь развития, следовать за рынком, а в ряде случаев самим его формировать» [8]. Считаем, следует обобщить опыт зарубежных коллег и построить учебный процесс таким образом, чтобы «Ресурсоэффективность» изучалась студентами с разных сторон, как в теории, так и на практике. Поэтому считаем необходимо включить в образовательную программу большинства подразделений Томского политехнического университета компонент «Ресурсоэффективность». Естественно глубина изучения вопроса будет различаться в зависимости от профилирующих направлений, однако актуальность изучения данного компонента неоспорима, особенно в свете того, недавнего получения ТПУ статуса «национальный исследовательский университет».

Литература:

1. Программа создания и развития федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет ресурсоэффективных технологий «ТПУ» на 2009–2018 годы. — Томск, 2009. — с. 2.
2. <http://www.manchester.ac.uk>
3. <http://www3.imperial.ac.uk/>
4. <http://misis.ru/>
5. <http://moodle.milrti.ru/>
6. <http://nnov-gorod.ru/firmy-Novgoroda/institut-resursosberezheniya.html>
7. <http://www.tpu.ru/>
8. Менеджмент качества в ВУЗе. / Под ред. Ю.П. Похолкова и А.И. Чучалина. — Томск: Изд-во ТПУ, 2004. — с. 15.

Исследование профессиональной художественно-творческой подготовленности будущих педагогов изобразительного искусства

Пулотов Фозил Усубжонович, аспирант

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами (Узбекистан)

This article is dedicated the fine art of future pedagogic skill for preparing the picture, the painting, the composition subject and its educational technology at the educational establishments.

Успех подготовки будущих педагогов изобразительного искусства и решения профессиональных задач зависит от того, как выполняют свои функции педагоги-

ческий коллектив и как творчески поставлены занятия по рисунку, живописи, композиции. Поэтому ведущая роль в управлении учебным процессом в вузе принадлежит пре-

подавателю. Он является ведущей фигурой всей системы, основным субъектом учебно-воспитательного процесса. От его профессионального мастерства, прежде всего, зависит эффективность решения целей и задач обучения и воспитания.

Рассматривая концепцию о ведущей роли педагога в работе со студентами как процесс решения профессиональных задач, необходимо отметить роль единства художественного и педагогического мастерства преподавателя в достижении целей по подготовке будущих учителей изобразительного искусства. Для того, чтобы осуществлять процесс обучения и воспитания студентов, преподаватель должен иметь высокий уровень художественно-педагогических знаний и умений, уметь осуществлять управление процессом обучения будущих учителей ИЗО в плане их профессиональной художественно-творческой подготовленности. При проведении занятий по рисунку, живописи, композиции на протяжении всего периода обучения студента в вузе педагог должен помнить, что его основная цель — подготовить не просто преподавателя для профессионального колледжа или общеобразовательной школы, а педагога-художника, т.е. учителя изобразительного искусства с высокими психолого-педагогическими и методическими знаниями по специальности. Необходимо подчеркнуть, что в процессе занятий по специальным дисциплинам преподаватель должен решать как дидактические, так и воспитательные задачи. Наиболее успешно эти задачи будут решаться при условии создания учебно-творческой атмосферы на занятиях, и очень важно, чтобы преподавателю и студентам были ясны и понятны цели их деятельности. Педагог в результате активной творческой работы должен вызывать у студентов своеобразных стимулов к активизации учебной и творческой деятельности, в процессе которой происходит более полное усвоение ими студентами знаний, разработка умений и навыков, опираясь на которые, они в будущем творчески станут решать сложные задачи обучения и воспитания молодежи. Следовательно, взаимоотношения между преподавателем и студентами, возникающие в живом педагогическом процессе, создают благоприятные условия профессионального становления будущих учителей.

В процессе формирования профессионально-педагогических умений будущего учителя изобразительного искусства данная личность может выступать не только объектом, но и субъектом собственного воспитания и развития. Как показывают исследования последних лет, подлинное воспитание личности будущего художника-педагога во многом зависит от преподавания специальных дисциплин, взаимосвязь учебных и творческих постановок и необходимость самообразования и самовоспитания. Самовоспитание, таким образом, является важным компонентом становления будущего учителя изобразительного искусства как художника педагога. Следовательно, воспитание и самовоспитание студентов на занятиях по спец. дисциплинам имеет одну общую задачу-формирование личности педагога, его профессионально-педагогических умений.

Подготовка будущего художника-педагога в процессе освоения спецпредметов, в частности, на занятиях по рисунку, живописи, композиции должна влиять на все виды деятельности студента (познавательную, коммуникативную, творческую, конструктивную, организаторскую и т.д.), формировать его личность максимально приближенной к структуре предстоящей деятельности учителя изобразительного искусства в образовательном учреждении.

Как показывают проведенные исследования и наблюдения работы педагогов, наиболее часто встречающимися трудностями при проведении студентами-практикантами уроков изобразительного искусства, являются: программирование своих действий, выполнение педагогических рисунков, конструктивные построения. Давая научные основы последовательности выполнения учебных рисунков школьникам, учителя-стажеры не могут показать четкой последовательности выполнения этапов рисунка и живописи. Им очень сложно также совместить выполнение рисунка с изложением учебного материала. Наблюдения также показывают, что учителя-стажеры испытывают затруднения в организации учебных постановок. Постановки не выразительны, усложнены, не учтены возрастные особенности учащихся, их интересы и возможности. Натюрморты ставятся в большинстве случаев выше линии горизонта и на близком расстоянии от рисующих. При таком положении они не входят в поле зрения учащихся, следовательно, отсутствует цельность восприятия натюрморта. Вследствие этого ученик в процессе работы меняет точку зрения, рисунок выполняется по частям и с грубыми ошибками в построении. Студент слабо владеет педагогической техникой, в частности, не развита речь. Необходимо также отметить трудности, связанные с оценкой работ учащихся, и оценке детских рисунков они больше полагаются на свою интуицию (хотя мы не отрицаем полностью и значение интуиции), чем на выработанные в методике критерии оценок.

Результаты анкетирования студентов 4-го курса направления «Изобразительного искусства и инженерной графики» факультета «Санъат» Ташкентского государственного педагогического университета им. Низами (50 студентов) после прохождения ими педагогической практики подтвердили наши наблюдения. Распределение степеней трудности (22 студента, в 44 %) по художественно-педагогическим умениям следующее:

- умение планировать свою деятельность и деятельность детей — 30 студентов 60 %;
- умение выполнять педагогический рисунок на классной доске с одновременным изложением теоретического материала — 30 студентов 60 %;
- умение объективно оценивать работу учащегося — 21 студента 42 %;
- умение владеть голосом и интонацией — 30 студентов 60 %;
- умение организовывать учебную постановку — 32 студента 64 %.

Анализируя причины, порождающие дидактические и методические трудности практикантов, мы установили, что студенты часто не могут соотнести теоретические знания с практическим решением художественно-педагогических задач.

Литература:

1. Кузин В.С. Психология. — М.: Высшая школа, 1982.
2. Кузин В.С. Основы обучения изобразительному искусству в школе — М.: Просвещение, 1977.
3. Ростовцев Н.Н. Методика преподавания изобразительного искусства в школе. — Москва: Просвещение, 1974.

Это значит, начиная с первых заданий в ВУЗе должны проводиться конкретные установки педагогом на осознанное решение студентами как художественных, так и педагогических вопросов в процессе выполнения рисунка, живописи и композиции.

Социально-психологические факторы в преподавании иностранного языка студентам технического вуза

Сумцова Ольга Витальевна, ст.преподаватель

Национальный Исследовательский Томский политехнический университет

XXI век — это время современных, продвинутых технологий. Это век, в котором стремительно развиваются международные связи, ежедневно происходят новые открытия в различных отраслях промышленности. Происходит процесс интеграции Российской Федерации в общеевропейское и мировое пространство, тесное сотрудничество с другими странами в научно-технической, экономической, образовательной и других сферах. Следовательно, у государства возникает потребность в компетентных, мобильных и конкурентоспособных специалистах. Ситуация на рынке труда диктует необходимость модернизации системы высшего образования, а именно, усиления её профессиональной составляющей. При этом особая роль отводится иностранному языку (ИЯ), владение которым на современном этапе является неотъемлемым атрибутом успешного специалиста. Конкурентоспособность современного выпускника технического вуза сегодня определяется не только уровнем знаний по фундаментальным дисциплинам, но и углубленным знанием ИЯ.

Однако, несмотря на существующую потребность общества в специалистах различных профилей, хорошо владеющих ИЯ, а также растущую заинтересованность самих обучающихся в получении качественной подготовки по ИЯ, остается фактом то, что за годы обучения в техническом вузе значительному количеству студентов не удается сформировать умения и навыки речевого общения.

Необходимо отметить, что процесс овладения ИЯ в искусственных условиях имеет ряд особенностей и трудностей. Дело в том, что обучение студентов происходит в условиях, когда личность обучаемого во многом уже сформировалась, усвоен родной язык. Психологический аспект этой проблемы связан, прежде всего, с особенностями учащихся, в том числе с различным отношением к

учебной деятельности, которое обуславливается тем, что учение имеет для них различный «личностный смысл».

Существует ряд социально-психологических факторов, влияющих на процесс обучения студентов технических вузов ИЯ. Одним из важнейших факторов является то, что коллективные виды учебной деятельности в обучении ИЯ занимают значительно большее место, чем в процессе преподавания многих других дисциплин. Совместная учебная деятельность студентов протекает, как правило, в таких организационных формах, которые решающим образом определяют их социальное и профессиональное становление.

Ведущей формой совместной деятельности студентов в вузе, как известно, является учение. Наибольшие изменения в личности студентов происходят под влиянием тех факторов и обстоятельств, которые возникают в преобладающих видах совместной деятельности. Таким образом, личность студента, его способности и ориентированность на иноязычное общение формируются не изолированно, а во взаимодействии с личностями, в соприкосновении и, в какой-то степени состязательности с другими личностями-членами учебного коллектива, совместно с другими участниками учебного процесса.

К особенностям обучения ИЯ следует отнести также и то обстоятельство, что овладение навыками устной речи требует присутствия того или тех, кому адресовано сообщение. Это относится не только к диалогической, но и к монологической речи.

Итак, следует подчеркнуть, что особое значение в формировании модели поведения студентов в процессе иноязычного общения, появлении чувства уверенности в себе, умении адекватно реагировать на реакцию аудитории, уметь и уверенно корректировать свое высказывание, пользуясь «обратной связью», имеет коллектив учебной

группы и уровни его развития. В таком случае целесообразно рассматривать учебную группу как субъект, оказывающий определенное влияние на личности отдельных студентов. Это тесно сопрягается с проблемой влияния коллектива на личность и личности на коллектив вообще.

Важным условием развития учебной группы как коллектива является ее состав. Тот факт, из кого состоит учебная группа, какова степень ее однородности, существует или отсутствует «иерархия», кто является лидером, в значительной мере определяет основные тенденции развития и функционирования группы как учебного коллектива.

Необходимо рассмотреть факторы, обуславливающие успех реализации иноязычного сообщения, применительно к процессу обучения ИЯ. Это такие факторы, как:

1) целевая направленность сообщения: задача высказывания должна быть ясной, конкретной и посильной;

2) деловая направленность сообщения, выражающая степень группового контроля: сообщение должно быть ясно и, в идеале, интересно группе, а принятие целей сообщения всеми членами группы обеспечивает положительную реакцию автора высказывания;

3) межличностная направленность сообщения, раскрывающая внутренние эмоциональные отношения в группе;

4) элемент самоорганизации, т.е. способность группы самостоятельно организовывать совместную деятельность для достижения общегрупповых задач по реализации иноязычного общения.

В академических группах наиболее ярко выражена ориентация на внутригрупповые цели. Умелое использование преподавателем этой тенденции в обучении иноязычной речевой деятельности может дать определенный положительный эффект. Наибольшую ценность в студенческих группах имеют взаимоотношения с одноклассниками, поэтому было бы неразумно не использовать это в речевых учебных ситуациях. Это также следует учитывать при подготовке и организации групповых видов речевых упражнений, т.к. далеко не всегда достигается желаемая слаженность в работе студентов с речевым материалом. Преподаватель заранее должен быть готов к тому, что предполагаемый результат не будет достигнут на все сто процентов, и должен быть готов относить частичный неуспех в выполнении поставленной задачи на счет своей недоработки. Важным фактором влияния коллектива на личность является наличие лидерства и, в какой-то мере, «иерархии» студентов. С другой стороны, сама личность выступает фактором влияния на группу. Во взаимодействии, эти факторы определяют в целом готовность группы к восприятию поставленной учебной речевой задачи и предопределяют успешность ее выполнения в полном объеме и с максимальным учебным эффектом.

Литература:

1. Казначеева С.Н. Студенческий возраст и организация познавательной деятельности: дайджест / С.Н. Казначеева // Психология обучения. 2007. № 5.

Если учесть, что воспитание в вузе в основном вынесено за рамки учебного процесса, то роль внеаудиторных мероприятий на ИЯ — тематических конференций, олимпиад, «круглых столов» — не следует недооценивать. Эти мероприятия позволяют студентам развивать умение коллективного общения в сочетании с совершенствованием навыков иноязычного речевого этикета.

Как и в любом другом виде коллективной деятельности, в обучении ИЯ в условиях группового контакта вполне возможно возникновение конфликтных ситуаций. Конфликт может быть вызван как столкновением интересов и амбиций претендентов на учебное речевое лидерство, эмоциональной напряженностью в процессе обучения, так и неудовлетворенностью своими собственными результатами или предполагаемой необъективностью преподавателя, или неадекватностью реакции студентов, партнеров по ситуативным упражнениям (ролевым и деловым играм).

Следует отметить, что для оптимизации процесса обучения и улучшения психологического климата в группе в учебной и неучебной ситуациях преподаватель может:

а) отметить характер взаимоотношений в группе и использовать (возможно, даже развивать) положительные тенденции;

б) учитывать отрицательные аспекты взаимного влияния личности и коллектива;

в) избегать нежелательных сложностей в общении и предотвращать возможные речевые конфликты.

Существует еще один немаловажный психологический фактор, влияющий не только на процесс обучения иностранному языку, но и на процесс обучения другим дисциплинам. Это студенческий возраст и его особенности. Этот возраст условно называют поздней юностью или началом зрелости. Это возраст расцвета физического и умственного развития человека. Всю совокупность современных студентов по признаку отношения к образованию разделяют на три группы. Первую группу составляют студенты, ориентированные на образование как на ценность и на профессию в процессе обучения в вузе. Вторую группу составляют студенты, ориентированные на бизнес. Они не проявляют интереса к научным изысканиям и видят в образовании инструмент и средство для создания в будущем собственного дела. Третью группу представляют студенты, которых можно назвать, «неопределившимися» и для которых проблема профессионального самоопределения еще не решена.

В заключение следует отметить, что для успешного преподавания ИЯ в техническом вузе и повышения мотивации студентов к изучению ИЯ современным преподавателям необходимо учитывать все вышеперечисленные социально-психологические факторы при выборе методов подходов в преподавании ИЯ.

2. Сафроненко О.И. Программно-методическое, технологическое и кадровое обеспечение качества системы многоуровневой языковой подготовки студентов неязыковых вузов / О.И. Сафроненко. —
3. Ростов н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР», 2006. — С. 43.
4. <http://festival.1september.ru/articles/562370/>
5. <http://www.fan-nauka.narod.ru/2007-2.html>

Тенденции реформирования трудового образования в условиях рыночных отношений

Тохилов Уктамжон Отакузиевич, аспирант

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами (Узбекистан)

Богаты исторические традиции узбекского народа в области обучения и воспитания, поэтому они на протяжении долгих веков занимали достойное место в мировой образовательной среде. Узбекистан с развитыми государствами мира связывают тесные связи в культурно-исторической и образовательно-воспитательной сфере. Поэтому современная система образования в корне отличается от образовательных систем развитых стран тем, что опирается на национальные традиции.

Государственная политика в сфере образования осуществляется на основе политического и социально-экономического развития перспектив Узбекистана. Цель её — построение демократичного общества, правового государства с рыночными отношениями; создание достойных условий жизни для всех граждан независимо от национальности, языка и вероисповедания; гарантия законных прав и свобод.

С развитием рыночной экономики содержание образования, в частности трудового обучения, приобретает динамичный характер, ощущается потребность в соотношении с требованиями государства и общества, потребностями личности обучаемого, достижениями науки и техники. Требуется отражение в содержании трудового обучения усиление потока информации, процесс интеграции с развитыми государствами, изменений в жизни общества и людей.

Современный период ознаменован реформированием обучения, его модернизацией. Государственные образовательные стандарты, учебные программы должны быть пересмотрены с точки зрения подготовки обучаемых общественной жизни, воспитания их личности и направления на самостоятельную профессию, ибо обеспеченность общества лучшей рабочей силой способствует эффективному развитию экономической системы.

Наблюдения позволили определить следующие тенденции реформирования трудового обучения в условиях

внедрения рыночной экономики:

- разработка и применение на практике новых моделей учебного процесса на основе содержания трудового обучения в условиях становления рыночных отношений;

- создание и внедрение в образовательную систему научно-практических основ постоянной модернизации содержания трудового обучения на основе требований рыночной экономики;

- освещение на основе рыночных отношений содержания трудового обучения в учебных планах, программах, учебниках, учебных пособиях, дидактических и методических разработках и рекомендациях и применение в процессе обучения-воспитания;

- разработка форм, методов и технологий модернизации трудового обучения в свете требований рыночных отношений;

- учет возрастных особенностей обучаемых при модернизации трудового обучения на основе требований рыночных отношений;

- предоставление обучаемым новейших сведений и знаний, способствующих активной адаптации выпускников к рынку труда;

- разработка научно-методологических основ всех мер по модернизации содержания трудового обучения;

- поэтапное осуществление модернизации содержания трудового обучения.

Можно прийти к выводу, что содержание трудового обучения должно отбираться с учетом умственного развития учащегося. Это содержание должно включать в себя теоретические знания, основы современного производства и экономики.

Трудовое обучение, осуществляемое в таком порядке, послужит интенсивной подготовке учащихся общественной жизни и расширит возможности их социального выбора.

Литература:

1. Каримов И.А. Наша главная задача — демократизация и обновление общества, модернизация страны и реконструкция. — Т.: «Узбекистан», 2005. — 96 стр.

2. Государственный стандарт образования и учебная программа. — Т.: «Янгиул полиграф сервис», 2010. — 292 стр.
3. Сафарова Р.Г., Иноятова М.Э. и другие. Дидактические основы и суть модернизации образования в будущем. — Т.: «Фан», 2009. — 239 стр.

Использование технологии эвристических обучающих ситуаций в развитии креативных способностей учащихся

Турсунов Журабек, магистр

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами (Узбекистан)

Потребность в эвристическом обучении при развитии креативных способностей учащихся средних общеобразовательных школ в настоящее время считается важной. На этом этапе основным технологическим элементом эвристического обучения является эвристическая обучающая ситуация, которая организуется учителем или непосредственно появляется сама и считается ситуацией, которая решается совместной эвристической деятельностью всех участников. Её цель — создание в процессе специально организованной деятельности учащихся в достижении обучающих результатов (идей, проблемы, гипотезы, схемы, опытов, текстов). В результате этого обучающая продукция превышает все предполагаемые степени.

Она создает себе проблематику педагогической ситуации, ставит задачу деятельной технологии, изучает образовательную деятельность учащихся и заранее предполагает ожидаемые образовательные результаты.

Ситуация является определённым, постоянным состоянием и зарождается в сочетании условий и положений, которые создают её. Обучающая ситуация понимается определённой временной и пространственной частью педагогической действительности. Продолжительность образовательной ситуации может состоять из минут или нескольких дней.

Ситуативный принцип — может быть основой одного урока на каждом этапе эвристического обучения, системой занятий по учебному курсу, может быть взят основой деятельности целой школы.

Началом эвристической ситуации может послужить искусственно созданная ситуация или естественно появившийся штурм. Следующим указанным моментам свойственен обучающий штурм:

- создание учителем обучающего штурма, соответствующего цели;
- возникновение вопроса или проблемы;
- несоответствие полученных результатов ожидаемым;
- трудности, возникшие при выполнении заданий или при решении задачи;
- нарушение обычных критериев обучающей деятельности;
- многогранность различных взглядов по отношению к рассматриваемой задаче.

Как возникает эвристическая обучающая ситуация?

Прежде всего, будем опираться на личный опыт учащихся и выделим вопросы, которые могут быть интересными для их личного наблюдения. Например: можно обратиться к таким вопросам «Где появилось?», «Откуда взято?», «Почему именно так, а не по-другому?». Вопросы составляет учитель, однако, процесс обучения будет эффективней, если вопросы будут задаваться учащимися.

На вопросы, заданные выше, учащиеся дадут различные варианты ответов, правильность каждого варианта ответа проверяется учителем или самими учащимися, и уточняется внесением дополнений.

Мнения учащихся будут делиться по ответам на две или несколько групп. Конечно, работа со многими вариантами создаёт трудности. На этом этапе задачей учителя является стремление к пониманию противоположных мнений учащихся по общей теме и регистрация этих мнений, а также обучение учащихся точному выражению своего мнения образно, точно с помощью слов. Самое главное в этом не выходить за границы темы. Во многих случаях обсуждаемый вопрос может иметь не только один правильный ответ. Единства по правилам нет даже в самой науке. Поэтому не надо торопиться с объявлением учащимся правильного ответа. Каждый ученик определяет ответ сам для себя. При этом, при знакомстве с другими ответами у ученика развиваются основы понятий об общечеловеческой культуре и науках, после определения взглядов учащихся и защиты своих мнений можно продолжить по-разному.

1. Обсуждение заканчивается, и каждый ученик остаётся при своём мнении.
2. Учитель доводит до учащихся знания или культурно-историческую информацию по обсуждаемому вопросу, а ученики сравнивают свои мнения с научными сведениями.
3. Высказанные ответы проверяются практикой и доказываются.

Обучающая ситуация может решить основную проблему не до конца, а это в свою очередь создаёт возможность поиска других решений.

Условие достижения цели и задач эвристического обучения — это сохранение индивидуальных способностей

учащихся, их оригинальность, их разную степень. При решении этой проблемы учитель-экспериментатор использует следующие способы:

- раздача индивидуальных заданий учащимся на уроках;
- организация парной или групповой деятельности на уроках;
- раздача открытых заданий учащимся с учётом их

индивидуальных способностей и возможностей;

— рекомендации учащимся по выбору темы творческой работы, по выбору содержания домашнего задания, по составлению плана занятия для себя.

Рассмотренный подход в свою очередь имеет особое значение на этапе развития креативных способностей учащихся.

Литература:

1. Модернизированный государственный образовательный стандарт и учебная программа. — Ташкент. «Янги йул полиграф сервис», 2010. — 292 стр.
2. Хуторской А.В. Дидактическая эвристика: теория и технология креативного обучения. Издательство Московского университета. 2003.
3. Жураев Р.Х., Толипов У.К., Шарипов Ш.С. Научно-педагогические основы профориентационной направленности учащихся в системе непрерывного образования.

Влияние времени в современном правовом воспитании

Халиков Азамат Кахрамонович, аспирант
Ташкентский педагогический университет (Узбекистан)

Принятие конвенции о «Правах детей» 20 ноября 1989 года с целью защиты прав детей, стало практическим шагом в этом вопросе, что послужило толчком в решении этой проблемы. В конвенции выражено конкретное мнение о правовой помощи и защите детей: младенцев и несовершеннолетних. Также рассматривается вопрос о правовом воспитании учащихся.

Всем известно, что основы правового воспитания ученики получают в процессе учебы. Если это так, то для укрепления основы этого направления, необходимо применение в процессе обучения современных педагогических технологий, а также интерактивных методов обучения. Это способствует повышению качества занятий, социальной активности всех участников этого процесса, что дает положительный результат в обучении. При достижении результатов необходимо обратить внимание на активность учащихся и взаимопонимание между учениками и педагогами. Здесь необходимо воспринимать учащихся не как объект, а как субъект, то есть устанавливается сотрудничество двух сторон. Такой подход особенно плодотворен в системе образования специальных интернатов.

Известно, что незрячим ученикам сведения об основных предметах в большинстве случаев даются устным путем. Значит, при объяснении тем необходимо учитывать психологическое и духовное состояние учащихся. Как указано в педагогических пособиях, вербальный способ (объяснение на основе устной разговорной речи) широко используется в урочном процессе. Ученики с ограниченным зрением воспринимают опорную информацию посредством ощущений, а наглядные пособия, которые используются на уроках, должны быть рельефной

формы. К примеру, в программу 9 класса входит курс «Конституционные права» и незрячим учащимся необходимо подробно объяснить основные символы республики: например, цвет, форма и общий вид национального государственного флага. Для зрячих детей эта тема не вызывает затруднений, т.к. нет необходимости подробного устного изложения материала, такие ученики сразу зрительно имеют полное представление, о чем говорит учитель. Для незрячих представление о предметах передается при помощи форм и рельефов.

Кроме того в современной концепции образования метод критического анализа играет немаловажную роль, что способствует выработке у учащихся способности рассуждать, сравнивать и делать выводы по теме. В старших классах, где изучается предмет «Основы государства и права», дается такое понятие: есть две теории происхождения и развития права:

- а) природное;
- б) социальное.

Природа дала человеку право появиться и жить, свободу слова. Социальный подход трактует право гражданина на экономическое, политическое и культурное развитие. Критически метод мировоззрения формирует у учащихся содержательное, наблюдательное и сопоставительное понимание происходящего.

«Работа в малых группах» способствует становлению углубленных знаний у учащихся. Классы, разделенные на малые группы, оживленно обсуждают какую-либо проблему. Проведение такого метода работы основано на определенных правилах: работа группы должна вестись в связи с определенным регламентом:

- педагог, который помогает группам, не должен навязывать свое мнение;
- мнение ученика обсуждается и критически оценивается;
- при необходимости в высказанное мнение вносятся исправления. Все это, по мнению автора, приводит к правильному принятию необходимой идеи, к пониманию и принятию общей идеи в группах, которые изначально имеют диаметрально противоположное мнение по обсуждаемому вопросу.

В целом педагог для организации правильного обучения в процессе обучения должен выполнить следующие задачи:

- 1) быть всесторонне подготовленным;
- 2) изучить и знать индивидуально каждого ученика;
- 3) неуспевающим и слабоуспевающим ученикам дается специальное задание;
- 4) слабовидящие и незрячие ученики в процессе обучения должны сидеть за одной партой, рядом друг с другом;
- 5) направить все усилия на выполнение единой цели, а на практических занятиях использовать необходимую литературу;
- 6) во время урока, используя новые педагогические

технологии, создать обстановку сотрудничества и взаимопонимания.

В настоящее время, наряду с использованием национальной педагогической дидактики, которая имеет схожую историю, необходимо организовать работу на основе мировых стандартов. В связи с этим, необходимо отметить работу педагогики сотрудничества, которая дает положительные результаты. Особенность этого метода в том, что в процессе обучения отношения между учеником и учителем строятся на взаимопонимании, дружбе, взаимоуважении, где обучаемый имеет право на собственное мнение, которое может свободно изложить. Таким образом, изначально главной задачей образования является объединение всех участников процесса в решении поставленной задачи.

Необходимо отметить и то, что для эффективного решения задачи, необходимо развитие средств всей системы образования. К примеру, если в процессе обучения показать фильм о противодействии правонарушению, то ученики сделают соответствующие выводы. Эффективное использование времени ученика считается одной из ответственных задач педагога. Всестороннее развитие ученика, воспитание настоящего человека — это главная задача педагога.

Требования, предъявляемые к учителю как к личности

Халиков Азамат Кахрамонович, аспирант
Ташкентский педагогический университет (Узбекистан)

Научный руководитель доцент О. Каримова

Современный мир переживает период технического и Информационного развития, что не может не отражаться в наш век на сознании, способности и духовном развитии личности. Следует обратить внимание на мировоззрение, поведение и сознание подрастающего поколения, которое получает информацию и сведения в огромном количестве. Получаемая информация имеет определенную систему и методику. Каждый человек, прежде чем начать какую-либо деятельность, определяет перед собой цель. Для достижения этой цели он решает необходимые задачи. Во время решения этих задач он использует методы и примеры, которые столь необходимы в этом процессе. К примеру, возьмем дизайнера одежды: он, прежде чем создать модель, выбирает необходимый метод пошива одежды, анализирует отдельные элементы платьев, затем эти отдельные элементы одежды соединяются (синтезируются), и получается совершенно новая модель, отличная от других моделей. Этим определяется ее особенность и новшество. На примере этого процесса можно увидеть метод анализа, синтеза и сравнения, который применяется очень широко.

Педагогические методы, которые применяются в образовании, определяются развивающими и организующими

факторами. В связи с этим невозможно не сказать о дидактическом воспитании в системе образования. Дидактика обозначает теорию образования. Теория образования воплощает все необходимые условия, методы, требования и основные педагогические понятия в системе обучения. Дидактика отвечает на вопросы «чему учить?», «что учить?» и «как учить?» молодое поколение. Дидактика не только определяет основные законы и методы обучения, но и служит основой для определения метода обучения в каждом отдельном предмете.

В этой связи учитель, как личность должен обладать определенными способностями. Потому что в первую очередь средством воспитания у педагога является его речь. Не каждому дано говорить четко, правильно и выразительно. И поэтому при объяснении и обучении учащихся, недостатки в речи учителя принижают эффективность деятельности учителя. При воплощении в жизнь современных методов образования, то есть педагогических технологий, необходимо использование новых различных информационных технологий, как со стороны обучаемых, так и со стороны педагогов, которые требуют создания необходимых условий.

Вербальное общение может проявляться в различной форме, в основе которого лежит речь, доклад, беседа, вопросы, ответы на вопросы, обсуждение, диспут, информационность, совет, предупреждение, поздравление, приветствие и прощание. Во время вербального общения используемые интонационные формы речи способствуют конкретному достижению цели говорящих, что углубляет и расширяет поставленные задачи.

Кроме этого, в настоящее время одним из основных требований к учителю является создание запрограммированной и спланированной системы занятий. Каждый педагог для решения поставленной цели решает различные задачи. Несомненно, при выполнении этих заданий допускаются ошибки. К примеру, учитель школы в течение 45 минут должен точно знать, что надо говорить, что можно ожидать от учащихся, поэтому педагог должен заранее подготовиться к этому процессу. Все необходимые понятия педагог должен знать заранее и обязан внести в разработки занятий.

Это можно заметить в системе образования многих зарубежных стран, и потому к учителю предъявляются вы-

сокие требования, которым он должен соответствовать:

1. Тактичность
2. Открытость
3. Глубокие знания
4. Творческий подход и любознательность
5. Требовательность и принципиальность
6. Объективность и честность
7. Гуманность
8. Трудолюбие
9. Любовь к детям

Приведенные выше качества должны быть выработаны у каждого педагога и являются составным элементом в его деятельности. Исходя из этого, отношения между педагогом и учеником носят дружеский, партнерский характер. Взаимоотношение между учеником и педагогом должно строиться на действительно демократической и гуманной основе. Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что отношения «педагог-ученик» должны строиться на партнерских, дружественных, взаимно уважительных принципах, что способствует взаимопомощи и высокой эффективности в процессе обучения.

Основы психологии в обучении изобразительному искусству

Хуа Не – Nie Hui, преподаватель
Хэнаньский университет финансов и права (Китай)

В процессе обучения изобразительному искусству, как и в других сферах образования, особое место принадлежит знанию психологии — базовой дисциплины, изучающей человека во всех его проявлениях. Важным объектом исследования учёных в области психологии всегда являлась творческая личность, имеющая самое непосредственное отношение к искусству в широком значении этого слова. В мировой практике в области психологии сегодня наработан богатейший материал, который успешно используется как в педагогическом процессе вообще, так и в обучении изобразительному искусству в частности. Что касается последнего, то мы хотели бы остановиться на таких небольших разделах, как психологическая структура и творческая направленность субъекта, современные средства выразительности, процесс творческого обучения и проблемы руководства в творчестве.

1. Творческая направленность в психологической структуре личности

Психологи утверждают, что личность формируется в процессе взаимодействия с окружающей средой. [1] Синтезируя эту теорию, можно утверждать, что и генетическая предрасположенность, и окружающая среда разносторонне влияют на формирование психологической структуры личности, на её индивидуальность. [4]

Известный западный психолог К. Юнг выделяет 2 основных типа людей: экстраверты и интроверты. В применении к изобразительному искусству можно сказать, что творческая личность экстравертированного типа больше интересуется внешним движением объекта; интровертов же больше привлекает не сам объект, а его внутренняя сущность, движение его души. [5, с. 19]

В художественной среде принято выделять 2 типа личности в зависимости от сенсорного канала восприятия информации: визуал (зрительное восприятие) и кинестет (моторно-двигательное восприятие). Опираясь на терминологию американского педагога и психолога Жозефа Жозефа, можно привести следующую характеристику:

1) Художник преимущественно визуального типа восприятия (визуал) познаёт мир с помощью глаз. Его основной интерес — среда, при этом внутренняя сущность субъекта находится вне поля его внимания. При изображении человека характерными особенностями являются заострённые контуры изображения, внешности и света. Интерес проявляется к сиюминутному, мгновенному. Работает в основном реалистическом жанре в форме этюда. В оформлении пространства часто использует фокусную перспективу и подчеркнутое изображение объёмности пространства. Дизайн для визуала характерен балансирующей ритма, декоративностью изображения.

2) Художник преимущественно кинестетического типа

восприятия (кинестет) познаёт объект через соприкосновение, движение. В творчестве для него важны субъективные опыт и чувства, ощущение объёма и пространства. Настроение играет основополагающую роль. При изображении человека внимание художника фокусируется на идентичности внутреннего восприятия объекта с внешним обликом изображаемого. Характерность выражается через символические детали. Используется своя шкала идеалов и ценностей. Изображая пространство, часто используется плоскостное решение. Перспектива и пропорции объектов зависят от собственных измышлений. В колористическом решении кинестет рассматривает цвет как субъективное выражение чувств. Колорит является символом внутренних психологических переживаний. В дизайне доминирует абстрагирование. Как правило, кинестет работает в сфере функционального дизайна, индустриального дизайна и др.

2. Современные средства выразительности в изобразительном искусстве

Известный английский педагог Хэббет Рид считает, что современные средства выразительности можно разделить на 4 типа по принципу способа их выражения. [6, с. 43]

1) Рисуя в жанре реализма, натурализма, импрессионизма, автор обычно пользуется методом копирования внешнего мира. При этом важно умение наблюдать объективную реальность и выражать её в своей работе. Индивидуальность художника проявляется в рисунках перспективы и в цветовой гамме.

2) Сюрреализм и футуризм предполагает некоторую оторванность художника от внешнего мира и повышение ценности индивидуальности художника. Индивидуализм художника часто накладывается на изображение формы объекта.

3) В экспрессионизме и фовизме преобладает исключительно чувственное стремление творческого субъекта. Стремление экспрессионизма к объективизму, ярко проявившееся в эстетических принципах, можно отнести к термину «экзотрофный тип чувствования», который использовал К. Юнг. [5, с. 23] Автор, творец обращает внимание на качества объекта, а не на его внешние проявления, при этом автор воздерживается от интеллектуального и духовного анализа, и стремится к сенсорному, опытному постижению. Этот опыт может быть опытом радости или боли. К крайней форме экспрессионизма можно отнести осязательную картину или произведения скульптора, изображения, которые исходят из глубины души.

4) Кубизм и конструктивизм — это интуитивный способ выражения абстрактных форм и качества материала. Так экстраверт находит сферу для самореализации в архитектуре, дизайне, декоративно-прикладном искусстве. Интроверт же стремится к творчеству в сфере абстрактного искусства, керамики и скульптуры. В скульптуре необходимо заботиться о гармоничном соотношении качества, тяжести, абрисе, конкретных формах

лепки. Образцом этого является творчество Пикассо и Дж. Блака эпохи кубизма.

Конечно, здесь приведена упрощённая классификация для лучшего понимания данной проблемы. По К. Юнгу, психологический тип — это достаточно общее понятие. Хэббет Рид придерживается мнения, что очень редкий художник может быть чистым представителем того или иного типа. [6, с. 55]

3. Процесс творческого обучения

Познакомившись с различными типами личности, мы можем предположить основные принципы и методы, применяемые при обучении.

Прежде всего, уточним, что в данной статье под понятием творчество индивида понимается возможность его самовыражения. Американский педагог Лонсфирид считает, что если художественная техника индивида не соответствует его стремлению к самоактуализации, то творчество становится ремеслом. Поэтому, лучшей техникой является та, в которой индивид с наибольшей лёгкостью и эффективностью может выразиться, проявить свою неповторимость. [7, с. 11]

Исходя из этих предпосылок, предположим, что при обучении студентов должны, прежде всего, учитываться его личностные особенности. Не следует также забывать об использовании различных методик обучения творчеству. Всё это должно способствовать не только максимальному самовыражению личности, но и повышать эффективность обучения.

Рассмотрим конкретные примеры использования различных техник при обучении изобразительному искусству. Например, студент-визуал будет чувствовать себя более комфортно, рисуя карандашом, тогда как кинестету совершенно не понравится этот материал.

Говоря о технике письма маслом и темперой, следует остановиться на следующих особенностях. Эти техники предполагают чёткую очерченность линий. При этом острые, аккуратные штрихи являются не объективной характеристикой объекта, а средством выразительности при рисовании природы и пространства, как реалистичного изображения. Возможно поэтому студенту-визуалу техника рисования темперой покажется совершенно не приемлемой, тогда как кинестет наоборот будет стремиться к данному материалу. Зная эти особенности проявления индивидуальности студентов, преподаватель может так построить лекцию или практические занятия, чтобы студенты имели право выбора.

Например, некоторые предпочитают использовать более плотную, шероховатую бумагу для выражения быстрого, мгновенного, обобщённого впечатления; другим же нравится использовать гладкую бумагу для искусной детализировки, техничности, объёмности. Преподаватели должны понимать эти процессы и не принуждать студентов к тому или иному материалу, а поощрять, одобрять любой выбор.

В технике скульптуры работы студентов-визуалов наибо- лее удачны, они соответствуют объективной реаль- ности; студенты-кинестеты в своих работах больше об- ращают внимание на субъективное познание объекта, а также на его индивидуальное выражение, то есть сти- мулом работы визуала будет внешний объект, натура, а кинестета — его собственное чувство. Поэтому в процессе творчества студент — визуал оценивает внешность, эсте- тичность, квалификацию объекта, студенту же кинестету нужно познание путём осязания, прочувствования.

В основе скульптуры лежит концепция зависимости идеи от материала. Поэтому скульптуры из камня, дерева, глины можно назвать принципиально разными способами творчества. Например, с помощью пластичной глины сту- денты не только выражают одно какое-либо чувство, а создают некую целостность объекта. В технике резьбы по дереву или же скульптуре из камня студенты выну- ждены использовать метод анализа, вычленив из целого — частное.

Принимая во внимание различность психологических типов студентов, преподаватель учитывает выбор тех- ники и материала работы для каждого. Так студенту ана- литического склада мышления для творчества необхо- димо целостное, единое понятие об объекте его работы; для студента с синтезирующим складом мышления по- водом для работы может стать деталь, мелочь, исходя из которой, он выполнит своё произведение. В связи с этим студенты синтезирующего типа мышления могут претер- петь неудачи в скульптуре из камня или дерева. Эстамп подтравливания (офорт, клише) более подойдёт студенту кинестету, т.к. он подразумевает обобщённый способ нанесения и выедания (выцарапывания), создавая за- стрённые линии. Студент — визуал лучше самовыразится в технике гравюры на камне.

В общем же можно заключить, что любая техника должна соответствовать чертам характера конкретного студента.

4. Проблемы руководства творчеством в процессе обучения

Литература:

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность.. — М., Политиздат, 1975. — 304 с.
2. Лин Му. Преподавание изобразительного искусства в Японии. — Хэнаньское художественное издательство. — Чэнчжоу, 2000 — 110 с.
3. Чанша, Образование, перешагнувшее через века. — Хэнаньское художественное издательство. — 2000. — 78 с.
4. Эсна Введение в проблемы преподавания изобразительного искусства (пер. на кит. яз). — //Мы — шу. — 2002. — №2. — с. 62–71
5. Jung K, Psychological Tape, or Psychology of Individuation — (пер. на кит. яз.) — Жэньминское художественное издательство. — Пекин, 1993. — 61 с.
6. Herbert Read, Education through art. — (перевод на кит. яз) — Жэньминское художественное издательство. — Пекин, 1991. -70 с.
7. Viktor Lowenfeld Creativ and Mental Growth — (пер. на кит. яз.). — Жэньминское художественное издатель- ство. — Пекин, 1991. — 42 с.

На западную культуру, начиная с эпохи романтизма, оказывают сильное влияние интеллектуальные идеи. Часто это означает, что умозаключения мешают развитию спонтанности, так как искусство нельзя поставить на на- учную основу. Многие студенты считают, что некоторые законы искусства, выдвинутые теоретиками педагогики и искусства, не только мешают их творческой деятельности, но и интерферируют свободу их инстинкта. В связи с этим встаёт проблема управления процессом обучения в искус- стве.

Бывший председатель психологической ассоциации Дилфуд в своих исследованиях о творческой мысли пишет, что «творческий ингредиент заключается в мыслительной свободе и самопроизвольной перемене, он также при- миряет желание перемен и умение остановиться на чём- то конкретном, определённом». [3, с. 21] С этой точки зрения японский план обучения, в основе которого лежит практическое обучение, предполагает преподавателям обратить внимание на следующие проблемы:

- 1) гибкость мышления — ощущения;
- 2) богатство фантазии;
- 3) содержание в фантазии элементов творчества;
- 4) порядок и чувство красоты;
- 5) в основе умений и знаний — понимание. [2, с. 33]

Здесь мыслительная свобода претворяется в свободу творчества, знание переходит в богатую фантазию.

Согласно Дилфуду, преподаватели должны фикси- ровать внимание на этих моментах, что позволит стиму- лировать внутренние порывы, импульсы, стремления студентов. Это значит, что желание творческой исследо- вательской деятельности полезно для перехода от тради- ционной механической учёбы к таким формам, которые соответствуют развитию студента с учётом его психологи- ческого склада. [3, с. 45–47]

Таким образом, мы кратко проанализировали и систе- матизировали новые идеи и практические способы ис- пользования современной психологии в процессе об- учения изобразительному искусству. Цель новых подходов в обучении — сознательное развитие творческой способ- ности студента с учетом психологических особенностей его характера.

Рыночные отношения в процессе переработки тканей на занятиях труда

Юсуфходжаева Фирдавус, магистр, учительница

Кокандский государственный педагогический институт им. Мукимии (Узбекистан)

В современном мире интеллектуальный потенциал любого государства — это основа технологического могущества и материального благосостояния. Во всех странах интеллектуальный труд, знания и информация приносят колоссальный доход и поэтому ценятся выше всего. Значит, перед современным обществом стоит ключевая задача — создать перспективную систему образования, способную подготовить обучающегося к жизни в новых условиях цивилизации, а именно умеющих думать и стать специалистами высокого класса.

Данные установки уже заложены в законах «Об образовании» и «Национальной программе по подготовке кадров». Главная задача педагогов заключается теперь в том, чтобы на современном уровне реализовать эту образовательную политику.

Во втором этапе осуществления «Национальной программы по подготовке кадров» предназначается внедрение новых педагогических технологий в учебный процесс. Поэтому при обучении труду, как и других предметов, обучать в связи с рыночными отношениями — это требования времени.

Воспитание и обучение всесторонне развитой молодёжи в условиях рыночных отношений имеет важное значение. Кроме этого, основной целью реформ, проводимых в Республике Узбекистан в условиях рыночных отношений и собственности, является формирование творчески мыслящих кадров. Итак, на уроках труда в средних школах у учеников формируются такие качества рыночных отношений.

Например:

- 1) На практических уроках трудового обучения «Технология обработки тканей» экономия использования тканей.
- 2) Предпринимательство путём эффективного использования тканей.
- 3) Активность и трудолюбие в процессе урока.
- 4) Экономические отношения и экономические расчёты в отношении к готовому продукту.

Для формирования нужных качеств у учеников на уроках труда учитель должен наметить следующие развивающие цели:

- знание возрастных особенностей учеников и их возможности в процессе обучения;
- пробуждение интереса у учеников в процессе занятий;
- использование разных методов в учебном процессе.

В учебном процессе, т.е. на уроках «Технология переработки тканей» учитель выясняет знания учеников о рыночных отношениях, поэтому он должен учитывать некоторые важные правила. Это в основном:

- 1) Роль общественной среды в формировании мировоззрения учеников во время урока.
- 2) Изменение общественной среды на протяжении занятий.
- 3) Соответствие воспитания культурным особенностям на уроках технологии переработки тканей.
- 4) Учёт ясности и близости, содержания воспитательного направления, основанного на национальном ремесленничестве, традициях и обычаях.

Подобная организация занятий, т.е. введение в основы рыночных отношений на конкретных уроках по технологии переработки тканей, позволяет достичь эффективных результатов. При этом уроки должны быть организованы так, чтобы ученик сразу мог видеть результаты своего труда. В процессе обучения ученик должен научиться входить в контакт в условиях рыночных отношений, производить необходимые подсчеты с помощью учителя. Ученики используют готовую продукцию не только как наглядный материал, но и способны эффективно использовать результаты своего труда в быту. Это особенно важно в условиях рыночных отношений.

Помогая ученикам внедрять в реальную жизнь результаты своего труда, педагог таким образом воспитывает всесторонне развитую молодёжь.

Литература:

1. Каримов И.А. Наша главная задача-демократизация и обновление общество, модернизация страны и реконструкция. — Т.: «Узбекистан», 2005. — 96 стр.
2. Государственный стандарт образования и учебная программа. — Т.: «Янгиул полиграф сервис», 2010. — 292 стр.

МЕДИЦИНА

Микрофлора влагалищ рожениц, проживающих в различных высотах

Орунбаева Бибигул Маматовна, соискатель;

Тухватшин Рустам Романович, доктор медицинских наук, профессор;

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, кандидат медицинских наук, профессор РАЕ

Ошский государственный университет (Кыргызстан)

Кыргызская государственная медицинская академия им. И.К. Ахунбаева

В данной статье представлены особенности микрофлоры влагалища рожениц проживающих в различных высотах.

Ключевые слова: Микрофлора, роженицы, низкогорье, среднегорье, высокогорье, влагалище.

Актуальность проблемы

Изучение состава нормальной микрофлоры влагалища привлекает особое внимание исследователей, т.к. бактерии роженицы играют важную роль в различных процессах жизнедеятельности ребенка.

Цель: Выявить изменения микрофлоры влагалища у рожениц в условиях низкогорья, среднегорья и высокогорья.

Материалы и методы

Обследованию подвергались 72 рожениц низкогорья (1012 м над уровнем моря), 30 рожениц среднегорья (2000–2500 метров над уровнем моря) и 31 рожениц высокогорья (3325 м над уровнем моря).

Взятие материала для исследования производилось из влагалища, стерильными ватными тампонами.

Понятие «родовые пути» подчеркивает, что влагалище, представляющее из себя единую анатомическую структуру, нельзя рассматривать как однородное образование с эмбриональной и физической точек зрения. Так посеы, взятые из шейки матки, заднего свода других частей влагалища, уретры и прямой кишки, дают различные результаты, так как плод является на свет из внутриматочной окружающей среды, относительно безопасной с микробиологической точки зрения [1].

Пути передачи микроорганизмов новорожденным от матери обуславливают полимикробный характер колонизации кишечника новорожденных. Установлено, что источником аэробной и анаэробной контаминации новорожденных являются родовые пути роженицы. Об этом свидетельствует относительная естественность микрофлоры родовых путей матерей и исследуемых локусов у их новорожденных, а также зависимость интенсивности колонизации организма новорожденных от степени микробного заселения гениталий рожениц. Вместе с тем, отсутствие абсолютной идентичности между вагинальной микрофлорой рожениц и исследуемыми биотопами у их новорожденных, очевидно, предполагает наличие более сложных механизмов [2].

Результаты и их обсуждение

В результате исследований у рожениц низкогорья выявлены следующие микроорганизмы: 48 испытуемых — 66% *Candida albicans*, 24 — *Candida crusei*, т.е. 33%, *Staphylococcus aureus* — у 31 (43%), у 44 выделены *Staphylococcus epidermidis*, что составляет 61%, *Escherichia coli* 52% (38 рожениц).

Как видно из таблицы 3 у 27 рожениц обнаружено 90% *Candida albicans*, у 13 (35%) *Candida crusei*, *Staphylococcus aureus* у 11, что составляет 35%, *Staphylo-*

Таблица 1. Результаты исследований микрофлоры влагалища рожениц низкогорья (1012 м над уровнем моря)

Роженицы		
Наименование	Из них обнаружено n=72	в%
<i>Candida albicans</i>	48	66
<i>Candida crusei</i>	24	33
<i>Staphylococcus aureus</i>	31	43
<i>Staphylococcus epidermidis</i>	44	61
<i>Escherichia coli</i>	38	52

Таблица 2. Результаты исследований микрофлоры влагалища рожениц Среднегорья (2000–2500 м. над уровнем моря)

Роженицы		
Наименование	Из них обнаружено n=30	в%
Candida albicans	27	90
Candida crusei	13	35
Staphylococcus aureus	11	35
Staphylococcus epidermidis	3 15	50
Escherichia coli	12	40

Таблица 3. Результаты исследований микрофлоры влагалища рожениц высокогорья (3325 м. над уровнем моря)

Роженицы		
Наименование	Из них обнаружено n=31	в%
Candida albicans	27	87
Candida crusei	13	41
Staphylococcus aureus	11	35
Staphylococcus epidermidis	15	48
Escherichia coli	–	–

coccus epidermidis – у 15 (50%), у 12 выявлено Escherichia coli – 40%.

Заключение: Таким образом, в ходе исследований

выявлено, что роженицы, проживающие в низкогорье больше подвержены воздействию Candida albicans (66%), 61% – Staphylococcus epidermidis.

Литература:

1. Воробьева А.А. Медицинская микробиология, вирусология и иммунология. Москва. – 2004. – С. 89–93.
2. Тойчуев Р.Т. Роль взаимоотношения биоценоза в системе «мать и дитя» в развитии острых хирургических и гнойно-септических заболеваний новорожденных и детей грудного возраста: дис.....к. м.н. – М., 2004
3. Методические указания по бактериологическим методам лабораторных исследований клинического материала. Приказ №4 МЗ Кыргызской Республики от 11. 01. 2010.

Особенности биоценоза желудочно-кишечного тракта у рожениц и новорожденных в условиях среднегорья и высокогорья

Орунбаева Бибигул Маматовна, соискатель;

Тухватшин Рустам Романович, доктор медицинских наук, профессор;

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, кандидат медицинских наук, профессор РАЕ;

Жумабаева А.А.

Ошский государственный университет (Кыргызстан)

Кыргызская государственная медицинская академия им. И.К. Ахунбаева

В данной статье представлены особенности биоценоза желудочно-кишечного тракта у рожениц и новорожденных в условиях среднегорья и высокогорья.

Ключевые слова: биоценоз, микрофлора, роженицы, новорожденные, среднегорье, высокогорье, дисбактериоз.

Актуальность проблемы

Изучение состава нормальной микрофлоры кишечника привлекает особое внимание исследователей, т.к. бактерии желудочно-кишечного тракта играют важную роль в различных процессах жизнедеятельности человека.

Цель: выявить изменение кишечного биоценоза у рожениц в условиях среднегорья и высокогорья.

Материалы и методы

Обследованию подвергались 30 рожениц и 30 новорожденных из среднегорья (2000–2500 м над уровнем моря), 31 рожениц и 31 новорожденные — из высокогорья (3325 м над уровнем моря). Для проведения исследования брали утреннюю порцию кала 5–10 г в специально подготовленный стерильный флакон. Выделенные культуры микробов идентифицировали по Приказу МЗ КР от 11.01.2011. Методические указания по бактериологическим методам лабораторных исследований клинического материала.

Нормальная микрофлора является самой мощной защитой от микробов, вызывающих инфекции. Попадающие в желудочно-кишечный тракт болезнетворные бактерии, встречаясь с нормальной микрофлорой, погибают под действием кислот, выделяемых лактобактериями, а также подавляются веществами, выделяемыми бифидобактериями. Ежедневно в организм человека попадает один миллиард микробов, но болезни, благодаря микрофлоре, возникают редко. При дисбактериозе, нарушении состава нормальной микрофлоры, патогенным микробам значительно легче проникать в слизистую оболочку кишечника и вызывать болезнь. Бифидо- и лактобактерии подавляют рост гнилостной флоры, а также газообразующих микробов, деятельность которых может приводить к хронической интоксикации организма [1,4].

Микрофлора выполняет важную функцию: участвует в переваривании пищи. Бифидобактерии питаются теми же самыми веществами, что и человек. Они захватывают сложно построенные белки, жиры и углеводы, получают энергию и выделяют в просвет желудочно-кишечного тракта простые, но необходимые для организма человека вещества — органические, в том числе аминокислоты, и жирные кислоты, а также моносахара. Все они легко вса-

сываются и практически сразу идут на строительство тканей человеческого организма или же подвергаются «сжиганию» для получения энергии. Нормальная микрофлора синтезирует ряд полезных ферментов, которые активно участвуют в пищеварительном процессе. Бифидобактерии помогают всасываться микроэлементам. Бифидо- и лактобактерии выделяют огромное количество биологически активных веществ. Благодаря деятельности нормальной микрофлоры организм человека регулярно получает необходимые ему витамины группы В и витамин К, вещества, модулирующие иммунную систему (иммуномодуляторы). Благодаря деятельности бифидобактерий в тканях человека уменьшается количество гистамина — вещества, вызывающего аллергию. Нормальная микрофлора способствует хорошей двигательной активности кишечника.

Результаты и их обсуждение

Авторами статьи проведены следующие исследования: из таблицы 1 видно у 14 рожениц среднегорья выявлено — 46,6% *Candida albicans*, *Candida crusei* обнаружено у 3 (10%). *Staphylococcus aureus* — у 16 (53%), *Staphylococcus epidermidis* — 7 (23%). *Escherichia coli* — у 6–20%, *Klebsiella* 3–10%. *Proteus ritgeri* — у 6–20%, *Proteus mirabilis* — 8–26% и *Proteus vulgaris* — у 5 (16,6%). Гемализирующая кишечная палочка выделена у троих, что составило 10% от общего количества обследуемых. Отсутствие бифидофлоры у рожениц 10^7 и ниже 12 (40%). У 9 новорожденных выявлено 30% дрожжевых грибов. *Staphylococcus aureus* у 16–53%, *Staphylococcus epidermidis* у 4–13%. *Escherichia coli* у 5 (16%), *Klebsiella* 2–6,6%, *Proteus ritgeri*, *Proteus mirabilis* у 4–3 (10–13%) и *Proteus vulgaris* у 14 (46,6%)

В высокогорных зонах исследованы 31 роженица и 31 новорожденный. У 17 рожениц обнаружена 17 *Candida albicans*, что составляет 54%, у 8 — *Candida crusei* (52%). У 14 *Staphylococcus aureus* (25%), 16 *Staphylococcus epidermidis* 51%. *Escherichia coli* обнаружена у 9 (29%). Наибольший процент составили микроорганизмы рода протея 32,2% и у 7 (22,5%) *Proteus ritgeri*, *Proteus mirabilis* 6–19,3%. У 7 выявлено *Klebsiella* — 22,5%. Снижение бифидобактерии 10^7 и ниже из 31 у 7 рожениц (22%), выявлено отсутствие роста бифидофлоры. У

Таблица 1. Результаты исследований рожениц и новорожденных среднегорья (2000–2500 м над уровнем моря)

Наименование	Роженицы n=30		Новорожденные n=30	
	Из них обнаружено	в%	Из них обнаружено	в%
Candida albicans	14	46,6	9	30
Candida crusei	3	10	9	30
Staphylococcus aureus	16	53	16	53
Staphylococcus epidermidis.	7	23	4	13
Escherichia coli	6	20	5	16
Proteus ritgeri	6	20	4	13
Proteus Mirabilis	8	26	3	10
Proteus vulgaris	5	16.6	14	46.6
Klebsiella	3	10	2	6.6
Гемолизирующая кишечная палочка	3	10	2	6.6
Бифидобактерии	12	40	6	20

Таблица 2. Результаты исследований рожениц и новорожденных высокогорья (3325 м над уровнем моря)

Наименование	Роженицы n=31		Новорожденные n=31	
	Из них обнаружено	в%	Из них обнаружено	в%
Candida Albicans	17	54	11	35
Candida crusei	8	52	5	16
Staphylococcus aureus	14	25	13	41.9
Staphylococcus epidermidis.	16	51	4	12.9
Escherichia coli	9	29	6	19.3
Proteus ritgeri	7	22.5	5	16
Proteus mirabilis	6	19.3	3	6.6
Proteus vulgaris	31	32.2	5	16
Klebsiella	7	22.5	-	-
Гемолизирующая кишечная палочка	-	-	-	-
Бифидобактерии	7	22.5	3	9.6

новорожденных *Candida albic.* выявлено у 11 (35%), *Candida crusei* у 5, т.е. 16%. *Staphylococcus aureus* обнаружено у 13, что составляет 41.9. *Escherichia coli* выявлено у 6 (19.3). Микробы рода протея выявлены 3–5 новорожденных (6.6–16%). Совсем не выявлена гемализирующая кишечная палочка.

Отличие исследуемых среднегорья от исследуемых высокогорья: у последних не выявлена гемализирующая ки-

шечная палочка, *Staphylococcus epidermidis* и *Klebsiella* (у новорожденных).

Заключение: Таким образом, отличие рожениц и новорожденных среднегорья от рожениц и новорожденных высокогорья: у исследуемых высокогорья не выявлена гемализирующая кишечная палочка, *Staphylococcus epidermidis*, а у новорожденных также не обнаружены микроорганизмы *Klebsiella*.

Литература:

1. Воробьева А.А. Медицинская микробиология, вирусология и иммунология. Москва. — 2004. — С. 17–89.
2. Давлетова Л.Н. Микробиологические аспекты формирования колонизационной резистентности организма новорожденных детей. // Дисс...к.м.н. Алматы, 2008. — 94 с.
3. Кориенко Е.А., Нетребенко О.К., Украинцев. С.Е. Роль кишечной микрофлоры и пробиотиков в развитии иммунитета у грудных детей. // Журн. Педиатрия. 2008. — Том 87, № 1. С. 77–83

4. Борисов Л.Б. Медицинская микробиология, вирусология, иммунология. Москва. — 2002. — С. 391—399.
5. Методические указания по бактериологическим методам лабораторных исследований клинического материала. Приказ №4 МЗ Кыргызской Республики от 11. 01. 2010.

Потребность в стоматологической помощи лиц преклонного возраста с учетом состояния их зубочелюстной системы и соматического статуса

Проценко Анна Сергеевна, ассистент;

Свистунова Елена Генриховна, кандидат медицинских наук
Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова

В последние годы в России и во всем мире наблюдается тенденция существенного роста доли пожилых людей в обществе. В нашей стране она составляет от 16 до 34 % от общей численности населения в разных субъектах Российской Федерации. Число лиц, доживающих до глубокой старости (более 80 лет), также неуклонно увеличивается.

Глобальное постарение населения влечет за собой многочисленные проблемы для служб здравоохранения и социальной защиты населения, наиболее значимой из которых является ухудшение физического и психического здоровья в пожилом и старческом возрасте. ВОЗ (1999) отмечает, что ряд стран, в том числе и Россия, недооценивает проблемы, связанные с медицинской помощью населению старших возрастных периодов.

Известно, что люди преклонного возраста имеют множество хронических заболеваний, зачастую тяжелых и неизлечимых. Отмечается множество соматических и психических расстройств по всем нозологическим формам, преобладание органических нарушений над функциональными. Наиболее распространенными и значимыми являются заболевания сердечно-сосудистой системы, органов дыхания, опорно-двигательного аппарата, желудочно-кишечного тракта, органов чувств.

Существенные возрастные изменения отмечаются и со стороны зубочелюстной системы: остеопороз губчатого вещества, атрофия альвеолярного отростка, его истончение, инволюция слюнных желез, паракератические изменения эпителия. Одной из главных проблем геронтостоматологии является кариес корня зуба [1, 5]. В возрастной группе старше 60 лет проблемы, связанные с болезнями органов полости рта выходят на одно из первых мест среди общей заболеваемости. Наиболее значимыми и тяжелыми являются: полная или частичная потеря зубов, переломы челюстей за счет остеопороза, патология височнонижнечелюстного сустава, рак рото-глоточной области, воспалительные заболевания периодонта, хронические очаги инфекции. Они неблагоприятны сами по себе, а также оказывают негативное влияние на соматический статус, психологическое состояние и общее здоровье пожилых людей [2,4].

По данным многочисленных исследований разных авторов в возрасте 60—80 лет у пожилых граждан наблюдается в среднем 6—8 тяжелых хронических заболеваний, в возрасте старше 80 лет — 10—12 и более. Патология зубочелюстной системы различных нозологических форм и разной степени тяжести имеется у всех престарелых пациентов.

Все это требует оказания медицинской помощи, не предусматривающей полного излечения имеющихся заболеваний полости рта, но направленной на уменьшение проявлений боли, различного рода дискомфорта, расстройства жизненно важных функций, в первую очередь — питания, во вторую — психического состояния, т.к. после протезирования у пожилых людей исчезает депрессия [4,5].

Однако в современном российском здравоохранении недостаточно внимания уделяется пожилым людям в финальные годы их жизни. Хотя именно в этот период их нуждаемость в стоматологической помощи наиболее велика. В то же время доступность ее для лиц наиболее преклонного возраста становится все более ограниченной в связи с затруднением посещения поликлиники из-за физической неспособности и невозможностью получения большинства видов специализированной помощи на дому [3,6].

Несмотря на постоянное развитие системы оказания медицинской, медико-социальной и социальной помощи пожилым людям на дому, неизбежно появляется контингент лиц наиболее старшего возраста, состояние которых не позволяет им продолжать самостоятельное проживание в домашних условиях. Немалая часть таких пациентов, которые характеризуются выраженной физической неспособностью, наличием большого количества различных соматических заболеваний, возрастными психическими отклонениями становится постоянными пациентами стационарных учреждений социального обслуживания — домов-интернатов для престарелых, домов милосердия, домов сестринского ухода, пансионатов для ветеранов и т.п., где им длительно, практически пожизненно, оказывают паллиативную помощь.

Нами проведено стоматологическое обследование и динамическое наблюдение в течение 2008—2011 гг. 426

лиц старческого возраста, находящихся на постоянном проживании в учреждении социального обслуживания г. Москвы «Пансионат для ветеранов труда № 17».

Обследование зубов показало, что в структуре КПУ наибольший удельный вес занимают удаленные зубы, причем с возрастом их количество постоянно увеличивается. В среднем доля удаленных зубов у всех обследованных составила 75%, в то время как в возрастной группе 60–70 лет — 62%, а в возрастной группе 85 лет и старше — 88%. Доля кариозных зубов, подлежащих лечению, невелика и составляет в среднем 2,4%, уменьшаясь с 4,6% у 60–70-летних до 1,7% у лиц старше 85 лет. Количество зубов с осложнениями кариеса (пульпит, периодонтит), подлежащими лечению, в среднем составило 5,8%, в возрасте 60–70 лет — 9,7%, в возрасте старше 85 лет — 2,6%. Количество зубов с осложнениями кариеса, подлежащих удалению, было большим и составило в среднем 9%, в возрасте 60–70 лет — 13%, у лиц старше 85 лет — 4%. Удельный вес запломбированных зубов был небольшим и составил в среднем 7%, при этом у 60–70-летних он был на уровне 12%, а у 85-летних — на уровне 3%. Полная потеря зубов наблюдается у 27% лиц в возрасте 60–70 лет и у 52% лиц в возрасте 85 лет и старше. Полученные данные свидетельствуют о большой потере зубов в преклонном возрасте и плохом состоянии жевательного аппарата. В связи с этим не может быть обеспечено хорошее пережевывание пищи и нормальное функционирование пищеварительной системы.

Обследование слизистой полости рта и пародонта показало, что уровень гигиены полости рта у лиц пожилого и старческого возраста, проживающих в стационарном учреждении социального обслуживания, является неудовлетворительным и составляет 2,2–2,4, в 100% случаев обнаружены обильные мягкие и твердые зубные отложения. Болезни пародонта выявлены у 98% пациентов в возрасте 60–70 лет и у 100% пациентов в возрасте 85 лет и старше, причем более половины из них имеют пародонтальные карманы глубиной более 5 мм. Воспалительные процессы в тканях пародонта поддерживаются за счет травм десны из-за некачественного пломбирования зубов и повреждений конструктивными элементами съемных и несъемных протезов.

Наряду с заболеваниями полости рта, такими как кариес, болезни пульпы и периапикальных тканей и заболевания пародонта, присущими и другим возрастным группам, нами выявлены и патологические изменения, характерные преимущественно для лиц пожилого и старческого возраста. Среди них наиболее часто встречались патологическая стираемость твердых тканей (78%), выраженные клиновидные дефекты и повышенная чувствительность зубов к различным раздражителям (48%), а также патологическая подвижность зубов, достигающая III–IV степени (52%), значительная рецессия десны (44%), атрофия альвеолярного гребня и деструкция костной ткани в связи с множественной потерей зубов. У трети пациентов отмечалось затрудненное открывание рта

и боковые смещения нижней челюсти из-за выраженной патологии височнонижнечелюстного сустава.

Помимо патологических изменений зубов и тканей пародонта у лиц пожилого возраста довольно часто встречались заболевания слизистой оболочки полости рта и губ, такие как стоматалгия (39%), различные виды гиперкератозов (27%) (лейкоплакия, папилломы, участки ороговения альвеолярных отростков в области отсутствующих зубов), хронический рецидивирующий афтозный стоматит, десквамативный глоссит, глубокие трещины языка, различные формы хейлитов. Кроме того, у лиц глубокого старческого возраста (старше 85 лет) отмечались выраженные заеды углов полости рта (19%), а так же недостаточность слюноотделения в виде ксеростомии.

Регулярное проведение гигиенических мероприятий осуществляют лишь 38% лиц пожилого возраста и 6% лиц старческого возраста. Установлено, что 28% престарелых вообще не чистят зубы и искусственные протезы, а 14% делают это не чаще 1 раза в 7–10 дней. Мотивация к проведению гигиенических процедур в полости рта у большинства престарелых отсутствует.

В результате проведенного исследования удалось установить, что лица преклонного возраста нуждаются во всех основных видах стоматологической помощи — терапевтической, хирургической, ортопедической, пародонтологической. Однако их стоматологический статус свидетельствует о том, что она им в должном объеме не оказывается. Из всех видов стоматологических манипуляций наиболее частой является удаление зубов. Гораздо реже оказывается терапевтическая и ортопедическая помощь, а пародонтологическая не оказывается вовсе. В то же время в настоящее время в развитых странах удаление зубов у пожилых не считается правильным решением стоматологических проблем, в связи с чем там ожидается снижение числа беззубых людей на 40% [4].

Исследование показало, что люди преклонного возраста испытывают дополнительные страдания в связи с наличием у них разнообразной стоматологической патологии. Патология органов полости рта приносит боль, затруднения жевания и глотания пищи, физический дискомфорт, нарушения речи, затруднения в общении, что усиливает социальную изоляцию. Все эти возрастные нарушения зубочелюстной системы существенно снижают качество жизни престарелых граждан в заключительном периоде. При этом можно констатировать, что заболевания полости рта недооценены врачами-терапевтами, которые, как правило, не предпринимают никаких мер для уменьшения этих страданий и функциональных ограничений.

Установлено, что в большинстве случаев стоматологическая патология является застарелой и запущенной. Это, как правило, связано с тем, что люди пожилого возраста имеют ограниченные возможности для своевременного и полноценного удовлетворения своих потребностей в лечении зубов и тканей пародонта, а также в качественном протезировании. Что же касается лиц старческого возраста — 80 лет и более, то у них такие возможности, как

правило, полностью отсутствуют. Они не могут не только провести заново качественное протезирование, но и коррекция уже имеющихся протезов является для них затруднительной. То же можно отметить и в отношении патологии зубов, пародонта, слизистых оболочек. На этапе оказания паллиативной помощи врачам-терапевтам нельзя игнорировать патологию полости рта, необходимо привлекать специалистов стоматологов для устранения заболеваний, которые могут быть устранены терапевтическими и пародонтологическими методами, а также для коррекции ортопедических конструкций, вероятнее всего, без радикальной замены протезов.

Полагаем целесообразным также разработать и внедрить специальные лечебно-профилактические программы стоматологической помощи лицам пожилого возраста на этапе раннего пенсионного периода, когда их соматическое и психическое состояние является еще достаточно сохранным и позволяет самостоятельно посещать стоматологическую поликлинику или кабинет. В

первую очередь это касается устранения полной или частичной потере зубов, проведение рационального протезирования. Тогда в последующие возрастные периоды многие нарушения зубочелюстной системы не смогут возникать и развиваться. Программы должны включать в себя максимально возможную для данного возраста и состояния санацию полости рта, включая терапевтическую, пародонтологическую помощь и рациональное протезирование. Особое внимание необходимо уделить санитарно-просветительной работе, контролю за соблюдением правил чистки зубов, коррекции гигиенических навыков, подбору адекватных состоянию средств гигиены полости рта. Программы должны реализовываться в рамках базовой программы ОМС и входить в состав программы государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи. Это обеспечит их доступность, экономичность и эффективность, улучшит как стоматологический статус, так и соматическое состояние и общее самочувствие престарелых пациентов.

Литература:

1. Алимский А.В., Вусатый В.С., Прикулс В.Ф. Пораженность кариесом зубов лиц пожилого и преклонного возраста, проживающих в Москве и Подмосковье // Стоматология. 2004. №3. С. 61.
2. Кузьмина Э.М. Стоматологическая заболеваемость населения России. М. Медицина, 1999. — 227 с.
3. Кулаков А.А., Максимовский Ю.М. Организация медико-сциальной стоматологической помощи лицам пожилого и старческого возраста. Состояние проблемы в целом. // Стоматология. 2010. №5. с. 43—44.
4. Barnes D.E. Towards a better oral health future // Abackground document for World Health Day 1994. — Geneva: WHO, 1993. P. 56.
5. Devis D.M. The shift in the therapeutic paradigm: osseointegration. J Prosthet Dent 1998. V.11, P.545—554.
6. Jones J.A., Orner M.B., Spiro A. [et al.]. Tooth loss and dentures: patients'perspectives // Int.Dent.J., 2003. V.53. P. 327—334.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Понятие «режиссер» в европейской лингвокультуре на рубеже XIX–XX вв.

Защепкина Виктория Владимировна, преподаватель, соискатель
Ставропольский государственный университет

С момента зарождения театрального искусства в Древней Греции и до настоящего времени, в театре всегда существовало лицо, в обязанности которого входило организация театрального процесса. В разные исторические эпохи в роли организатора выступали: автор представления (в древнегреческом театре), руководитель театральной группы (в Средние века), архитектор и декоратор (в эпоху Возрождения и Барокко), актер (в эпоху Просвещения). На рубеже XIX–XX вв. театр перестает пониматься как некое исторически существующее здание со сценой и местной актерской традицией. Разрушение иллюстративно-зрелищной функции театра, появление натурализма с универсальностью охвата реальности и символизма с утверждением лирического видения мироздания, обуславливает общекультурную предпосылку для появления в театре новой ключевой фигуры — режиссера, который становится признанным автором театрального представления, подчиняющего себе все части театрального организма: драматурга, актера, художника, музыканта. Процесс становления профессии режиссера и режиссерского искусства, как особого типа сценического искусства, связан с выработкой новых художественных приемов крупнейшими европейскими режиссерами Германии, Франции, Англии, Италии, Испании и России, каждый из которых внес свой вклад в оформление режиссуры, как самостоятельного вида творчества, и признания режиссера — фигурой, творящей на сцене свой собственный мир, «вторую реальность», диктующий зрителю свое собственное видение.

Начало формирования режиссерского театра связывают с деятельностью представителей немецкого театрального искусства. По мнению немецкого историка режиссуры А. Виндса, значительно приближает к тому, что сейчас мы называем режиссурой борьба Мольера за «естественность», против «декламационности» в возглавляемом им немецком театре XVII в., а также деятельность Экгофа, Шредера и Гёте, первым употребившим слово «режиссер» [1, с. 87].

Однако идея театральной интерпретации, как одна из основополагающих идей режиссерского театра, начинает формироваться только в середине XIX в. и связана с деятельностью Л. Кронека в Мейнингенском театре. Он ставит как бы всю драму, лишая интерпретаторские помыслы рефлексии. «Археологический натурализм» Мейнинген-

ского театра воплощается в попытке уйти от «костюмированной современности» постромантического театра путем воспроизведения на сцене предметного мира той исторической эпохи, которая дана в пьесе [2, с. 78]. Историческая точность, борьба против актерского виртуозничества и условности, обусловили главные принципы Мейнингенцев, заключающиеся в одинаковой ценности всех компонентов спектакля и подчинении их единому целому, в утверждении принципа ансамбля, призванного раскрыть всеми сценическими средствами содержание драматического произведения. Мейнингенцы сделали ансамбль выражением единства режиссерской концепции сценического произведения, руководящим творческим принципом на театре [3, с. 511].

Как и в Германии, во Франции формирование режиссерского театра начинается только с середины XIX в. Предпосылкой к его возникновению являются новаторские драматургические принципы применительно к сцене, связанные с «*la mise en scène*» (мизансценой), которая «*proclame la subordination de chaque art à un tout harmonieusement contrôlé par une pensée unificatrice*» [4, с. 291–292]. Разработка этого понятия, а также появление термина «*le metteur en scene*» (режиссер) связано с деятельностью А. Антуана и его *Théâtre-Libre* (Свободного театра) в 1887 г. Он наделял мизансцену созидательным значением, которая затрагивает все области театра, начиная с декораций и актеров и заканчивая интерпретацией текста [5]. По мнению А. Антуана, актеры должны перестать быть комментаторами своих образов, свободно предаться жизни своего героя, глядясь в «режиссера» как в зеркало: «разве не является отличительной чертой нового театра бессознательность действующих лиц, так же, как мы, делающих глупости и чудовищные вещи, сами того не замечая?» [6, с. 42]. Беря за основу драматические и прозаические тексты, как нечто незавершенное, А. Антуан находит им театральный эквивалент, частично переводя в визуальную форму и создавая свои собственные сценические образы, воплощенные в пространстве, звуке, времени, свете и движении [2, с. 95]. А. Антуан становится творцом своей собственной театральной реальности, развивая свой собственный, авторский круг тем, воплощающихся в спектаклях. Режиссура А. Антуана характеризуется избытком натурализма, который во время спектаклей выводит на сцену мясников, палачей, осужденных на казнь, хирургов и т.д. Ярким примером ре-

жиссерского осмысления является образ Освальда из ибсеновских «Приведений». Лишая его «избранности», свободы воли, А. Антуан изображает распад личности, физический недуг, которые под влиянием наследственности не позволяют реализоваться его духовным и интеллектуальным возможностям. Образ Освальда отражен в одной из рецензий: «Это был человек, в котором тление уже выело всю сердцевину и в котором только тонкий покров скрывает нечистое содержание. Его члены больше не подчинялись его воли, лицо у него было синеватое и одутловатое, глаза потухшие или неподвижно уставившиеся в одну точку, лепет вместо речи» [7, с. 500].

Таким образом, деятельность А. Антуана расширяет понятие «*le metteur en scene*» (режиссер), которое дается в «Словаре театра» П. Пави: «лицо, в обязанности которого входит постановка пьесы. Режиссёр берет на себя ответственность за эстетическую сторону спектакля и его организацию, подбор исполнителей, интерпретацию текста и использование сценических средств, находящихся в его распоряжении», добавляя к этому еще и свое собственное видение инсценируемого произведения [8, с. 285].

Несмотря на то, что, по мнению В.А. Ряполовой, Англия вступает в XX в., «не пройдя радикальной реформы сценического искусства, которая была осуществлена на рубеже веков в ряде других европейских государств и которая была связана с деятельностью выдающихся режиссеров — лидеров нового театра (А. Антуан, О. Брам, М. Рейнхардт, К. Станиславский, В. Мейерхольд)», театр конца XIX в. был «подготовленной почвой» для возникновения режиссуры [9, с. 277].

Толчком для развития идеи о театральной интерпретации, как одной из основополагающих идей режиссерского театра, является деятельность в середине XIX в. Ч. Кина во главе театра Принцессы, который, внедряя археологический стиль, изменял существующие постановочные театральные принципы. Изучая все материалы рисовавшие эпоху, нравы и быт, Ч. Кин воспроизводит зрелищный, исторически достоверный, сценически стройный спектакль, нередко оттесняя актера на второй план и сокращая текст, под влиянием сценических ухищрений постановочной части [10, с. 478].

Определяющее значение в творчестве Г. Крэга получает зрительный образ, вид творчества, который концентрирует всю свою энергию в зрительном или звукозрительном ряде. Отодвигая на второй план актера и драматургию, он искал сценическую выразительность в синтетическом театре красок, света, музыки. Стремясь создать мир во всем его величии, когда свет маскирует материал и вертикально вздыбленные объемы стремятся преодолеть силу тяготения, а поверхности, опутанные световой паутиной, придают призрачность — всё это помогает создать ему удивительный в своей наглядности пространственный образ [2, с. 3]. Значительным вкладом Г. Крэга в усложнение средств актерской выразительности является его теория об актере марионетке. Отрицая изображение живой человеческой природы на сцене, он приходит

к мысли о замене актера «сверхмарионеткой», скрывающий лицо под маской, чтобы скрыть от зрителей проявление непосредственных человеческих чувств и отдаться самому прекрасному на сцене — движению [11, с. 117].

Первые попытки перестроить организацию театрального дела наблюдаются и в Италии. В 70-е гг. XIX в. происходит процесс все большего «утончения» реализма, все большей психологизации искусства. Значительную роль в зарождении режиссерского искусства и появлению профессии «*regista*» (режиссера, термина, предложенного лингвистом Б. Мильорини вместо французского «*régisseur*») сыграл видный актёр и антрепренёр Л. Беллотти-Бон. Он стремился создать ансамбль, добиться тщательной отработки всех деталей спектакля, при этом иногда очень вольно обращаясь с текстом пьесы, которая являлась для него лишь компасом в вихре собственных импровизаций [12]. Несмотря на то, что Италия не может похвастаться крупными режиссерскими именами, такие могучие актерские дарования нового поколения, как Э. Дузе, Э. Цаккони, Э. Новелли, Д. Грассо, А. Петито, Э. Ферравилла создали славу итальянскому театру данного периода [11, с. 176].

В испанском театре до 1870-х годов режиссура почти отсутствовала. В искусстве подавляющего количества исполнителей преобладали устойчивые штампы: либо романтическая патетика и тяготение к внешним эффектам, либо фарсовые приемы в сайнетах и сарсуэлах [11, с. 251]. Новые веяния в испанской драматургии связаны с утверждением критического реализма в игре двух великих актеров-реформаторов испанского театра Э. Марио и М. Герреро. В 1874 г. Э. Марио возглавляет мадридский Театр комедии и проявляет большую активность в формировании нового репертуара. Его режиссерская деятельность пронизана стремлением к сценическому реализму, противопоставлению обветшалым штампам жизненно-конкретный подход к образу с точностями костюма и грима, сделанным на основе тщательного изучения социально-психологического склада характера. Способности Э. Марио к сценическому перевоплощению, к жизненной достоверности создаваемых им характеров, о которой свидетельствуют современники актера, позволяют назвать его одним из основоположников режиссуры в современном смысле слова в испанском театре [11, с. 254].

Развитие современного режиссерского искусства в России связано с возникновением основанного К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко в 1898 г. Московского Художественного академического театра. Основатели театра выдвинули новые принципы сценического искусства, согласно которым спектакль создавался как целостная реалистическая картина жизни, во всех нюансах сотворённая режиссёром в теснейшем контакте с драматургом и актёрами. А.Л. Бобылева в книге «Хозяин спектакля», указывает на то, что революция русского театра произошла между постановками спектаклей К.С. Станиславского — «Дядей Ваней» (1899) и «Драмой жизни» (1905—1907), где «чувствуется стремление ре-

жиссера увидеть за драматическими коллизиями не мир автора, не дверь в «свой мир», а реальность, именно первую реальность как таковую» [2, с. 121]. В произведении «Дядя Ваня» явно присутствует режиссерское «я» К.С. Станиславского, которое осуществляется в ритмической мелодии действия, продлевающего высказывание в то или иное сценическое движение, в движении настроений, служащие для выразительности сценического мира в целом, в понимании чеховских героев и в поэтичности вещного мира [13, с. 87].

Таким образом, формирование понятия «режиссер» в современном понимании, в качестве автора театрального представления, происходит неоднородно на рубеже XIX–XX вв. в таких европейских государствах, как Германия, Франция, Англия, Италия, Испания и Россия. Режиссер становится признанным автором театрального представления, творцом своей собственной художественной реальности, диктующий зрителю своё видение произведения и подчиняющий себе все составляющие театрального организма (актера, художника, музыканта).

Литература:

1. Ершов П.М. Искусство толкования. Ч. 1: Режиссура как практическая психология. — Дубна: Феникс, 1997. — 352 с.
2. Бобылева А.Л. Хозяин спектакля. Режиссерское искусство на рубеже XIX–XX веков. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 168 с.
3. История западноевропейского театра. Т.5: 1871–1918: учеб. пособ. под ред. Н.Г. Бояжиева, Е.Л. Филькенштейн. — М.: Искусство, 1970. — 683 с.
4. Cusset C. Où courir?: organisation et symbolique de l'espace dans la comédie antique: Colloque international. — Mirail, 2001. — 360 p.
5. La formation du metteur en scène / réd. en chef C. Naugrette. — Paris, 2001. — №6
6. Антуан А. Дневники директора театра. — Л.: Искусство, 1939. — 504 с.
7. Hansson Ola. Die Gespenter in Paris // Freie Bühne. 1890. — № 18.
8. Пави П. Словарь театра: Перевод с французского. — М.: Прогресс, 1991. — 504 с.
9. Западное искусство. XX век: Проблемы развития западного искусства XX века. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. — 376 с.
10. История западноевропейского театра. Т.3: 1789–1871: учеб. пособ. под ред. С.С. Мокульского. — М.: Искусство, 1963. — 688 с.
11. История западноевропейского театра. Т.6: 1871–1918: учеб. пособ. под ред. И.Г. Бояжиева, Б.И. Ростюцкого, Е.Л. Филькенштейн. — М.: Искусство, 1974. — 656 с.
12. Театральная энциклопедия. Т. 4 / Под общей редакцией С.С. Мокульского, П.А. Маркова. — М.: Сов. энцикл., 1965.
13. Театр: Книга о новом театре. Сборник статей. — СПб.: Шиповник, 1908. — 288 с.

Корпоративная среда как условие формирования корпоративной культуры вуза

Чистюхина Юлия Сергеевна, аспирант

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, филиал в г. Находке

Рассматривается необходимость оценки корпоративной среды вуза в условиях жесткой конкуренции в системе высшего профессионального образования, анализируется феномен корпоративной культуры вуза. Раскрывается понятие корпоративная среда вуза. Указываются условия, при которых корпоративная культура высшего учебного заведения оказывается эффективной. Приведены результаты исследования корпоративной культуры и корпоративной среды вуза — филиал ВГУЭС в г. Находке.

Ключевые слова: корпоративная культура, корпоративная среда, оценка, система показателей.

В современных условиях основными факторами успешной деятельности высших учебных заведений являются, наряду с их конкурентоспособностью и рентабельностью, гибкость, адаптивность и готовность к постоянному развитию [1]. Корпоративная культура и корпоративная среда являются той неотъемлемой частью инновационного потенциала, которая создает разного

рода предпосылки для осуществления инновационной деятельности.

Необходимость в оценке корпоративной культуры и корпоративной среды вузов значительно возросло в условиях ужесточения конкуренции среди университетов. Такая конкуренция первостепенно важна для государственных вузов, которые получают субсидирование госу-

дарственного бюджета. Бюджетное финансирование высшего профессионального образования предполагает, что вузы управляют как затратами, так и качественными результатами, что естественно требует введения оценки результативности деятельности университета.

Корпоративная культура вуза, влияя на социокультурную среду, мобилизует работников на достижение стоящих перед ними стратегических целей организации, что входит составной частью в стратегическое управление. Стратегия вуза, опирающаяся на требования рынка и более подходящая при динамичном окружении, предполагает культуру, основывающуюся на индивидуальной инициативе, риске, высокой интеграции, нормальном восприятии конфликтов и широком горизонтальном общении. Эффективность организации требует, чтобы корпоративная культура, ее стратегия, окружение (внешняя среда) и технология (внутренняя среда) были приведены в соответствие [2]. В данном случае, под технологией (внутренняя среда) необходимо понимать корпоративную среду, которая является совокупностью условий развития бизнеса, предпринимательства.

Корпоративная среда (Среда взаимодействия) является единым корпоративным пространством, определяющим условия корпоративной деятельности людей на предприятии, и обеспечивающим согласованное информационное и операционное взаимодействие людей, а также взаимодействие с внешними информационными пространствами.

Корпоративную среду вуза можно назвать новой управленческой реальностью, для которой характерны система связей, действий, отношений и взаимоотношений в организации, которые осуществляются в рамках конкретной трудовой деятельности. Качественная корпоративная среда в трудовом коллективе служит условием для эффективной корпоративной культуры и менеджмента организации, направленного на повышение эффективности работы сотрудников, выступает также как организационно-экономическое пространство, в котором разворачивается деятельность трудового коллектива и принимаемые управленческие решения. С теоретико-методологической точки зрения — это сложная совокупность как явлений и отношений, так и условий, деятельности в рамках рассматриваемой организации как системы. Корпоративная среда есть то, что обеспечивает взаимное соответствие частей в процессах создания, функционирования и развития системы (организация) как целостного образования. Таким образом, корпоративная среда становится отражением корпоративной действительности, под которой понимается вся совокупность корпоративных отношений, складывающихся между участниками организационно-технологического взаимодействия в организации.

Оценка корпоративной среды вуза осуществляется путем диагностики корпоративной культуры вуза и условий, в которых культура организации является сложным феноменом, сочетающим производственный, экономиче-

ский и социальные грани корпоративного предпринимательства, а также отражающим мотивационный механизм стратегической реализации инновационного потенциала данной организации [2]. Оценка станет корректной, если будет опираться на систему показателей *эффективной культуры организации*, обеспечивающую возможность комплексного и детального анализа корпоративной среды. Поэтому систему показателей необходимо ориентировать на явления, как духовной, так и материальной жизни коллектива: доминирующие в нем моральные нормы и ценности, принятый кодекс поведения и укоренившиеся ритуалы, традиции, манеры персонала одеваться и установленные стандарты качества выпускаемого продукта, стиля руководства и показателей удовлетворенности работников условиями труда.

В зарубежной и отечественной литературе, посвященной анализу и диагностике корпоративной культуры, приводится ряд показателей эффективности культуры организации. Классические работы по диагностике корпоративной культуры принадлежат Г. Хофштеде, О. Рейли, Чатману, Колдуэллу, Денисону, Кемерону и Куинни, Э. Шейну.

Г. Хофштеде предложил шесть измерений, которые определяют эффективность корпоративной культуры: организация на процесс или на результат, ориентация на задачу или на людей, связь с профессией или с организацией, открытая или закрытая, жесткий или мягкий контроль, прагматическая направленность или нормативная [3].

О. Рейли, Чатман и Колдуэлл в нескольких работах показали, что семь показателей могут быть использованы для диагностики культуры организации: инновационность и готовность рисковать, внимание к деталям, ориентация на конечный результат, ориентация на людей, ориентация на командную работу или индивидуальную, агрессивность и стабильность.

Денисон, Кемерон и Куинни рассматривали корпоративную культуру в двух измерениях: внутренний фокус (внимание направлено на то, что происходит внутри организации) — внешний фокус (внимание направлено на внешнюю среду), стабильность и контролируемость — гибкость и свобода действий.

Э. Шейн предложил три уровня корпоративной культуры: артефакты — легко заметные проявления жизни организации в виде внешнего вида сотрудников, их речи, пространства помещений, символики, традиционных мероприятий и традиций; декларируемые ценности — это высказывания и действия членов организации, которые отражают общие ценности и убеждения; базовые представления — это неосознаваемая основа культуры организации, которая определяет поведение людей в организации.

Из приведенных групп показателей корпоративной культуры для оценки корпоративной среды вуза, необходимо выделить духовную и материальную составляющую, первая обеспечивает формирование морально-этических ценностей и установок жизнедеятельности, как со-

трудников, так и студентов вуза, побуждающих потенциал интеллектуальной и духовной энергии человеческих ресурсов на эффективную реализацию ее миссии; вторая составляющая является условием реализации и поддержания ценностей, норм и общей идеологии, а так же комфортного пребывания сотрудников и студентов вуза в корпоративном пространстве.

Автор данной статьи предлагает выделять следующие группы показателей оценки корпоративной среды вуза (табл. 1).

Данная методика оценки корпоративной среды вуза была апробирована в филиале ВГУЭС в г. Находке. Путем анкетирования и интервьюирования сотрудников и студентов были получены следующие результаты: существует единое мнение относительно большинства показателей, что свидетельствует о высоком уровне корпоративной культуры и комфортной корпоративной среды вуза.

Результаты исследования показали, что университет ориентирован как на процесс, так и на результат; сотрудники и студенты ассоциируют вуз с домом, поскольку условия, в которых они работают и учатся максимально комфортные для работы и учебы, большинство респондентов отметило современную (*инновационную*) материально-техническую базу: учебный процесс проходит в комфортных для студентов условиях; в Филиале создан современный спортивный комплекс, который включает просторный спортивный, тренажерный и хореографический залы, открытую спортивную площадку, комфортабельные раздевалки с душевыми кабинами, комплексная игровая площадка (баскетбол, волейбол), теннисный корт, футбольное поле, беговые дорожки, прыжковая яма; парк компьютерной техники филиала насчитывает более 189 машин, из них 85 установлены в шести компьютерных классах и библиотеке для учебной и самостоятельной работы студентов, компьютеры установлены так же в административных подразделениях (деканатах, кафедрах, учительская лица и т.д.) — все они объединены в локальную сеть с выходом по скоростной выделенной радиорелейной линии 1Мбит/сек в сеть головного вуза и в Интернет; 15 учебных аудиторий оборудованы мультимедийными проекторами для презентаций и наглядного представления учебного материала; введен в эксплуатацию лингафонный кабинет с элементами мультимедиа на 16 мест, для повышения эффективности образовательного процесса в филиале используются интерактивные доски. Иногородние студенты проживают в комфортных условиях общежития, имеют возможность готовиться к учебным занятиям, пользоваться свободным доступом в сеть Интернет. Гостиница для преподавателей из головного вуза была отмечена сотрудниками комфортной для проживания во время пребывания в Филиале. В целях обеспечения условий для сохранения здоровья студентов и сотрудников в Филиале работают два студенческих кафе, а так же действует медицинский пункт и стоматологический кабинет. По ре-

зультатам интервьюирования сотрудников Филиала по показателю «Качество условий труда» — оплата труда, рабочее место, служебная карьера, стиль руководства, социальные блага — качество трудовой жизни было оценено ближе к максимальному. Сотрудники отметили, что филиал ВГУЭС в г. Находке — это не только комфортные аудитории, спортивные площадки, библиотека, кафе, единая корпоративная сеть, это и выдержанный единый стиль университета, красивый интерьер, эстетизм во всем, стремление к чистоте и порядку, целенаправленная работа по озеленению территории, это и благоустроенная микрорайонная территория, где создан парк «российско-корейской дружбы», особенностью которого является «Сад камней» — место отдыха как для студентов, так и для жителей города. Студенты и сотрудники отметили, что с радостью проводят время в вузе.

Состояние корпоративной культуры филиала ВГУЭС в г. Находке исследовалось социологической методикой организационного мониторинга «Анкета корпоративной культуры» [4]. Данная методика позволяет диагностировать и анализировать уровень управленческой культуры организации. Результаты анкетирования показали высокий уровень сопричастности сотрудников и студентов с вузом, с корпоративной культурой университета. Декларируемые ценности вуза являются для большинства респондентов базовыми: полезность обществу, инновационность, успешность, динамичность, открытость, высокий профессионализм, а так же стремление к самосовершенствованию, творческому росту и высоким этическим стандартам. К ценностям сотрудников филиала, которые оказывают консолидирующий эффект для вуза можно отнести и профессионализм, и компетентность, и самореализация, и инициативность, и ответственность, а так же умение работать в команде, креативность, здоровый образ жизни, дружеские взаимоотношения с коллегами, взаимовыручка и поддержка, порядочность и честность. Корпоративная культура филиала является мощным стратегическим инструментом, который позволяет ориентировать сотрудников всех подразделений университета на общие цели, мобилизовать инициативу студентов, обеспечить преданность и облегчить общение в корпоративной среде вуза.

Диагностика и оценка корпоративной среды Филиала по данным методикам показала ее значимость в развитии и поддержании корпоративной культуры вуза. Корпоративная среда вуза является единым пространством для всех участников образовательного процесса. Современная корпоративная среда вуза является основой и условием для успешной реализации миссии и стратегии университета. В условиях жесткой конкуренции на образовательном рынке, безусловно, эффективная корпоративная культура и *инновационная* корпоративная среда являются эффективным инструментом для осуществления инновационно-предпринимательской деятельности вуза.

Литература:

1. Организация инновационной деятельности в вузе. Кожитов Л.В., Златин П.А., Дёмин В.А. — М.: МГИУ, 2009. — 296 с.
2. Стеклова О.Е. Организационная культура: Учебное пособие. — Ульяновск: УлГТУ, 2007. — 127 с
3. Hofstede G. Cultures consequences: Intern Differences in work — related values. Beverly Hills. L., 1980.
4. Семенов Ю.Г. Организационная культура. — М: Логос, 2006.
5. Кельчевская Н.Р. Оценка экономической устойчивости государственного вуза // Университетское управление: практика и анализ, 2007. № 4.
6. Васильев Ю.С., Глухов В.В., Федоров М.П. Экономика и организация управления вузом: учеб. / В.В. Глухов. — СПб: Лань, 2004.

Таблица 1. Показатели оценки корпоративной среды вуза

Показатель	Содержание
Духовная составляющая	
Миссия	– стратегическая (генеральная) цель, выражающая смысл существования, общепризнанное предназначение организации; – общая идея, которая ориентирует в едином направлении интересы и ожидания тех людей, которые воспринимают организацию изнутри, и тех, которые воспринимают организацию извне;
Стратегия	– система прямых (через организацию) и косвенных (через социально-психологические компоненты) ответных действий, увязываемых с социальной динамикой и направляемых на реализацию миссии, достижение конкурентного преимущества [Структура организационной культуры. Портнова Е.А.]
Ценности	– объекты и явления, наиболее важные, с точки зрения субъекта, которые являются целями и ориентирами его жизнедеятельности;
Нормы	– требования к поведению владельца роли, человека, занимающего определённую ступеньку в структуре организации, обществе, семье;
Традиции	– культурное наследие, передающееся из поколения в поколения сотрудникам организации;
Обычаи	– это привычные, нормальные, наиболее удобные и широко распространенные способы групповой деятельности, стереотипный способ поведения, который воспроизводится в определенном обществе или социальной группе;
Ритуалы	– представляют собой специально разработанные запланированные действия, события, подтверждающие и усиливающие в сознании сотрудников значение ключевых ценностей организации, наиболее важных целей, т.е. являющиеся их олицетворением, символами;
Стиль руководства	– совокупность применяемых руководителем методов воздействия на подчиненных, а также форма (манера, характер) применения этих методов. Определяется в основном тремя параметрами: особенностями личности руководителя, зрелостью коллектива и производственной ситуацией;
Материальная составляющая	
Символы	Характеризуется: – отражением особенностей образа (или внешнего имиджа) организации; – выражением идеологии внутренних отношений;
Качество условий труда	Характеризуется: – степенью соответствия принятых условий труда требованиями санитарии, экологии и безопасности; – обеспеченностью современным оборудованием; – доступностью использованием компьютерной техники и ее современных возможностей; – доступностью и качеством учебной и научной литературы; – прогрессивностью способов подготовки учебного материала; – обеспеченностью гостиницей и общежитием для сотрудников вуза;

Обеспеченность материально-техническими ресурсами	Характеризуется: <ul style="list-style-type: none"> – обеспеченностью студента вуза аудиторной площадью; – обеспеченностью спортивными комплексами; – обеспеченностью учебно – лабораторными площадками; – обеспеченностью учебно – методической литературой; – компьютерная вооруженность учебного процесса
Обеспеченность корпоративной информационной средой вуза	Характеризуется: <ul style="list-style-type: none"> – обеспеченностью корпоративным сайтом вуза; – обеспеченностью единой корпоративной информационной сети головного вуза и филиалов; – обеспеченностью корпоративной страницы сотрудника на сайте; – обеспеченностью корпоративной почтой сотрудника; – доступностью к WiFi Интернет в корпоративном пространстве вуза: университет, общежитие, гостиница, библиотека, кафе, спортивный комплекс; – доступностью родителей студентов к результатам обучения посредством корпоративного сайта вуза
Условия оказания образовательных услуг	Характеризуется: <ul style="list-style-type: none"> – числом филиалов вуза, кафедр; – состоянием и доступностью расписания; – обеспеченностью общежитиями; – обеспеченностью гостиницами для преподавателей
Условия поддержания здоровья сотрудников и студентов	Характеризуется: <ul style="list-style-type: none"> – обеспеченностью спортивными площадками, тренажерными залами, бассейном; – обеспеченностью местами общественного питания (столовые, кафе); – обеспеченностью медицинским центром; – обеспеченностью путевками в санаторно – курортные зоны сотрудникам и их детям.

ЖУРНАЛИСТИКА

Информационная поддержка парадипломатии

Шелбогаева Наталья Семеновна, аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет

Автор исследует составляющие информационно-аналитической деятельности в парадипломатии, которые определяются ограниченными полномочиями субъектов в области международной и внешнеэкономической активности. Рассматривает проблему информационно-аналитического обеспечения принятия решений органами государственной власти, отвечающими за внешние связи. Автор также предлагает пути разработки и реализации информационной политики регионов и меры по обеспечению информационной безопасности в парадипломатии. Результат исследования заключается в выработке рекомендаций для функционирования современной системы информационно-аналитического обеспечения и поддержки парадипломатии.

Ключевые слова: Парадипломатия, информационно-аналитическая деятельность, региональная информационная политика, региональная информационная безопасность.

Информационно-аналитическая работа любой структуры должна способствовать формированию и развитию взаимоотношений с другими объектами, внедрению в общемировое информационное пространство и созданию своего положительного и соответствующего действительности образа.

Целью исследования является разработка информационной поддержки и продвижения парадипломатии, а именно определение стратегических направлений развития и информационного сопровождения, государственной пропаганды в СМИ парадипломатии. Для реализации указанной цели поставлены следующие задачи:

- охарактеризовать особенности информационно-аналитического обеспечения принятия решений органами госвласти, курирующими внешние связи;
- выявить, чем обуславливается масштаб и направленность международной информационной политики регионов;
- дать оценку эффективности разработки и реализации политики информационной безопасности;
- изучить основные направления по информационной поддержке и сопровождения в СМИ парадипломатии;
- разработать и сформулировать теоретические выводы, а также предложить практические рекомендации по совершенствованию системы информационной поддержки стратегических интересов в парадипломатии.

Рассматриваемая деятельность в структуре парадипломатии состоит из трёх основных элементов. Во-первых, это информационно-аналитическое обеспечение принятия решений органами государственной власти, которые курируют внешние связи. Оно требует обработки больших объемов информации из разнородных источников как внутри страны, так и за ее пределами. Во-

вторых, это широкая информационная поддержка, необходимая для реализации внешнеполитического курса и успешного развития внешних связей, проявляющаяся в различных формах взаимодействия со СМИ и общественностью. Третье направление — разработка и реализация политики информационной безопасности в условиях расширяющегося влияния информационно-коммуникационных технологий на общественные процессы и необходимости комплексной защиты системы принятия решений.

Специфика информационно-аналитической деятельности в парадипломатии определяется ограниченными полномочиями субъектов в области международной и внешнеэкономической активности. Как и другие направления межрегионального сотрудничества, информационно-аналитическая работа осуществляется с учетом координирующей роли органов государственной власти федерального уровня и нормативной базы, включающей международное, национальное и субнациональное право. Ограниченность компетенции региональных субъектов в парадипломатии приводит, в частности, к ограничению информации, к которой имеют доступ региональные субъекты.

Информационно-аналитическое обеспечение принятия решений. Первый этап подготовки информационно-аналитических материалов — система информационно-аналитического обеспечения органов государственной власти — направлена на обеспечение госслужащих информацией, необходимой для выполнения возложенных на них задач, а также для принятия решений. Подготовка полноценных информационных материалов невозможна без взаимодействия между органами государственной власти, курирующими различные аспекты и составляющими исследуемую проблематику. Так, к па-

радиبلوماسية относится внешнеэкономическая торговля и привлечение инвестиций, курируемые министерством экономики; культурные контакты, контролируемые министерством культуры; гуманитарное сотрудничество, координацию которого осуществляет министерство науки и образования; а также целый ряд других направлений: развитие спорта, туризма и др.

Разработка концепции и стратегических направлений развития парадипломатии осуществляется по традиционной схеме подготовки принятия политических решений. Сначала определяются и анализируются группы общественных, политических и экономических интересов в области внешних связей, выстраиваются приоритеты. Затем интересы формулируются и трансформируются в цели парадипломатии, зафиксированные соответствующими документами и программами. Это позволит заблаговременно скорректировать действия, а также предпринять меры по минимизации негативных последствий неизбежных событий. Система информационно-аналитического обеспечения парадипломатии должна складываться поэтапно, по мере образования нужных организационно-технических условий, а также получения доступа к определенным источникам информации [17, с. 31].

Разработка и реализация информационной политики регионов в парадипломатии. Ввиду усиливающейся взаимозависимости мира, а также диверсификации международных отношений, усиливается роль средств массовой коммуникации. СМК становятся важным инструментом в эволюции архитектуры международных отношений на всех основных направлениях (политическое, экономическое, гуманитарное и пр.), на всех уровнях власти (глобальный, супранациональный/межгосударственный, субнациональный/региональный) и во всех форматах (международные организации, многосторонние и двусторонние отношения). В результате технического прогресса информация стала широкодоступной вне зависимости от географического положения страны или региона. В этих условиях информационная поддержка международной деятельности приобретает особое значение.

К функциям региональных органов государственной власти, координирующих внешние связи, также относится обеспечение информационной поддержки реализации целей и задач в области парадипломатии. Неотъемлемым элементом соответствующей работы должны быть целенаправленные усилия по формированию за рубежом позитивного восприятия региональных интересов. Осуществляя распространение соответствующей информации в своем регионе, стране и за рубежом органы государственной власти в данном случае представляют собой важный источник информации. Следует подчеркнуть, что исходящая информация должна носить «направленный» характер, определяющийся текущими задачами парадипломатии, стоящими перед субъектом. Данная деятельность должна совпадать с курсом государственной внешней политики. При условии ее реализации в более узком спектре вопросов, ограниченных полномочиями субъекта.

Масштабы и направленность международной информационной политики регионов должна обуславливаться их приоритетами в парадипломатии и иметь сфокусированный характер. Вместе с тем, организация подобной деятельности в регионах во многом должна основываться на методиках, разработанных для внешнеполитической пропаганды, формирования благоприятного представления о внутренней и внешней политике государства, о его истории, культуре, социально-экономической жизни [12, С. 127].

Здесь необходимо применить системный подход, который предполагает определение приоритетов и политических целей, разработку и утверждение региональных программ развития, находящихся в русле общенациональной политики, реализацию разработанных мер на высоком профессиональном уровне. Внешняя информационная поддержка парадипломатии предполагает высокий профессионализм, знание основ психологии, журналистики, умение писать для зарубежной аудитории в сочетании с уверенным владением информационно-коммуникационными технологиями. Для подготовки материалов для распространения в СМИ или Интернете необходимо не только понимание сути проблемы на своем региональном уровне и увязка позиции субъекта с курсом внешней политики своего государства, но и знания специфики аудитории, для которой предназначаются сведения (особенности менталитета, местные традиции, общественное настроение, существующие стереотипы по отношению к стране и ее регионам).

Таким образом, основными направлениями работы по информационной поддержке парадипломатии в процветающем регионе должны стать:

- создание положительного образа региона в мире, обеспечение дружественного отношения к субъекту политиков, экспертов и общественности и, как следствие, широкой поддержки его действий на международной арене, достижение узнаваемости региона посредством активного взаимодействия со средствами массовой коммуникации внутри страны и за ее пределами;
- целевое освещение в национальных и региональных СМИ, других информационных источниках официальной позиции субъекта по вопросам парадипломатии, экономического, культурного, гуманитарного и иного существования за рубежом, ключевых событий внутренней политической и социально-экономической жизни;
- сотрудничество в рамках международных организаций по информационной тематике [6, с. 59].

Для выполнения этих задач необходимо освещать в СМИ официальные визиты за рубеж, прием иностранных делегаций, ход реализации международных проектов, распространять официальную информацию по проблематике парадипломатии, целям и задачам государственной политики, позиции региона по отдельным вопросам, затрагивающим его интересы. Также нужно продвигать в региональных, федеральных и иностранных СМИ информационные и аналитические материалы о субъекте. Важно

обеспечить грамотное информационное содержание официальных web-ресурсов, ориентированных на поддержку парадипломатии. Приветствуется взаимодействие с экспертным международным сообществом посредством проведения научных форумов и конференций и участия в них, издание справочных и презентационных изданий. Для развития успешной информационной поддержки региона также немаловажно участвовать в разработке нормативной базы в области информации, информатизации и связи, государственных и региональных программ развития, затрагивающих вопросы региональной информационной политики [12, с. 78].

Информационная безопасность. В современных условиях взаимосвязь государственной и общественной областей зависит от информационного обмена, надежной организации информационно-коммуникационной системы. Это относится к обеспечению национальной и международной безопасности, экономическому развитию, образовательному, научному, политическому, культурному и др.

Для оказания определенного влияния на функционирование и развитие информационно-психологической среды общества, психику и поведение политической элиты или населения необходимо оказывать информационно-психологическое воздействие. Оно заключается в целенаправленной подготовке и распространении определенной информации, эффективность которой определяется результатами в общественно-политической и экономической жизни. Суть влияния информации, на наш взгляд, состоит в способности «запускать» и контролировать процессы в различных областях, параметры которых намного шире затрат на информационное воздействие [18, С. 149]. С помощью методов пропаганды и воздействия можно эффективно продвигать и отстаивать собственные позиции, а также противодействовать негативному внешнему воздействию на общественное сознание и политическую элиту. Для субъектов регионального уровня вовлеченность в подобные процессы обуславливается кругом их полномочий, принципами формирования внутригосударственной линии, особенностями связей между уровнями власти и степенью направленности региональной элиты достижения политической автономии.

Региональные субъекты не могут масштабно воздействовать на общественное сознание или на политическую

элиту, т.к. это требует больших возможностей и степени влияния на мировую общественность. К тому же круг вопросов, решаемых регионами в сфере международной деятельности, существенно ограничен, поэтому говорить о полноценном участии регионов в организации информационного воздействия нельзя. Федеральный Центр в лице общенациональных СМИ может оказывать значительно большее информационное влияние на регион.

В вопросе региональной информационной безопасности субъекта в международной сфере большое внимание следует уделять: распространению объективной информации об участниках международных связей субнационального уровня, равноправию всех участников процесса информационного обмена, обеспечению безопасности международного информационного обмена, доступности ресурсов, улучшению правовых механизмов, а также деятельности по предупреждению злодеяний в информационно-коммуникационной области.

Таким образом, для реализации современной системы информационно-аналитического обеспечения и поддержки парадипломатии мы рекомендуем синтез трех ключевых направлений в данной области: обеспечения принятия управленческих решений, информационной поддержки международных проектов и формирования позитивного образа региона в мире, обеспечения информационной безопасности.

Эффективность механизма зависит от использования современных технологий, синтеза региональных, государственных и международных информационных пространств, что определяет нужду в кооперации на государственном и международном уровнях. Система информационно-аналитической деятельности в органах власти основывается на государственной стратегии разработки и осуществления соответствующих организационных усилий и определении необходимых направлений, которые в будущем должны привести к положительным экономическим или политическим эффектам. Системный научно-обоснованный подход организации деятельности заключается в конструктивном использовании международного опыта и опирается на внешнее сотрудничество, без организации которого нельзя говорить о доступе к глобальным информационным ресурсам и о настоящей защите от угроз извне.

Литература:

1. Бакшин В.В. Основы журналистики: Учебное пособие. Флинта; Наука. 2009.
2. Балуев Д.Г. Информационная революция и современные международные отношения. Нижний Новгород: ННГУ, 2000. 107 с.
3. Блюмин А.Н., Феоктистов Н.А. Мировые информационные ресурсы: Учебное пособие. Изд. Дашков и К. 2010.
4. Вертинская Т. Регионы в международных экономических отношениях. Минск, 2007. 198 с.
5. Гусев Э.Б., Прокудин В.А., Салашенко А.Г. Выставочная деятельность в России и за рубежом. Учебно-методическое пособие под редакцией академика РАН Н.П. Лаверова. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2004.
6. Демидов В.В. Информационно-аналитическая работа в международных отношениях: Учебное пособие. Новосибирск: НГАЭиУ, 2004.

7. Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания. Научный редактор А.А.Стриженко. Изд-во Алтайск. гос. техн. ун-та им. И.И. Ползунова, 2003.
8. Зонова Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 336 с.
9. Информация и общественное мнение: от репортажа в СМИ к реальным переменам. Альпина Паблеширз. 2010.
10. Кузнецов А.С. Парадипломатия: трактовки и теоретические модели //Дискурс-Пи. 2006. Вып.6.
11. Кузнецов А.С. Развитие научных школ парадипломатических исследований в западной политической науке // Научный альманах «Дискурс Пи». Екатеринбург: Институт Философии и Права Ур РАН, 2007. №7. с. 92–94.
12. Кузнецов И.Н. Информация: сбор, защита, анализ. Учебник по информационно-аналитической работе. М.: ООО Изд. Яуза. 2001. 320 с.
13. Курносое Ю.В., Конотопов П.Ю. Аналитика. Методология, технология и организация информационно-аналитической работы. М. 2004.
14. К мобильному обществу: утопия и реальность. Под ред. Я.Н.Засурского. Изд. МГУ. 2009.
15. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. М.: МИФИ, 2003. 388 с.
16. Насыров И.Р. Международное сотрудничество регионов. Мировая практика и опыт Татарстана. Казань: Издательский центр Казанского университета, 2007. 330 с.
17. Панарин И.Н. Информационные войны и Россия// Информация. Дипломатия. Психология/ Кашлев Ю.Б., Лепский В.Е., Галумов Э.А. (ред.). 2002. 616 с.
18. Пономарев Н.Ф. Информационная политика органа власти: пропаганда, антипропаганда, контрпропаганда. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2007. 185 с.
19. Система средств массовой информации России. Учебное пособие для вузов / Я.Н. Засурский, М.И. Алексеева, Л.Д. Болотова и др. Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2003. 259 с.
20. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2008. 590 с.
21. Шишкин Д.П., Гавра Д.П., Бровко С.Л. PR-кампании: методология и технология: Учеб. пособие. СПб.: Роза мира, 2004. 187 с.

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 11 (34) / 2011. Том II.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.

Иванова Ю. В.

Лактионов К. С.

Воложанина О. А.

Комогорцев М. Г.

Драчева С. Н.

Ахметова В. В.

Ответственный редактор:

Шульга О. А.

Художник:

Шишков Е. А.

Верстка:

Бурьянов П.Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

Е-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6